

Всеславянское Издательство

Николай

Государь Император

НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ

СБОРНИК ПАМЯТИ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Под редакцией

СЕРГЕЯ ЗАВАЛИШИНА

Всеславянское Издательство

Нью Йорк

1968

HIS MAJESTY, EMPEROR
Nicholas II Alexandrovich

A COLLECTION OF MEMOIRS COMPILED UPON THE
ONE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

By

Sergey Zavalishin, Editor

Library of Congress Catalog Card Number: 68-27735

Published by ALL-SLAVIC PUBLISHING HOUSE, Inc.
NEW YORK
1968

Государь
Император
Николай II
Александрович

Все книги издания Всеславянского Издательства выходят при благосклонном участии и поддержке князя С. С. Белосельского-Белозерского

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В мае 1968 года исполнилось 100 лет со дня рождения Его Императорского Величества Государя Императора Николая II-го Александровича, последнего Царствовавшего Российского Императора, умученного, вместе со всей Августейшей Семьей и близкими Верными слугами Их, темными силами, управлявшими руками большевиков.

Желая исторически правильно осветить Светлый Облик умученного Государя, Всеславянское Издательство в Нью Йорке, при участии сотрудников Национального Зарубежья, выпускает настоящий иллюстрированный Сборник, подобрав материал, охватывающий, по возможности, все моменты царствования.

Всеславянское Издательство приносит свою искреннюю благодарность всем сотрудникам, принявшим участие в составлении этого Сборника и работавшим в исключительно трудной обстановке — отсутствия нужных архивов.

Сергей Завалишин

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, УБИТЫХ ПО РЕШЕНИЮ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ 1918 ГОДА

А) В г. Екатеринбурге в Ипатьевском доме и в Екатеринбургской Че-Ка:

1. — Государь Император Николай Александрович
2. — Государыня Императрица Александра Феодоровна
3. — Наследник-Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич
4. — Великая Княжна Ольга Николаевна
5. — Великая Княжна Татьяна Николаевна
6. — Великая Княжна Мария Николаевна
7. — Великая Княжна Анастасия Николаевна
8. — Гофмаршал Двора князь Василий Александрович Долгоруков
9. — Фрейлина Двора графиня Анастасия Васильевна Гендрикова
10. — Гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер
11. — „Дядька" Наследника-Цесаревича — Климентий Григорьевич Нагорный
12. — Камердинер Иван Дмитриевич Седнев
13. — Камердинер Алексей Егорович Трупп
14. — Камердинер Василий Федорович Челышев
15. — Лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин
16. — Генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев
17. — Повар Иван Михайлович Харитонов
18. — Комнатная девушка Анна Степановна Демидова

Б) В г. Перми и на Мотовилиховском заводе, вблизи гор. Перми:

19. — Великий Князь Михаил Александрович
20. — Личный секретарь Вел. Кн. Михаила Александровича — Николай Николаевич Джонсон
21. — Личный камердинер Вел. Кн. Михаила Александровича — Петр Федорович Ремиз

В) В гор. Алапаевске (на Урале):

22. — Великий Князь Сергей Михайлович
23. — Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
24. — Князь Игорь Константинович
25. — Князь Константин Константинович мл.
26. — Князь Иоанн Костантинович
27. — Граф Владимир Павлович Палей
28. — Монахиня Варвара

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Вотъ и еще до одной траурной даты дожили православные русскіе люди... 6-19 мая сего года, въ день памяти Святаго многострадальнаго Іова, исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія послѣдняго Императора Всероссійскаго — злодейски убіеннаго врагами России и Церкви Царя-мученика, Государя Императора Николая Второго.

И если Слово Божіе и Церковь учатъ насъ тому, что въ Царствѣ Того, Кто владычествуетъ вселенной — Вседержителя Бога, ничего безсмысленнаго и случайнаго нѣтъ и быть не можетъ, но все осмыслено, и премудро устрояется Промысломъ Божіимъ — то насколько глубокимъ и таинственно-осмысленнымъ является тотъ фактъ, что многострадальный нашъ Государь родился именно въ тотъ день, въ который Церковь прославляетъ многострадальнаго Праведника Ветхаго Завѣта за его вѣрность Богу и терпеніе...

Какая изумительная историческая и вмѣстѣ съ тѣмъ, духовная параллель! Праведный Іовъ въ первую пору жизни своей, обладая высокимъ царственнымъ достоинствомъ, какъ это прямо указано Церковію, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ блага міра сего, былъ счастливымъ мужемъ и отцомъ многочисленной семьи. И вотъ, попущеніемъ Промысла Божія, онъ лишился всего этого, осиротѣлъ, и пораженный страшнымъ недугомъ проказы сталъ изгнанникомъ изъ города. Его боялись и не узнавали сограждане... Какая бездна бѣдствій и страданій! Даже вѣрная спутница его жизни — жена впала въ уныніе и стала учить отчаянію страдальца... Но праведникъ остался непоколебимо твердъ — и вѣренъ Господу своему!

И вотъ — жребій и участь Государя Императора Николая Александровича. Державный Хозяинъ Русской земли, самодержавный Владыка величайшей въ мірѣ страны, а въ личной жизни — глава прекрасной, истинно-христіанской семьи, счастливый мужъ и отецъ — оказался вынужденнымъ отречься отъ своего величія и славы и покинуть Престолъ своихъ предковъ съ словами поистинѣ **страшными,** которыхъ мы никогда не должны забывать — „кругомъ трусость, обманъ и измѣна"... И пошелъ Государь-Мученикъ съ своей Царственной семьей — въ путь тяжкихъ, мучительныхъ испытаній и страданій, ибо всѣ они оказались беззащитными въ кровавыхъ рукахъ своихъ палачей, ненавидѣвшихъ былую славу и величіе Россіи, а тѣмъ болѣе — тѣхъ, кто являлся высшими носителями этого величія и славы...

Сколько грязи, лживой клеветы и поношеній было вылито на царственныхъ мучениковъ! Въ чемъ только ихъ не обвиняли!... Но теперь мы видимъ, что разсѣялся этотъ грязный, смрадный туманъ. Даже многіе изъ тѣхъ, кто являлся ранѣе врагами царственной семьи, были вынуждены признать свою печальную ошибку и грѣхъ предъ Государемъ и Его семьей — и теперь мы видимъ царственныхъ страдальцевъ въ ореолѣ ихъ величія и чистоты, и въ сіяніи святыни мученичества!

Въ нынѣшнемъ году, когда исполняется столѣтіе со дня рожденія Царя-Мученика и пятидесятилѣтіе Его кончины, особенно благовременно изданіе Сборника, посвященнаго разнымъ сторонамъ Его жизни и дѣятельности.

Господь да благословитъ всѣхъ тѣхъ, кто потрудился въ этомъ святомъ дѣлѣ.

+ Митрополитъ Филаретъ.

МОЛИТВА ПОКАЯННАЯ,
читаемая в день убиения Царской Семьи 4/17 июля.

Благословен еси Господи Боже Отец наших, и хвально и прославлено имя Твое во веки, яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна и правы путие Твои, и вси суды Твои истинни, и судьбы истинни сотворил еси по всем, яже навел еси на ны, яко согрешихом и беззаконновахом отступившие от Тебе, и прегрешихом во всех, и заповедей Твоих не послушахом, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, да благо нам будет, и предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких — отступников, человеком неправедным и лукавнейшим паче всея земли.

И ныне несть нам отверсти уст, стыд и поношение быхом рабом Твоим и чтущим Тя. Не предаждь же нас до конца имени Твоего ради и не разори завета Твоего, и не остави милости Твоея от нас, яко, Владыко, умалихомся паче всех язык и есмы смирени по всей земли днесь, грех ради наших и несть во время сие начальника, пророка и вожда. И ныне восследуем всем сердцем и боимся Тебе и ищем лица Твоего, не посрами нас, но сотвори с нами по кротости Твоей, и по множеству милости Твоея, и молитв ради Пречистыя Матери Твоея и всех святых Твоих, изми нас по чудесем Твоим, и даждь славу имени Твоему, Господи, и да посрамятся вси являющии рабом Твоим злая, и да постыдятся от всякия силы и крепость их да сокрушится, и да разумеют вси, яко Ты еси Бог наш, един и славен по всей вселенней. Аминь.

ДЕНЬ ВСЕОБЩЕГО ПОКАЯНИЯ И ПОСТА

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви заграницей, определением своим от 9/22 октября 1956 года (протокол № 16) постановил:

«Установить день убиения Царской Семьи 4/17 июля, уже объявленный ранее Днем Русской Скорби,

ДНЕМ ВСЕОБЩЕГО ПОКАЯНИЯ И ПОСТА.

После панихиды по Царской Семье в этот день, в конце панихиды, перед отпустом, читать особую молитву, в основу которой положить « Молитву трех отроков», о таком решении Собора просить Первоиерарха Русской Православной Церкви заграницей заблаговремено оповестить паству особым посланием.»

ПОСЛАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОБОРА ЕПИСКОПОВ БОГОЛЮБИВОЙ РУССКОЙ ПАСТВЕ В РАССЕЯНИИ СУЩЕЙ О ПОКАЯНИИ.

Собор Епископов Русской Православной Церкви Заграницей, состоявшийся в Соединенных Штатах Америки, осенью 1956 года, счел своим священным долгом обратиться к своей зарубежной русской пастве с отеческим призывом — принести Господу Богу, в это время продолжающегося в нашем Отечестве лихолетия, — всенародное сердечное молитвенное покаяние за все те месчисленные грехи и беззакония, которими мы, русские люди, повинны перед всеправедным Господом Богом.

Господь излил на наше отечество, в былые годы его процветания, великие милости. Господь благословил наших предков создать в этом земном мире православное Русское царство, предназначенное к тому, чтобы через него свет Христов просвещал всех.

Но в наше время русские люди не устояли в своем предназначении, попрали божеские законы, низверглись в бездну падения, попустив взять власть над Русской Землей, некогда

святой и благочестивой, безбожникам и гонителям Христовой веры, совершиться бесчисленным злодеяниям и даже допустить убийство Помазанника Божия Православного Царя, вместе с Его кротким христианским Семейством.

По непреложности Своих святых заповедей и божественных повелений, за все сии вопиющие к небу беззаконния Господь строго наказал наше Отечество, но по Своему беспредельному милосердию не истребил нас до конца и лишь ждет нашего покаяния, чтобы вновь излить Свои милости на всех нас.

Многочисленные свидетельства, приходящие из порабощенной злыми безбожниками России, удостоверяют в том, что, несмотря на все усилия, вера в душе Русского народа остается несокрушимой, как камень, положенный в основание Святой Руси. Также русские православные люди, рассеянные ныне во всех странах мира и среди всех народов, несмотря на окружающие их прельщения и соблазны века сего, не могут забыть своей матери — Русской Православной Церкви. Об этом свидетельствуют воздвигаемые русскими людьми во всех странах рассеяния святые Божии храмы.

Так милосердный Господь, в дни грозных испытаний, сохранил светильник нашей веры, но сохранил его для того, чтобы мы приносили к Его священному и святейшему жертвеннику достойные плоды нашей веры и первейший из них **— покаяние.**

Жизнь Христианской Церкви в веках ясно свидетельствует о том, что общественные пороки и отступничество от заповедей Божиих сами собой не излечиваются. Мы все ныне нуждаемся во всенародном покаянии, без которого в дальнейшем не пощадит нас Господь.

К проповеди покаяния Собор Епископов призывает прежде всего всех наших пастырей. Все наше священство должно поднять голос покаянного плача и предъявить совести русских людей, чем был Русский народ и чем стал, и какие сокровища своего быта и своего сердца он растерял.

Пастырский голос, внушенный сострадательной любовью к страждущему нашему Отечеству и священной ревностью о Святой Руси, должен дойти до самых очерствелых сердец и

возжечь тот священный очистительный огонь, который ныне необходим для всех нас.

Мы все русские люди, находящиеся в свободных странах мира, должны слиться в единой покаянной молитве перед престолом Всевышнего, и сей молитвенный вопль к Богу не может быть не услышанным и Русским народом, уже столь многие годы страждущим под игом безбожной власти. Если же весь русский народ едиными устами и единым сердцем будет умолять Господа, то Господь вернет ему и всем нам Святую Русь!

Пусть же сей призыв к покаянию прозвучит у нас, смиренных служителей Божиих, как глас древних пророков. Пастырь Церкви «взывай громко, не удерживайся, возвысь голос твой подобно трубе, укажи народу Моему на беззакония его и дому Иаковлеву на грехи его» (Ис. 58, 1).

День всенародного покаяния приурочивается к дню русской скорби — к дню убийства Царской Семьи четвертого/семнадцатого июля.

В этот день устанавливается строгий пост и заупокойные богослужения по Царской Семье. В конце панихиды устанавливается особая коленопреклоненная покаянная молитва.

Сохраним же, братие, путь благочестия, возлюбим покаяние, как вернейшее очистительное и возрождающее средство для каждого из нас, для русского общества и для всего русского народа.

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнедавче!»

Председатель Собора Епископов Русской
Православной Церкви заграницей
Митрополит **Анастасий**

Нью Йорк 4/17 июля 1957 г.

ОТ КНЯЗЯ С. С. БЕЛОСЕЛЬСКОГО-БЕЛОЗЕРСКОГО

Благоговейно чтя память Государя Императора Николая II и Его Августейшей Семьи, мученически пострадавших во имя России, я весьма рад появлению в свет этой книги, в которой собраны ценные свидетельства о жизненном подвиге царственных страстотерпцев.

Душевно желаю редактору сборника „Государь Император Николай II Александрович", Сергею Владимировичу Завалишину, и „Всеславянскому Издательству" повсеместного распространения этого труда, как беспристрастного повествования о днях минувших, в назидание поколениям грядущим.

Б. А. Энгельгардт

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪЕЗД В МОСКВУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Коронация Императора НИКОЛАЯ II назначена была на май 1896 года, но приготовления к ней начались за несколько месяцев. Беглый перечень участников торжеств дает уже возможность судить о грандиозности последних.

Прибыть в Москву на коронацию должна была почти вся Императорская Фамилия, со штатами состоящих при Них чинов и прислуги, много иностранных принцев и принцесс и чрезвычайных посольств, высшие чины государства и придворные. Затем сословные и иные представители — всего до двух тысяч человек, еще больше генералов и офицеров.

В конце апреля начался съезд гостей.

Первой приехала депутация от восточных Патриархов. Вслед за ней прибыли Эмир Бухарский и Хан Хивинский и почти одновременно чрезвычайный посол Китайского Императора, знаменитый политический деятель того времени канцлер Поднебесной Империи Ли-Хунг-Чанг. За ним другой чрезвычайный посол — испанский гранд дон Хуан де Завала, Герцог Виллагонзаго. Все приезжали с большой помпой, на вокзалах их встречали почетные караулы, их везли в двор-

цовых каретах в заготовленные для них парадные помещения. Гостей принимал Генерал-Губернатор Москвы Великий Князь Сергей Александрович.

Днем, 6-го мая Государь и Государыня АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА приехали в Москву и, не въезжая в город, отправились в загородный Петровский Дворец. На вокзале Их встретил почетный караул Уланского полка, Шефом которого состояла молодая Императрица. Караулом командовал Великий Князь Георгий Михайлович. Шел довольно сильный дождь и Их Величествам был подан закрытый экипаж. В качестве почетного эскорта, у подъезда вокзала были собраны, под командой Командира Л.-Гв. Гусарского полка князя Васильчикова, все офицеры Гвардейских кавалерийских полков, прибывшие для участия в коронационных торжествах. В полной парадной форме, на великолепных лошадях, Кавалергарды, Конногвардейцы, Кирасиры в блестящих касках и латах, Гусары в ментиках за плечами на серых и караковых лошадях, Уланы с красными лацканами и развевающимися султанами, Конно-Гренадеры, Лейб-Драгуны, Казаки все неслись полевым галопом вслед за резвыми рысаками кареты Государя. Непогода не умаляла красоты и величественности этой картины.

Через день приехала и Государыня МАРИЯ ФЕОДОРОВНА с младшими детьми — Михаилом и Ольгой. Верная Своему обыкновению, Она, при Своей встрече, не пожелала никакой торжественности. Государь с Императрицей всё же приехали Ее навестить и с Ними наследный Принц Датский.

Отъезд с вокзала в открытом ландо представлял необычную картину: на заднем сидении находились старая и молодая Государыни, Царь сидел на передней скамейке спиной к кучеру, рядом с Датским Принцем. В Петровском Дворце Вдовствующая Царица была встречена всеми остальными членами Императорской Фамилии.

К 9-ти часам вечера в тот же день у Петровского Дворца состоялась серенада, исполненная грандиозным объединенным хором Московской Императорской Оперы, Русского Хорового Общества, Московской Консерватории и Филармонического Общества, — всего до 1000 человек. В руках у каждого певца был посох с цветным фонариком на нем. Сот-

ни движущихся огоньков представляли собой в высшей степени оригинальное зрелище. Исполнение ряда классических русских хоровых вещей было безукоризненное и произвело большое впечатление. Внутренний караул нес Нижегородский драгунский полк.

Торжественный Царский въезд в Москву из Петровского Дворца являлся, пожалуй, самой эффектной и захватывающей из всех коронационных церемоний.

Самый акт Священного Коронования был обставлен, несомненно еще с большим великолепием, но протекал он целиком в дворцовых залах, в Соборе, и лишь на небольшом пространстве между ними процессию могли видеть сравнительно немногие избранные, допущенные в Кремль.

Между тем церемония въезда захватывала длинный путь в несколько километров и давала возможность сотням тысяч людей любоваться невиданным, совершенно исключительным по величественности, зрелищем. С раннего утра, вдоль пути следования Царя, стал собираться народ, а войсковые части занимали назначенные им места.

В Кремле выстроились старейшие полки Русской армии — Преображенцы и Семеновцы. Дальше потянулись другие гвардейские части. От Тверского бульвара вплоть до Петровского Дворца стали три Гренадерских Дивизии. Вдоль Софийской набережной расположились батареи для производства салютов. Кавалерия принимала участие в шествии.

К 1 часу дня закончился съезд Высочайших Особ в Петровский Дворец.

День выдался на славу, на небе ни облачка, яркое солнце играло на золотых куполах церквей, на ярком убранстве улиц, на блестящих мундирах войск и придворных. Заблаговременно, еще задолго до начала шествия, отдельные части кортежа начали занимать назначенные места и двигаться по пути следования. Впереди двигалась длинная колонна конных частей. Возглавлял ее Московский Полицеймейстер со взводом жандармов. На некотором расстоянии за ним шел Императорский Конвой, сотни Кубанцев и Терцев, в красных черкесках, все молодец к молодцу, на подбор, на прекрасных лошадях. Дальше следовали Лейб-Казаки в красных мунди-

рах, а за ними Атаманцы, в синих, с длинными пиками в руках.

А за этими войсковыми частями двигались представители различных Азиатских народностей — киргизы, калмыки, сарты, бухарцы, хивинцы — все в красочных национальных костюмах, на богато убранных конях. Дальше ехали депутаты казачьих войск, а за ними шестьдесят представителей Российского дворянства.

Конную колону сменила пешая — длинный золотой поток придворных служащих — скороходы со страусовыми перьями и причудливыми головными уборами, придворные лакеи в треуголках, все в расшитых золотом камзолах, придворные музыканты и, наконец, чины Царской охоты в кафтанах с кинжалами за поясом. За ними в парадной придворной коляске ехал верховный церимонимейстер, руководитель всех коронационных торжеств Князь Долгорукий, почетный представительный старик с седыми бакенбардами и подбритым подбородком по моде времен АЛЕКСАНДРА II.

За его экипажем следовали, в несколько рядов, конные камергеры и камер-юнкеры, а дальше в парадных колясках и в ландо придворные кавалеры I и 2 классов. Это отделение парадного шествия замыкали эскадрон Кавалерградов и эскадрон Лейб-Гв. Конного полка.

Когда Государь появился на крыльце Дворца, грянул первый сигнальный пушечный выстрел и головная часть процессии тронулась в путь. Государю подвели белую лошадь, по традиции кованую на серебряные подковы. Государь сел в седло и грянул второй выстрел. В момент выезда Царя из ворот Дворца прозвучал третий и на него хором ответили колокола всех Московских церквей. В тот же момент со звоном колоколов слилось могучее ура многотысячной толпы, стоявшей против Дворца.

У ворот Государь задержался, чтобы принять рапорт Великого Князя Владимира Александровича, командовавшего всеми войсками в этот день. Отрапортовав, Великий Князь присоединился к Свите и тронулся дальше рядом с Великим Князем Михаилом Николаевичем, Который, картинно уперев фельдмаршальский жезл у колена, ехал на огромном вороном

Государь Император возлагает корону
на Государыню Императрицу

жеребце вслед за министрами Императорского Двора и военным, которые следовали непосредственно за Государем.

За старшими Великими Князьями потянулась огромная блестящая свита: генерал-адъютанты, в расшитых золотом мундирах, блестящие серебром генералы Свиты и флигель-адъютанты, все в красивых барашковых шапках набекрень. Между ними мелькали иностранные мундиры приезжих гостей — вся картина была замечательно эффектна.

Замыкающий первую часть шествия эскадрон Конного полка далеко продвинулся вперед, и перед Государем открылся длинный участок свободного пути, окаймленного неподвижными рядами гренадер с ружьями на караул, а за ними, вплоть до стен домов, сплошной волнующейся массой народа. Все окна, балконы, трибуны на перекрестках и площадях были заполнены людьми, и непрерывное ура катилось волной всё дальше и дальше, нарастая при приближении Всадника на белой лошади, во главе блестящей свиты.

Вслед за Царем и сопровождавшими Его тронулась золоченая карета Вдовствующей Императрицы. Это была та самая карета, в которой, 13 лет тому назад, Она въезжала в Москву перед Коронацией Ее покойного мужа и Ее собственной. На Ней были те же драгоценности, великолепное жемчужное ожерелье, такое же тяжелое парчевое, шитое серебром, открытое платье, голубая лента через плечо.

Карету везли четыре пары белых, богато убранных коней. На ремнях, между козлами и кузовом, лицом к Государыне, сидели два маленьких пажа в придворных мундирах. Дальше шла точно такая же карета Государыни АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, а за нею еще несколько золоченых карет, в которых сидели по три Великих Княгини. По бокам ехали два шталмейстера, а сзади 6 камер-пажей на белых лошадях. За Высочайшими Особами следовали экипажи придворных дам. Шествие замыкали эскадрон Лейб-гусар и эскадрон Улан Его Величества.

Прозвучал 71 пушечный выстрел — салют по случаю въезда Государя в Москву. Там Его встречал городской голова, гласные, ремесленная, мещанская и купеческая управы. Дальше дворянство, земство, наконец, остановка у Иверской часовни. От площади по направлению к Кремлевским воротам тянулись ряды Преображенцев. От площади, по направлению к Кремлевским воротам, вплоть до Успенского Собора в Кремле и от Собора до Кремлевского Дворца были устроены мостки, значительно поднятыем над уровнем мостовой. Причем проложены были не кратчайшим путем, а извивались по всей площади, дабы каждый в толпе мог бы сравнительно близко и ясно видеть Царя. Лестница, Красное Крыльцо дворца и мостки были обиты красным сукном.

Вдоль помостов стояли Кавалергарды и Конногвардейцы в красных супервестах, а вся площадь была заполнена волостными старшинами, войтами и старостами в черных и синих армяках с медалями на груди и на шее.

Здесь царило сдержанное ожидание, над головами гудели колокола, а из-за стен Кремля доносились всё растущие перекаты ура, которым население столицы встречало Царя.

Ура всё близилось.

Вдруг послышались слова команды. Преображенцы взяли на караул, раздался рокот барабанов, ура грянуло с удесятерённой силой, точно прорвавшись через какую-то преграду, и знамя Преображенского полка стало медленно склоняться, салютуя Государю.

На площади появился Государь. Подъехав к помостам, Он слез с коня. Быстро спешилась свита, вестовые торопливо отводили в сторону лошадей. Появилась первая карета Государыни МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ. Царь лично помог Матери выйти из экипажа.

Подъехала и Государыня АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. Государь высадил и Ее. Ура гремело, не умолкая. В момент входа Царя в Собор загремели новые салюты — всеобщий подъем, казалось, достиг апогея.

По осмотре соборов Кремля и поклонения святыням, Государь, Обе Царицы, справа МАРИЯ ФЕОДОРОВНА, а слева АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА, Высочайшие Особы и свита направились пешком во дворец и стали медленно подыматься на Красное Крыльцо.

На ступенях, неподвижные, как статуи, стояли красавцы Кавалергарды с обнаженными палашами, с Андреевскими звездами на красной груди супервестов. Впереди с длинным жезлом в руках, с краю, почтительно оглядываясь назад, двигался обер-гофмаршал князь С. П. Трубецкой. Сзади — четыре камер-пажа.

На верхней площадке Царь и Царицы остановились, пока остальные участники шествия удалились во Дворец.

Затем Царь и Царицы, повернувшись лицом к площади скромно и низко поклонились Русским поясным поклоном на все стороны Своему честному народу.

Этот исторический обычай держится со времен первых московских Царей.

Минутой раньше казалось, что энтузиазм народных масс дошел уже до предела, но в этот момент Царского поклона волна ура взмыла вновь с небывалой силой, — тут уже не было границ восторгам толпы...

Я глядел через плечи Государыни на это волнующееся море человеческих голов, и мне казалось, что нет ничего рав-

ного мощи Русского Монарха на земле. Такое же впечатление вынес и гр. Мольтке, присутствовавший на коронации АЛЕКСАНДРА II.

Государыня Императрица Александра Феодоровна

Дм. Франк

ВОСПРИЯТИЕ РЕБЕНКОМ ОСОБЫ ЦАРЯ

„Счастлив, кто спит, кто про долю свободную.
В тесной тюрьме видит сны..."

А какие же это сны? — Это наше прошлое, далекое и милое...

Господь в своей неизмеримой благости дал человеку один дивный дар — способность удержать в памяти всё хорошее, светлое, радостное, что было в жизни, и способность забывать тяжелое и мрачное, что давило душу и грудь или по крайней мере, если не забыть совершенно, то смягчить всю горечь этих воспоминаний.

А вот хорошее, ласково-радостное вспоминается со всей яркостью красок. И не только ярко это само хорошее, но ярка и его рамка — видны и краски дня и сверкание солнца и блеск луны и даже слышны все шепоты.

1896 год... Темный безлунный, почти летний вечер... Улицы Москвы залиты морем огня — плошки, фонарики со свечами, газовые и электрические транспоранты с инициалами Государя и Государыни. Всё это сверкает и переливается разноцветными огнями и светло на Тверской улице, на которой перед коронацией впервые появились высокие электрические фонари с круглыми большими молочными шарами.

Я с мамой и ее сестрой уже давно стоим на вокзальчике конки против Страстного монастыря. Куда не повернешь голову — непроглядная темная масса народу. Вдоль всей Тверской улицы стоят шпалерами войска гренадерского корпуса. Сегодня, после коронационных торжеств, Государь уезжает из Москвы... Я маленький — мне всего лишь 8 лет и из-за спины впереди стоящих мне ничего не видно. Но тут же в павильоне моя первая детская слабость — юнкера Александровского военного училища и они выручают меня и сажают к себе на плечи и теперь я сам вижу всю большую площадь, ровную линию круглых черных барашковых шапок гренадер, выстроившихся по обеим сторонам улицы. Напротив вокзальчика на фоне темного неба вырисовывается розоватая ажурная колокольня Страстного монастыря, а направо и назад памятник Пушкину облепленный народом.

И я все время спрашиваю: а где будет Государь? А когда он поедет? И ожидание кажется нескончаемым. Но вот издалека, от Охотного ряда, доносится гул, быстро растет и приближается, переходя в ликующее непрерывное „ура!" Меня поднимают выше и мне всё видно. Государь проедет мимо меня в 20-30 шагах... Экипажи один, другой, третий, в них какие-то офицеры в серых барашковых шапках.

— Вот Государь! — кричит мне юнкер, — У-р-р-а-а !

— Где, где?

Да вот прямо перед нами! Урра!

Боже мой, да ведь это же обычный офицер... А где же золото, алмазы, сияние вокруг головы?! Разве Государь такой же человек как и мы? И мне это больно... Почему, Он не сверкает? Ведь Он же Царь! А в душу помимо этого разочарования, льется что-то великое горячее, захватывает всего и я кричу тоже — урра-а! Но перехватывает голос и слезы радости, что я вижу Царя, капают на мою белую матроску. И никто меня дома не готовил к этому чувству восприятия Государя — оно сошло само из воздуха, от этой массы народа, от той простой офицерской шинели, в которой был сам ЦАРЬ...

Алексей Ростов
Ген. Секретарь РНМД

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА и ЕГО АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ

С лета 1918 г. во многих церквах Поволжья, где я тогда проживал, на общих панихидах, после литургии верующие подавали записки о поминовении „за упокой новопреставленных убиенных Николая, Александры, отрока Алексея, Ольги, Татианы, Марии, Анастасии". Иногда, быстро прочитывая подаваемые ему записки, пастырь три или четыре раза прочитывал это сочетание имен, которое и без всякого титулования было понятно и ему, и оставшимся после обедни для подачи записок для поминания на общей панихиде. Иногда в записках отсутствовало слово „отрок" но последовательность имен оставалась неизменно та же.

В 1930 г. в камере № 21 третьего корпуса Ленинградского Дома Предварительного Заключения мне, находившемуся под следствием по делу академика С. Ф. Платонова, по обвинению в организации монархического заговора, довелось

*) К величайшему нашему сожалению, Издательству, в силу разных обстоятельств, удалось войти в контакт с автором этого воспоминания лишь в последние дни набора Сборника, исключительно чем и объясняется краткость сообщения.

встретить на прогулке трех общих камер на тюремном дворе одного однодельца, который мне поведал, что арестованный по делу оппозиционного в отношении митрополита Сергия, после его декларации 1927 г., епископа Дмитрия (Любимова), простой слесарь с Путиловского завода громко говорит в камере, что почитает Государя и убиенных с ним Членов Его Семьи за новомучеников. Мой друг просил меня передать гулявшему с нами по двору старшему из арестованных по этому делу священников, протоиерею Иоанну Никитину, чтоб он просил слесаря, гуляющего с нами в толпе выведенных совместно на прогулку сотни заключенных, воздержаться от подобных разговоров, о которых донесут следователям, что ухудшит приговор. От. Никитин так и поступил и благодарил меня и моего однодельца за наш совет.

От. Никитин и слесарь получили оба по 10 лет концлагеря, что тогда было максимальной мерой заключения. В последующие годы в Карельских концлагерях, а затем в ссылке в Зап. Сибири мне не раз в интимных с глазу на глаз беседах с другими заключенными и ссыльными пришлось убедиться, что Царская Семья не забыта в простом народе, что память о них сохраняется, что за Них молятся.

В разное время, в разных условиях, мне довелось слышать от беспартийных интеллигентов, какое негодование вызывает в них подлое злодеяние в Екатеринбурге. Научные работники отмечали, что и во Франции и в Великобритании все же был организован кровавый фарс суда над Людовиком 16-м и над Карлом 1-ым. Другие вспоминали, что ни тут, ни там не погибли с королями их неповинные дети и преданные слуги, сами вышедшие из простонародья. Помню, как один видный юрист, известный своими научными трудами еще до революции, беседуя со мной в лесу около концлагеря на Май-Губе, заметил, что особенно возмущает расстрел в подвале Ипатьевского особняка молодых Великих Княжен, которые по закону о Престолонаследии не имели прав на Престол при наличии живых и находящихся вне пределов досягаемости для коммунистических палачей мужских членов Династии. Я смог напомнить собеседнику, что Ленин и Троцкий оба юристы по образованию, сдавали в свое время государственное право в университете и не могли не знать,

что после гибели Государя, Наследника Цесаревича и Великого Князя Михаила Александровича Право на Престол переходит к Великому Князю Кириллу Владимировичу, а потому ни Государыня, тяжко больная, ни юные Великие Княжны, не могут возглавить страшившую советских палачей монархическую реставрацию.

За четверть века пребывания в свободном мире я ежегодно поминал, то в домашней молитве, то с верными монархии единомышленниками Государя в день Его рождения и теперь совместно со всеми народными монархистами, входящими в основанное Ив. Л. Солоневичем и возглавлявшееся потом Вс. К. Дубровским Российское Народно-Монархическое Движение, возносим молитвы о Царе-Мученике, о Августейшей Семье и погибших с ними верных слугах и благодарим редакцию настоящего Сборника, пригласившую меня участвовать хотя бы этими краткими строками в настоящем Сборнике.

М. М. Спасовский

СВЕТЕ ТИХИЙ...

> Пусть приближается низина, пусть грозит нежеланное, неудобное, отвратительное или страшное. Мы не должны помышлять о бегстве или проклинать свою судьбу. Напротив, надо думать о том, как одолеть беду и как победить врага.
>
> Проф. И. А. Ильин — из его книги „Поющее сердце", стр. 131.

Автор этих строк не историк. Материала для исторического освещения личности Государя Императора Николая II Александровича нет под рукой, но есть некоторые мысли, долгими годами выношенные, о том, как постепенно, лукаво и хитро накапливающиеся силы зла развязали свой удар по России в 1917 году и как первой жертвой этого удара стал Император Николай II с Его Августейшей Семьей.

Силам зла, готовым к прыжку, эта жертва была нужна как сигнал, во-первых, их победы над Светом правды и милости и, во-вторых, начала их уже открытого и ликующего наступления на мир в плане его БЕЗ-препятственного разложения духовного, государственного и культурного. Всем христианским принципам был объявлен смертный приговор.

Облик Государя Императора исторически трагичен не только его личными безмерно мучительными переживаниями, но и моментом всерешающего значения для будущего народов земли. С выпадением Православной и Царской России из международной жизни весь внешний мир последовательно был окован цепями лжи и насилия. Историческая Россия была последним этапом в завершении этого побед-

Государь Император

ного шествия сил зла. Теперь уже никто этим силам не мешал, — перед бесами растилалась открытая дорога.

Венценосная Личность Императора была последней Личностью свободного и сильного Монарха, стоящего у грани старого мира. С уходом этой Личности ушел и старый мир с его свободой, законом и порядком, с его совестью и справедливостью.

Старый мир шаг за шагом поглощался омутом политического разврата. В общем вихре бесовского формирования „нового мира" всё завертелось ликующим хороводом —

пошлость и цинизм, взаимное недоверие и подозрение, групповое самовластие и своекорыстный произвол, широкое безбожие и безмерная разнузданность, психоз преступления и потеря человечности.

Чем внимательнее, спокойнее и глубже присматриваться к Личности Императора, ЧТО было при Нем и ЧТО стало после Него во всем мире, то сразу же осязательно увидим и почувствуем резкий конец одного и грубое начало другого. Конец личности человека и начало толпы. Или другими словами, — развитие идеологии современного демократизма...

Личность Государя Императора несла в себе благородство духа, поистине благоденствие и мирное житие, то нераздельное целостное триединство **Церковь-Царь-Народ,** которым строилось Государство Российского Царствия. Именно в этом заключалась сущность Национально-исторической России на всем продолжении ее многотрудного тысячелетнего бытия.

В 1917 году Россию постигла не только историческая, но и мистическая трагедия, ибо Царь был властью не только земной. Церковь, венчая Царя на царство, посвящала Его на служение Богу, Власти и Народу. И Царь был олицетворением чистоты и верности, — Ему верили все безраздельно. И те, кто был предан Ему, и те, кого мутил дух „оппозиции". Пусть Царь стоял в условиях неограниченной свободы, как Самодержец Всероссийский, но одновременно Он был поставлен в условия неограниченной нравственной ответственности. Всем своим положением Царь был ограничен Православным мировоззрением. Эта великая тяжесть была священна, но это все-таки была тяжесть, незнакомая современным правителям. И до конца своих суровых дней эту тяжесть Император Николай II нес свято, на себя одного возлагая всю ответственность за судьбы Родной Земли.

Отсюда естественно, — Православная Монархия являлась религиозной ценностью. Она вплотную подходила к сердцу народному и, как лампада перед святой иконою, тихо охраняла уют, смысл и радость великой страны.

Вот где лежат корни нашей мистической трагедии, — судьбы России, а вместе с нею и судьбы всего мира. Погасла лампада Св. Руси, погас и мир на земле.

Е. И. В. Государыня Императрица
Александра Федоровна
с Наследником-Цесаревичем

Св. Православие светло и приветливо, в нем нет ничего угрюмого и страшного, что пугало бы и потому сдерживало бы. В нем заложена крепкая уверенность и крепкая, даже радостная убежденность в том, что любовь и правда всё равно возьмут свое. В слово „правда" русский человек каким-то стихийным порывом раз и навсегда вложил и то, что есть и то, чего еще нет, но должно быть обязательно. Правда сегодняшнего дня и правда Божиего обещания о будущем сливаются у нас в одно понятие. И это слияние вынашивает-

ся нами веками исключительно для того, чтобы Божию правду превратить в правду реальной действительности. Русский Царь всей глубиною своего сердца, повинуясь таинственному, но могучему инстинкту русской государственности, стремился как можно ближе подойти к этой правде, что видно хотя бы по тому, как Он подготовлял восстановление в России патриаршества...

Положение о том, что „мы, русские, есть моральная аристократия мира", имеет основание во многом. Как-бы мимоходом вспомним, что коммунисты во время второй Мировой войны, в 1942 году, чтобы спасти себя от полного разгрома немцами, принуждены были свернуть свои красные тряпки и вспомнить героев и лозунги Святой Руси, — одним словом, повторить картину 1242 года — Ледовое побоище, поражение Александром Невским немецких рыцарей на Чудском озере. Ясно, что если бы моральной глубины русский народ не имел, ценность ее не сознавал и ее не хранил, то его нравственное начало практически не выдержало бы испытания десятков веков.

Вспоминается книга немецкого философа и историка Вальтера Шубарта — „Европа и душа Востока":

— Англичанин хочет видеть мир как фабрику, француз как салон, немец как казарму, русский как церковь. Англичанин хочет зарабатывать на людях, француз хочет импонировать, немец ими командовать и только один русский не хочет ничего. Он не хочет делать ближнего своего средством. Это есть ядро русской мысли о братстве и это есть Евангелие будущего (стр. 122).

Пусть Шубарт идеализирует, но какая внутренняя сила сохранила и до сих пор сохраняет русский народ? Ответ только один — Св. Православие. Этот ответ был дан и Москвой и нашими славянофилами, кончая Павловым, Розановым и Ильиным.

И мученически убитый коммунистами Государь Николай II Александрович — последний Император Всероссийский, стоявший у грани старого мира, нашего русского старого мира, был тот СВЕТЕ ТИХИЙ, который охранял каждого из нас в нашем русском, государственном и семейном уюте.

Б. Л. Бразоль

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В ЦИФРАХ И ФАКТАХ 1894 - 1917

Ответ клеветникам, расчленителям и русофобам

(Брошюра издания Исполнительного Бюро ОМФ, Нью Йорк, 1959)

Прошло более сорока лет со времени февральской революции 1917 года и гибели Императорской России, упорно, десятилетиями, подготовлявшейся ее врагами, внутренними и внешними. Не было той лжи, не было той клеветы, не было того пасквиля, которыми бы ни обливали Царское правительство, а за одно с ним и русский народ. Миллионы долларов, фунтов стерлингов, германских марок, французских франков, да и русских рублей, было брошено иностранными банкирами*, политическими проходимцами, революционными дельцами и бездельниками, всех толков и направленной на бешенную антирусскую пропаганду, на свер-

* См. хвастливые заявления по этому поводу раввина Стевена Вайз и Георгия Кеннан, прославлявших банкира Якова Шиф за его финансирование революционной пропаганды среди русских военнопленных в Японии, в 1904-6 г.г., "The N. Y. Times" 24 марта 1917 г. Смотри также всеподданнейший отчет быв. Министра Иностр. Дел гр. Ламсдорфа Государю Николаю II от 1906 г. по вопросу о роли Ротшильдов и вообще революционной раскачки 1905 г. Boris Brasol, The World at the Cross-Roads, Small, Maynard & Co. Boston, 1921.

жение русской Монархии и разорение русской государственности.

Особенно же усилилась травля России в царствование Государя-Мученика, гуманнейшего Николая II-го, которого в западно-европейской и американской печати не стыдились называть „кровавым" и „тираном". Русское правительство обвинялось в бездарности и в обскурантизме, в умышленном поощрении безграмотности, в желании держать народ в нищете и невежестве.

Так называемое „общественное мнение" в странах демократического Запада искусственно возбуждалось продажными газетными борзописцами против Имперской идеи, так полно и разумно воплотившейся именно в России.

Этой систематической зловредной пропагандой и объясняется тот факт, что когда обескровленная мировой войной, преданная изменниками-генералами и „союзной" Англией, рухнула Императорская Россия, близорукие западные политиканы, во главе с Вильсоном и Лойд Джоржем, встретили это трагическое событие с нескрываемым восторгом. Они, конечно, не в силах были уразуметь, что крушение исторической России неизбежно приведет к нарушению всемирного равновесия, к торжеству красного Интернационала и к разложению их собственных демократических „империй".

Им, этим трубадурам беспозвоночной идеологии, было невдомек, что они, подобно подмастерью Гетевского колдуна, разнуздывают такие разрушительные стихии, под напором которых они сами должны будут захлебнуться и бесславно погибнуть.

И ныне, когда всё человечество корчится в судорогах безвыходного кризиса, когда банкротство политической доктрины Вильсона „обеспечение миру торжества демократии" стало до ужаса очевидным, лидеры обезумевшего Запада продолжают лягать демократическим копытом затравленного их же усилиями геральдического льва — некогда великую, державно-мудрую Царскую Россию.

Несмотря на мерзость Екатеринбургского злодеяния, западная пресса продолжает обливать грязью светлый лик замученного Государя Николая II-го и все связанное с его славным царствованием. Едва ли нужно упоминать, что подоб-

ного рода клеветническая кампания входит в расчет кремлевских палачей и в значительной мере ими же субсидируется.

Целью этого справочника и является дать непредубежденным иностранцам, да и свихнувшимся россиянам, краткую сводку цифр и фактов, свидетельствующих о том, что за последние 15-20 лет до I-ой Мировой войны, Императорская Россия сделала гигантский шаг вперед на пути истинного прогресса и нигде в мире не превзойденной просвещенной свободы.

1. ДЕМОГРАФИЯ И ФИНАНСЫ.

Известный экономист Edmond They справедливо утверждал:

> „Если у больших европейских наций события между 1912 и 1950 годами будут протекать так же, как они развивались между 1900 и 1912 годами, то к середине настоящего века Россия станет выше всех в Европе, как в отношении политическом, так и в области финансово-экономической".

Вот несколько цифровых данных.

В 1894 году, в начале царствования Императора Николая II-го, в России насчитывалось 122 миллиона жителей. 20 лет спустя, накануне I-ой Мировой войны, народонаселение ее увеличилось на 60 миллионов, т. е., до 182-х миллионов; таким образом в Царской России народонаселение возрастало на 2.400.000 в год. Если бы не случилось революции в 1917 г., к 1959 году ее население должно было бы достигнуть 275.000.000. Между тем, теперешнее население Советского Союза едва превышает 215.000.000, так что кровавый советский опыт обошелся России не менее, чем в 60.000.000 человеческих жизней.

В отличие от современных демократий, Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса. Несмотря на это, государственные доходы с 1.410.000.000 рублей в 1897 году, **без малейшего увеличения налогового бремени** неуклонно росли, тогда как расходы государства оставались более или менее на одном и

том же уровне, что и видно из нижеприводимой таблицы.

	1908	1909	1910	1911	1912
	в миллионах золотых рублей				
Обыкновенные доходы	2.418	2.526	2.781	2.952	3.104
Расходы	2.388	2.451	2.473	2.536	2.669
Превышение доходов над расходами	30	75	308	416	335

За последние десять лет до Первой Мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2.400.000.000 рублей. Эта цифра представляется тем более внушительной, что в царствование Императора Николая II-го были понижены железно-дорожные тарифы и отменены выкупные платежи за земли, отошедшие в 1861 году к крестьянам от их бывших помещиков, а также некоторые налоги, в том числе паспортные, а в 1914 году, с началом войны, и все виды питейных налогов.

В царствование Императора Николая II-го, законом 1896 года, в России была введена золотая валюта, причем Государственному Банку было предоставлено выпускать 300.000.000 рублей кредитными билетами не обеспеченными золотым запасом. Но правительство не только никогда не воспользовалось этим правом, но, наоборот, обеспечило бумажное обращение, золотой наличностью более, чем на 100%, а именно: к концу июля 1914 года кредитных билетов было в обращении на сумму 1.633.000.000 рублей, тогда как золотой запас в России равнялся 1.604.000.000 рублей, а в заграничных банках — 141.000.000 руб.

Устойчивость денежного обращения была такова, что даже во время русско-японской войны, сопровождавшейся повсеместными революционными беспорядками внутри страны, размен кредитных билетов на золото не был приостановлен.

В России налоги, до первой мировой войны, были самыми низкими во всем свете.

Налоги прямые (на 1 жителя)	руб.	Налоги косвенные (на 1 жителя)	руб.
Россия	3.11	Россия	5.98
Австрия	10.19	Австрия	11.28
Франция	12.25	Франция	10.00
Германия	12.97	Германия	9.64
Англия	26.75	Англия	15.86

Иначе говоря, бремя прямых налогов в России было почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии и в 8½ раз меньше, чем в Англии.

Бремя же косвенных налогов в России было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии.

Общая сумма налогов (на одного жителя в рублях).*	
Россия	9.09
Австрия	21.47
Франция	22.25
Германия	22.26
Англия	42.61

Из этой таблицы явствует, что общая сумма налогов на одного жителя в России была более, чем вдвое меньше, нежели в Австрии, Франции и Германии и более, чем в четыре раза меньше, чем в Англии.

2. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЭКОНОМИКА.

В период между 1890 и 1913 г.г. русская промышленность учетверила свою производительность. Ее доход не только почти сравнялся с поступлениями, получавшимися от земледелия, но товары покрывали почти 4/5 внутреннего спроса на мануфактурные изделия.

За последнее четырехлетие до I-ой Мировой войны количество вновь учреждавшихся акционерных обществ возрасло на 132%, а вложенный в них капитал почти учетверился. Это видно из следующей таблицы.

Год	Число нов акц. общ.	Капитал в мил. руб.
1910	104	119.3
1911	166	185.3
1912	202	233.5
1913	240	403.1

Прогрессивный рост благостотояния населения наглядно доказывается следующей таблицей вкладов в государственные сберегательные кассы: —

Год	Количество открытых счетов	Вклады в рублях
1894	1.664.000	330.300.000
1895	1.907.000	367.900.000
1896	2.190.000	409.400.000
1897	2.448.000	465.700.000
1898	2.792.000	537.300.000
1899	3.145.000	608.300.000
1900	3.551.000	661.900.000
1901	3.949.000	723.300.000
1902	4.369.000	784.000.000
1903	4.854.000	860.000.000
1904	5.127.000	910.600.000

* 1 зол. рубль равен 2.67 зол. франкам или 51 америк. зол. центу.

1905	4.988.000	831.200.000 *
1906	5.665.000	1.035.000.000
1907	6.210.000	1.149.000.000
1908	6.210.000	1.207.000.000 **

В 1914 году в Государственной Сберегательной Кассе было вкладов на 2.236.000.000 рублей.

Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях (на кооперативных началах) составляла в 1894 году около 70.000.000 рублей; в 1913 году — около 620.000.000 рублей (увеличение на 800%), а к 1 января 1917 года — 1.200.000.000 рублей.

Очень показательной является и следующая таблица, указывающая на развитие экономической мощи России в царствование Государя Николая II-го.

	Годы	Колич.	Годы	Колич.	Увел. в %
Вклады в Акцион. Коммер банки.	1895	350 м. р.	1915	4300 м. р.	1280
Ценносты ,выпущенных русскими фабриками и заводами машин.	1894	1500 м. р.	1916	6500 м. р.	410
Строительство сельскохозяйств. машин.	1897	9 м. р.	1913	67 м. р.	659
Средняя урожайн. с десятины	1901	33 пуда	1913	58 пуд.	80
Средняя урожайность хлебов					
а. Европ. Россия	1892	2050 м. п.	1911	3657 м. п.	78
б. всей Империи	1893		1913	4761 м. п.	
Количество скота в милл. голов:					
лошадей	1895	26.6	1914	37.5	37
рогат. скота	1895	31.6	1914	52	63
Каменный уголь — добыча	1895	466 м. п.	1914	1983 м. п.	300
Нефть — добыча	1895	338 м. п.	1914	560 м. п.	65
Соль — добыча	1895	85 м. п.	1913	121 м. п.	42
Сахар:					
площадь посева свеклы	1894	289 т. дес.	1914	721 т. дес.	150
выработка сахара	1894	30 м. п.	1914	104.5 м. п.	245
Хлопок:					
площадь посева	1894	150 т. дес.	1914	675 т. дес.	350
сбор хлопка	1894	3.2 м. п.	1914	15.6 м. п.	388
Золота — добыча	1895	2576 п.	1914	3701 п.	43
Медь — добыча	1895	395 т п.	1915	1878 т. п.	375
Чугун — добыча	1895	73 м. п.	1914	254 м. п.	250
Железо и сталь выплавка	1895	70 м. п.	1914	229 м. п.	224

* Русско-Японская война и революция.

** "The Russia Year Book", 1911. Compiled and edited by Howard P. Kennard. Eyre and Spottiswood Ltd. London, 1912

Марганец — ср. добыча	1895	12 м. п.	1914	55 м. п.	364
Золотой Фонд	1894	648 м. п.	1914	1604 т. п.	146
Торговый флот в тыс. тонн.	1894	492 т.тонн	1914	778 т. тонн	59

3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Накануне революции русское земледелие было в полном расцвете. В течение двух десятилетий, предшествовавших войне 1914-18 г.г., сбор урожая хлебов удвоился. 1913 г. в России урожай главных злаков был на ⅓ выше такового же Аргентины, Канады и Соед. Штатов вместе взятых. В частности, сбор ржи в 1894 году дал 2 миллиарда пудов, а в 1913 г. — 4 миллиарда пудов.

В царствование Императора Николая II Россия была главной кормилицей Западной Европы. При этом обращает на себя особое внимание феноменальный рост вывоза земледельческих продуктов из России в Англию (зерна и муки).

1908 г. было вывезено	858.279.000 фунтов
1909 г.	1.784.288.000
1910 г.	2.820.049.000

Россия поставляла 50% мирового ввоза яиц. В 1908 году из России их было вывезено 2.589.000.000 штук стоимостью в 54.850.000 рублей, а в 1909 г. — 2.845.000.000 стоимостью в 62.212.000 рублей.

Рожь — в 1894 г.: 2 миллиарда пудов,
в 1913 г.: 4 миллиарда пудов.

Сахар — В этот же период времени потребление сахара на каждого жителя повысилось с 4 до 9 килогр. в год.

Чай — потребление в 1890 году — 40 милл. килограмм.
тоже в 1913 году — 75 миллионов килограмм.

Лен — накануне первой мировой войны Россия производила 80% мировой добычи льна.

Хлопок — повышение на 388%. Благодаря большим работам по орошению в Туркестане, предпринятых еще в царствование Императора Александра III, урожай хлопка в 1913 г. покрывал все годичные потребности русской текстильной промышленности. Последняя удвоила свое производство в период между 1894 и 1911 г.г.

4. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ.

Сеть железных дорог в России покрывала 74.000 верст, (одно верста равняется 1.067 километр.), из которых Великий Сибирский Путь (8.000 верст) был самым длинным в мире.

В 1916 году, т. е., в самый разгар войны, было построено более 2.000 верст железных дорог, которые соединили Северный Ледовитый Океан (порт Романовск) с центром России.

К 1917 году в России находилось в эксплоатации 81.116 километров железной дороги и 15.000 километров было в постройке. В Царской России в период с 1880 г. по 1917 г., т. е., за 37 лет было построено 58.251 кил., что дает средний годовой прирост в 1.575 кил. За 38 лет советской власти, т. е. к концу 1956 г., было построено всего лишь 3.250 кил., что дает годовой прирост лишь в 955 кил.

Постройка одного километра жел. дороги в Царской России обходилась в 74.000 рублей, а при советской власти в 790.000 рублей, исходя из расчета одинаковой покупной способности рубля.

Накануне войны 1914-1918 г.г. чистый доход государственных железных дорог покрывал 83 процента годичных процентов и амортизации государственного долга. Иными словами, выплачивание долгов, как внутренних, так и внешних, было обеспечено в пропорции более чем на 4/5 одними доходами, которые получило русское государство от эксплоатации своих железных дорог.

Надо добавить, что русские железные дороги, по сравнению с другими, для пассажиров были самыми дешевыми и самыми комфортабельными в мире.

5. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Промышленное развитие в Российской Империи естественно сопровождалось значительным увеличением количества фабрично-заводских рабочих, экономическое благосостояние которых, равно как и охрана их жизни и здоровья, составляли предмет особых забот Императорского правительства.

Необходимо отметить, что именно в Императорской России, и притом в 18-м веке, в царствование Императрицы Екатерины II-ой (1762-1796), в первый раз во всем мире, были изданы законы касательно условий труда: был запрещен ночной труд женщин и детей, на заводах был установлен 10-часовой рабочий день и т. д.

Характерно, что кодекс Императрицы Екатерины, регулировавший детский и женский труд, отпечатанный в России для заграницы на французском и латинском языках, был запрещен для обнародования во Франции и Англии, как „крамольный".

В царствование Императора Николая II, до созыва I-ой Государственной Думы, были изданы специальные законы для обеспечения безопасности рабочих в горно-заводской промышленности, на железных дорогах и в предприятиях, особо опасных для жизни и здоровья рабочих, как-то: на пороховых заводах, в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг и т. п.

Детский труд до 12-летнего возраста был запрещен, а несовершеннолетние и лица женского пола не могли быть нанимаемы на фабричную работу между 9-ю час. веч. и 5-ью часами утра.

Размер штрафных вычетов не мог превышать одной трети заработной платы, причем каждый штраф должен был быть утверждаем фабричным инспектором. Штрафные деньги поступали в особый фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих.

В 1882 году специальный закон урегулировал работу детей от 12 до 15 лет. В 1903 году были введены рабочие старосты, избиравшиеся фабрично-заводскими рабочими соответствующих цехов. Существование рабочих союзов было признано законом в 1906 году. Но превосходство над теперешней марксистской системой заключалось, главным образом, в возможности рабочим защищать свои права оружием, называемым „классическим оружием рабочего класса": в Царской России — можно было прибегать к забастовкам, тогда как в Хрущевской России забастовки невозможны, так же, как они были невозможны при Сталине и при Ленине.

На заводах, контролируемых Инспекцией Труда — таковая существовала, — было 68 забастовок в 1893 году, 118 — в 1896 г., 145 — в 1897 г., 189 — в 1899 г. и 125 — в 1900 г. Что же касается социального страхования, таковое было установлено уже в 1912 году.

По тому времени Императорское социальное законодательство было несомненно самым прогрессивным в мире. Это заставило Тафта, тогдашнего Президента Соед. Штатов, за два года до 1-ой мировой войны публично заявить, в присутствии нескольких русских высокопоставленных лиц: „Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может".

6. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Одним из трафаретных клеветнических выпадов против правительства Императора Николая II, особенно в американской печати, является утверждение, что оно не только не заботилось о народном образовании, но сознательно поощряло безграмотность широких слоев населения.

В действительности же, в царствование Императора Николая II народное образование достигло необыкновенного развития. Менее чем в 20 лет кредиты, ассигнованные Министерству Народного Просвещения, с 25.2 мил. рублей возрасли до 161,2 милл. Сюда не входили бюджеты школ, черпавших свои кредиты из других источников (школы военные, технические), или содержавшиеся местными органами самоуправления (земствами, городами), кредиты которых на народное образования возрасли с 70.000.000 руб. в 1894 г. до 300.000.000 руб. в 1913 г.

В начале 1913 г. общий бюджет народного просвещения в России достиг по тому времени колоссальной цифры, — а именно ½ миллиарда рублей золотом. Приводим цифры.

	1894 г.	1914 г.	больше на
Бюджет Мин. Нар. Просв.	25.2 м. р.	161.2 м. р.	628%
Число учащихся в ср. учеб. зав.*	224.179	733.367	227%

* В это число не вошли учащиеся в частных и иноверческих школах, числом около 1 миллиона.

В высш. учебн. зав.	13.944	39.027	180%
В низш. учеб. зав. (кроме Ср. Азии)	3.275.362	6.416.247	96%

Первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10.000 школ. В 1913 г. число их превысило 130.000. Если бы не вспыхнула революция, то обязательное первоначальное обучение было бы уже давно совершившимся фактом на всей территории Царской России. Впрочем, Россия и так почти достигла этого результата. Анкета произведенная Советами в 1920 году установила, что 86% молодежи от 12 до 16 лет умели писать и читать. Несомненно, что они обучались грамоте при дореволюционном режиме.

По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX веке первое место в Европе, если не во всем мире.

Следует также отметить, что в то время, как в демократиях, особенно в С. Ш. А. и в Англии, плата за правоучение в высших учебных заведениях колеблется от 750 до 1.250 долл. в год, в Царской России студенты платили от 50 до 150 рублей в год, т. е., от 25 до 75 долл. в год. При этом неимущие студенты очень часто освобождались от какой-либо платы за правоучение.

7. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС.

История русского крестьянства, со времени революции, была, и продолжает быть, Голгофой. Мы ограничимся воспоизведением нескольких строчек написанных M. Francois de Romainville:

„Крестьяне ожесточенно сопротивляются коллективизации. Первым результатом последней было массовое уничтожение скота. Численность его упала с 270.200.000 голов в 1929 году до 118.000.000 в 1933. Но что еще страшнее, это количество человеческих жертв. Крестьян депортировали целыми семьями в арктические области, или в пустынные степи Азии. С 1928 до 1934 г.г. погибло 5 миллионов крестьянских семей, иначе говоря, до 20 миллионов душ".

Аграрный вопрос, который продолжает быть главной заботой многих государств, однако же нашел счастливое разрешение в царствовании Императора Николая II.

В 1861 г., после отмены крепостного права Императором Александром II, русские крестьяне получили, за небольшую плату, земли, добровольно уступленные помещиками, по большей части, дворянами. Однако крестьяне не делались индивидуальными собственниками этих земель, так как эти последние фактически принадлежали общинам (Communes des Villages), которые отдавали земельные участки в пользование членам общины. Проводя в жизнь подобного рода аграрную политику, законодатель придерживался древнего русского крестьянского обычая, управления миром, стремясь, таким путем, удерживать земледельцев от искушения продать свой надел. Действительно, если бы крестьянин обменил причитающуюся ему часть земли на деньги, то он очень скоро остался бы без всяких средств к существованию и без сомнения превратился бы в безземельного „пролетария".

Но, несмотря на положительные стороны этой аграрной политики, в ней были и существенные недостатки. Крестьянин, не чувствуя себя полным хозяином земли и не будучи уверен, что тот же участок попадет к нему в следующий передел, относился к своей работе небрежно и терял чувство ответственности. Не имея собственности, которую надо было бы защищать, он так же небрежно относился и к чужой собственности.

Наконец, увеличение крестьянского народоселения в Европ. России, уменьшало при каждом переделе площадь земельных участков. К концу XIX в. в наиболее населенных губерниях недостаток земли начал серьезно ощущаться. Революционеры широко использовали это положение, превратив этот вопрос чисто экономического характера в вопрос политический. Пользуясь недовольством крестьян, социалисты разных оттенков возбуждали крестьянские массы и толкали их на требование экспроприации частновладельческих земель. Ввиду создавшегося положения, которое прогрессивно обострялось, Председатель Совета Министров П. А. Столыпин, немедленно прибегнул к мерам чрезвычайной важ-

ности, которые, будучи доведены до конца, несомненно пресекли бы распространение марксистской пропаганды.

1. Столыпин решил широко использовать переселенческое движение крестьянских масс из Европ. России в Сибирь, начавшееся после окончания Великого Сибирского пути.

Выразивший желание выехать из Европ. России, избавлялся на долгое время от всяких налогов. Государство помогало ему деньгами и он получал в полную собственность участок земли в 15 гектаров, т. е., около 37 акров на душу и 45 гектаров на семью При этом каждой семье выдавалось пособие в 200 рубл., и она перевозилась со всем имуществом на казенный счет до места поселения.

В Сибири были устроены казенные склады земледельческих машин, снабжавшие население сельскохозяйственными орудиями по крайне низким ценам.

Эта мера имела огромный успех. В короткий срок Сибирское земледелие достигло полного расцвета, позволившего ввозить в Европейскую Россию и вывозить заграницу большое количество сельских продуктов, особенно масла и яиц.

2. Правительство Столыпина уполномочило Государственный Крестьянский Банк (созданный в царствование Императора Александра III) скупать помещичьи земли и перепродавать их крестьянам на исключительно льготных условиях. Предоставлялся долголетний кредит, доходивший до 90% стоимости земли при очень низком проценте (4½%, включая погашение).

Результатом этой меры было то, что в 1914 году более 80% пахотной земли в Европейской России оказалось в руках крестьян.*

Государственный Крестьянский Земельный Банк, считавшийся, и совершенно справедливо, самым крупным в мире учреждением земельного кредита, выдавал крестьянам ссуды, каковых было разрешено 222 миллионов руб. в 1901 г., а в

* К этому следует прибавить 40.000.000 десятин, т. е., около 100.000.000 акров, лично принадлежавших Императору Николаю II в Сибири, которые Он, не колеблясь, безвозмездно передал в крестьянский земельный фонд. На личные же средства Государя в уступленных им областях, были проведены дороги, построены школы, церкви и больницы.

1912 году он выдал до 1.168.000.000 руб. т. е., примерно, на 600% больше.

Ходячее мнение, издавна пущенное в оборот социалистами всех толков, будто крестьяне были „обездолены землею", ни на чем не основано. В действительности, Царское Правительство систематически стремилось увеличить площадь крестьянского землевладения, причем эта аграрная политика получила особенное развитие в царствование Императора Николая II. Этот факт с очевидностью подтверждается нижеследующими цифрами:

	в 1894 г.	в 1918 г.
Население (в миллионах)	122	182
Крестьянское землевладение (в миллионах десятин)	132	240
На одну дворянскую десятину приходилось крестьянских	2	5.5

К 1916 г. в руках крестьян и казаков в 50 губерниях Европейской России (кроме Кавказа и Царства Польского), было около 172.000.000 десятин **собственной** земли. Гражданам же всех других сословий принадлежало лишь около 85.000.000 десятин, из которых 18.000.000 десятин принадлежали мелким собственникам, обрабатывавшим землю личным трудом, без помощи наемной силы. Большая часть остальных 67.000.000 десятин были или под лесом, или в аренде у крестьян.

Таким образом, накануне февральской революции крестьянам на началах собственности и аренды принадлежали: 100% пахотной земли в Азиатской России и около 90% всей площади Европейской России.

3. Изданный 9 ноября 1906 года, так называемый „Столыпинский Закон", позволял крестьянину выходить из Общины и делаться индивидуальным и наследственным собственником земли, которую он обрабатывал.

Закон этот имел огромный успех. Тотчас же было подано 2,5 миллионов прошений о выходе на отруба от семейных крестьян в 463 специальные комиссии, занятые проведением этой реформы.

В 1913 году 2 миллиона семейств получили наделы. Для этой сложной работы была мобилизована целая армия (более 7.000 чел.) геодезистов и землемеров.

За несколько месяцев до I-ой Мировой войны 13% земель, принадлежавших общинам, перешли в индивидуальную собственность крестьян. Накануне революции Россия была уже готова превратиться в страну маленьких собственников, которые быстро обогащались.

Прав был бывший Министр Земледелия Кривошеин, заявив немецкому профессору Зеерингу, приехавшему в 1912 году в Москву во главе комиссии, которой было поручено ознакомиться с результатами Столыпинской аграрной реформы: -- „России необходимы 30 лет спокойствия, чтобы сделаться наиболее богатой и процветающей страной во всем мире".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таковы беспристрастные цифры и таковы неоспоримые факты. Ознакомившись с ними, каждый непредубежденный читатель не может не прийти к заключению , что вопреки систематической клевете революционеров всех толков и заядлых русофобов — „самостийников" и невежественных иностранцев, Россия в царствование Императора Николая II достигла высокой степени благостостояния, и это несмотря на неудачную для нее русско-японскую войну и революционные безобразия 1905 г. Более того, даже 1-я Мировая война, потребовавшая огромного напряжения народных сил и сопровождавшаяся колоссальными потерями в армии, не остановила поступательного развития экономической мощи Российского Государства. Мудрая и бережливая финансовая политика дала возможность скопить в Государственном Казначействе полуторамиллиардный золотой запас, который и обеспечил устойчивость рубля, как расчетной единицы, не только внутри Империи, но и на международном денежном рынке. А это, в свою очередь, позволило разместить заграницей многомиллионные заказы на предметы снабжения армии и в то же время явилось гигантским стимулом развития отечественной промышленности именно в трудные годы мировой войны.

Теперь смешно говорить о каких-то „достижениях революции" и „завоеваниях октября". Отречение Государя Николая II от Прародительского Престола явилось величайшей трагедией в тысячелетней истории России. Но не он, Царь-Мученик, был виновен в этом несчастье, а те, кто обманом и изменой, вырвали из рук Его власть. Вероломно составленный ими же, этими политическими проходимцами и клятвопреступниками, акт отречения, ознаменовавщий начало „великой и бескровной", с фатальной неизбежностью завершился кровавой вакханалией октября, торжеством сатанинского Интернационала, развалом дотоле доблестной и грозной Русской Императорской Армии, позорным Брест-Литовским миром, беспримерным злодеянием Цареубийства, порабощением многомиллионного народа и гибелью величайшей в мире Российской Империи, самое существование которой было залогом всемирного политического равновесия.

Государь Император в Ставке на совещании, окруженный министрами Своего Правительства. Сидят, слева направо Рухлов, В. Кн. Николай Николаевич, Государь Император, Председ. Правит. Горемыкин, Министр Двора граф Фредерикс. Стоят, слева направо: князь Щербатов, граф Игнатьев, Сазонов, Кривошеин, Барк, ген. Янушкевич, ген. Поливанов и кн. Шаховской

Ген.-Лейт. Свечин

НА РУБЕЖЕ XIX и XX СТОЛЕТИЙ СЛУЖБА ЦАРЮ и РОДИНЕ

Вследствие тяжелого заболевания почек, полученного при крушении царского поезда еще в 1888 году в Борках, осень 1894 года Государь Император Александр Третий проводил со своей Августейшей Семьей на южном берегу Крыма в Ливадии. Медицинские светила, прибывшие для лечения Государя, оказались не в силах побороть недуг, хотя больной был далеко не преклонного возраста — Ему было всего лишь 48 лет. Чувствуя приближение конца, как глубоко верующий, Государь просил прибыть для своего духовного напутствия почитаемого протоиерея Иоанна Кронштадтского.

Давая на своем смертном одре благословение своему Сыну, Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу, Император Александр Третий внушал Ему не нарушать чистоты Самодержавия и незыблемость государственных устоев. В устах умирающего Монарха лишь самодержавная власть может быть присуща для управления Св. Руси, как происходящая от Божественного Промысла. Это отцовское царственное поучение, видимо глубоко залегло в сознание вступавшего на престол молодого Императора, и, как будет видно, стало для Него, на всю Его жизнь, указанием необходимости

придерживаться в своем царствовании нерушимой самодержавной традиции, ибо не во власти Его, как человека, изменить указание данное свыше Провидением.

20 октября 1894 года в Бозе почил Император Александр Третий. 7 ноября поезд с телом Императора и с овдовевшей Его Супругой, Императрицей Марией Федоровной и Августейшими Детьми, в том числе и молодым 25-тилетним Императором Николаем Вторым Александровичем, прибыл из Ливадии в Санкт-Петербург. Огромной похоронной процессии предстояло проделать длинный путь от Николаевского вокзала до Петропавловского собора, в котором покоились члены Императорской фамилии со времен Петра Великого. Этот путь еще удлиннялся все еще продолжавшимся ледоходом, когда понтонные мосты того времени, Троицкий и Дворцовый, были разведены. Приходилось пройти весь Невский проспект, и, свернув у здания Сената на набережную Невы, воспользоваться постоянным Николаевским мостом и через Васильевский остров дойти до Петербургской Стороны, где находилась Петропавловская крепость. Весь этот длиннейший путь с литиями у Казанского и Исаакиевского соборов продолжался не менее шести часов.

Молодой Император, в форме Преображенского полка (в котором смерть Его Отца застала Его командиром 1-го батальона) в легком пальто и барашковой шапке, следовал пешком за катафалком. За Ним следовал ряд траурных карет Императрицы, Великих Княгинь и Княжен, и многочисленная Свита. Можно себе представить, какой ряд мыслей, за столь долгий похоронный путь, терзал только что вступившего на Престол Величайшей Российской Империи!

Войска Петербургского гарнизона, юнкера Военных Училищ, кадеты Корпусов, со своими знаменами и штандартами, и с полковыми оркестрами, стояли шпалерами на всем пути следования процессии. Траурная тишина, сопровождавшая ее, наполнялась звуками похоронных маршей на всем пути ее следования. Проходя в то время курс Николаевского Кавалерийского Училища, которое по общему распорядку стояло в конном строю на Знаменской площади против Николаевского вокзала, откуда брала свое начало процессия,

Е. И. В. Государь Император Александр III,
Самодержец Всероссийский

позволяло моим однокашникам и мне быть свидетелями этой торжественной и печальной церемонии.

***

Еще в марте 1894 года Наследник Цесаревич Николай Александрович получил согласие и благословение Августейших Родителей на свой брак с Принцессой Алисой Гессенской, старшая сестра которой, Елизавета Феодоровна, была в замужестве за Вел. Князем Сергеем Александровичем.

Выезд Императора Александра III с Императрицей
по городу для различных посещений

Принцесса Алиса, еще до болезни Императора Александра Третьего прибыла в Петербург, где и занялась изучением русского языка и догматов Православной веры.

Траур по почившему Императору осложнял дату венчания молодого Императора, но, по государственным и династическим интересам, было решено, как это было условлено заранее, не откладывать бракосочетание на год до окончания траура, а совершить венчание 14 ноября, в день рождения Императорицы Марии Феодоровны.

Венчание было совершено в церкви Зимнего Дворца и, после скромной трапезы с близкими им лицами, новобрачные отбыли в Аничков дворец, где, на первое время, они установили свое пребывание в столице.

Этот проезд из Зимнего дворца в Аничков оказался всенародно триумфальным. Уже заранее огромная толпа, в ожидании царского проезда, заполнила весь путь и с большим энтузиазмом и овациями приветствовала молодую Царскую Чету. Перед Аничковским дворцом толпа полностью запрудила весь Невский проспект и радостными кликами вызывала Их Величества подойти к окну. Царь и Царица много раз

подходили к раскрытому окну и отвечали на приветствия. На следующий день петербургские газеты вышли с подробными описаниями этих грандиозных оваций русского народа в честь императорской Четы.

**
*

Конец маневров в 1895 году в Петербургском Округе заканчивался 12 августа, на которых, как Монарх, впервые присутствовал молодой Император. На этот же день был назначен смотр всем войскам Красносельского лагеря. По окончании смотра предстояло производство в офицеры окончивших курс пажам и юнкерам среди которых и я находился, для чего мы были вызваны к так называемому Царскому валику, на самом высоком месте огромного военного поля.

Это был первый год вступления на прародительский Престол нашего, увы, последнего Державного Вождя, Государя Императора Николая Александровича, так зверски убитого впоследствии врагами русского народа.

День производства в офицеры был большим событием в жизни молодежи, предназначавшей себя к военной карьере. Мы из учеников-юнкеров становились равноправными российскими гражданами-офицерами, вступая на служение в могучую нашу армию за Веру, Царя и Отечество! Понятно, что этот день у нас запечетлевался на всю жизнь!

Молодой Император, еще не совсем освоившийся с возложенными на Него, Божьей милостью, трудами, обратился к нам с милостивыми словами, которые были выслушены с волнением и глубоко запали нам в душу.

Государь подошел к нам, обвел своим чарующим взглядом выстроенных юных юнкеров и пажей, и с любовной улыбкой произнес: „Служите верой и правдой России и Мне. Любите Родину и будьте справедливы к подчиненным. Поздравляю Вас с производством в офицеры!". Громкое ура вырвалось из наших грудей...

**
*

Государь обыкновенно посещал полки квартировавшие в Петербурге и его окрестностях в дни их полковых праздников. Церемония состояла в кратком молебне перед строем празднующих частей, затем прохождении церемониальным

маршем перед Державным Вождем и приглашении офицеров к завтраку во Дворец, после которого Государь беседовал с ними.

Я имел честь служить Л.-Гв. в Кирасирском Ее Величества полку, Шефом коего была Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, имевшая свое жительство в Гатчинском Дворце. Здесь же квартировал наш полк праздновавший свой полковой праздник 9 Мая. Нам повезло праздновать его в этот весений день и природа нас баловала, почти всегда посылая солнечную погоду, когда огромные Гатчинские парки были все в цвету.

К весне 1897 года было закончено наше новое полковое офицерское собрание построенное на участке земли подаренном Государыней от дворцового парка. Освящение этого особняка наш Шеф приурочил к нашему полковому празднику 9 мая.

Как обыкновенно к этому дню съехались в Гатчину, где проживала Вдовствующая Царица, Государь, молодая Государыня, Великие Князья, Княгини и Княжны, а также ранее служившие в полку наши бывшие однополчане.

После парада, происходившего на плацу перед дворцом, Их Величества посетили в полковом лазарете больных кирасир, а затем с Вел. Князьями и свитой направились для торжественного освящения и открытия собрания.

Их Величества обошли помещение, которое духовенство окропило святой водой, и выразили командиру полка их полное удовольствие видеть прекрасно отстроенное собрание и поздравили с его открытием.

Затем, Их Величества, со всей свитой, вышли на террасу, где на столике стояли: графинчик водки, чарки и черный хлеб. В роще были расставлены столы с празничными яствами для кирасир, которые стояли тут-же у столов, а впереди находились офицеры. Около террасы нового Собрания полковые дамы живописной группой окружали Шефа полка, Государыню Императрицу Марию Феодоровну.

Государь подошел к столику, налил чарку и выпил за славу и процветание полка, — последовало громкое ура кирасир и полковой марш трубачей. Затем командир полка, с разрешения Его Величества, поднял чарку за здравие Государя

Государь с Государыней возвращаются с маневров в эпоху до автомашин

Императора, покрытое гимном и ура, а другую чарку за Царицу Шефа с исполнением полкового марша и тем же громким ура.

Затем совершенно неожиданно, для нас, офицеров полка, произошло событие, имевшее большое значение в жизни полка.

Государь подозвал к Себе Своего Брата Вел. Кн. Михаила Александровича и положив руку Ему на плечо, произнес следующие милостивые слова: — „По просьбе Шефа полка, просьбу которую Я вполне разделяю, в ознаменование сегодняшнего праздника, Я зачисляю в полк Брата моего Вел. Кн. Михаила". Понятно, последовало громкое ура и полковой марш.

Застенчивый и скромный Великий Князь, коему едва исполнилось 19 лет, пытался замешаться среди стоящей сзади свиты, но, Вел. Князь Сергей Александрович, наш Августейший однополчанин, подхватил Его и заставил, при улыбке Шефа и полном восторге офицеров, налить и выпить чарку за полк.

Из собрания Их Величества отбыли во дворец, где, в Высочайшем присутствии, как это обычно бывало на полковых праздниках, состоялся завтрак с офицерами полка, после которого Их Величества беседовали с нами.

**
*

Находясь в союзе с Францией, мы должны были согласовать свои стратегические планы с нашей союзницей на случай выступления центральных держав.

Генеральные штабы обоих государств уже давно вели, через своих военных представителей, соответствующие переговоры. Главное затруднение состояло в согласовании сроков мобилизационной готовности, дабы иметь возможность одновременно дать отпор неприятелям. Разрешение этого вопроса было очень трудной задачей: мы, с нашей обширной территорией и сравнительно слабой сетью путей сообщения, и близко не могли поспеть за готовностью немцев. А это ставило Францию в тяжелое положение: перспективу принять на себя, на первых порах войны, главную массу неприятельских сил. Необходимо было найти решение, которое должно было бы облегчить положение французской армии.

Этот, и еще многие другие вопросы и представляли предмет обмена мнений между генеральными штабами.

Лучшим способом для согласования являлись не письменные сношения, а личные переговоры, к чему склонялся Государь, а потому и распорядился пригласить на лето 1913 года Начальника Французского Генерального Штаба генерала Жоффра (будущего Главнокомандующего французскими войсками в первую мировую войну и маршала), в сопровождении большой делегации из выдающихся специалистов. Среди них был близкий сотрудник ген. Жоффра, полковник Вейган. Всего было приглашено 20 высших генералов и офицеров. На время пребывания делегации, к ней было прикомандировано несколько офицеров Генерального Штаба, в том числе и я.

Делегация провела у нас 6 недель. Была принята Императором. После торжественного обеда в Петергофском дворце, близ летней резиденции Августейшей Семьи, Государь провел более полутора часа в беседах с Жоффром и лицами прибывшими с ним. А затем неоднократно встречался с приезжей делегацией на маневрах.

Государь беседует с ген. Жоффром на маневрах в 1913 г.

На все время пребывания делегации было выработано расписание, как для переговоров в Управлении Генерального Штаба, так и для посещения полков, маневров и практических стрельб артиллерии. Всюду делегация с большим интересом наблюдала нашу подготовку в тактическом отношении, основанную на опыте Японской войны. Большое впечатление произвела наша подготовка в обороне крепости Кронштадт: наши батареи, расположенные в форте Ино но Финляндском берегу и у Красной Горки за Ораниенбаумом, своим огнем перекрывали подход по морю к крепости, стреляя на дистанцию свыше 20 километров.

Генерал-Инспектор артиллерии Вел. Князь Сергей Михайлович показал им комбинированные стрельбы полевой артиллерии на обширнейшем полигоне за Лугой с управлением сосредоточения огня.

По окончании работ, ген. Жоффр с делегацией был принят Государем с прощальным свиданием в Красном Селе. Ген. Жоффр выразил от имени Франции, а также и от своего, глубокую благодарность за поучительный и широко гостеприимный прием. Государь предложил французской делегации поехать осмотреть достопримечательности Москвы, для

чего был составлен специальный поезд, с которым мы, прикомандированные при французской делегации, сопровождали ее в Москву, а затем через Варшаву на германскую границу, где делегация переходила в немецкий вагон. Все русские офицеры, состоявшие при французской делегации за всё время ее пребывания в России, были награждены французскими орденами.

После пронесшегося революционного движения 1905 года, с которым Правительственная власть справилась, сделавши уступку созывом Государственной Думы и преобразованием Государственного Совета, жизнь государства начала налаживаться после манифеста Императора от 17 октября. В экономическом отношении наша страна делала большие успехи. Для полного успокоения и прочного устройства жизни нашего обширного Отечества было желательно — укрепление Государственной власти некоторыми необходимыми преобразованиями, которые выдвигались жизнью.

На должность Председателя Совета Министров и Министра Внутренних Дел, Государь выдвинул П. А. Столыпина, который своей большой государственной деятельностью оправдал Монаршее доверие. Среди своих обширных работ, Столыпин предпринял огромную земельную реформу с насаждением собственников-крестьян.

Петр Аркадьевич сумел завоевать себе, для проведения своих мероприятий, большинство Государственной Думы, но, как ему хотелось, он не смог найти контакта с „кадетской" (т. н. партией „Народной Свободы"). В последнюю входили, главным образом, интеллигентные силы населения, поддержка которых увеличила бы авторитет власти. Кроме того, желательность быть в контакте с этой партией требовалось еще и потому, что в руках ее находилась большая часть отечественной (антиправительственной) прессы — нерва Государства.

К сожалению отмеченная партия, по особому упрямству своих лидеров, предпочитала лучше быть в саботирующей оппозиции и, в конце концов, по своей недальновидности, расшатывала государственную власть, играя в руку левых элементов и, как это выяснилось в 1917 году, подпиливала тот сук, на котором и сама сидела.

С другой стороны — крайне правой — Столыпин также не получил поддержки. Особенно разногласие получилось у него с правыми от внесения закона о введении земских учреждений в Северо-Западном крае. Этот законопроект был одобрен и утвержден Думой и отвергнут Государственным Советом, большинством голосов собранных П. Дурново.

П. А. Столыпин решил не затягивать этого нужного мероприятия, вновь внесением его в Думу, а провести его по 87-й статье Основных Законов, которая предоставляла возможность Правительству ввести его в действие во время отсутствия заседаний обеих Палат. Для чего необходим роспуск Палат, хотя бы на несколько дней. Но роспуск Палат требовал подписи Верховной Власти.

Государь вообще не был склонен к этой крайней мере, которая, без особой нужды, лишь могла вызвать неудовольствие. Императрица, симпатии которой начинали склоняться не на сторону Столыпина, считая его слишком властным в должности премьера-министра, видимо была против его решения.

Поэтому, чтобы получить подпись от Государя, Столыпину пришлось ультимативно поставить вопрос перед Верховной Властью — о подаче в отставку в случае несогласия. Вырвав, таким образом, подпись под Указом, Петр Аркадьевич невольно оттолкнул от себя расположение к нему Государя, который, оценивая государственную работу Столыпина, не мог отрешиться от неприятной ему ультимативной настойчивости.

В те времена, в столичном обществе, уже начались толки что вряд-ли Столыпин долго удержится у власти. К сожалению террористический акт — убийство Столыпина — ускорил события.

Его заместитель Коковцев, Министр Финансов в министерстве со времен председательства известного деятеля графа Витте, главным образом, вникал и направлял финансовые дела государства, мало вникая во внутренние дела. И начатые Столыпиным реформы оставались без движения.

В скорости начатая и затянувшаяся война потребовала громадного напряжения всех сил Государства. Большие по-

тери и ряд неуспехов, конечно не могли не отразиться на состоянии духа и умов населения.

Для доведения войны до победного конца необходимо требовалась твердая власть и смелая политика. К сожалению, в переживаемое тяжелое для нашего Отечества время, среди деятелей, стоящих у кормила власти — не нашлось нужных людей и шла чехарда на министерских постах.

***

Отеческое Царственное завещание, которое я отметил в начале этой статьи, глубоко залегло в сердце Императора Николая II и следовать коему Он считал необходимым.

К этому же побуждала впоследствии и Супруга-Императрица. Несмотря на свое былое протестантство и образование полученное, главным образом, при дворе конституционной, но властной английской королевы Виктории, Государыня, с большой проникновенностью, не только по форме, но и по духу, восприняла православие и глубоко верила в правоту Божественного начала власти.

Тяжелые события: начиная с потрясших царственную Чету Ходынским несчастием, затем в долгом неисполнении надежды ожидания рождения Наследника, коему будет передана, в полной чистоте власть царствования, а когда таковой появился то оказался больным ужасной, неизлечимой болезнью — гемофилией, переданной Царицей и бывшей в крови Её семьи, — всё это не могло не повлиять на Ее психику.

Эти испытания еще более настроили Императорицу в религиозном направлении, которое, в Ее мистическом воображении, заставляло верить в то, что испытания посылаются для того, чтобы сбить с пути тот идеал, которым Царица всецело прониклась. А потому, нужно еще более стойко проявить всю свою волю, дабы не сойти с пути, начертанном в душе.

Все это, при личном характере Императрицы, укрепляло и настроение Царя в исполнении завещания Отца.

Но то что было, в те времена, по плечу властному Александру III-му, далеко было не по силам, в прогрессировавшей обстановке, Николаю II-му. Александр III внушал к себе покорность, начиная с лиц Имперской фамилии, министры

Государь Император в форме Л.Гв. Конного полка
и Наследник Цесаревич в форме Л.-Гв. 4-го стр.
Императорской Фамилии полка

трепетали перед ним. Известна его иностранная политика, которой он мог получать согласие великих держав и тем сохранять мир. Он не побоялся резко отклонить требования властной королевы Англии в инциденте с занятием Кушки, на границе с Закаспийской областью.

Но что было возможно тогда, становилось невозможным теперь. Обстановка за четверть века сильно изменилась, жизнь в нашем обширном Отечестве шла своим чередом и

требовала, для своего дальнейшего развития — некоторых реформ.

Доходили сведения о пожелании некоторых слоев русского общества, включая и близких Трону лиц Императорской фамилии, о даровании „ответственного министерства", что дало бы успокоение, уменьшало предлоги для пропаганды и ограничивало деятельность Распутинских подхалимов...

Между тем пропаганда и ложные наветы ширились, готовя гибель государству. К сожалению, даже лидер умеренной партии, с кафедры Государственной Думы, как пропагандист на митинге, чтобы заслужить аплодисменты, бросает грязную фразу в отношении Императрицы, не отдав отчета в ее ложности. И тем разжигая страсти, ведущие ко вреду Родине.

Обстановка стала более тревожной после убийства Распутина, когда газеты всех направлений печатали отчеты об этом и начала сгущаться, когда резкие дебаты в Думе, отчеты которых помещались в газетах, стали, достоянием широких слоев населения.

Все вело к тому, что старая историческая власть в России, создавшая Великую Империю, под влиянием злостной и лживой пропаганды — не выдержала, рухнула и погребла с собой всех, включая жаждущих ее падения и не считавшихся с тем, что Отечество переживает грозное время тяжелой войны.

Подлинный облик Царя-Мученика, как человека, христианина и монарха.

В. М. Федоровский

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II и ЕГО ФЛОТ

„Верь, Государь! Тебя добром помянет,
Благословит несчастный Твой народ,
Когда Россия русской станет,
И ложь февральскую, как грязь, с чела сотрет".

В. Петрушевский

Император Николай II-й вступил на Престол своих Предков совершенно неожиданно. т. к. богатырское здоровье Императора Александра III-го не предвещало Его преждевременной кончины.

Ставши Всероссийским Самодержцем двадцати шести лет от роду, Император Николай II-й по своему возрасту не мог обладать значительным житейским опытом, да и в служебном отношении Он занимал такие должности, которые не могли дать Ему достаточный опыт. Будучи Наследником, Он дошел до должности батальонного командира Л. Гв. Преображенского полка, имея чин полковника. В этом чине Он оставался до конца своей жизни. Тем не менее, Его теоретические познания в военном деле, подкрепленные службой, давали Ему возможность правильно в этом разбираться. Сознавая свою недостаточную подготовку, Государь никогда не прекращал пополнять свои знания, стараясь почерпнуть их от опытных лиц и из усиленного чтения книг. В делах

сложного административного управления огромной страной, занимавшей шестую часть земной суши, Он был вынужден пользоваться советами ответственных лиц. Сознание долга, строгое отношение к Себе, деликатное обращение с окружающими и скромность заставляли Его думать, что опытные государственные люди, конечно, должны знать порученные им дела лучше Его. Всё это побуждало Государя, особенно в начале Его царствования, прислушиваться к мнению Своих сотрудников и ценить их советы выше Своего мнения. Однако, эти сотрудники не всегда оказывались на высоте и, зачастую, то ли по недостатку осведомленности или ошибочному пониманию событий, то ли из-за личных выгод, направляли своего Государя на неправильный путь.

Совершенно иначе обстояло положение с морским делом, с которым Государь познакомился еще в детстве, во время летних плаваний на Императорских яхтах в Финляндских шхерах. Здесь, на борту яхт и на берегу, Его Отец Император Александр III-й наслаждался коротким отдыхом от государственных дел и вел жизнь обыкновенного человека, не соблюдая придворного этикета, занимаясь даже рыбной ловлей, которую Он любил. Отсюда, говорят, была пущена Его крылатая фраза: „Когда Русский Царь ловит рыбу, Европа может подождать". Так, якобы, Он ответил на просьбу немедленно принять посла одной из великих западных держав, поведение которой не нравилось Царю. Впрочем, и в других случаях этот волевой и сильный Монарх любил высказать свои мысли ясно и откровенно, не особенно стесняясь в выражениях, даже в разговорах с коронованными особами. Когда, однажды в разговоре с Ним, Германский Император Вильгельм II-й предложил Ему поделить мир между Россией и Германией, то Александр III-й, презрительно посмотрев на него, ответил с насмешкой: „Перестань вести себя, как крутящийся дервиш, Вилли! Посмотри-ка на себя в зеркало!" Такой же определенный язык Он употреблял, в нужных случаях, со Своими подданными. На донесении, описывающем непристойное поведение одного сановника с чужой женой, Он написал на полях: „Выбросить эту свинью прочь со службы!" Также было известно Его решение, когда вдова заслуженного генерал-адъютанта адмирала

Государь Император в морской форме

С. С. Лесовского,*) решив вторично выйти замуж, обратилась с всеподданейшим прошением об оставлении ей, в изъятие из закона, пенсии покойного мужа. В своем прошении вдова высказала уверенность, что Государь и Россия не забыли адмирала. На этом прошении Император положил резолюцию: „Ни Я, ни Россия не забыли почтеннейшего Степана Степановича, а вдова забыла — отказать".

Обожая Своего Отца, крайне вежливый и застенчивый Император Николай II-й никогда не мог заставить Себя следовать этой манере покойного Царя с Его прямотой.

---

*) В чине контр-адмирала командовал Русской эскадрой, приходившей в С. Ш. во время Гражданской войны в 1863 году.

В бытность Свою Наследником, Император Николай II-й еще ближе познакомился с морской службой и моряками во время продолжительного плавания в Японию на эскадре адмирала Басаргина.

В первое десятилетие Своего царствования, Государь, веря докладам ответственных лиц, был уверен, что в Русском Флоте все обстоит благополучно. Поэтому совершенно потрясающими и невероятными казались неудачные действия нашего Флота во вспыхнувшую Русско-Японскую войну, начиная с вероломного, без объявления войны, нападения Японского Флота на наши суда, стоявшие на Порт-Артурском рейде и кончая трагическим разгромом Тихоокеанской эскадры в Цусимском бою. Виной всему происшедшему была наша техническая отсталость и нежелание верить в возможность войны. Надежда на быстрое поражение Японии — „шапками закидаем!" — оказалось далекой от действительности.

Развитие морской техники требовало много усилий и работы, а административная часть нашего Флота отставала. Разведка была поставлена из рук вон плохо. В 1953 году,*) пишущий эти строки, путешествуя по Марокко, встретился со своим старым директором в Морском Корпусе адмиралом А. И. Русиным, бывшем перед войной с Японией, в чине капитана 2-го ранга, морским агентом в Японии. Адмирал рассказывал, что на средства, отпускаемые на морскую разведку, было невозможно нанять даже единственного захудалого шпиона. Поэтому А. И. сам собирал нужные сведения, почерпывая их, главным образом, из чтения газет на английском языке, которые неосторожно и довольно часто давали возможность умному морскому агенту вывести соответствующие заключения, как о строющихся судах для Японского Флота, так и о подготовке Японии к войне. А. И. Русин неоднократно предупреждал о морской силе Японии и о неминуемой близости войны. К сожалению, эти донесения не производили должного впечатления под адмиралтейским шпицем и были оценены по достоинству лишь после катастрофического для Русского Флота конца войны.

---

*) Разговор с адм. Русиным взят из статьи автора „Бушидо", напечатанной в № 231 журнала „Наши Вести".

Адмирал Степан Осипович Макаров (1848-1904)
погиб на броненосце „Петропавловск" в Русско-Японскую войну.

Новые типы кораблей, появившиеся в этот период требовали умелого обращения со сложными механизмами, которое достигается только практикой, т. е. постоянными плаваниями. Наши же корабли, для соблюдения экономии, за малыми исключениями, плавали только 3-4 месяца в год, а остальное время стояли у стенок портов без команд, списываемых на берег в наличие экипажей. Во многих случаях даже эти краткие плавания бывали лишь стоянками, на якорях и бочках, в своих отечественных портах. Впрочем, критики нашего Флота и его действий в Русско-Японскую войну вообще, а в Цусимском бою, в частности, не всегда ясно понимали истинное положение вещей. Надо сказать, что в посылке наших эскадр на Дальний Восток, в эту войну, большую роль сыграло так называемое „общественное" мнение, в подавляющем большинстве случаев ведомое нашими „либералами". Последние создали это мнение, воспользовавшись газетными статьями экспертов. Для этой цели был особенно полезен

для них автор, носящий морской мундир — капитан 2-го ранга Кладо. В своих статьях, бьющих на популярность, этот флотский офицер потопил истину в массе ловких доводов, вычислений и различных „коэффициентов", в которых широкая публика весьма мало понимала, слепо веря автору, т. к., на самом деле, за ним числилось не мало заслуг в области распространения военно-морских знаний. Шумиха, поднятая этими статьями и нажим общественного мнения на Правительство, якобы, не желавшее с этим мнением считаться, вынудили, в конце-концов, согласчться на посылку эскадр.

После долгих обсуждений, в мае 1904 года, Свиты Его Величества контр-адмирал Рожественский был назначен командовать эскадрой, предназначенной для отправки из Балтийского моря на Дальний Восток. Трудно перечислить все те трудности и неприятности, которые ему приходилось переносить на каждом шагу, начиная с этого времени. Он был вынужден сражаться на нескольких фронтах: против т. наз. экспертов, против „либералов", во многих случаях сознательно жаждавших поражения России, дабы устроить революцию, и, наконец, против Японского Флота. Адмирал стремился возможно скорее отправиться на Восток, чтобы снять осаду Порт-Артура и сразиться с Японским Флотом. Он был взбешен, когда узнал, что, под давлением общественного мнения, Адмиралтейство навязывает ему старые „калоши" и „утюги", а также древние деревянные суда, которые бы горели, как сухое сено, после попадания в них взрывчатых снарядов с японских судов. Принужденный взять часть этих инвалидов, адмирал с ужасом убедился, что только что законченные постройкой корабли, тоже имели тьму дефектов. Было уже поздно перестраивать эти корабли: японцы продолжали аттаковать Порт Артур с удвоенной энергией и положение крепости было критическим. Надо было уходить на помощь и уходить скорее... Эскадре предстояло пройти до Дальнего Востока больше 20.000 миль, встречая на пути всяческую погоду и не имея между Либавой и Порт Артуром ни одной базы, где можно было бы производить ремонт и грузиться углем. Качество судовых команд тоже сильно беспокоило адмирала. Команды были плохо обучены и мало плавали, а некоторые матросы только впервые вступили на палу-

Свиты Е. В. Контр Адмирал
Зиновий Петрович Рожественский

бу корабля. Кроме того, уходя в далекое и тяжелое плавание, корабли уже имели у себя на борту зародыши политической заразы. Поднявшие голову враги Родины и государственного строя сделали все возможное, чтобы посеять в умах уходящих команд семена, убивающие воинский дух. На

кораблях обнаруживались повреждения, бывшие, видимо, результатом саботажа.

Адмирал вникал во все детали и работал без устали, не щадя своего здоровья. Он не обращал никакого внимания на предостережения врачей и держался на ногах, надо думать, только благодаря безупречному сознанию долга и своей железной воли. Ему удалось, насколько это было возможно, получить цвет офицеров Российского Флота и он надеялся, что под их руководством неопытные матросы будут, за время длительного плавания, превращены в настоящих моряков.

После бесконечных задержек и помех, в серый октябрьский день 1904 года, 2-я Тихоокеанская эскадра, наконец, покинула отечественные воды. Дул холодный, пронизывающий ветер, по свинцовому небу мчались мрачные тучи. К вечеру пошел дождь. Казалось вполне возможным, что японцы не упустят случая аттаковать эскадру в самом начале войны. Они старались использовать свой тесный союз с Великобританией, чтобы сделать поход Русской эскадры возможно более трудным. В первый же день похода были получены сведения, что на курсе Русской эскадры были замечены какие то таинственные миноносцы, идущие без огней. Через несколько дней эскадрой были обнаружены какие-то миноносцы, прятавшиеся за английскими рыболовными судами. Видя их странные действия, Русская эскадра обстреляла их. Тут сказалось отсутствие опыта и „сплаванности" эскадры. Был открыт беспорядочный огонь, причинивший некоторые повреждения не только рыболовным судам, но и своим собственным. Отряд крейсеров оказался не на положенном ему по дислокации месте и, осветивши своими прожекторами броненосцы, был ими обстрелян. Таким образом был создан пресловутый Гулльский инциндент, который был раздут английской прессой, утверждавшей, что никаких миноносцев, кроме русских, там не было. На самом же деле русские миноносцы находились в это время не ближе двухсот миль от места происшествия. Ложь английской прессы была документально опровергнута адмиралом Рожественским и английские газеты перестали упоминать о „русских" миноносцах. Приходилось читать в печати, много лет спустя, что

сами японские морские офицеры не скрывали, что в этом инциденте участвовали их миноносцы. Тем не менее, кампания против Рожественского продолжалась с еще большей энергией: требовали его немедленного смещения, называя русскую эскадру „эскадрой бешеной собаки". Впрочем, страсти скоро улеглись, но после этого Англия начала еще более открыто оказывать помощь Японии, не стесняясь весьма часто нарушать при этом международные законы.

Дальнейшее плавание проходило в необычайно тяжелых условиях, но, несмотря на жестокие штормы, мучительный зной тропиков, бесконечные поломки механизмов, невозможность захода во встречные порты для починок и погрузки угля, непрекращавшиеся интриги и неприятности, чинимые Англией, Русская эскадра, с невероятными усилиями, упорно продвигалась вперед. Во время свирепых штормов и ураганов, адмирал по целым неделям не покидал мостик. Здоровье его сильно ухудшилось — он стал похож на мертвеца и с трудом передвигался. Временами интриги Англии, тупость отечественной прессы и даже Адмиралтейства, при напряженных, как струны, нервах, выводили его из себя и приводили в бешенство.

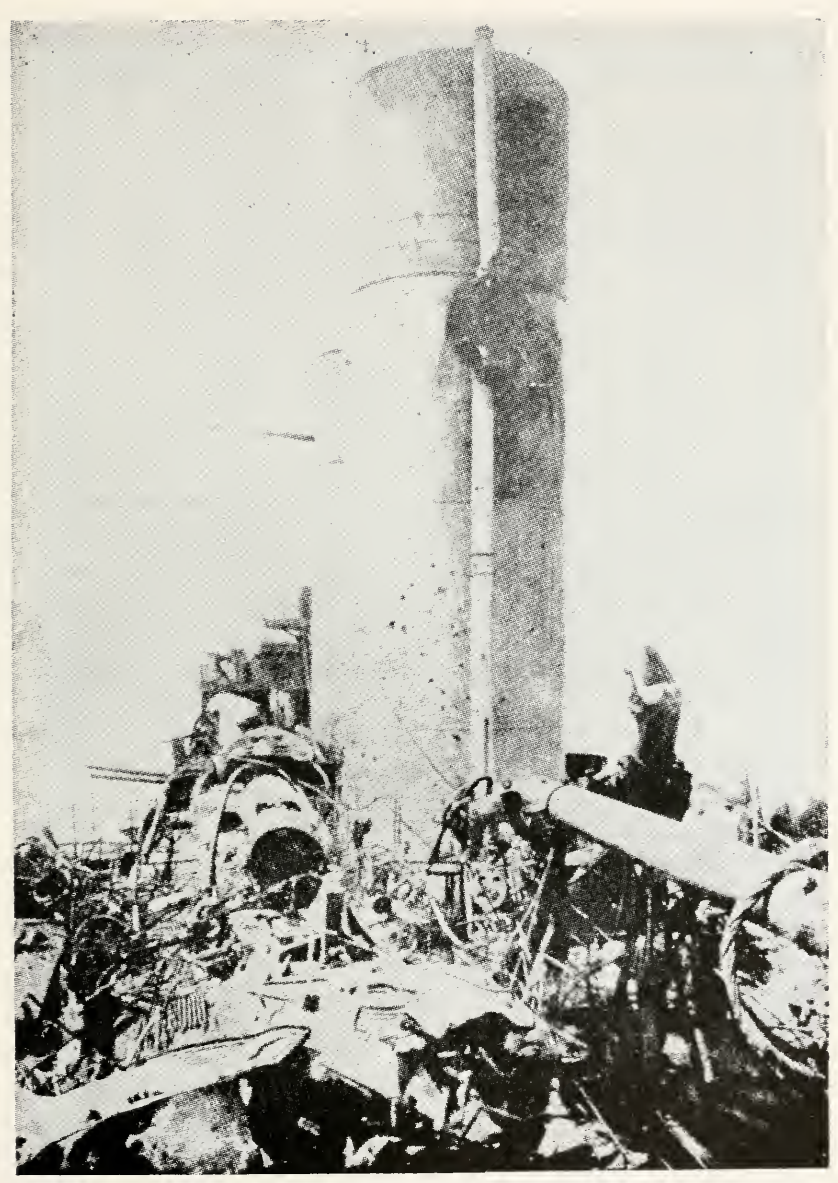
Во время вынужденных стоянок, как например, на Мадагаскаре, в Nossi-Be, под палящими лучами тропического солнца, в удушающей сырости, дико страдал экипаж кораблей. Малейшее движение вызывало потоки пота. Из густых джунглей доносились, непривычные для русского человека, запахи и звуки. Почти все страдали от тропической экземы, вызывавшей невыносимую чесотку и зуд. Люди расчесывали себя до тех пор, пока с них не лилась кровь. Они лили спирт и даже керосин на свои раны. Некоторые, не вынося мучений, прыгали за борт, в воду, кончая самоубийством. Многие страдали от тропической лихорадки; не редки были случаи, когда люди сходили с ума.

Адмирал старался, в рабочее время, держать людей все время занятыми. Под его руководством, на эскадре шли непрерывно различные учения и проделывались боевые маневры.

После тропического ада в Nossi-Be, русские команды жаждали боя и почти верной смерти, как желанного освобождения от мук.

В мае 1905 года, у берегов Индо-Китая, к 2-й Тихоокеанской эскадре присоединилась эскадра под командованием контр-адмирала Небогатова — так называемая 3-я Тихоокеанская эскадра, посланная из Балтики для усиления эскадры Рожественского. Это добавление, присланное вопреки желанию адмирала Рожественского, опять таки по настоянию общественного мнения и прессы, было тяжкой обузой адмирала и его эскадры. Когда инвалиды и ветераны Небогатова подошли ближе, команды 2-й Тихоокеанской эскадры приветствовали их громким „ура", но это было лишь приветствие старым друзьям, но отнюдь не прибывшему подкреплению. Беглый взгляд на Небогатовские „калоши" был достаточен, чтобы оценить сорт этой помощи. Старотипные высокие трубы и короткие корпуса ясно показывали, что эти корабли принадлежат другой, давно ушедшей эпохе и являются скорее музейной редкостью, чем боевыми единицами. Теперь ничто не удерживало флот от дальнейшего движения.

14 мая весь флот направился к Корейскому проливу. К ночи нашел туман и Рожественский начал надеяться, что ему удастся прорваться во Владивосток (к этому времени Порт Артур уже пал). Его флагманский броненосец ночью перехватывал вражеское радио. Японские дозорные суда очевидно еще не обнаружили Русского флота. На рассвете туман начал рассеиваться и японские дозоры начали усиленно переговариваться между собою. Когда об этом доложили Рожественскому, он догадался, что японцы обнаружили его эскадру. Было темное, туманное утро, день коронации Государя Императора, когда Русская эскадра, выйдя из тумана, появилась у Укушима, где и была обнаружена японскими крейсерами, которые боя не приняли и быстро скрылись за пеленой тумана. В полдень, Русский флот, будучи между о. Цусима и о. Икишима, лег на курс, ведущий во Владивосток. Вскоре, из тумана, как грозные призраки выплыли один за другим мощные корабли — главные силы Японского флота. Запели звуки горнов и к клотикам мачт поползли стень-

Броненосец „Орел" после Цусимы

говые Андреевские флаги — Русская эскадра принимала бой. На кораблях царило мертвое молчание... Все глядели на

быстро приближающиеся броненосцы с развевающимися флагами Восходящего Солнца. На японском флагманском броненосце развевался сигнал: „Судьба Империи зависит от этого боя. Пусть каждый исполнит свой долг".

Флагманский корабль Рожественского „Князь Суворов" первый открыл огонь по Японскому флоту. Начался Цусимский бой. Не имеет смысла повторять здесь о давно известных фазах этого боя. Достаточно только напомнить об этом бое в общих чертах и сказать, что это сражение закончилось почти полным уничтожением нашего флота. Это было поражение несравнимое по своим результатам ни с каким либо другим морским боем. Но в этом сражении погибла лишь материальная часть Русского флота. Героически гибли корабли, отстреливаясь из последних уцелевших орудий, с уходящих уже в воду палуб. В этом сражении выявилось превосходство японских судов — они могли развивать скорость хода недоступную для русских кораблей, дальнобойность их орудий и сила взрывов снарядов была значительно выше нашей.Их снаряды причиняли ужасающие разрушения и выделяли ядовитые газы. Уже в первый час боя, русские корабли начали выходить из строя и были похожи на плавающие погребальные костры, объятые пламенем и окутанные густым дымом. Их трубы, башни и надстройки были разрушены, стальная броня палубы и корпусов сплошь пронизаны снарядами. Палубы были покрыты кровавым месивом из изуродованных человеческих тел и развороченной стали, но до последнего момента артиллерийская прислуга оставалась на своих местах, нанося удар врагу. Около пяти часов пополудни миноносец „Буйный" снял с гибнущего „Суворова" адмирала Рожественского. Он был ранен четыре раза. Его череп был проломан и, как стало известно позже, часть черепной кости вонзилась в его мозг. Бой продолжался, принося истребление Русской эскадры, но там проявились такие героические подвиги, что пораженные не казались побежденными. На Японской эскадре самые большие броненосцы — „Миказа", „Шикишима" и „Фуджи" тоже сильно пострадали: орудия повреждены, мачты и надстройки сбиты, борта продырявлены. Много других японских кораблей было не в лучшем состоянии. Японцы все время придерживались своей

тактики, разбивая один неприятельский корабль сосредоченным огнем и переходя на следующий.

Наконец, вечер спустился над океаном. Туман, смешанный с клубами дыма, начал рассеиваться. Звезды начали появляться за красноватыми облаками.

Японский командующий флотом адмирал Того поднял сигнал: „Прекратить огонь". Трагический день Цусимского боя окончился... Уцелевшие остатки армады, под командованием адмирала Небогатова, продолжали идти к Владивостоку.

На следующее утро, Небогатов, имея свой флаг на старом броненосец „Император Николай I", с тремя такими же ветхими броненосцами и легким крейсером „Изумруд", был окружен двадцатью семью японскими судами, не включая сюда миноносцев. Адмирал Того открыл по Русскому отряду огонь со всех своих судов. Русские корабли не отвечали на японский огонь, т. к. их снаряды все равно не достигали бы врага, и продолжали идти вперед. Внезапно, на „Николае I-м" пополз вниз Андреевский флаг и был поднят международный сигнал о сдаче. Другие корабли последовали примеру своего адмирала, кроме „Изумруда", которому удалось прорваться через неприятельское кольцо, пользуясь своим превосходством в скорости хода. Японцы продолжали сыпать снаряды на беззащитные корабли.

Наконец, начальник штаба контр адмирал Като не мог больше терпеть и тихо сказал своему начальнику, что такой расстрел сдавшихся противоречит духу Бушидо (феодальный код чести японских самураев). Адмирал Того, как будто проснувшись от глубокого сна, тотчас же приказал прекратить огонь.

В виду создавшегося положения, дальнейшее сопротивление русских кораблей было бы, конечно, безнадежным. Однако Небогатов сдачей своего отряда прибавил к горечи поражения унижение, не бывалое до тех пор в анналах Русского флота. Он был обязан вступить в бой и, в случае неминуемого поражения, потопить свои корабли, дабы они не попали в руки врага. Тем не менее, Небогатовская сдача своих судов отнюдь не означала конца сражения. Самые старые корабли его отряда, неспособные идти за адмираль-

ским кораблем, благодаря повреждениям и своей тихоходности, храбро сражались против во много раз превосходных сил противника и этим поддержали честь 3-й Тихоокеанской эскадры, пока не были потоплены. Только несколько небольших судов успели спастись от истребления.

„Безумству храбрых поется слава!" и геройское поведение наших моряков вызвало восхищение наших врагов — японцев. В этом бою были соблюдены старые традиции нашего флота: „Драться с кем бы то ни было (т. е. хотя бы с сильнейшим противником) при всех обстоятельствах!" и „не оставлять друга в беде!"

Как пример соблюдения этого, может быть приведен рассказ участника боя капитана 2-го ранга ф. Транзе: „Адмирал Ушаков", идя концевым кораблем кильваторной колонны броненосцев, в самом начале боя 14 мая, вследствие неисправности одной из машин, должен был идти на буксире парохода „Свирь". Исправив машину и отдав буксир, стал догонять сильно ушедшую вперед и уже сражавшуюся свою эскадру. Командир броненосца капитан I-го ранга Миклуха-Маклай, увидя впереди тоже отставший, накренившийся, горящий, осыпаемый японскими снарядами броненосец „Наварин", выйдя на левый траверз его, как бы прикрывая его, приказал застопорить машины и открыть интенсивный огонь по неприятелю. Командир „Наварина" капитан I-го ранга барон Витингоф, справившись с креном и пожарами, в мегафон крикнул нашему командиру: „Спасибо, Владимир Николаевич, иди вперед с Богом!"

Совершенно также в давно прошедшее время, в бою при Калиакрии с турецким флотом, был поддержан на „Рождестве Христовом" адмирал Ушаков кораблями: „Св. Александр Невский", „Иоанн Предтеча" и „Феодор Стратилат".

Из массы печатных трудов, документов и воспоминаний можно вывести заключение, что, как офицерский, так и командный состав русских эскадр, за редкими исключениями, в Русско-Японскую войну был на высоте в смысле воинского духа. Также, невзирая на крайне неблагоприятные обстоятельства, он был на высоте обучения и понимания своего оружия в пределах понимания его тогдашними флотами всего мира. Жестокой судьбе было угодно, чтобы Русскому

флоту, приняв всю тяжесть на себя, пришлось бы открыть глаза другим морским державам на то, что их боевая подготовка морской силы шля неверным путем. История показывает, что каждый раз в морском бою открываются новые истины и результатом каждого значительного сражения является не только эволюция в техническом отношении, но очень часто и полная перемена тактики, ибо, с принципиальной точки зрения, законы тактики остаются постоянными, но меняются способы их применения.

По окончании войны состоялся суд над участниками Цусимского боя. Армирал Рожественский был предан суду, как того требовал закон, но прокурор отказался его обвинять. Но Рожественский сам себе потребовал обвинения. Только себе одному....

Согласно Своду Военно-Морских Постановлений, контр адмирал Небогатов и три командира его кораблей приговаривались к расстрелу; вице-адмирал Рожественский, который, как было уже сказано, принял на себя всю вину, (хотя он был ранен в начале сражения и позже находился в бессознательном состоянии), увольнялся со службы, а все офицеры были признаны невиновными в сдаче кораблей. Вскоре смертный приговор Небогатову и его командирам был заменен Государем десятилетним заключением в крепости. Адмирал З. П. Рожественский спокойно принял приговор.

В письме своему другу барону М. Р. Энгельгардт, он писал:... „Спасибо тебе сердечное за горячее слово дружбы, за попытку утешить, ободрить. Одни проклинают, другие издеваются, третьи ждут, когда наступит пора лягнуть без опаски... Да и не мог я ждать иного отношения. Под моим водительством погублен флот. Не понравился мне твой критик немец (Максимилиан Гарден) за его жестокие, грубые слова на Государя нашего, **на мученика, который лихорадочно ищет людей правды и совета и не находит их, который остается заслоненным от народа мелкой интригой, корыстью и злобой, который изверился во всех, имеющих доступ к Престолу Его, и страдает больше, чем мог бы страдать заключенный в подземелье, лишенный света и воздуха.***

---

*) Это письмо от 16 февраля 1906 года, было опубликовано в №7/8 „Морского Журнала" за 1929 год, стр. 159.

После суда и увольнения со службы, жизнь адмирала Рожественского стала лишенной какого то ни было интереса, мучили старые раны, и 1 января 1909 года он присоединился к тем пяти тысячам человек, которые погибли в пучинах Цусимы.

Кап. 2-го ранга Н. А. Монастырев и шт.кап. С. К. Терещенко так описывали похороны адмирала в „Истории Русского Флота":... Несметная толпа провожала его к месту последнего упокоения. Тут были его сослуживцы — адмиралы, офицеры, матросы... Были участники его похода через океаны, были защитники Порт Артура. Были представители всех слоев общества. Спутники кресного пути его к Цусиме пришли поклонится его праху... Но не было между ними его командиров... — командиров кораблей 2-й эскадры за Родину живот свой положивших... Вся Россия, казалось, собралась, чтобы оплакать погибших моряков и почтить память их вождя...

Сразу же после Цусимы, все обрушились на флот: пресса, общественное мнение, особенно либеральное и даже, к сожалению, некоторые сухопутные военные. Немногие отдавали себе отчет в том, что значительная доля неудач войны ложилась на русскую Общественность, принудившую Государя, при посредстве „экспертов", дать согласие на отправку разноколиберного сборища ветхих кораблей против мощи современного Японского флота. Немалую роль сыграла революционная пропаганда, стремившаяся подорвать патриотизм и волю к борьбе. Некоторые русские круги даже искренно желали поражения Родины, дабы создать удобные условия для революции. Говорят, что они собирались послать или даже послали поздравление Микадо по случаю его победы. Говорят также, что такая низость вызвала немалое удивление даже в странах Запада, ко всему привыкших.

Большинству не было понятно, что в Цусиме был показан русскими моряками пример редкого героизма, когда измученные люди шли в бой, после кошмарного длительного похода, без всякой надежды на успех, но с почти полной уверенностью в неминуемую смерть. Адмирал Рожественский, конечно, понимал положение вещей лучше других, но т. к. знал состояние Государя, то не ему, носившему Царские

вензеля на погонах, было показывать пример неисполнения приказания и этим, может быть, давать сигнал врагам России, жаждущим предлога к революции. Кроме того, у всякого человека, пока он жив, тлеет надежда на лучший исход, на чудо.

Попытки некоторых морских офицеров показать, путем статей в прессе, нелепость посылки эскадры не имела никакого успеха, т. к. русская пресса того времени старалась печатать только произведения „популярных" авторов, т. е. тех, которые были в оппозиции к существующему строю. Авторов, в большинстве случаев, судили не по достоинству их произведений или их талантливости, а исключительно по количеству и резкости высказываемых ими либеральных чувств. Если кто нибудь осмеливался высказать противное, то рукописи такого автора возвращались обратно. Протестовать против такого порядка было бесцельно т. к. большинство газет и издателей, не говоря уже о так называемых литературных критиках, принадлежали сами к радикальным кругам и, все равно, таких протестов не напечатали бы. Они и были те самые, которые настаивали на отправке музейных редкостей с эскадрой Рожественского. Ничего не смысля в морском деле, платные писаки, с их обычным апломбом, изливали свои фантастические планы, а массы, слепо веря всякому печатному слову, не понимали того, что благодаря их поддержке подобных планов, благодаря их невежеству, тысячи людей погибнут напрасно. Остановить эту пропаганду официальным путем Правительство не хотело, т. к. ее распространители тотчас начали бы вопить, стараясь сообщить заграницу об их преследовании, о жестокой цензуре Царского правительства и об отсутствии элементарных свобод. В некоторых случаях, когда появлялся талантливый писатель, но с неугодными критикам политическими взглядами, то они старались „убить его молчанием" т. е. не обращать на него внимания публики даже отрицательной критикой. Они дико боялись, что читатели сами могут „открыть" талант, не считаясь с ними.

Царствование Императора Николая I-го, столь нелюбимого нашими левыми кругами прошло давно и несмотря на его реакционность (о которой так убедительно говорила на-

ша интеллигенция) именно в это царствование всякий, кто обладал каким-нибудь талантом, имел полный шанс на успех, несмотря на его происхождение и даже политические взгляды. Тогда был настоящий золотой век литературы и искусства: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Айвазовский, Венецианов, Боголюбов и др., включая таких как Шевченко, Герцен и целой плеяды им подобных, вышли на сцену именно тогда. Как было возможно появление такого количества знаменитых писателей, поэтов и художников, если жизнь этого периода не располагала к этому, а реакционная цензура убивала всякий живой дух? Судя по результатам, можно, пожалуй, придти к заключению, что на самом деле всё было несколько иначе, а цензура, начинает казаться, применялась лишь в тех случаях, когда надо было приостановить слишком откровенную пропаганду призывающую к убийству всей Царской Семьи и к кровавой революции.

Правительственная цензура времени Русско-Японской войны, была, судя по всему, крайне мягка, а в некоторых случаях даже позволительно усумниться в ее существовании. Как, например, можно объяснить появление, печатание и распространение произведений некоторых, именуемых великими писателями Земли Русской, в которых они ополчались не только против существующего государственного строя, но даже против давно уже покойных Царей, в особенности против ненавистного им Государя Императора Николая I-го, называя их всякими ругательными именами и выдумывая о них фантастические небылицы.

Возвращаясь к походу 2-й Тихоокеанской эскадры, надо признать, что это плавание, в тех условиях, в которых оно происходило, является походом, небывалым до того времени в истории флотов всего мира. Это было признано иностранцами и даже англичанами, всегда крайне критически относившимся к действиям флотов других держав. Адмирал З. П. Рожественский, наконец, был признан принадлежащим к плеяде великих флотоводцев всего мира.

Между тем, русские морские офицеры, возвратясь к себе на Родину, после всех мук и испытаний, были встречены градом насмешек и издевательств, особенно со стороны нашей левой общественности. В этот тяжелый период для

Гардемаринский Батальон Морского Корпуса
проходит церемониальным маршем перед Государем Императором в
Царском Селе у Екатериненского Дворца

флота, многие молодые офицеры стремились уйти со службы... Кораблей почти не оставалось... Флот, детище Великого Петра, казалось, умирал.

Как раз в это мрачное для флота время, Государь Император Николай II-й стал вплотную к флоту, как бы защищая несправедливо оскорбленных и униженных. Он начал чаще посещать корабли, чаще надевал морскую форму, часто приезжал в „колыбель флота" — Морской Корпус и на судостроительные заводы. Во время посещений Морского Корпуса, Он обыкновенно заходил в классы, когда там шли лекции. Его вопросы, задаваемые гардемаринам, указывали на Его тонкое понимание и знание различных морских специальностей.

Посещая морские верфи, Он чрезвычайно подробно осматривал различные мастерские и входил в детали, разговаривая запросто не только с инженерами, но и с простыми рабочими. Этим Он вызывал немалую тревогу среди лиц Государевой Свиты и охраны. В разговорах Государя с не-

привыкшими к этому заводскими рабочими иногда бывали забавные случаи. В марте 1915 года Государь посетил судостроительные заводы в г. Николаеве, на которых, в то время строились Черноморские дредноуты. Государь пожелал осмотреть так называемый „горячий плаз", т. е. место, где раскаленные добела шпангоуты выгибаются в ту форму, которую они должны иметь, когда становятся „ребрами" корабля. Здесь, как всегда, был сплошной кошмар: лязг, стук, искры раскаленной стали, сыпящейся кругом... Государь долго следил за искусной работой мастеров. Наконец, сказав что то одному из лиц Свиты, и, подойдя к одному из мастеров, собственноручно дал ему золотые часы. Мастер, не ожидавший такой Царской милости, совершенно опешил — на его глазах выступили слезы и он нервно бормотал: — Ваше Превосходительство... Ваше Превосходительство.

Государь глубоко тронутый волнением старого рабочего, смутился тоже и, подойдя к нему, отечески похлопал по плечу, по грязной рабочей блузе и сердечным образом произнес: — Ну что вы, что вы... Я только полковник!...

Сугубо отрицательное отношение русского общества к военному флоту, как дорогой и бесполезной затее, неблагоприятно отражалось на развитии судостроения. Министерство Финансов, а впоследствии и Комиссия Государственной Думы, всячески старались урезывать кредиты на постройку судов и только воля Монарха, во многих случаях, спасала положение и устраняла чинимые препятствия.

После Русско-Японской войны, военно-морская техника шла быстро вперед. Поэтому уцелевшие после войны корабли потеряли боевое значение, и Россия оказалась фактически без флота. Флот было надо создавать. Задача представлялась чрезвычайно трудной. Пожалуй, много труднее, чем во времена Петра Великого. Тогда строили деревянные корабли, а леса в России было хоть отбавляй!.. Современный же флот строится из стали, а у нас было очень мало металлургических и кораблестроительных заводов и почти совсем не имелось опытных рабочих. Народные избранники в Государственной Думе, как было сказано выше, тоже беспрестанно вставляли палки в колеса. Петр Великий не знал таких помех в своей созидательной работе. Надо отдать справедливость, что на-

Государь Император на одном из кораблей

ционально мыслящая и патриотически настроенная часть Русского народа думала иначе, чем либеральные круги. В этой части русского общества еще не исчезло чувство доверия к морякам. Понимая необходимость для России иметь флот достойный Великой Державы, был организован добровольный сбор денег на постройку военных судов. Со всех концов России потекли пожертвования. В короткий срок было собрано столько денег, что в течение последующих двух лет на них было построено восемнадцать больших миноносцев, носивших названия собравших на их постройку городов и организаций: „Казанец", „Финн", „Донской Казак", „Москвитянин", „Украйна" и др., а также несколько подводных лодок.

Только благодаря постоянной поддержке Государя, русские моряки не пали окончательно духом, поняли уроки Цусимы и воспользовались ими. К несчастью, эти уроки не подействовали на левую общественность, которая только умела разжигать классовую ненависть и мечтать о революции. Не обращая внимания на звериную ненависть левых, которые

всячески старались оклеветать и унизить их, большинство морских офицеров решило продолжать службу. Зародился Морской Генеральный Штаб, где молодые офицеры использовали свой опыт войны и приложили все свои знания и энергию к созданию нового флота. Для изучения и разбора данных опыта Русско-Японской войны были учреждены комиссии по различным специальностям. С разрешения начальства, для той же цели, в военных портах создались офицерские кружки.

Русские корабли начали опять плавать и показывать Андреевский флаг в чужих водах. Выпуски из Морского Корпуса и Морского Инженерного Училища Имп. Николая І-го, с производством в корабельные гардемарины плавали на судах Гардемаринского Отряда, проводя обычно лето в Балтике, где участвовали в маневрах флота, а с осени до начала марта за границей.

В 1908 году Гардемаринский Отряд, под флагом контр адмирала Литвинова, стоял в маленьком Сицилийском порту — Августа, производя различные учения. От пришедших с моря рыбаков узнали о страшном землетрясении в Мессине, столице Сицилии. Отряд немедленно снялся с якоря и направился туда для оказания помощи пострадавшему населению. Все матросы, гардемарины и офицеры, вооружившись лопатами, топорами и кирками, съехали на берег. Лихорадочно работали судовые хлебопекарни, а доктора готовили летучие лазареты. Город Мессина представлял ужасную картину — всюду были развалины, в которых были погребены не только мертвые, но и живые люди. Русские команды разошлись по городу, роясь в развалинах, извлекая оттуда, с опасностью для жизни, несчастных, еще подававших признаки таковой. Много примеров самоотверженности и смелости было показано русскими командами в эти трагические для Мессины дни. На третий день было очень тяжело работать от невыносимого запаха разложения, т. к. в городе погибло около шестидесяти тысяч человек. Линейный корабль „Слава" и крейсер „Адмирал Макаров" нагружались ранеными и отвозили их в Неаполь, где восторженные толпы с энтузиазмом встречали русские корабли, благодаря за оказанную помощь. Итальянское правительство наградило весь состав Отряда

Командующий Флотом Балтийского моря
Адмирал
Николай Оттович фон-Эссен

серебряной медалью на бело-зеленой ленте. Государь, по возвращении Отряда, поздравил адмирала Литвинова с зачислением в Свиту, сказав: „...Вы, со своими моряками, в несколько дней сделали то, что наши дипломаты не могли сделать за годы". Государь говорил о значительном улучшении отношений с Италией, после оказанной Отрядом помощи в Мессине.

В 1906 году, по Высочайшему повелению, начальником Балтийского Отряда миноносцев был назначен герой Японской войны Капитан I-го ранга Н. О. фон Эссен. Постепенно

повышаясь в чинах, он к Великой войне был уже Командующим Балтийским флотом, в чине адмирала. Он создал свою школу лихих моряков, которые обожали своего адмирала. Под его руководством, командиры миноносцев, будучи в непрерывном плавании так изучили фарватеры в Финляндских шхерах, что носились по ним полным ходом, без всяких лоцманов, т. к. адмирал Эссен не разрешал их брать. Лихость управления командиров поражала иностранцев.

Такая же кипучая боевая подготовка шла и в Черном море, где последовательно командовали, любимые флотом адмиралы — В. С. Сарнавский, И. Ф. Бострем и А. А. Эбергард.

Для исполнения своей воли и предначертаний Государь, с удивительным предвидением, выбрал как раз тех, чья деятельность наиболее подходила данному заданию в это время. Сначала немало потрудился адмирал Бирилев, назначенный стоять во главе Морского Министерства. Он, как человек решительный и энергичный, не боящийся никакой ответственности, старый по годам, но молодой душой, в кратчайший срок (полтора года) ликвидировал устарелые элементы, как в судовом, так и в личном составе флота. При нем были намечены главные планы по обороне побережий, воссоздания флота, были назначены молодые офицеры с боевым опытом для занятия ответственных постов. Для более спокойной и планомерной деятельности Государь, после адмирала Бирилева, назначил сначала генерал-адъютанта адмирала Дикова, а потом адмирала Воеводского. Последним же и главным сподвижником Императора по воссозданию и управлению Морским Ведомством и флотом был избран генерал-адъютант адмирал И. К. Григорович, который, продолжая работу своих предшественников, блестяще ее закончил к боевому экзамену во время I-й Мировой войны.

Все это могло быть осуществлено только благодаря помощи и вниманию Государя к нуждам флота.

В последние годы перед Мировой войной, Государь, чувствуя фальшь и интриги придворной среды, неискреннее, но часто раболепное отношение сановников, враждебность членов Государственной Думы, искал общества простых, строевых офицеров. Он угадывал в них верную опору Госу-

Генерал-Адъютант Адмирал
Иван Константинович Григорович

дарства. На моряков своей яхты „Штандарт" и на тех, с которыми Ему приходилось часто встречаться, Он смотрел, как на членов Своей Семьи. Не стесняясь, чувствуя Себя в кругу верных людей, Государь шутил и нередко проявлял юмор. Осенью 1907 года, Он со Своей Семьей находился в обычном плавании в Финляндских шхерах на борту „Штандарта". Случилось совершенно неожиданное происшествие: яхта, идя по исхоженному фарватеру, имея на мостике двух старых и опытных финских лоцманов, наскочила с полного хода на одинокий камень, не отмеченный ни на одной карте. Так как снятие яхты с этого подводного камня требовало значитель-

ного времени, то вызвали крейсер 2-го ранга „Азию" для принятия Высочайших Гостей. На „Азии" срочно приготовили для Них помещение, но Государь прибыл скорее, чем ожидали. Командир крейсера, после установленного рапорта, смущенно просил прощения, что не все еще готово. — Ваше Величество, в помещении еще остался денежный сундук... Государь, улыбнувшись, разгладил привычным жестом свои усы, взял командира под руку и сказал успокаивающим тоном: — Не беспокойтесь... будет в сохранности.

До настоящего времени характер и личные качества покойного Царя-Мученика были описаны очень многими, но все эти описания были сделаны, в большинстве случаев, или Его политическими врагами или государственными деятелями. В этих описаниях чаще всего отражались личные, часто обиженные или враждебные чувства. Когда появились воспоминания С. Ю. Витте, то было ясно, что его определения Государя, как правителя и человека, были явно пристрастны. Желая подчеркнуть Его посредственность, он назвал Государя „хорошо воспитанным гвардейским полковником". Впрочем, надо отдать справедливость, что и Сам Государь и Его Свита не особенно были очарованы Витте. Капитан 2-го ранга Гвардейского Экипажа Н. В. Саблин, в описании своей службы на „Штандарте" вспоминает о случае, которому он был свидетелем. Плавая со Своей Семьей в Финляндских шхерах, однажды, во время стоянки в Биоркэ, Государь съехал на берег, для охоты, с некоторыми лицами Свиты и офицерами с охранных миноносцев. За время Его отсутствия пришло радио о прибытии из Петербурга Статс-Секретаря Витте, на эскадренном миноносце „Пограничник". Государь вернулся на яхту в отличном настроении, довольный удачной охотой и чудным днем. Когда Министр Двора доложил о прибытии Витте, то глаза Императора моментально потухли. Скоро с пришедшего „Пограничника" прибыл на борт яхты сам Витте, которого Государь принял мило и любезно, выслушал доклад, но после этого, видимо, ждал отъезда дорогого гостя. Надо думать, что граф Витте это понял и, после обеда, быстро откланялся. Проводить его на „Пограничник" было поручено Н. В. Саблину. Когда последний вернулся и вышел на верхнюю палубу, то увидел Государя, стоявшего непода-

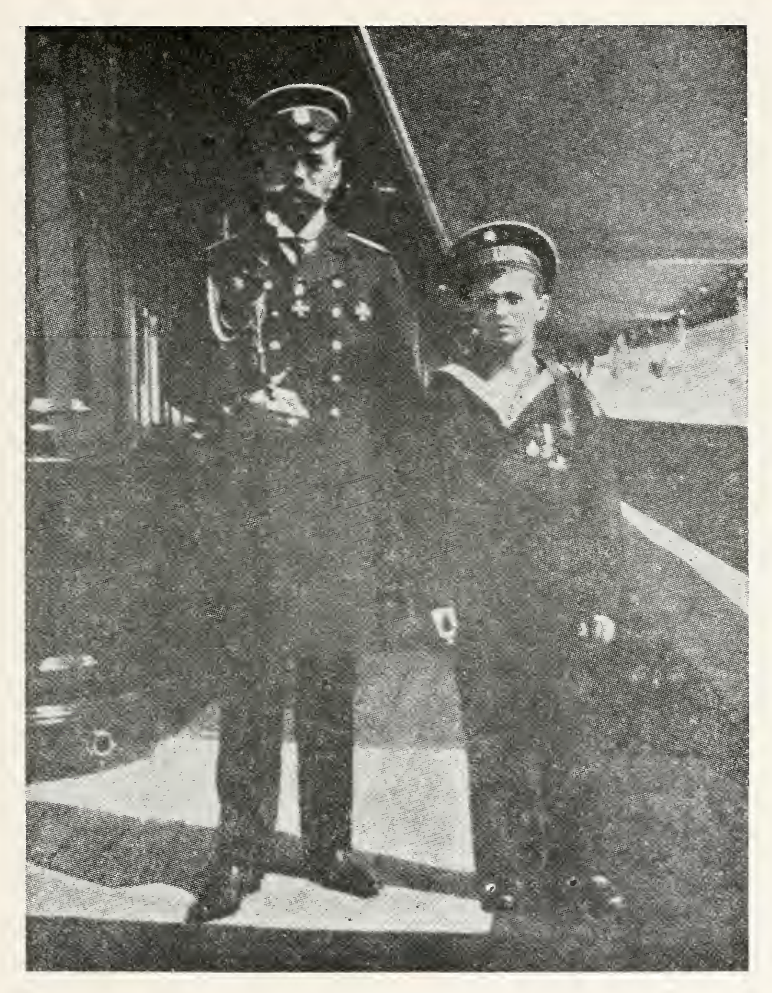

Государь Император
в парадном морском мундире

леку от входного трапа. Узнав, что „Пограничник" с Витте уже ушел в море, Государь весело сказав: „Ну, слава Богу, теперь не вредно сыграть партию в домино", — пригласил Своих партнеров в Царскую рубку. Когда все уселись, то Государь, затянувшись толстой папиросой, заметил: „Хорошо быть дома, в своей компании, и когда уйдут гости... Кто начинает?"

Контр адмирал С. С. Фабрицкий, бывший в свое время Флигель Адъютантом, рассказывает в своих воспоминаниях, как его поразила манера С. Ю. Витте держаться с Государем: „В ней было много подобострастного и ненужного. Странно было видеть Статс-Секретаря, г. Председателя Совета Министров, г. Министра Путей Сообщения и Финансов, члена Государственного Совета, который, держа руки по швам, все время низко кланялся, отвечал „так точно" и „никак нет", титулуя Его Величество полным титулом и т. п., что обыкновенно делали только новички при Дворе, а никак не люди с таким положением. Кроме того ему не трудно было знать, что Государь всегда тяготился таким обращением, раз к этому не вынуждала официальность данного случая. По свидетельству флотских офицеров, близко знавших Императора, Он был исключительно скромен, лишен какой бы то ни было рисовки, не любил многословных речей, парадных приемов и балов, и любил во всем простоту, а для отдыха предпочитал тихий семейный уют. Все рассказы о властолюбии Государя, о нежелании поэтому уступить Самодержавие, ради каких-то личных выгод, совершенно ложны. Он с радостью передал бы все тягости правления другому лицу и только сознание долга не давало возможности Государю покинуть Свой пост.

В это время, когда главное внимание было обращено на воссоздание флота, не забывалась и научно-исследовательская часть. В августе 1912 года, из Архангельска в Ледовитый океан на паровой шхуне „Св. Фока" вышла экспедиция под начальством Старшего лейтенанта Г. Я. Седова. Цель этой экспедиции была исследовать Центральную Арктику и водрузить Русский флаг на Северном полюсе. Экспедиция стремилась пройти к Земле Франца-Иосифа, но из-за тяжелых льдов, дошла только до полуострова Панкратьева на Новой Земле, где „Св. Фока" был затерт льдами и принуж-

На „Штандарте"

ден зазимовать. Эта зимовка длилась почти год. При первом таянии льда „Св. Фока" начал пробиваться через льды на Север, дабы скорее достигнуть Архипелага. В этом походе сжигались последние остатки топлива израсходованного за долгую зимовку. Там, на мысе Флора, Седов надеялся найти уголь, оставленный ледоколом „Ермак" более десяти лет тому назад. Однако, эта надежда не оправдалась и ничего там, кроме развалившихся хижин полярных исследователей,

найдено не было. Собрав кое-какие остатки угля, Седов пошел на поиски бухты, с намерением оттуда идти по льду на полюс. Такая бухта была найдена на о. Гукера. Седов назвал ее „Тихая" и был вынужден зазимовать там. Тяжка была эта зимовка. „Св. Фока", будучи без отопления стоял покрытый как снаружи так и внутри. Седов и почти все члены экспедиции были больны. В середине января 1914 года, Седов, почувствовав себя немного лучше, решил готовиться к дальнейшему продвижению на полюс. Члены экспедиции ясно видели, что в таком состоянии здоровья, в каком находился их начальник, нечего было и думать о возможности пройти более 1.000 километров. Они старались всячески отговорить его. Кап. 2-го ранга Н. А. Монастырев писал об этом: „Седов был неумолим. Полюс его гипнотизировал и манил. Это была мечта всей его жизни. Только смерть могла воспрепятствовать Седову осуществить эту мечту, этот долг. И он пошел. Дух его был бодр и непоколебим. Физические недомогания, которые он переживал, лишь понуждали его идти скорее, чтобы успеть достигнуть полюса. Ноги его отказывались идти, но он приказал везти себя в санях. В бреду от жара он впивался угасающим взором в компас, где священным для него огнем горел „Норд!" Седов умирал. Над маленькой палаткой, где он лежал, в снежную бурю, носился ангел смерти. В вихре полярного шторма, туда, где блистал „Polaris", унеслась его душа. А на мысе Бророк острова Кронпринца Рудольфа осталось его тело. Это случилось 20 февраля 1914 года. Так умер Георгий Седов, витязь духа и долга".*) Остальные члены экспедиции с большими трудностями и лишениями добрались до Архангельска. Возвращение экспедиции совпало с началом Первой Мировой войны и поэтому прошло почти незамеченным прессой. Вторая экспедиция была снаряжена в 1913 году. Она состояла из двух гидрографических судов-ледоколов „Таймыр" и „Вайгач" под командой капитана 2-го ранга Б. А. Вилькицкого. Эта экспедиция открыла архипелаг Северной Земли. В следующие два года экспедиция, со значительными трудностями, проби-

---

*) Взято из статьи Н. А. Монастырева, в № 117 „Морского Журнала", 1937 года.

ваясь через льды, пришла из Владивостока в Архангельск, обойдя Сибирь с востока на запад и, таким образом, открыла для плавания Великий Морской Северный путь. За открытие архиепага, названного Землею Императора Николая II-го, Вилькицкому было пожаловано звание флигель-адъютанта.

Первый год после Русско-Японской войны, был омрачен кровавыми бунтами во флоте. Революционная волна, прокатившаяся по России, захватила также и флот. Долголетняя и упорная пропаганда социал-демократов и других подпольных партий, наконец, принесла долгожданные ими плоды. В 1905 году вспыхнул бунт в Черноморском Флоте, во время которого особенно отличились зверствами броненосец „Потемкин" и крейсер „Очаков", мятежные матросы которых перебили часть своих офицеров. Этот бунт был вскоре усмирен, но повторился в Балтике на следующий год, правда, в меньшем масштабе. Бунт на крейсере „Память Азова" произошел летом 1906 года, в бухте близ Ревеля. Из 20 офицеров находившихся на борту, было убито 7 и ранено шесть. В руках мятежных матросов, поднявших красный флаг, корабль ходил по морю, обстреливал более слабые суда и требовал их присоединения к революции. На самом корабле, пока офицеры были вооружены, убийство происходило из-за угла — стреляли из коечных сеток, из катеров и шлюпок, стоявших на распорах и, вообще, из-за всяких укрытий. Команды на „Памяти Азова" было около 800 человек, в мятеже же и убийствах принимала участие банда в 50-60 человек. У большинства матросов не было никакой веры в правоту происходящего, не было никакого желания бунтовать. Они не противодействовали, будучи под страхом террора и самой беспощадной расправы со стороны своих же бунтарей, Последние были хорошо организованы и тщательно подготовлены. Не многие матросы давали себе труд мыслить самим, считая очевидно, что было гораздо проще предоставить другим тяжелую обязанность думать. Впрочем, такое явление повторилось, но уже не во время матросского мятежа, а во Всероссийском масштабе, в революцию 1917 года.

Отходя от только что описанных мрачных событий во флоте, можно сказать, что за восемь коротких лет Русский флот, после разгрома в Русско-Японскую войну, вновь воз-

родился и целиком оправдал доверие Своего Державного Вождя во время Великой войны. В эту войну Русская армия была многим обязана флоту и Его воссоздателю Государю Императору. Только благодаря Балтийскому Флоту стало возможным взять на фронт пять корпусов (Гвардейский, 1-й, 18-й, 20-й и 22-й). Таким образом столица Империи — С.-Петербург и всё побережье Балтийского моря, включая его заливы, были совершенно оголены от войск и вся надежда на защиту легла на Балтийский флот. Эта надежда была вполне оправдана. До революции, Балтийский флот стойко отбил все попытки немцев овладеть Рижским заливом и Монзундом. Наш флот защищал с моря фланги армии, не допуская неприятеля заходить в тыл нашего фронта. Кроме этой поддержки флангов армии, Балтийский Флот все время затруднял доставку в Германию из Скандинавских стран, продовольствия, железной руды и других материалов, необходимых для продолжения войны потоплением вне нейтральных вод, пароходов с контрабандой, постановкой мин у входа в Киль и другие немецкие порта. Только после революции, при Временном правительстве и Керенском, немцы шутя заняли Рижский залив и Монзунд, когда распропагандированные „сознательные" воины, перебив своих офицеров, покинули фронт и позиции.

Черноморский Флот, несмотря на устарелость своих судов, тоже блестяще выполнил возложенную на него задачу. Необходимо обратить внимание на то, что в начале войны, наш Черноморский Флот был составлен из старых, тихоходных кораблей, исключительно только потому, что Государственная Дума упорно противилась своеврменно отпускать деньги для постройки новых судов. Некоторые из народных представителей все еще считали, что флот не нужен России. Благодаря упущенному времени, часть новых судов могла быть готова только к 1915 году. Перед началом войны наши союзники „милостиво" дали возможность проскользнуть в Дарданеллы двум современным германским крейсерам — „Гебену" и „Бреслау". Эти немецкие крейсера, попавшие в турецкие воды по странному попустительству союзников, легко развивали ход в 28 узлов, в то время как наши линейные корабли с трудом „выжимали" максимальную скорость

в 16 узлов. Имея перед русскими кораблями преимущество в дальнобойности своих орудий и преимущество хода в 12 узлов, вражеские суда всегда располагали инициативой — принять бой или же от оного уклониться. Даже при таких обстоятельствах, еще до вступления в строй нового дредноута — линейного корабля „Императрица Мария" — наш флот уже захватил господство в Черном море. Во время беспрерывных крейсерств, при всякой погоде, у Анатолийских берегов, был уничтожен морской транспортный флот противника и тем была лишена подвоза морем Турецкая армия, оперировавшая в Приморском направлении. Кроме того, наш флот оказывал существенную помощь наступлению наших войск от Батума до Трапезунда и Платаны. В течение всей войны Черноморский Флот успешно бомбардировал порты, базы и береговые объекты противника. Разумным ведением и выполнением боевых задач и операций на Черном море, Россия была целиком обязана мудрому флотоводцу Командующему Черноморским Флотом адмиралу А. А. Эбергарду. В 1916 году он был удален в почетную отставку и заменен более молодым вице-адмиралом Колчаком. Его отставка была вызвана, опять таки, пресловутым общественным мнением, не доверявшем Командующему Флотом с немецкой фамилией (предки А. А. Эбергарда переселились в Россию **из Швеции** и с тех пор совершенно обрусели).

В октябре 1916 года Великобританский посол был принят, по прибытии в Ставку, Государем Императором. Посол, по повелению короля Георга, передал Государю знаки ордена Бани 1-й степени за военные заслуги. При передаче ордена посол обратился к Его Величеству со следующими словами:... „Ныне, прося Ваше Величество принять высокий военный орден, Его Величество желает особенно отметить насколько он ценит услуги, оказанные флотом Вашего Императорского Величества. Несмотря на большой численный перевес германского флота, Балтийский Флот Вашего Величества отразил, нанеся потери, все атаки на Ригу, производил успешные выходы и заградил доступ в Финский залив. Подобно Великобританскому флоту в Северном море, флот Вашего Величества нес сторожевую службу в Балтийском море и, несмотря на невозможность сражаться вместе, оба флота

действуют совместно, в полном единении. Сверх того, английские подводные лодки, проникающие в Балтийское море, гордятся возможностью сражаться под начальством Командующего Морскими силами Вашего Величества в этих водах. В Черном море, Турецкий флот, усиленный „Гебеном” и „Бреслау”, после многочисленных неудачных встреч с судами Вашего Величества, был загнан в Босфор. Сознавая эти заслуги, Его Величество Король Георг V, в знак восхищения перед Русским флотом, повелел мне передать Вашему Императорскому Величеству, как Верховному Вождю Сухопутных и Морских Сил, знаки 1-й степени ордена Бани за военные заслуги.*)

Этими словами английский посол точно подвел итоги заслугам нашего флота в Великую войну, до революции.

В заключение можно привести следующие слова талантливого военного историка А. А. Керсновского, совершенно правильно охарактеризовавшего роль Русского Флота в Первую Мировую войну по отношению к союзным флотам: „Русский Флот был мозгом всех союзных флотов. Единственный, имевший свежий боевой опыт, он располагал исключительной ценности кадрами специалистов во всех отраслях. Эти специалисты учили союзников постановке минных заграждений, их тралению, связи, разведке, радиопеленгации. Располагая в продолжение всей войны секретным „кодом” Германского флота, мы всю войну осведомляли наших союзников о малейших намерениях неприятеля.” (А. А. Керсновский-Мировая война, краткий очерк, Белград, 1939 год, Стр. 14-я).

Во время Великой войны, „сплававшийся” в боевой обстановке офицерский состав флота был совершенно монолитным. Никакого антагонизма между офицерами различных специальностей или выпущенных из разных морских учебных заведений — Морского Корпуса, Морского Инженерного Училища Имп. Николая I-го, Отдельных Гардемаринских Классов и др. — не существовало. В свое время, о существовании этого антагонизма неоднократно упоминал К. М. Станюкович в своих талантливых рассказах из морского быта. Об-

*) Было взято из современных газет. Опубликовано в журнале „Морские Записки”, год изд. 1, № 3, 1943 год, Н. Йорк.

суждая этот вопрос, в переписке с автором настоящей статьи, контр адмирал Д. В. Никитин,*) много плававший моряк, сам известный морской писатель, писал: „Станюкович во все произведения вносил тенденцию „гражданской скорби". В морских его рассказах эта скорбь тоже достаточно прибавлена, хотя, конечно, мы читали их с большим интересом". В своих письмах адмирал Никитин также упоминал о том, что за все время его долгой службы во флоте, он никогда не замечал, кроме редчайших исключений, чтобы офицеров судили бы по цвету их погон, но исключительно лишь по их личным качествам и заслугам. Говоря об отношениях между офицерами и матросами, во время войны, можно смело утверждать, что они, вплоть до самой революции, не оставляли желать ничего лучшего. Совместная боевая работа тесно сблизила офицеров с их подчиненными. Если до войны на некоторых кораблях и наблюдалось революционное движение, то во время войны было крайне трудно уловить даже его признаки. Долголетняя, упорная революционная пропаганда давала себя чувствовать, время от времени, **до войны,** выражаясь иногда вспышками недовольства или даже открытым бунтом, как во время „первой" революции. Пропаганда старалась бить по вещам материального порядка: плохая пища и одежда. Нелепость такой пропаганды была очевидна — было достаточно посмотреть на здоровяков матросов и на их обмундирование, чтобы придти к совершенно другому заключению. Впрочем, революционные проповедники не стеснялись никакими средствами и было известно, что в первую революцию ловко подсыпали в прекрасный матросский борщ червяков и бросали туда же куски тухлого мяса, дабы вызвать возмущение команды. Какой нибудь случайный неблаговидный поступок офицера по отношению к своим подчиненным раздувался до неузнаваемости и такой единичный случай приписывался всему офицерскому составу. Эта тактика сгущения красок и раздувание офицерских проступков была присуща нашим либералам и, конечно, ей

---

*) Д. В. Никитини (Фокагитов) автор сборников морских рассказов „В отлива час", „На берегу и в море" и множества рассказов и статей в русских журналах и газетах.

не был чужд, в известной степени, и Станюкович, который особенно импонировал им, будучи сыном заслуженного адмирала и получив воспитание в Пажеском и Морском корпусах. Его описания поголовной порки и избиения матросов не соответствуют истине: такие явления, без сомнения, имели место, но отнюдь не в подавляющем числе. Также не мешает помнить, что описываемая Станюковичем эпоха сильно разнилась от современной. Служба во флотах всех стран была суровая, а „жестокость была в моде" (это слова Станюковича!) Если, в те времена, в Русском флоте и практиковалось применение линьков* для наказания провинившихся, то ведь и во флотах других держав просвещенного Запада было ни чуть не лучше. Во всяком случае „килевание" (т. е. пропускание виновного под дном корабля, обыкновенно кончающееся смертью) у нас совершенно не применялось, в то время, как оно было принято во флотах других стран, считавшихся более гуманными и культурными, чем „отсталая" Царская Россия.

В конце 1916-го и в начале 1917 года, наши неудачи на фронтах и ухудшившееся экономическое положение страны, в связи с огромными человеческими потерями, дали прекрасный повод стремящимся к революции опять поднять голову и усилить свою пропаганду до крайних пределов. Тем не менее, невзирая на самый благоприятные для нее обстоятельства, эта пропаганда в самом начале революции не приносила быстрых результатов среди судовых команд. По свидетельству многих офицеров, матросы, стоя во фронте, выслушивали без признаков какой бы то ни было радости или воодушевления манифесты об отречении Государя от Престола и о передаче его Великому Князю Михаилу Александровичу, об отказе Вел. Князя и передачи Им Верховной власти Временному Правительству. Матросы расходились из строя без обычного веселого шума и шуток. Говорили шопотом, словно в доме был покойник и выглядели серьезными и даже мрачными. Это было особенно заметным в Черноморском флоте, попавшем под влияние революционного угара значительно позже Балтийского флота. При дальнейшем „углу-

---

*) Короткая трехпрядная веревка с узлом на конце.

блении" революции, матросы, не веря агитаторам, часто обращались к своим офицерам за разъяснениями и советами, но офицеры, будучи далеки от политики, к сожалению, не могли им помочь. Имеющие же долголетний опыт агитаторы, среди которых безусловно было не мало германских агентов, умело разжигали классовую ненависть и рознь, пользуясь усталостью от войны, низменными инстинктами толпы и всеми другими поводами, чтобы из искры раздуть пламя. Односторонняя лживая пропаганда, нагло называя черное белым, могла убедить серые массы в правдивости своих слов, бесконечно повторяя одни и те же лозунги и фразы. В начале революции в военных портах Балтийского моря, начались массовые зверские убийства офицеров матросами, подстрекаемыми к этому агитаторами и немецкими агентами. Среди убийц часто попадались типы совершенно не похожие на русских матросов, а только переодетые ими. Даже в Балтике были редкие случаи убийств офицеров матросами их кораблей. В Черном море, где убийства офицеров начались только в конце 1917 года, таких случаев (т. е. убийств своих офицеров своими же матросами) вовсе не бывало, исключая единственный. Из этого можно заключить, что, несмотря на опыт и умение агитаторов, они, все же не могли заставить матросов убивать тех офицеров, которых те знали лично и с которыми служили. Так как среди первых растрелянных офицеров оказалось немало знающих и особенно ценных специалистов, то невольно напрашивается вопрос — в какой мере германские агенты содействовали в организации этих убийств? После убийства матросами Командующего Балтийским флотом вице-адмирала Непенина, развал в умирающем флоте достиг своего апогея. Любимое детище Петра Великого — Русский Флот ушел в небытие.

Некоторые советские морские писатели намекают на то, что советский флот воспринял боевые традиции и дух старого Русского Флота. Там вспомнили имена славных русских адмиралов, в особенности адмиралов Ушакова и Нахимова и даже названы ордена их именами. Тем не менее, если даже допустить, что в среде советских моряков имеются интересующиеся и даже любящие историю Русского флота, то, всё таки, приходится сильно усумниться в том, что они могли

воспринять дух и традиции былого флота. В этом, конечно, не их вина, а исключительно вина непрезойденного режима политического сыска и гнета, созданного советской властью. Поэтому, если на русских морях и появился новый, технически мощный флот, под флагом Советского Союза, то все же думается, что его дух и традиции имеют столько же общего с Императорским Русским Флотом сколько имеется общего между исторической Императорской Россией и теперешним коммунистическим С.С.С.Р.

Государь Император физически пережил Свой флот, хотя Его надо считать убитым не в подвале Ипатьевского дома, а тогда, когда Он, покинутый всеми, мог записать в Своем дневнике: „Кругом — трусость и измена".

Страшное событие убийства Государя и Его Семьи кажется особенно жутким, так как оно было сознательно подготовлено русской либеральной интеллигенцией, нахватавшейся верхов, но еще далеко не доросшей до государственного понимания. Они умели всё предавать разрушительной критике, но сами ничего путного не строили. Если и создавали, то только нелепые теории, на которых чаще всего старались построить свое личное благополучие, но прикрывались высокими идеями. Придя к власти, после падения Империи, они сразу же проявили свою неспособность управлять огромной страной, показав свою умственную несостоятельность и политическую импотенцию.

Преступно было поведение „государственных мужей" из их среды, которые из личной ненависти или выгоды подготовляли революцию. Еще преступнее и позорнее было поведение тех главнокомандующих нашими армиями, которые не только изменили Императору, забыв присягу, но и обратились к Нему с просьбой уйти с Престола своих Предков, нагло заявляя, что они это делают, якобы по долгу присяги, утверждая, что только это может остановить революцию и спасти Россию.

С отречением Государя Императора у большинства офицеров флота что-то оборвалось... Смутно чувствовалось что обрвалась не только жизнь Русского Флота, но и Исторической России — Святой Руси.

Очень немногие морские офицеры пошли в ногу с рево-

люцией. Таких были единицы, считая в их числе единственного, состоявшего в Свите Государя, молодого контр-адмирала, который поспешно согласился занять пост помощника Морского Министра. Морской Министр Императорского Правительства адмирал И. К. Григорович, так много сделавший для флота, категорически отказался служить с Временным Правительством. Старый умный адмирал, рыцарь долга и чести, прямо заявил, что ему, носившему генерал-адъютантские погоны с революцией не по пути. Имея возможность выехать за-границу, он счел своим долгом пока оставаться в России, чтобы дать ответы и разъяснения по всем облыжно возведенным на Императорское Правительство обвинениям. Рядовые офицеры продолжали нести свой тяжелый крест, не считая возможным покидать флот во время войны. Все матросы, начиная с разумных элементов и кончая ярыми сторонниками революции, понимали что офицеры поставлены в такие тяжелые для самолюбия условия, что ожидать от них сочувствия не приходится и поэтому, все время, ожидали с их стороны контрреволюционных выступлений. Однако, сознание, что без офицеров на кораблях не обойтись, в известной степени, сдерживало матросов. Тем не менее, с углублением революции террор все усиливался. Смело умирали офицеры, не боясь разнузданной черни, начиная с заслуженных седых адмиралов и кончая юными мичманами.

Надо честно сознаться, что в гибели Российской Империи повинен весь русский народ и особенно его верхи, которые, не захотев или не сумев во время поддержать свою Монархию, отдали ее во владение Красного Дьявола. За эту ошибку уже заплачено десятками миллионов русских жизней и никто не знает сколько и чем надо будет заплатить в будущем. И не прав ли один старый россиянин, который, недавно, слегка изменив изречение Ницше, сказал в разговоре с автором настоящей статьи: „Время Царей прошло, ибо то, что теперь называется народом, недостойно Царей".

Но вопреки всему этому, всё же надо верить и надеяться, что Русский народ, поняв свои заблуждения и ошибки и очистившись от прежних грехов, стряхнет с себя чужеземное влияние, выйдет на путь законности, порядка, и не демократической или революционной, а настоящей свободы.

Тогда, надо думать, Русский народ воздаст должное Государю Императору Николаю II-му, в царствование Которого, несмотря на почти полное отсутствие нужных помощников, на бесконечные козни революционеров и на ведение двух кровопролитнейших войн, Россия шла гигантскими шагами по пути истинного прогресса и обогащения.

Тогда окажутся несправедливыми слова одного русского писателя,*) относящиеся к русской общественности, которыми он заканчивает свою книгу:

„Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны.
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы..."

---

*) И. Сургучев — Детство Императора Николая II-го. Изд-во „Возрождение", 1953 г. Париж.

А. М. Юзефович

МОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

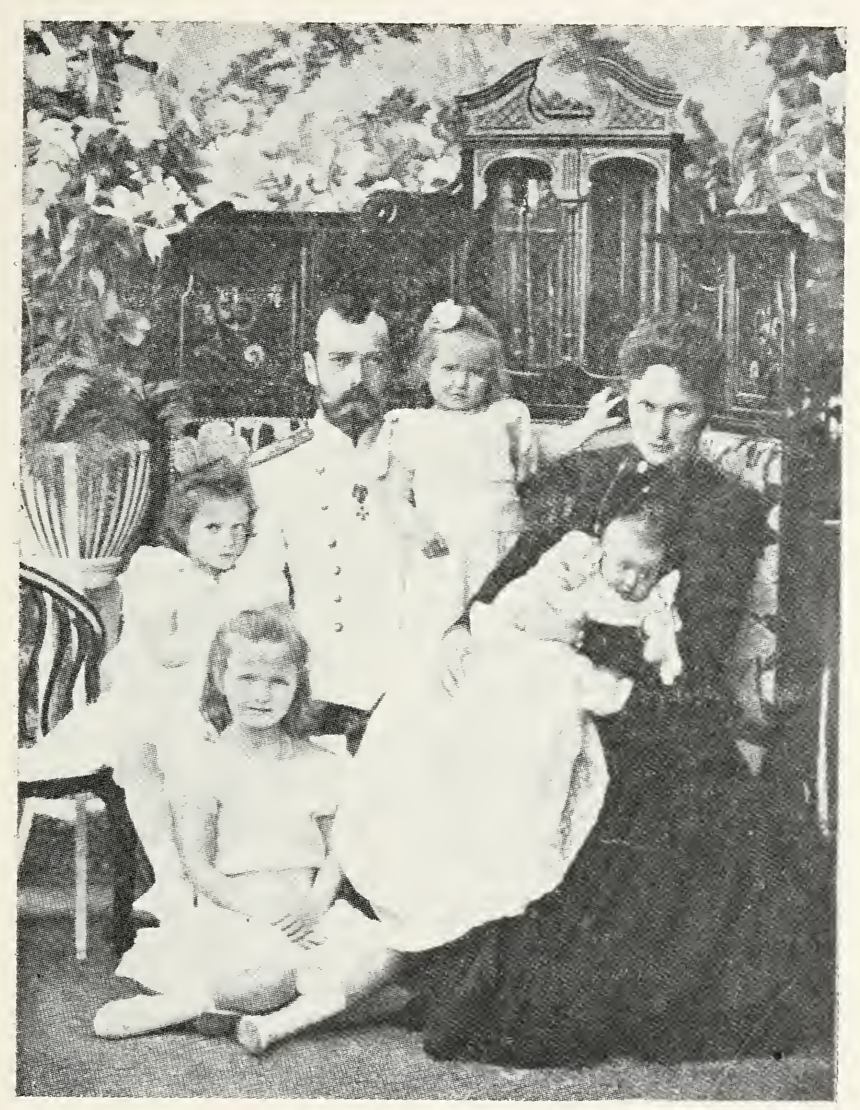
„Что имеем не храним, потерявши плачем".
Русская пословица.

По возвращении в Россию из Японского плена, я находился в отпуску, в Петербурге, в марте 1905-го года. Узнав, что приезжающие с войны могут представляться Государю, я испросил разрешение у полковника Князя Орлова, начальника Военно-Походной Канцелярии Государя и был уведомлен, что в такой-то день марта месяца, в одиннадцать часов утра, я буду иметь счастье представиться Государю Императору, в Царскосельском дворце. В указанный день, облачившись в парадную форму — мундир с эполетами, с надписью на них из трех букв „Дуб" — Дубненская Крепостная Артиллерийская Рота, я с утренним поездом выехал из Петербурга в Царское Село. Там у вокзала меня ожидал парный, дворцовый экипаж, с сидящими на козлах кучером и лакеем, в красных ливреях, и в треуголках, и я был доставлен во дворец.

Во дворце мне был предложен чай. После чего, я был проведен в приемную комнату, рядом с кабинетом Государя. В приемной были генерал Горбатовский и лейтенант Подгур-

ский, Порт-Артурцы, Георгиевские кавалеры. У дверей кабинета стоял скороход, их открывающий. Для представления Государю первым вошел в кабинет Горбатовский. Вторым Подгурский, а по его выходе, в кабинет вошел я и отрапортовал: Подпоручик Юзефович, из Порт-Артура, имеет счастье представиться Вашему Императорскому Величеству. Государь выглядел чрезвычайно утомленным. Неудачи Японской войны несомненно тяжело отзывались на Государе. Милостиво подав мне руку, Государь участливо осведомился о моем здоровье и спросил: „Что Вы не думали так скоро попасть на войну". Я уклончиво ответил, что всегда желал и об этом думал, но умолчал, чтобы не показалось испрашиванием наград, что не имея разрешения начальства на перевод, из Дубненской Крепостной Артиллерийской Роты, в Действующую Армию, я притворился больным. Врачебная комиссия дала мне четырехмесячный отпуск по болезни и я поехал на собственный счет в Порт-Артур, где участвовал в сражениях, но не получал жалования, т. к. не имел аттестата на денежное довольствие. Затем Государь спросил: „Где Вы будете теперь служить". Вспомниив, что отец, дед и мои предки, начиная с родоначальника, татарина Юсуф-Бея, отличившегося в Грюнвальдской битве, в 1410-ом году, были кавалеристы, я осмелился сказать: Соизвольте, Ваше Императорское Величество, повелеть перевести меня в конную артиллерию. „За Вашу боевую службу это можно". Я поблагодарил Государя и вышел в приемную комнату, где и передал дежурному флигель-адъютанту Высочайшее повеление о переводе меня, за мою боевую службу, в конную артиллерию. Флигель-адъютант, Лейб-Гвардии Конного полка ротмистр, Князь Долгорукий записал мою фамилию и Высочайшее повеление.

В это время ко мне подошел Церемониймейстер Двора Его Императорского Величества, Граф Гендриков, и сказал: „Государыня Императрица Александра Федоровна, Вас примет" — и провел меня к Государыне, стоящей посреди большой комнаты. Из дверей соседней комнаты с любопытством выглядывали Великие Княжны, дочери Государя — Ольга, Татьяна и Мария, десяти, восьми и шести лет. Отрапортовав Государыне, я поцеловал Её руку. Государыня спросила о моем здо-

Августейшая Семья до рождения Наследника-Цесаревича

ровье и начала говорить об Японской войне. Я был настолько взволнован и обрадован моим предстоящим переводом в конную артиллерию, что не уследил за речью Государыни и запомнил лишь Ее слова: „Ах, как это ужасно, как ужасно".

После аудиенций мне был сервирован во дворце завтрак. В радужном настроении от подававшегося вина, я был во дворцовом экипаже отвезен на вокзал. Приехав в Петербург я немедленно заказал Поставщику Двора Его Императорского Величества, военному портному Каплан, конно-артиллерийскую форму. Сюртук на белой подкладке с шестью пуговицами на задних карманах и серо-синие рейтузы. Экстренные заказы на обмундирование Каплан выполнял в двадцать четыре часа и уже на другой день я щеголял в конно-артиллерийской форме. В газете „Русский Инвалид", я ежедневно прочитывал Высочайшие приказы. Прошла неделя, а приказа о моем переводе в конную артиллерию нет.

Я отправился к Генералу-Инспектору Артиллерии Великому Князю Сергею Михайловичу и был любезно принят, как защитник Порт-Артура, украшенный боевыми орденами. Когда же я доложил, что за мою боевую службу, Государь Император соизволил повелеть перевести меня в конную артиллерию, но приказа до сих пор об этом нет, Великий Князь нахмурился и сказал: „Государь не знает всей подноготной. Вы очевидно в Михайловском артиллерийском училище плохо учились и не могли взять вакансию в конную артиллерию. Я на Ваш перевод в конную артиллерию не даю согласия". Великий Князь кивнул головой и звякнул шпорами. В свою очередь я щелкнул шпорами и, повернувшись налево-кругом, вышел из кабинета Великого Князя Сергея Михайловича...

Ныне, в 1968-ом году, на столетие со дня рождения Царя Мученика, Государя Императора Николая 2-го Александровича, русским лядям, сущим в рассеянии, следует вспомнить пророчество Праведного о. Иоанна Кронштадтского: „Не будет Царя, не будет России". В день Иова Многострадального, 6-го мая, на рождение Государя Императора, о. Иоанн поучал: „Держись же Россия твоей веры и церкви, и Царя Православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь Россией и Святой Русью, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. И, если не будет покаяния у Русского народа, — Бог отнимет у него благочестивого Ца-

ря и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют землю кровью и слезами".

Действительно, без Царя-Удерживающего не стало великой России. Союз Советских Социалистических Республик — С.С.С.Р., это страна слез, страданий и рабства, где коммунисты, за пятьдесят лет владычества, уничтожили милионы людей. В числе их первых жертв был зверски убиенный Государь Император Николай 2-ой Александрович с Его Августейшей Семьей...

Об Императорской России, в иностранной печати, зачастую помещались искаженные сведения. Россия изображалась варварской, отсталой, невежественной страной, с упоминанием Сибири, кнута, погромов и прочее. Однако, наблюдательный и беспристрастный путешественник по России, в 1897-ом году, говорит: „Страна отвратительного мрака такой, как другие изображают Россию, никогда не существовала на поверхности земного шара".*)

Мы жившие в России, в 1894-1917 годы, в царствование Государя Императора Николая 2-го Александровича, неукоснительно должны опровергать клевету и неправду о нашей Русской незабвенной Монархии...

---

*) A traveler in 1897 says: "A country of unmitigated gloom such as others have pictured Russia to be never existed on the face of the globe"... See pages 313-318, "Exciting experiences in the Japanese-Russian War", by Marshall Everett, New York, 1904.

Проф. Д-р мед. Ф. Вербицкий

НА ЗАКАТЕ ОДНОЙ ЖИЗНИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ БЛАГОГОВЕЙНО ЧТИМОГО ЦАРЯ-МУЧЕНИКА

По великим грехам нашим земной путь наших поколений протекает в хаосе больших и малых войн, революций и других тяжких испытаний, уродующих природу человеческую и, вместо братской любви и Правды Божьей, сеющих повсюду злобу, зависть и человеконенавистничество.

Сказочным сновидением сияют теперь предо мной крепко запечатленные в памяти детство и отрочество, протекавшие в родной русской обстановке, в условиях бедной семьи сельского священника, в уюте и тепле простых русских людей.

Радостно вспоминаю я и свою юность, когда в гимназические и студенческие годы мне приходилось своими трудами „ковать своё счастье", прокладывая себе дорогу для будущего на своей Родине, жившей тогда под окрыльем кроткого и доброго Царя Николая II.

Не было пасынков в Великой Державе Российской, объеднявшей под скипетром стоявшего на страже Правды Божьей Православного Царя больше сотни разноплемённых народов. В братской любви и согласии веками жили они равноправными под охраной Божеских и человеческих законов и в дворцах и хоромах столицы и больших городов, и

в убогих хижинах захолустных сёл необъятных просторов нашего Отечества. В мире и тишине проводили все свои дни и ночи, беспрепятственно передвигаясь по делам своим и по городским мощёным улицам и столбовым дорогам и по безвестным тропам, проложенным среди дремучих лесов и бескрайных степей, охраняемых одиночными стражника-ми и урядниками.

Милостив был Господь к Земле Святорусской, жившей по заповедями Его под крылом Православного Царя-Батюшки.

Но не дремали враги рода человеческого и недруги Великого Православного Царства, которое веками стояло нерушимой преградой в их заветных мечтах — овладеть всем Божьим миром. Врозь и в дружеском единении всячески старались они ослабить мощь Российской Державы: одни — навязывая ей кровавые войны и разжигая при помощи домашних предателей, всех мастей самостийничества, в целях раздробления её на части и в надежде потом захватить её целиком; другие — растлевая душу русского народа сеянием внутри страны тлетворных семян в виде: демократизмов, социализмов, коммунизмов и прочих „измов", или в форме, искажающих чистоту Православия: Уний, „Восточных Обрядов" и прочих измышлений человеческого ума.

„Не рой яму другому, сам в неё попадешь", — учит старая русская пословица, и зловещие плоды вражеского усердия мы, рассеянные теперь по лицу всей земли, воочию видим повсюду. Вместо взаимной любви и уважения всюду царит злоба, зависть и человеконенавистничество; всюду льётся кровь и по всему миру расцветают греховные извращения человеческой морали с явной печатью от Лукавого, вплоть до настоящего сатанизма.

Забыв о своей непогрешимости и былом величии, сам Папа Римский, если не с подобострастием, то весьма любезно беседует и торгуется, при дележе риз Христовых, с разными еретиками, вплоть до кричавших: „Распни Его!" В противовес совсем не признающему Бога коммунизму, это сообщество именуется экуменизмом.

Не в лучшем положении находятся и политические вожди народов всех калибров: сменяясь, если не по дням и по

часам, то, во всяком случае, гораздо чаще, чем им хотелось бы, они проводят своё служение Родине лишь во взаимных потасовках, если не оружием, то языком.

Подражая им, так же проводят свои дни в изгнании и наши „вожди", пытавшиеся „осчастливить" свою Родину по западному образцу: за неимением оружия, не устают они на все лады пререкаться и переругиваться и на словах, и в печати, не теряя надежды на то, что их имена впоследствии будут внесены в Мировую Историю Человечества.

В стремлении свалить свою вину на других не останавливаются эти изверги даже перед кощунственным дерзанием упоминать имя выданного ими Царя-Мученика, представляя Его слабовольным и малодушным, легко терявшимся в сложной и опасной обстановке.

Чтобы опровергнуть эту бесстыдную ложь, можно привести множество фактов из жизни Государя, протекавшей в обстановке двух кровопролитных войн и без числа больших и малых потрясений, вплоть до революции, по числу жертв, неистовств и по размерам территории, затмившей Великую Французскую. Достаточно привести лишь памятный всем эпизод из Великой Мировой Войны, когда наша победа висела на волоске в связи с замешательством в ходе военных действий, на почве личных самолюбий, честолюбий и себялюбий отдельных генералов.

Только неожиданное для всех твердое решение Государя: взять на Свои плечи всю ответственность за исход войны, приняв на Себя Верховное Командование Армиями, спасло положение.

Если даже в рядах верных Престолу и Родине этот рыцарский жест в почти безнадёжном положении был встречен весьма сдержанно, то с таким энтузиазмом приняли его простые воины, что сразу положение на фронтах резко изменилось, украсив русского солдата новыми красочными подвигами.

Война была выиграна, о чём единодушно свидетельствуют и наши враги, и наши союзники: „Весной 1917 года можно было принять только одно решение — оборону на всех фронтах", — пишет в своих мемуарах фельдмаршал и будущий президент Германии Гинденбург; „мы накануне ката-

строфы", — подтверждает это маршал Людендорф, начальник штаба Германских армий, в своих „Воспоминаниях" об этих днях.

„В марте Царь был на престоле; Российская Империя и Русская Армия держались; фронт был обеспечен и победа обеспечена", — четко вспоминает эти дни будущий премьер-министр Англии Черчилль.

Этот неожиданный и потрясающий перелом в ходе военных действий, после перехода Верховного Командования в руки Самого Государя, красочно рисуется в воспоминаниях ген. Лохвицкого (командовавшего во Франции русскими войсками) крылатой фразой: „чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей Петру Великому потребовалось девять лет. Верховный Главнокомандующий Император Николай II сделал ту же работу в полтора года".

Только потерявшие совесть и сознательно идущие на гнусную клевету и ложь люди могут плести такой вздор, каким пестрели и пестрят страницы в их мамуарах, политических статьях и всяческих дискуссиях по всякому поводу и без всяких поводов.

Как сын своей Родины, отдавший 65 лет своей жизни служению медицине, не могу не привести прошедший пред моими глазами красочный документальный факт, ярко свидетельствующий о непоколебимой крепости духа Государя при выполнении Им Своего долга, подробно описанный в книге академика Г. Е. Рейна: **Из пережитого.** Парабола 1923 Берлин, посвященной истории возникновения в „отсталой" России (раньше чем в высоко культурных странах) отдельного ведомства, ведающего охранением здоровья населения страны.

В целях возможно широкого достижения этого, академику Рейну было поручено Государем образовать „Особое Совещание" из авторитетных представителей медицины для выработки Закона об учреждении Министерства Народного Здравия.

Когда, после длительной и напряженной работы, с участием профессоров и видных представителей всех специальностей, выработанный проект был представлен Государю, Он поставил на нем четкую резолюцию: „Одна шестая часть

суши должна иметь особое министерство народного здравия".

При дальнейшем проведении его в жизнь, как полагалось в те дни, началась ожесточенная борьба: на словах весьма пекущаяся о благе народа Дума враждебно встретила этот проект уже потому, что он исходил от Правительства, а в Совете Министров он подвергся критике по вопросам экономии. После провала в этих обеих инстанциях, это полезное начинание, принятое ныне во всех больших и малых державах, было осуществлено лишь непреклонной волей Самого Монарха, которого предатели Родины, выгораживая себя, дерзают называть слабовольным и малодушным.

„Кровь — не вода", и не приходится удивляться сверхчеловеческой крепости духа правнука Царя-Самодержца Николая I и сына русского Богатыря Александра III, при котором „Европа должна была ждать пока русский Царь удил рыбу".

Родство душ Царя Николая II со Своими Предками ярко выявилось уже в отроческие годы, о чём красочно и с любовью повествует живший в ту пору в обстановке дворца сверстник царевичей Георгия и Николая, проводивший свои дни в близком общении с ними: „отрок Николай рисуется уже в ту пору крепким и твердым в выполнении своего долга и весьма самостоятельным в своих суждениях и поступках. В условиях дворцового этикета он рос простым, добрым и душевно близким своим сверстникам".

Неожиданно выпавший на его долю, после смерти брата Георгия и преждевременной кончины Державного Отца, долг занять Престол Российской Империи застал Его неподготовленным к сложным и многотрудным обязанностям Монарха. Догарали „последние Могикане" сподвижников Имп. Александра II, с престарелым К. П. Победоносцевым во главе, и просыпались, толкаемые непомерным честолюбием и своеволием, либеральные круги, подстёгиваемые вековыми врагами России, стремящимися использовать всякий благоприятный момент для сокрушения мощи Православного Царства.

Сразу же незамедлила разгореться глухая и открытая борьба за ведущие роли и вокруг Престола и во всех угол-

ках державной жизни страны. Чего стоил один закаленный в интригах С. Ю. Витте, ставший потом графом.

Махровым цветком расцвела свистопляска всех этих „патриотов" и внутри страны и за пределами её, щедро питаемая „Шестой Великой Державой" (как она тогда называлась) — прессой, под камертон которой стали выкидывать всякие „коленца" околпаченные или купленные за сребреники доморощенные или выдрессированные Западом политики.

Докатились и до долженствующей изображать парламент в самодержавной Империи Государственной Думы, где матёрые гробокопатели, уже под охраной Закона, получили возможность не только в кулуарах, а и с кафедры выполнять свои задачи по разрушению „отжившего" строя.

Не обходилось без имеющих характер скверных анекдотов пародый на парламент: в припадке революционного экстаза, вождь кавказских революционеров Чхеидзе вопит на весь зал с кафедры. „Что такое Россия? — Продажная женщина: хочешь должность — должность купишь; хочешь чин — чин купишь; хочешь орден — орден купишь!..." — „Ума не купишь!..." — звучит с правых скамей голос русского патриота Крушевана — молдаванина из пограничной с Румынией Бессарабии.

Рекорд по наглости и изощрённой лжи побил славившийся в левых кругах своим профессорским титулом вождь конституционных демократов П. Н. Милюков, кощунственно оболгавший душой и телом ставшую мученицей за Россию Царицу ультрациничной фразой, брошеной с кафедры: „Что это? Глупость или измена?"

Под акомпанимент и в гармонии с думскими гробокопателями Родины на всех перекрёстках звучала „прогрессивная" пресса всякими пасквилями по адресу Правительства, не щадя (с соблюдением пристойной осторожности, дабы не вызвать народного гнева) и личности Самого Государя, а на улицах, в домах и даже в театрах подлыми и подлейшими способами злодеи снимали со своих постов верных Престолу и Родине часовых.

Злодейской рукой на улицах Москвы был убит Московский Генерал-Губернатор Великий Князь Сергей Алексан-

дрович (дядя Государя, женатый на сестре Государыни Великой Княгине Елизавете Федоровне, также отдавшей свою жизнь горячо любимой России); после ряда покушений, в таинственной обстановке еврейской пулей была оборвана жизнь мудрого и бесстрашного патриота П. А. Столыпина, оставившего Истории свой классический ответ на неистовый волчий вой по адресу Правительства разрушавших Родину красных предателей: „Не запугаете! Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!"

Так же были убиты: Министр внутренних дел Плеве, Министр народного просвещения Боголепов, адмиралы Дубасов и Чухнин, генерал Сахаров и тысячи, тысячи других, оставшихся безвестными верных слуг своего Отечества, стоявших на постах, от скромного городового до самых высших чинов Державы.

Взирая на всё, что творится в Православном Царстве, и прозревая по данной ему от Бога пророческой прозорливости „мерзость запустения на святом месте", терзался и мучился праведник Отец Иоанн Кронштадтский в сознании своего бессилия спасти Родину. Неустанно громил он с амвона всех забывших Бога и потерявших совесть людей, ведущих себя и свое Отечество в геену огненную, в надежде предотвратить то, свидетелем чего Господь судил нам быть уже на протяжении полвека.

Вся эта, находившая себе отражение в высоких кругах, сатанинская вакханалия не укрылась от бдительного ока Государя, и в мемуарах долголетнего посла при русском Дворе Мориса Палеолога запечатлена четкая фраза Государя на приеме посла в Царском Селе: „Эти миазмы Петрограда... Их чувствуешь здесь на расстоянии 22-х верст, и этот скверный дух идёт не из народных кварталов, а из салонов. Какой срам! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишённым совести, патриотизма и веры?!"

Об этих „миазмах" пишет и иноземец, присланный Англией, в целях осведомления о положении России, в революционные дни генерал Вильямс: „Один из критиков" (очевидно репортер), проведший в России 24 часа, дал мне о Государе такой отзыв, что я подумал, что эти часы он провёл в помойных ямах Петербурга; иначе, он не мог собрать сведе-

ния более лживые и несправедливые и, притом, столь же ошибочные, как и злобные" (П. П. Стремоухов „Русская Летопись" т. VII).

И в этой мутной и зловещей обстановке, требующей сверхчеловеческого душевного напряжения, только четыре слова молитвы Господней: „Да будет воля Твоя", — вливали Царю-Мученику, всегда памятующему о том, что Он родился в день Иова Многострадального, покорность Воле Божьей и мужество без ропота кротко переносить все сыпавшиеся на его голову беды.

Несмотря на все эти ужасные условия царствования Царя-Мученика, оно принесло Родине русского народа немало весьма ценных благ.

Детально изучавший достижения на протяжении царствования Государя историк С. С. Ольденбург („Царствование Императора Николая II", 1939 г., Белград) пишет: „во всех областях жизни русского народа были достигнуты огромные успехи: в области земледелия мудрые реформы П. А. Столыпина прочно обеспечивали расцвет сельского хозяйства; железно-дорожная сеть увеличилась за эти годы на 150%; добывающая и обрабатывающая промышленность возрасла: нефти — на 100%; каменного угля — на 430%; железной руды — на 140%; производство сахара — на 400% и т. д., и т. под. Страна богатела и быстрыми шагами шла вперёд: золотой запас с 650 миллионов (1894 г.) возрос до 1600 миллионов (на 150%). Вместе с улучшением благосостояния страны шёл прогресс и в духовном и просветительном отношении: открывались новые университеты, многочисленные средние, общие и специальные — учебные заведения, причём, весьма большое внимание уделялось расширению просвещения в недрах народа: росло число земских и церковных школ, и Россия уже была накануне всеобщего образования. В противоположность „высококультурному" Западу, с повышением культуры, преступность не только не увеличивалась, а падала, чему способствовало возглавление Державы Помазанником Божьим и наши Законы, ведущие начало от „Русской Правды" Ярослава Мудрого".

В явном предвидении надвигавшейся на мир опасности, Государь при помощи своих Представителей при иностран-

ных державах пытался внушить это и сильным мира сего в иноземных странах, предложив на Мировой Конференции в Гааге ряд мер для предотвращения этого. Но не вняли Ему политики и дипломаты, и покатился и дальше мир в ту бездну, которая проходит теперь пред нашими очами в высоко культурных странах, и во всём мире.

В уповании на милость Господню Царь-Мученик не переставал искать утешения в усердной молитве и в помощи Святых Угодников.

После длительного перерыва, в Его царствование был открыт ряд нетленных мощей святых молитвенников за Русскую Землю:

1) Феодосия Черниговского (к чудесной помощи которого нередко прибегали в своих гимназических невзгодах и мы — ученики Черниговской гимназии, спускаясь к раке Святителя, находившуюся в старейшем, построенном ещё князем Мстиславом, соборе, расположенном как раз против нашей гимназии);

2) Святого Серафима Саровского, о святой жизни которого Царь-Мученик ведал и из переданной Ему при прославлении мощей собственноручного письма св. Серафима (70 лет хранившегося у глубоко верующей и Богобоязненной русской женщины Е. М. Мотовиловой). На конверте этого письма стоял адрес: „Царю, Который приедет в Сарово молиться обо мне", и в письме ясно были начертаны судьбы Родины и Самого Царя (Т. Ходнев „Прав. Русь" 1967 г. 19 мая).

3) Иоасафа Белгородского и

4) Анны Кашинской.

Не только о себе и своих близких молился Царь-Мученик, а и о всём беспредельно любимом им русском народе, без колебаний отдавая ему все свои силы и жизнь, и с истино христианским смирением неся Свой тяжкий крест.

Также без ропота и с неоскудевающей любовью переносила все тяготы и ужасы заключения, — лишения, унижения и непосредственно нависшую над их головой смерть Царица и вся Царская Семья.

По запискам, оставшегося верным до смерти лейб-медика Е. С. Боткина (чем должны гордиться все врачи): „ко-

гда на очереди поднимался вопрос о возможности выезда за-границу, из глубины души Царственной Страдалицы вырвался вопль: „Лучше я буду поломойкой, но я буду в России!"

И детям Своим постоянно внушала Царица: „Нельзя вырвать из своего сердца любовь к России".

В полном созвучии жила вся Царская Семья... Царевны молились за Родину — Россию, за русский народ... за друзей и за врагов. (Татьяна Мельник — дочь Е. С. Боткина „Воспоминание о Царской Семье").

Когда пришло известие о Брест-Литовском мире, глубокой болью отозвалось оно в душе Царицы и вылилось в молитве: „О, Боже, Боже! Спаси Россию! Только не этот постыдный мир!"

Даже иноземец, воспитатель Царских Детей, швейцарец Жильяр, переживавший вместе с Царской Семьей ужасы Тобольского заточения, писавший свои воспоминания уже в обстановке мирной жизни, — заканчивает их: „Император и Императрица предполагали умереть мучениками за Свою страну. Они умерли мучениками за всё человечество".

Как тут не вспомнить слова, сказанные Жильяру пред принятием на Себя Верховного Командования (запечатленным им в его „Записках"):

„Вы не поверите, как тягостно мне пребывание в тылу. Всякий человек, способный носить оружие, обязан быть в Армии. Что касается меня, я не могу дождаться минуты, когда я присоединюсь к моим войскам".

Украсьте это еще словами, сказанными тому же Жильяру, уже в обстановке Тобольского заточения, после отречения от Престола:

„И подумайте только, что теперь, когда больше я не Император, мне не позволят даже сражаться за мою Родину" (стр. 98).

Какое мужество! Какое рыцарское сознание Своего долга перед Родиной.

В „Воспоминаниях" Жильяра (стр. 68) запечатлены следующие знаменательные слова Государя, свидетельствующие об Его необыкновенной прозорливости, сказанные Жильяру,

после длительной простой душевной беседы с посетившим Царя-Мученика Президентом Франции Пуэнкарэ:

„Ах, если бы добились возможности обходиться без дипломатов! В этот день человечество достигло бы огромного успеха!"

„Вся жизнь Государыни и мученическая смерть Ее отдана была России и за Россию. Об этом знали все русские люди, от дворцовой прислуги до высоких вельмож, живших в близком соприкосновении с жизнью Царицы. Об этом ярко говорили бесчисленные мелкие и крупные факты из ее жизни, проходившие на виду у всех. Об этом свидетельствует и чужеземец, имевший своей задачей зорко следить за обстановкой жизни и настроениями стоящих у власти кругов и, прежде всего, самой Царской Семьи. В мемуарах долголетнего Посланника Франции М. Палеолога мы находим следующие строки:

„Вот уже несколько раз мне приходится слышать упреки, которые делают Императрице, будто Она сохранила симпатии, предпочтения и доли нежности к Германии. Несчастная женщина! Никоим образом не заслуживает этого обвинения... Ни умом ни сердцем Она — не немка, и никогда ею не была. Сущность Ее природы стала вполне русской. Она любит Россию горячей любовью. — (стр. 3).

По свидетельству, запечатленными в кошмарных условиях заточения лишь об одном молил Царь-Мученик врагов Своих: „Дайте мне здесь жить с моей Семьей самым простым крестьянином, зарабатывающим свой хлеб. Пошлите нас в самый скромный уголок нашей Родины; оставьте нас в России". (гр. А. Коновницын, „Согласие" 1967 октябрь, стр. 14).

М. Георгиевич

* * *

Как и всякий человек, покойный Государь делал ошибки. Самая крупная из них — та, что он сдержал своё слово и не пошёл на сепаратный мир летом 1916-го года, когда уже было ясно видно, что мы „перетянулись".

Но смело могу сказать, что сердца большинства офицеров бились в униссон с царским. И мы все повинны в наступившей разрухе...

Большинство же ошибок, совершённых за минувшее царствование дело рук недобросовестного, корыстного окружения. Оно — окружение это — выдалось особенно плохим именно потому, что царь был человек кристально чистой души и верил людям.

(Подобное разочарование испытал в конце 1917-го года другой пламенный патриот и честный человек — генерал Алексеев. Из полутораста тысяч офицеров на юге России, он расчитывал собрать шестидесятитысячную армию добровольцев... а откликнулось менее тысячи!).

Много грехов на совести этих ничтожеств — карьеристов, покинувших своего Благодетеля в тяжёлую минуту. Но, конечно, главное их каиново дело — наибольшее преступление перед родиной это то, что они не уберегли посланный нам судьбою, драгоценный дар — великого кормчего — Столыпина.

Мне выпало на долю знавать одного такого карьериста-проходимца — генерала Брусилова.

Еще молодым совсем офицером я соприкоснулся с духом офицерской кавалерийской школы. И сердцем почуял всю фальшь возглавлявшего её тогда очковтирателя...

К этому же времени — лету 1906 года — относится моя первая встреча с Государем, о которой я хочу рассказать.

По окончании трех классов артиллерийского училища, я вышел в конную артиллерию. Удачно приобрел скаковую лошадь и понабрал призов на дивизионной и окружной скачках. Отважился в конце-концов, попытать счастья и на Императорской офицерской скачке в Красном селе.

Когда Государь присутствует, участники скачки ему представляются и удостаиваются краткого одноминутного разговора с Царем.

На этот раз мне повезло — Государь был тут.

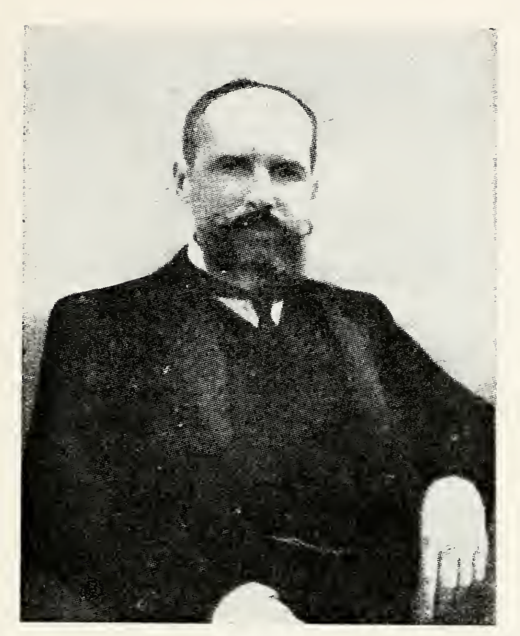
Нас наскоро выстроили в одну шеренгу. Обход начался.

Стоявший правее меня штабс-ротмистр настолько был потрясен-взволнован, что потерял временно рассудок. Остались одни рефлексы... Видя перед собой Государя, носившего полковничьи погоны, он, вместо „Ваше Величество", отвечал невпопад, добавляя при этом: „Так точно, господин полковник!"

Покойный Государь был изумительно обоятелен и приветлив. Даже его недоброжелатель Витте, в своих мемуарах, отдает ему должное по этой части — называет его „самым воспитанным человеком в Европе".

Как дело обернулось бы, будь на месте Императора Николая II, Император Николай I или Павел, гадать не берусь... Но покойный Царь и вида не показал, что дело не ладно... Лишь мельком взглянул в мою сторону и улыбнулся краем губ. Окончив кое-как разговор, он, как ни в чем не бывало шагнул вправо и обратился ко мне...

Если к этому прибавить, что нас, прибывших только что со всех концов необятной России, не проверяли (по крайней мере — видимо), наскоро построили... А мы были в полной походной форме, с револьверами заряженными полным числом патронов.

Петр Аркадьевич Столыпин

И когда вспомнишь, как тщательно проверяли и многократно обыскивали „счастливцев", попадающих перед светлые очи „отца народов", то, полагаю, всякие коментарии являются излишними.

П. Крачковский

ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1899 года

Если движение человечества вперед, к прогрессу, к лучшему будущему изобразить графически, то, вместо плавной линии, получится какая-то изломанная кривая, так как в этом движении бывают застои, провалы и даже отступления назад.

Иногда социальные и научные идеи, ставящие вехи на историческом пути человечества, возникают одновременно в разных местах. Экономические идеи, легшие в основу „Богатства народов" Адама Смита, почти одновременно с ним формулировал Рикардо; законы сохранения вещества, независимо от Ломоносова, открыл Лавуазье; зависимость упругости газа от его объема открыли Бойль и Мариотт. Здесь, как принято гоовриить, идеи как бы носятся в воздухе.

Но бывает и обратное. Идеи, возникшие в передовых умах, являются гласом вопиющего в пустыне, так как не только массы, но и „вожди" еще не созрели для их восприятия: нужны десятилетия, чтобы они получили всеобщее признание.

Такова была идея ограничения вооружений и арбитража в международных конфликтах, предложенная всему миру нотой Русского Правительства от 16/28 августа 1898 года по инициативе Императора Николая II-го.

Приняв, по предложению Штейна, еще во времена Наполеона всеобщую воинскую повинность, как основу организации вооруженных сил, Пруссия, при сравнительно незначительной армии мирного времени, имела возможность, в случае войны, мобилизовать огромные, хорошо обученные резервы. Ее примеру вынуждены были последовать и другие европейские державы. Состояние, в котором находилась Европа после Франко-Прусской войны, не без основания называли „вооруженным миром".

Технические изобретения, непрерывное усовершенствование орудий войны делали то, что военное оборудование, накоплявшееся в арсеналах, через некоторое время оказывалось устаревшим и требовало замены.

Необходимость постоянно возобновлять техническое оборудование, необходимость содержать огромные армии тяжелым бременем ложились на бюджет государств, оставляя без достаточного удовлетворения другие насущные нужды: просвещение, постройку дорог, мостов, каналов, больниц, благоустройство городов, сооружение комфортабельных жилищ и так далее.

Военные союзы и накопление средств разрушения не предотвращали опасности войны, а лишь предвещали дать ей невиданные до тех пор размеры, размах и кровопролитие.

Все эти соображения принятые во внимание, положены были в основу ноты от 28-го августа, посланной Министром Иностранных Дел графом М. Н. Муравьевым, от имени русского Правительства, всем европейским государствам и некоторым азиатским и американским.

Реакция на русскую ноту была быстрой и, в общем, отрицательной.

Во Франции ноту приняли, как возможность закрепления навсегда существовавшего положения, то есть отказ от реванша и возвращения Эльзаса и Лотарингии.

В Германии — как возможность каких-то уступок в Эльзасском вопросе, что ею категорически отвергалось.

Англия, вообще, не приняла ноты всерьез. Она охотно шла на сокращение сухопутных вооружений, но не флота.

И только Италия и Австрия проявили известный интерес к предложению России.

Для разъяснения, что нота не имеет в виду разоружение, а лишь ограничение дальнейших вооружений, за границу были посланы Министр Иностраыных Дел граф Муравьев и Военный Министр генерал Куропаткин.

Несмотря на общее отрицательное отношение, Мирная Конференция все же состоялась, благодаря настойчивости России. Она открылась в Гааге (Голландия) 6-го мая 1899 года, под председательством русского посла в Лондоне барона Стааля.

Конференция, после детального изучения вопросов в подкомиссиях, нашла невозможным закрепить численность наличных войск даже на ближайшие пять лет, так как боеспособность армии зависит не только от ее численности, но и от многих других факторов: количества артиллерии, качества огнестрельного оружия, оснащения ее новейшими техническими средствами, развития путей сообщения, усиления промышленности государства для пополнения материальной части армии.

Все таки Конференция приняла декларацию о запрещении: 1) разрывных пуль, 2) метания разрывных снарядов с воздушных шаров, 3) употребление снарядов с удушливыми газами.

Во время войны 1914-18 годов Германия нарушила все три пункта. Во время Англо-бурской войны (1902 года) Англия нарушила пункт первый.

По вопросу об арбитраже Германия заняла непримиримую позицию: „Малые государства в качестве субъектов, малые вопросы в качестве объектов арбитражного разбирательства — можно себе представить; большие государства и важные вопросы — никогда".

Несмотря на категорический отказ от обязательности арбитража, Германия согласилась на учреждение Международного Суда.

Кроме того, были утверждены соглашения о применении Женевской Конвенции к морской войне, о пересмотре Декларации о законах и обычаях войны, о мирном разрешении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Положения Конвенции о посредничестве и третейском разбирательстве, разработанные русским профес-

сором международного права Ф. Мартенсом, легли в основу Гаагского Международного Суда.

Все это было, конечно, слишком мало по сравнению с тем, что было задумано Императором Николаем Александровичем.

Ну, а если бы все предложения Русского Царя были искренне приняты и все Великие Державы согласились бы на ограничение вооружений и на обязательный арбитраж? Предотвратило ли бы это Русско-Японскую войну и, главное, войну 1914 года,

История, к сожалению, не знает сослагательного наклонения. С достоверностью нельзя утверждать, что этих войн не было бы.

Надо не забывать, что Япония, вступив с нами в войну, имела за собой моральную, финансовую и материальную поддержку Англии и Соединенных Штатов Америки. С Англией Япония была в союзе, а со стороны Президента Северо-Американских Соединенных Штатов Рузвельта (старшего) последовало весьма недвусмысленное предупреждение Франции и Германии, что, если они попытаются выступить против Японии, то он немедленно станет на ее сторону.

Но в Австро-Сербском конфликте 1914 года арбитраж Великих Держав не мог бы не подействовать отрезвляюще на воинственность Австрии и мог бы предотвратить войну 1914 года.

Можно конечно говорить, что мирное разрешение Сараевского инцидента лишь отсрочило бы войну на какой-то срок, но не могло предотвратить ее, так как война Центральных Держав с Россией была, якобы, неизбежна. Во-первых, я не разделяю мнение о неизбежности войны; во-вторых, время работало на Россию и всякая отсрочка, всякий выигрыш времени увеличивали ее экономичесыую мощь, ее военный потенциал, увеличивали ее шансы на победу в случае нападения на нее. Надо не забывать, что валовое увеличение всей продукции Российской Империи за последние десять лет, предшествовавших войне 1914 года, выражались в 17% против 13% в Германии и 11% в Соединенных Штатах.

За те же десять лет ежегодно сдавалось в эксплуатацию 2000 верст железных дорог, а за полтора приблизитель-

но года перед войной Русским Генеральным Штабом, совместно с французами был разработан десятилетний план железнодорожного строительства, предусматривавший постройку 50.000 верст новых железных дорог. В этот план входило сооружение рокадных железных дорог, параллельных нашей Западной государственной границе, что дало бы возможность быстрой переброски и концентрации войск в любом пункте западного фронта. Главная же часть новых дорог приходилась на Азиатскую Россию — Сибирь и Центральную Азию. Густая сеть новых дорог приобщила бы к национальному хозяйству огромные, доселе бездорожные районы, богатые природными рессурсами, создала бы новые промышленные центры, вызвала бы параллельную волну побочных коммерческих и промышленных предприятий, облегчая к тому же возможность быстрой мобилизации военных резервов.

В момент объявления войны на руках Военного Министра Сухомлинова находились неизрасходованными ассигнованные Думой за последние три года суммы для постройки новых заводов, связанных с государственной обороной: орудийных, ружейных, патронных, химических и так далее.

При оттяжке вооруженного столкновения даже такой инертный министр, как Сухомлинов, мог бы успеть построить новые заводы и провести новую программу обороны страны. Напомню, что запас мирного времени — 1200 выстрелов на орудие положено было, по соглашению с французским Генеральным Штабом, довести до 2000. Из-за преступной бездеятельности Военного Министра Сухомлинова в 1914 году мы располагали лишь 900 выстрелов на орудие.

Война с Австрией, а следовательно, с Германией из-за аннексии Боснии и Герцоговины была предотвращена мудрым и решительным заявлением П. А. Столыпина, что Россия к войне не готова и вступление в войну равно для России самоубийству. „Дайте России двадцать лет мирного строительства и России не страшна будет никакая коалиция".

В европейской политике действовал еще один фактор: Австрия находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Господствующие нации — венгры и немцы — составляли лишь 35% пятидесятидвухмиллионного населения Империи;

остальные 65% приходились на румын, чехов, словаков, хорватов, сербов и русин, ненавидевших своих угнетателей и ждавших лишь удобного случая для расплаты за десятилетиями накоплявшиеся обиды и притеснения. Да и господствовавшие нации — немцы и венгры — ненавидели друг друга. Обаяние личности престарелого императора Франца-Иосифа было единственной скрепой, единственной силой, сдерживавшей до поры до времени центробежные силы. С его смертью дипломатами предвиделся неминуемый распад Австро-Венгерской Империи.

Враждебная к России позиция Германии была следствием ее союза с Австро-Венгрией. С распадом последней и возможным присоединением к Германии немецких областей Австрии враждебность Германии к России становилась бессмыслицей.

Как мы писали выше, время работало на Россию. Помимо непрестанного органического развития промышленности, аграрная реформа Столыпина в корне меняла положение крестьян. Урожайность крестьянских хозяйств, выделенных на отруба и хутора, была на 100% выше, чем в крестьянских хозяйствах, оставшихся на общинном землепользовании.

Параллельно с экономическим ресцветом России шло ее моральное оздоровление.

В 1914 году студенты, изображенные Чириковым и Л. Андреевым, студенты дикие, лохматые, дремучие стали анахронизмом. На смену им шел новый студент, проникнутый патриотизмом и здоровым национализмом, студент волевой, подтянутый, со спортивной тренировкой и выправкой. Еще несколько лет и поколение чеховских обывателей, нытиков и лишних людей, поколение прежней будирующей и расхлябаной интеллигенции было бы заменено новым поколением новых людей, волевых, решительных, целеустремленных.

Бывший социал-революционер профессор Питирим Сорокин, в своей книге, написанной за границей, категорически утверждает, что, если бы революция не произошла в 1917 году, то ее вообще бы не было. Через несколько лет она была бы психологически невозможной.

Искренное приятие Великими Державами мудрого и гуманного предложения Императора Николая II-го о сокраще-

нии вооружений и об арбитраже в международных конфликтах могло бы в корне изменить курс мировой истории за последние семьдесят лет.

На Вашингтонской конференции по вопросу о морских вооружениях, открытой 9-го ноября 1921 года, президент Северной Америки Гардинг в своей вступительной речи вспомнил о благородном порыве Русского Царя: „Предложение ограничить вооружение путем соглашения между державами не ново. При этом случае быть может уместно вспомнить благородные стремления, выраженные двадцать три года тому назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского".

Только через два десятилетия после Гаагской конференции передовые умы человечества созрели для восприятия идеи ограничения вооружений, идеи, раньше считавшейся утопией, несбыточной мечтой Русского Царя. И Лига Наций и Организация Объединенных Наций — плоды семян, посеянных нотой Русского Правительства от 28-го августа 1898 года.

Как ни трагична судьба Императора Николая II-го и Его Семьи, как ни трагична судьба всей России после Его отречения, имя Императора Всероссийского, Царя Николая II-го, золотыми буквами начертано на скрижалях истории Человечества.

Д. Ходнев

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II ДЕРЖАВНЫЙ ВОЖДЬ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ РЯДОВОГО-ОФИЦЕРА).

„... — и остави нам долги наша!..“

В текущем, 1968 году, 6-19 мая, исполняется 100-летие со дня рождения последнего нашего Государя-Императора, Царя-Мученика Николая Александровича. Более полувека прошло, как погибла Императорская Россия, и вместо нее народился С.С.С.Р... Почти полвека минуло со дня мученического убиения большевиками всей Царской Семьи...

Безмерно велик, и не замолен ещё до сих пор, наш общий грех пред Царём-Страдальцем и Его Августейшей Семьей!

Проходят года. О Царской России, и о последнем Царе, — новое поколение знает почти только одну ложь. С каждым годом всё меньше и меньше становится нас, — тех, кто помнит ту, безвозвратно ушедшую, Русскую жизнь; и наш долг, во имя любви и преданности к нашей многострадальной родине, во имя правды и справедливости, — рассказать русским людям, особенно тем, кто родился и живет в С.С.С.Р, то, что было, тогда, в действительности, а не то,

о чём они знают со слов, воспитавших их, большевиков-коммунистов, в их „партийном", Ленина и Сталина, освещении. Наш долг — рассказать всю правду о последнем нашем Царе-Мученике, отбросив большевицкую ложь и клевету, которыми полна советская литература, не исключая и научно-исторической. Не редко приходится слышать и читать такие невероятные рассказы и нелепости, что не знаешь — что и думать. А вот находятся люди, которые верят большевицкой фантазии! Это и заставляет взяться за перо и правдиво изложить всё то, что было мною пережито и что навсегда сохранилось в памяти. Мои воспоминания — это воспоминания рядового офицера, прослужившего на военной службе, в строю, по окончании кадетского корпуса в 1903 году — почти пятнадцать лет. Срок, думается мне, достаточный, чтобы иметь право сказать и своё слово.

***

— „... Бывают Цари, которые, по своей натуре, призваны царствовать; но бывают Цари, которые, по своей натуре, призваны быть мучениками царствования; ко вторым относится и покойный Император Николай II." (ген. М. К. Дитерихс).

Наш последный Государь был глубоко верующим, тихим, кротким и необычайно добрым; Он напоминал Тишайшего Царя Алексея Михайловича, образ которого Он так любил и память которого всегда почитал; в характере у них обоих было много общего.

Государь родился в день церковного поминовения памяти Св. Иова-Многострадального, в чём должно усматривать перст Божий и предопределение. Вот это и давало Царю-Мученику силы переносить все невзгоды с истинно-христианским смирением и кротостью. В Его дневнике имелась следующая примечательная запись: ...у меня более чем предчувствие, что я обречён на страшные испытания и что я не буду вознаграждён за них на этом свете; но, — да будет воля Господня!..." Это последнее: „Да будет воля Господня", — было постоянной молитвой Государя, и часто Им произносилось вслух. Прав И. И. Тхоржевский: „у Государя всегда было тёмное предчувствие обречённости, нотки усталого смирения, грустного безразличия". Министр

Государь Император в форме Л.-Гв. Финляндского полка

Картина-портрет худ. Кустодиева
разорвана большевиками в 1917 г.
Переснимок из истории Л.Гв. Финляндского п. С. А. Гулевича Т. IV

иностранных дел, Извольский, в своих воспоминаниях, приводит следующую фразу Государя, сказанную Им 20-го июля 1906 года, когда в Кронштадте вспыхнул мятеж: „Я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба, и судьба моей семьи — в руках Господа; что бы ни случилось, — я склоняюсь пред Его волей". Вспомним и другие слова: „если нужна искупительная жертва чтобы

спасти Россию, — я всегда готов ею быть; да будет воля Господня!"

**
*

Почти всё царствование Императора Николая II протекло в чрезвычайно беспокойное время и было для Него настоящим мученичеством! Началось с „ходынки", а потом следовали: неудачная Русско-Японская война 1904 года; первая смута 1905/6 гг.; неизлечимая болезнь единственного сына-наследника; тяжёлая война 1914-17 гг.; вторая смута, революция, вынужденное отречение от престола; и конец: мученическая, со всей Семьёю, гибель в Екатеринбурге в 1918 году. Велики, безмерно велики, были Его нравственные страдания, но Он всегда, с истинно-христианским смирением, переносил их! Прав покойный Г. В. Месняев, писавший, что „с гибелью Императора Николая II — погибла и Россия, как нечто святое, светлое, великое"...

**
*

Государь, как и вся Семья, был глубоко — верующим. Он был Русским Православным Царём. Молитвою начинался, молитвою и кончался Его трудовой день. Перед каждым серьёзным делом, Он, неспеша, истово осенял себя крестным знамением, призывая себе в помощь Господа-Бога. Смирение перед Господней волей — было отличительной чертою глубоко верующего Царя. „Да будет воля Твоя", — с этой молитвой прошёл Он весь свой крестный путь, вплоть до мученической кончины. Помню, солдаты наши неоднократно обращали своё внимание на то, как усердно и истово молился Государь. ...Я вспоминаю обедню, в воскресенье 10-го декабря 1906 года, в церкви Царскосельского Дворца, когда я впервые увидел Государя молящимся. Я был поражён благочестием, смирением и усредием, — с коими молился Царь. Было видно и чувствовалось, что Он действительно молился, забывая обо всём постороннем, и как-бы уходя, от всего окружающего, в мир иной... В последние годы, Царская Семья почти не пропускала богослужений в Государевом Феодоровском Соборе, где молилась постоянно, начиная с первого дня, как был отстроен и освящён этот удивительно красивый и так располагавший к молитве храм. Прикладываясь ко св. Кресту, или принимая благосло-

вение пастыря, Государь, и вся Семья, постоянно со смирением, лобызали священнику руку, хотя бы это был самый простой деревенский батюшка.

Все православные церковные правила и обычаи строго выполнялись Царской Семьей, — посты, исповедь, св. причастие, христосование.

На Пасху Государю приходилось христосоваться со множеством православных людей, всех рангов. Дворцевые караулы, нёсшие наряд в Светлую ночь, имели счастье, в полном своём составе, христосоваться с Государем, получая из Его рук пасхальные яйца. Позволяю себе вспомнить здесь, как на пасхальной неделе, в 1915 г., я, с другими, эвакуированными по ранению, офицерами полка, имел счастье христосоваться с нашим Авг. Шефом, Гос.-Насл.-Цесаревичем Алексеем Николаевичем, троекратно с Ним целуясь; поздравляя Государыню-Императрицу и Вел. Княжён, целуя Им руки. Увы, — Государя в тот день не было: Его Величество отбыл в Ставку

***

Государь был необычайно добрый, простой, заботливый и ласковый. Он безгранично любил Россию и свой народ. Он всем желал лишь добра и счастья! И готов был всё сделать, чтобы дать всем благополучие, мир и благоденствие. И не Его вина, если не всегда и не всё Ему удавалось. Он, привыкший к правде, не мог и думать, что приближенные к Нему, призванные в помощь на благо России, могут Его вводить в заблуждение, лицемерить, обманывать. Увы, — это было, и ещё как было!... И только в ужасную ночь 2/3 марта 1917 года, доверчивый к людям, Государь, с горьким чувством, принуждён был записать: „кругом измена, трусость, обман"...

***

Государь был весьма образованным человеком. Он свободно владел четырьмя языками; помимо обще-образовательного курса, будучи наследником, получил высшее военное и высшее юридическое образование; Его профессора с большой похвалой отзывались о Его способностях; Государь много читал. В Его царствование, несмотря на различные осложнения, были осуществлены необходимые рефор-

мы, и во многом мы шли впереди Запада. Как я уже упоминал, Государь желал только добра, и готов был всё возможное сделать, чтобы дать всем мир, благополучие и счастье. Будучи, по натуре своей, мягкосердечным, Государь был противником строгих репрессий, наказаний, и терпеть не мог смертной казни; но, несмотря на желание отменить её совершенно, Он, всё-же, не считал себя вправе это сделать, особенно в смутные 1905-6 года. Мне неоднократно рассказывал мой ротный командир, флигель-адъютант капитан В. И. Сухих, как бывал доволен Государь, если полевой суд (1905-6 г.г.) находил возможным не присуждать обвиняемого к смертной казни; а сколько тяжких преступников помиловал Государь и спас их от смерти!

Такова была наша „жестокая" Царская Россия, и таким был „Николай-Кровавый", — как называют Его революционеры и большевики...

***

Наш православный Царь являлся Помазанником Божиим и был Самодержцем Всероссийским. Государь стоял верным стражем на своём посту, всегда памятуя обещания, данные Им при священном короновании, в Московском Успенском Соборе. Он должен был бережно охранять этот исторический путь России, — Богом Ему вручённый. Трудно быть Царём! „Царствовать — это, поистине, великое бремя и подвиг" (слова Митрополита Платона). Мог ли Государь даровать, в просимом у Него объёме, конституцию? Он считал, что не имеет права нарушить основные законы и изменить своему обещанию, данному Им при священном короновании. Многие не понимают и не учитывают этого! — Если с 17-го октября 1905 года, с „октябрьских свобод". — Россия и стала на путь конституционной монархии, то, всё же, Государь, в глубине души своей, продолжал считать Россию — самодержавной монархией, а себя — самодержавным государем. Иначе Он не мог ни мыслить, ни поступать. Даровав Высочайшим манифестом, так называемые, „свободы", Государь предвидел, что неизбежно произойдет „углубление" революции, а, вследствие этого, гибель Императорской России. Но Его ближайшие сподвижники, которым Он верил, настаивали на этих реформах, убеждая

Его, что они дадут необходимое успокоение. Но получилось обратное... Одна „свобода печати" позволила безнаказанно разрушать Россию. Уже вскоре после октябрьских свобод, в Петербурге возник „совет рабочих депутатов" и преступная деятельность этого „совета", — явная и тайная, — привела впоследствии к захвату нашей родины большевиками, превратив Россию в „Союз Советских Социалистических Республик" (С.С.С.Р), поставивший себе целью мировую революцию, старающийся, всеми силами, заразить безбожным коммунизмом весь свет...

В 1910-го году, П. А. Столыпин, в Государственной Думе, сказал: „если бы в настоящее время осуществились политические свободы, — то на другой день в Петербурге заседал бы „Совет рабочих депутатов", который, через полгода своего существования, вверг бы Россию в геену огненную".

***

Нередко раздаются голоса, обвиняющие нашего последнего Государя в бесхарактерности и слабоволии: „вот если б, вместо Николая II, был Александр III или Николай I ..." Конечно, надо согласиться, — характер Государя Николая Александровича был иной. Но вспомним, как возмущённо протестовало наше общество, если Царское правительство принимало сколько-нибудь строгие меры! А при случавшихся уличных беспорядках и мятежах, войска выполняли лишь долг, и никогда никаких жестокостей не было.

В печати же было много лжи, — „из мухи слона делали!" — Вот выдержка из письма Государя к Императрице-Матери, ещё в смутные 1905-6 годы: „говорят много, но делают мало; все боятся действовать смело; мне приходится всегда заставлять их быть решительней... ...никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые, затем, исполнять не любят..." (Декабрь 1905 г.).

***

Тяжело и горестно переживала вся Россия войну с Японией. На фронте шли упорные бои, а враги внутренние усиленно вели свою преступную работу.

Война, беспорядки, агитация в войсках, террористические акты, — всё это заботило и наполняло глубокой пе-

чалью доброе и любящее сердце Государя, у которого, в жизни, так мало было отрадного...

Но вот блеснул и для Него солнечный луч! Произошло событие, наполнившее светлой радостью и ликованием сердца всех любивших свою родину людей. Это было рождение долгожданного сына-наследника. 30-го июля 1904 года, Государь записал в свой дневник: „... незабвенный день, — великий для нас день, когда так явно посетила нас милость Божия.

В 1 час 15 минут дня у Аликс родился сын, которого, при молитве, нарекли Алексеем. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний..."

Не могу здесь не поделиться и нашей, Финляндцев, неописуемой радостью: двадцать минут спустя, в 1 час 35 минуть дня, уже передавалась в полк, собственноручно начертанная Его Величеством, депеша: „Господь дал нам сына-наследника, дорогим Финляндцам — шефа, с которым искренно поздравляю полк. Николай".

Вымолил русский народ наследника престола, а вот сохранить его — не сохранил! 30-го июля православная церковь чтит память св. Мученика Иоанна-Воина; в Евангелии, на этот день, читаем: „всё, чего ни попросите в молитве с верою, — получите" (Еванг. от Мафея, гл. 21, разд. 22). Своими тяжкими грехами мы прогневали Господа, и Он наказал нас. Показательно: на тот-же день, в I-м послании апостола Павла к Коринфянам, ст. 34-ый, читаем: „...отрезвитесь, как должно, и не грешите: ибо, к стыду вашему, скажу: некоторые из вас не знают Бога...." Да, — забыли мы Бога! Уже на следующий, после рождения Цесаревича, год — 1905-ый, началась русская смута, завершившаяся революцией 1917-го года...

— Мы знаем о тяжелом недуге, обнаружившемся у Наследника уже через месяц после его рождения и не оставлявшего его в течение всех почти четырнадцати лет его жизни. В тот день, 8-го сентября, потрясенный горем, Царственный Родитель записал: „Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось, с перерывами, до вечера..." Это было первое проявление

болезни „гемофилия" — болезнь Гессенского Дома, передаваемая из рода в род, через матерей, детям мужеского пола; малейший ушиб, ссадина, поранение — вызывали сильное внутреннее кровоизлияние, происходившее от разрыва слабых кровеносных сосудов, что причиняло больному невероятные страдания. Беспредельно измученная и страшно изнервничавшаяся его Мать-Государыня, не находила, ни днем, ни ночью, и минуты покоя, будучи постоянно в страхе от ожидания, всегда возможных, повторных приступов болезни своего единственного ненаглядного и горячо любимого Сына. Временами, Государыня просто теряла разум и бросалась ко всем и за всякой помощью. Кто из матерей не поймёт Её? Кто не разделит Её страданий??

— Вот здесь-то и кроется причина, благодаря которой Распутин получил доступ во Дворец и стал нужным человеком в Царской Семье. Он умел заговаривать кровь, действуя внушением, — и всегда помогал Наследнику утишая Его невероятные страдания. О Распутине Государю сообщили некоторые высшие Иерархи православной церкви, указав на него, как на особенно благочестивого человека и усердного молитвенника, могущего помочь Наследнику. По их совету, он и был вызван в Царское Село, и неоднократно потом приезжал из Тобольска, где проживал постоянно. Увы, — нашлись и тут „злые силы", которые все старания направили для выполнения своих преступных целей; нашлись люди, которые сумели всё это обратить так, что „распутинская история" была одной из начальных причин гибели нашей Царской России...

Я приведу здесь ответы Государя — статс-секретарю Коковцеву, бывшему председателем Совета Министров: „Вы придаёте Распутину совершенно несвойственное ему значение. Распутин — это простой мужик, который, какою-то необычайною силою, облегчает страдания моего больного сына. Обращение Императрицы к его помощи — это наше семейное дело, и вмешиваться в свои семейные дела — Я никому не позволяю".

Ещё задолго до февральской революции, — сколько лжи, грязи и клеветы было обрушено на Царя и на всю Царскую Семью... Умышленно клевеща на нашу Царскую Россию

и на Государя, читателю и теперь часто преподносят, особенно в иностранной печати, сфабрикованные большевиками различные „рассказы", допуская ряд фактических неточностей и ошибок, тенденциозно освещая исторические события.

**
*

Государственная Дума, дарованная Государем, не оправдала своих ожиданий. Идя навстречу чаяниям народа, Государь поверил, что Дума действительно нужна; что она даст необходимое, — особенно в то смутное время, — успокоение, и поможет сближению Его с народом.

„... Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым...", — так обращался Государь к членам Думы в своей тронной речи...

Помню, как сейчас, 27-го апреля, в чудный солнечный день, мы, офицеры, сидели в собрании (на 17-ой Линии В. О.) за завтраком, когда пронеслась весть, что на яхте „Петергоф", по реке Неве, следует, мимо наших казарм, Государь. Тотчас, все офицеры и солдаты выбежали на набережную и радостно приветствовали Их Величеств. Набежала, вдруг, тучка и брызнул тёплый весенний дождь... Помню, — наш старый знамёнщик, ветеран Польской и Турецкой войн, георгиевский кавалер Акентьев, с грустью, качая головой, промолвил: „Царь-то Батюшка заботится о нас, — вот Думу устроил; а как бы эта самая Дума не погубила бы и Царя и Россию"...

— Как прав оказался наш старый служака!...

**
*

Служа в Петербург, в рядах скромного гвардейского пехотного полка, хотя и не имея счастья быть вблизи Царской Семьи, но, всё-же, часто видя и слыша своего Державного Вождя, — хочу поделиться впечатлениями, вынесенными мною от этих, мне столь дорогих и незабвенных, встреч, которые рисуют образ нашего Государя и показывают многое, что позволяет правдиво судить о Нём, и помогает дать верную, беспристрастную оценку жизни и деятельности Царя — как Державного Вождя Армии, и как человека.

О последнем нашем Царе-Мученике написано много. Будущему историку предстоит немалый труд, чтобы пра-

вильно разобраться во всём. Я же, рядовой офицер, хочу рассказать о встречах с Царём, и про то, каким я представлял Его себе, как относился Он к войскам, как обожали Его наши кадровые солдаты мирного времени.

Многим, конечно, известно о безграничной любви Государя к Армии и Флоту, и о непрестанных Его о них заботах. Это особенно относится к войскам Гвардии, — как наиболее приближённым к Нему. Государь знал свою Гвардию; доверял ей, и, — близко соприкасаясь со всеми нашими воинскими частями, — превосходно понимал офицеров и солдат, разбирался во всех мелочах их быта. Государь отлично знал строевую службу, откомандовав, будучи Наследником, эскадроном в лейб-Гусарском полку и батальоном — в Преображенском. В частности, Он был отличным стрелком из винтовки и очень любил этот спорт, (а также крокет и тенис, греблю). Государь, по Его словам, „отдыхал душою", присутствуя, с полками, на разного рода ученьях, — в поле, на манёврах, в манеже; на парадах и смотрах; а также, посещая, изредка, офицерские собрания, или принимая офицеров у Себя во Дворце, — в дни полковых праздников. Как обаятелен бывал тогда Государь! Каким простым, чуждым всякого придворного этикета, казался Он нам. Как ласково и душевно беседовал всегда с нами, офицерами.

Каждый чувствовал себя с Ним, — нашим Царём, — так хорошо, так легко, и всегда бывал осчастливлен Его вниманием, лаской, милостью!

Государь хорошо знал историю полков, все традиции, обычаи. Он очень любил старину, и всегда охотно шёл навстречу просьбам, которые касались этой полковой старины, бывшей отражением Славы Российской... Конечно, наши гвардейские полки имели счастье ближе других соприкасаться с Царём, чаще Его видеть, а потому офицеры и солдаты, — за эту Его близость к нам, — особенно горячо Его любили и были Ему безгранично преданы. Они и доказали эту свою верность и преданность Царю, когда, в грозную для России годину тяжких испытаний, — честно и самоотверженно исполнили свой долг: об этом свидетельствуют многие тысячи солдатских могил, разбросанные по полям, перелескам и рощам Восточной Пруссии, Галиции и Польши,

и внутри России... Ведь почти весь кадровый (мирного времени) состав Гвардейской пехоты, правильно воспитанный: „в духе и силе", настоящий и единственный, — был выбит из строя в первый же год войны!... Пехота сгорела, как солома, брошенная в костёр!

Я могу утверждать, что велико было обожание Государя нашими кадровыми солдатами. Как радовались и как гордились они, когда видели Царя в своей полковой форме, а Наследника-Церасевича — с нашим нагрудным знаком, что почти всегда бывало в дни полковых и шефских праздников. Да, — любили они, наши прежние солдаты, своего доброго Царя! И не мудрено. За одну эту Его исключительную доброту и ласку можно было Его обожать!

Достаточно было видеть глаза Государя, чтобы понять и убедиться, как необычайно был Он добр и мягок. Этих Его чудеснейших глаз, — мне никогда не забыть!.. Они так привлекали и притягивали к себе, излучали такую ласку, такую бездну доброты и любви, что каждый невольно начинал восторженно обожать Царя.

„Кто видел в жизни только раз
Сиянье кротких царских глаз, —
Тому их век не позабыть,
И тех очей — не разлюбить!" (С. Бехтеев).

И как, поэтому, больно и горько, иногда, слышать, что: „Государь никого не любил; разве, может-быть, сына". Прежде всего, Государь любил — и как любил! — Россию. Любил безгранично. Любил больше всего; больше всех. Не из-за любви ли к ней и отрёкся Он от Престола, желая Родине только добра и счастья, — увы, поверив тем, кто убеждал Его в этом... За Россию погиб Он со всей Семьёю! Немцы добивались, чтобы Государь признал Брестский мир, и за Его подпись в этом — обещали Ему спасение; „Лучше дам отрубить себе руку, но не подпишу позора своей Родины", — был ответ Царя. Этим отказом, Государь как бы подписал Себе и Своей Семье, смертный приговор. — И после этого, уверять, что Государь „ничего и никого не любил"!...

***

В обыденные часы повседневной жизни, в кругу Своей Семьи, Государь был удивительно прост, полон любви, лас-

ки и внимания, — не только ко Своим, но и ко всем. Мои однополчане, В. И. Сухих и А. А. Ресин, флигель-адъютанты Его Величества, рассказывали мне много интересного — разные случаи и эпизоды из личной жизни Царской Семьи, и все их рассказы рисовали удивительно красивыми штрихами эту исключительно дружную, полную взаимной любви, семью.

Из посторонних — только дежурный флигель-адъютант мог всё это наблюдать, т. к. лишь он один целый день проводил в кругу Царской Семьи, всюду и всегда Её сопровождая. Сколько интересного доводилось ему видеть и слышать!... Дежурный флигель-адъютант постоянно приглашался к царскому столу, — к завтраку и обеду; и, чаще всего, именно во время этих семейных трапез, он удостаивался милостивой беседы Государя.

Государь любил простые, русские кушанья; Его любимым супом был — луковый, а также борщ, гречневая каша, грибы, слоёное тесто. При посещении Им войсковых частей, Государь всегда пробовал солдатскую пищу и никогда не ограничивался одной-двумя ложками.

До сих пор приходится мне, иногда, слышать, что Государь, будто бы, злоупотреблял спиртными напитками.

Какая это — гнусная ложь!

В годы Своей молодости, когда Он, будучи Наследником, командовал эскадроном в Лейб-Гусарском полку, бывали, конечно, случаи, когда приходилось и Ему выпивать лишний бокал вина. Но бывало это очень редко, когда Государь, повторяю, был молод и не вступал ещё на Престол. Кто может Его за это осудить?! В таких случаях, Государь сам отмечал в своём дневнике, совершенно не скрывая этого „лишнего бокала вина" и записывая" «...уехал очень весёлый»

Обычно же, за завтраком или обедом, Государь выпивал одну рюмку любимого Им красного портвейна или мадеры, а за закуской, иногда, и чарку водки, чаще всего — „сливовицы". Мой ротный командир, фл.-ад. В. И. Сухих рассказывал мне, как на дежурствах, во время завтрака или обеда, Государь, зная привычку Сухиха выпивать за закуской, две-три рюмки водки, выпив с ним лишь одну, говорил ему:

„— ну, а вы, Сухих, продолжайте уж без Меня!" Бывая изредка, совершенно запросто, в офицерских собраниях, Государь любил послушать полковых песельников, балалаечников; любил задушевную беседу с офицерами; но пил всегда очень мало...

**
*

Мне хочется рассказать, хотя бы вкратце, некоторые, особо дорогие и памятные мне, встречи с Царём, пропуская многия события и эпизоды, парады и смотры, дворцовые караулы, не говоря уже про ежегодные, полные поэтической красоты, — Высочайшие объезд Красносельского лагеря, зарю с церемонией, парадный спектакль, тревога всем войскам, парад на Военном поле, скачки... Незабываем наш полковой праздник, 12-го декабря, который мы ежегодно (за исключением двух раз) справляли у Царя. И всегда и везде, чарующе прост, добр и ласков был ко всем нам Государь-Император!....

Могу-ли я забыть совершенно неожиданное посещение нашего лагеря Государем, ночью, с 25-го на 26-ое июня 1906 года. Его Величество возвращался от принца П. А. Ольденбургского, командира стрельков Императорской Фамилии. Царский открытый автомобиль, медленно шедший, был окружён толпою наших офицеров и солдат. Солдаты, выскачившие из палаток, были в шинелях, накинутых прямо на бельё! Это было необычайное посещение нас Государем. Особой близостью, задушевностью веяло от этого ночного Его приезда; была какая-то особая интимность в этом неожиданном Его появлении, в Его задушевной с нами беседе и ласке!..

А 19-ое июля того-же года, когда весь наш полк, — и офицеры и солдаты, — были в „Александрии", в гостях у Царской Семьи, — „запросто", — как изволил сказать тогда Государь... Разве можно забыть слова Царя, обращенные к нам: „...Я рад, господа офицеры, принять вас у себя — запросто; поблагодарить вас за вашу неизменно-ревностную и верную службу. Я уверен, что и впредь Лейб-Гвардии Финляндский полк будет также доблестно служить Мне и Родине. Еще раз, господа офицеры, сердечно благодарю вас! Спасибо и вам, братцы!..." (слова эти взяты мною из истории л.-гв. Ф. п., т. IV, стр. 167).

Разве можно забыть, как Государыня-Императрица изволила сама разливать чай и как офицеры были осчастливлены получить из рук Её Величества чашку чая... Разве можно забыть, с какой нежностью и любовию смотрел Государь на Своего сына-Наследника, нашего Шефа, когда Он резвился и бегал с Великими Княжнами, своими сёстрами...

И следующие слова Государя: „Алексей ищет в оркестре свой любимый музыкальный инструмент, «бум-бум», — турецкий барабан!" Увы, в нашем „егерском" — лёгком полку — его не было.

Как необычайно счастливы были солдаты, которым было дано царское угощение, которых обходил Государь и милостиво обращался к ним с разными вопросами...

— А незабвенные четыре дня полкового юбилея, 9-ое-12-ое декабря 1906-го года, проведённые нами у Государя, в Царском Селе, — разве могу я их забыть?!...

Кончился особо-парадный, по случаю празднования юбилея, завтрак. Обычный, так называемый "cercle". Государь беседует с офицерами; Государыня — с нашими дамами. К группе „исторических" офицеров, не спеша, подходит Его Величество и милостиво начинает задавать нам различные вопросы, относящиеся к форме обмундирования полка, за всё время его существования. На мне — парадная форма подпоручика Л. Гв. Финляндского полка, тридцатых годов прошлого столетия, в царствование Императора Николая Павловича. Я имел счастье доложить Его Величеству об особенностях формы той эпохи, и отвечать на задаваемые мне вопросы. Оканчивая со мною свою беседу, Государь, будто, что-то вспомнив, изволил, вдруг, спросить: „— это не ваш отец, в 1903-м году командовал Фанагорийским гренадерским, генералиссимуса Суворова, полком, и был на открытии Святых Мощей Преподобного Серафима в Сарове?" — На мой утвердительный ответ, Государь спросил: „А где ваш отец теперь?" — „В Москве, Ваше Императорское Величество, — командует 1-ой бригадой 2-ой гренадерской дивизии". Государь, кивнув головою, с ласковой улыбкой, пошёл дальше. Вся эта милостивая беседа Государя-Императора со мною, молодым офицером, — на всю жизнь останется в моей памяти! Как будто бы было это не шестьдесят

два года т. н., а лишь вчера, — так ясно вижу я, перед собою, доброе лицо Государя, Его чарующую улыбку, Его, полные ласки, серо-синие глаза; слышу Его голос!!...

А как обрадовался мой отец, когда я написал ему, что Государь вспомнил и о нём. А память у Царя была поразительная!

В дни этого полкового юбилея, Государь-Император оказал много милостей полку и, в их числе, командиру нестроевой роты, числившемуся по армейской пехоте, подполковнику Н. А. Андрееву. Он начал свою службу л.гв. в Финляндском полку, по призыву, в 1852-м году, простым солдатам, участвовал в Польской и Турецкой кампаниях, имел георгиевский крест. В 1871-м г. был произведён в прапорщики и дослужился до чина подполковника. Государь ласково расспрашивал о его сорокадевяти-летней службе в полку, обнял его и поздравил полковником. Н. А. Андреев, в чине отставного генерал-майора скончался в 1909 году. Он любил, в разговоре, повторять: „...да, — за Богом молитва, а за Царём служба не пропадают!...”

— Ровно через год, 12-го декабря 1907-го года, на полковом празднике в Царском Селе, Государь-Император осчастливил нас, — начальника команды разведчиков, шт.-кап. В. В. Иелита-фон Вольского и меня, его помощника, — милостивой беседой, по поводу предстоящего ухода команды на Финляндскую границу, в помощь пограничной страже; в том году неспокойно было в Финляндии. — Вот где высказалась особая забота, внимание и любовь Государя к солдату: Его Величество изволил подробно расспрашивать нас о том, обеспечены ли разведчики тёплой одеждой, все ли имеют полушубки и валенки, есть ли лыжи; как предполагается организовать довольствие и медицинскую помощь? Закончил Государь свою беседу с нами, ласково пожелав счастливого пути: „ну, — с Богом!”

Упомянув здесь о внимательном и заботливом отношении Государя к солдатам, я считаю не лишним напомнить, как в 1909 году, Государь, находясь в Крыму, испробовал на себе всю тяжесть и пригонку солдатского походного снаряжения, надев всё положенное, и, с винтовкою в руках, проделав длительный переход по пересечённой местности. А

кто из нас, простых начальников солдата, додумался испробовать это, казалось бы столь необходимое? Всем ли известна запись Государя того дня в „солдатскую" книжку:

„Срок службы — до гробовой доски". Что можно сказать об этом; что можно ещё прибавить?!

Вот что вспомнилось мне за годы моей службы в полку. — Таким своего Государя видел и знал — я, а также и другие офицеры, — таким и в действительности был Он, наш Державный Вождь Российской Императорской Армии!... Всего 50 лет прожил Николай Александрович на нашей много-грешной земле, из них — двадцать три года Императором Всеросийским. И за годы своего царствования Государь исполнил свой долг до конца...

Верные слова сказал о. протоиерей Д. Шевченко (газ. „Русская Жизнь", от 7.XI.1967 г. за № 6422):

„... Пятьдесят лет т. н., Государь-Император Николай II, страж мира, предан по плану мирового заговора; рыцарь чести и благородства предан союзниками и правящим классом России; русская интеллигенция, представители Думы, часть генералитета — соединились с врагами против Верховной Власти, а не с властью против врага..."

Быт может, при будущем составлении серьезного исторического труда о царствовании Императора Николая Александровича, — что несомненно будет выполнено —, этот мой краткий очерк-воспоминания пригодится, и послужит на пользу, опровергая часто лживые о Нём рассказы большевицких историков.

А ныне, в 100-ую годовщину Его рождения, пусть светлый и чистый образ Императора Николая Александровича запечатлеется в сердцах русских людей, и пусть память о Нём, — Кто жизнь свою и всей своей Семьи отдал за Россию и за нас, русских, — будет священна!

Александр А. Кур
ИСТОРИК и ЭТИМОЛОГ

ДОМ РОМАНОВЫХ

Древный ученый и писатель XVI века, кн. Андрей Курбский в своих **сказаниях** отметил очень ценные сведения о происхождении и древности Дома бояр Романовых, давших Царей и Императоров Российских:

„...муж светлый и знаменитый от пруския земли выехал, ему же имя было Михаил; глаголят его быти с роду княжат Рашских..."*)

так записал князь Андрей об одном из предков наших Государей.

Вот эта-то запись и послужила базой для распространения социалистическими партиями лжи, что Род Романовых происходил от „пруссов-немцев". Эту ложь, в различных вариациях, с соответствующим гарниром фантазии, строчили в подполье безграмотные писаки в нелегальной литературе, листовках, прокламациях, с единственной целью — внедрить среди россиян недоверие к Царствующему Дому. И даже до сих пор имеются лица, которые продолжают повторять эту ложь, несмотря на то, что давно уже доказано, что Дом бояр Романовых никогда не происходил от немцев-пруссаков.

---

*) Упоминаемый Михаи-Якун Михаил, посадник Новгородский, по данным писателя П. Н. Петрова в его замечательной книге „История родов Российского дворянства", изданной в Москве.

Герб бояр Романовых

Безграмотность и ложное утверждение этих обще-российских врагов опровергается легко рядом сочинений по исследованию происхождения и древности Дома бояр Романовых, написанных русскими ученными-историками и историками иностранцами, среди которых имеются и немцы.

Указание князя Андрея Курбского, что предки Романовых были из „рода князей Рашских", точно и ясно показывает исследователю истории происхождения Дома Романовых — начинать свои поиски с княжества Рашского, из которого прибыли предки их в Землю Пруссов, а оттуда в древнюю Русь.

В книге историка-археолога В. С. Передольского „Новгородские Древности" имеется интересное сообщение, что в древнем Новгороде Великом существовала в древнее время часть города под названием „Прусский Конец", где была Прусская улица, один из переулков которой прозывался Кабылья улица, названная так по поместью, существовавшему тут Андрея Камбилы, прозванного новгородцами Андреем Кабыла.

Вот этот то Андрей Камбила — прозванный Андреем Кабыла — и состоит первым по основной линии родона-

чальником Дома бояр Романовых. Дальнейшее исследование говорит, что Андрей Камбила переехал в XIV веке из Новгорода в Москву.

Из книги Степана Андреевича Колычева, привожу буквально титлу этой интересной книги:... „Историография, вкратце собранная из различных кроник и летописцев. Собрал сию книжицу Его Императорского Величества ближний стольник Степан Андреевич Колычев. Генваря 20 1722 года"...

Эта книга была напечатана в Москве на Печатном дворе и находилась до революции в богатейшем архиве графов Шереметьевых в Москве. Начинается она так:

...„Первый, водворившийся в России родоначальник прародительского рода Романовых был Порусcо-Самогитский князь и державец Гландал Камбила Дивонович, происходивший из древнейших Порусcо-Литово-Самогитских царей, князей и державцев. Изгнанный из своих наследственных владений в Самогитии и Судавии немецким рыцарским орденом, поработившем Порусския Земли, он, в последней четверти XII века, бежал вместе со своим малолетним сыном в Россию. В 1287 году он был крещен на Руси, получив имя Иоанн. Вышеупомянутый его сын, названный в России Андреем Ивановичем Камбилой (а искажено — Кабыла или Кобыла), оставил после себя многочисленное потомство, которое по прозвищам его и его отца получило название рода Кабылиных или Кобылиных"...

В родословной графов Шереметьевых, в росписи графо-бояр Шереметьевых, кто причисляет к своим предкам и предков Дома бояр Романовых, записано:

...„предок из рода Прусского княжения владетеля — Андрей Ивановича, а прозвище ему было Кобыла. Приехал он из Прус, от своих пределов, владетель Андрей Иванович, а у него был сын Федор Андреевич"...

Немецкий ученый историк и геральдик барон К. Копенгаузен, производя исследования о происхождении Дома Романовых по документам, находящимся в то время в архивах Ордена тевтонских Крестоносцев и в различных его отделениях-капитулах, написал книгу „Генеалогическо-хронологическая Всесветлейшего Дома Романовых и его более старого

коренного рода", напечатанную в 1805 году, на немецком языке. Немецкое исследование о происхождении Дома Романовых подтверждает сказанное С. А. Колычевым и поэтому я возвращаюсь к его книге.

Выписка из книги Колычева:

„Гландал или по тамошнему Гландос Камбила Дивонов происходил от поруского короля Прусена, отдавшего в 373 г. по Р. Х., по старости своей, в вечное владение и обладательство свое порусское королевство брату своему Войдевуду.

Войдевуд же разделиша королевство на 12 уделов по числу сыновей и четвертый сын Недрон получил удел по Прегель реке. В XII веке, при девятом потомке Недрона, крыжаки (т. е. рыцари-крестноносцы) край земли Недроновой огнем, мечем люте паче протчих раззорили и города Недроновых князей до основания истощили и разрушили..."

Далее в книге узнаем, что два сына Недрона Дивон и Русинган попали в плен к крестоносцам, которые их крестили, но в 1283 г. они из плена бежали; старшего брата Русингана крестоносцы сумели поймать и убили, а младшему брату Дивону удалось спастись.

...„Сын Дивонов — Гландос Камбила Дивонович сам прииде к Московскому Великому князю Даниле Александровичу, всея России Самодержцу и тот крестил его в закон греческого вероисповедания... а что того славного Камбилу или Гланда Камбилионовича стали порицать Кобыла, и то мню учинено с недозрения особы его. В том веку нареще иноземческих прозваний не умели, а наипаче древнии писцы русские, негораздые в грамматических учениях, вельми иноземные прозвания и имена отменяли, недописуя верно или с прибовкою от незнания писали. Мню по сему, что вместо Камбилы или Камбилиона, написано просто Кабыла от древных и негораздых писцов с убавлением литеры"...

Так записал Колычев свои исследования о происхождении Дома Романовых в замечательной своей книге.

Уже начиная с XIV века бояре Романовы отмечаются в наших летописях; — так под годом 6855(1347-м годом) записано:

...„в лето 6855 женился князь великой Семен Иванович в третье поя за ся княжну Марию Александровну Тверского князя, а езди по нее Андрей Кобыла, да Алексей Босоволоков"...

Дальше опять встречаем запись в летописи о сыне Андрея Кобыла — Федоре по прозвищу Кошка:

...„Великий князь Дмитрий Иванович в понедельник остави воевод своих у великой княгини и у сынов своих Федора Андреевича Кошку..."

Когда Вел. кн. Дмитрий Иванович Донской писал свое завещание, то свидетелем у него был Федор Андреевич Кошка, — его подпись стоит в документе этом.

Сын Федора Андреевича — Иван достиг высокого положения у Вел. кн. Василия Дмитриевича, был его первым помощником в управлении государством и был любим князем и народом, первым — за мудрость и правдивость, а народом за то, что сумел укрепить границу Московского государства и крымцы не могли уже беспрепятственно вторгаться на русскую территорию, а „полон" крымцами русского населения резко сократился, кроме того удачными походами против крымских татар отвадив их от набегов.

В государственном архиве имелось письмо хана Эдигея, повелителя татар:

...„был у тебя Федор Кошка, а теперь у тебя сын его Иван, казначей твой и любимец и старейшина; и ты ныне не того слова, не того думы не выступаешь, ино того думаю учиню твоему улусу пакость, крестьян изгублю, и чтоб опять ты б тако не делал и молодых не слушал"..., писал Эдигей Великому князю и это письмо красноречивее всего доказывает какую услугу оказывал Руси правдивый-мудрый Иван Федорович.

В наших летописях и государственных актах не раз упоминалось о замечательных деяниях боярина Якова Захаровича Кошки, бывшего воеводой у двух государей Иване III и Василии III.

Известно, что в войне со Швецией, Яков Захарович разбивает и преследует их, доходя с ратью до самого Выборга, тогда сильного города-крепости. В войне с Литвой, громит их войска, изгоняя из пределов Руси и отбирает древние рус-

ские города Брянск и Путивль, доходя до самой Вилны, чем надолго успокаивает жадных до легкой наживы литовских князей, подстрекаемых польскими королями делать набеги на русскую территорию.

История с любовью отмечает другого замечательного полководца Юрия Захарьевича, брата Якова Захарьевича.

Талантливый полководец и стратег, Юрий Захарьевич с небольшим отрядом наносит ряд быстрых поражений во много раз сильнейшему литовскому войску, начиная с 1500 года. Он отнимает обратно древний русский городок Дорогобуж, а в битве под Ведрошей отличается особенно, нанеся окончательное поражение литовцам и этим боем принуждает Литву просить мира.

Сын его — Михаил также отмечен летописью и прославился служением русскому народу и Василию III. Имя его встречаем в государственных актах.

Его брат — Роман Юрьевич стал родоначальником фамилии бояр Романовых, давшей Царей и Императоров России.

Умер Роман Юрьевич еще молодым, будучи отравлен боярами, возненавидевшими его за то, что будучи из „захудалого рода" Захарьиных-Кошкиных, стал тестем самого царя Иоанна Васильевича IV, который из „тысячи" аристократок-дочерей, выбрал в жены Анастасию Романовну в 1547 году.

От отравления погибла и Анастасия Романовна, это переполнило чашу терпения царя Иоанна и сделало его страшным мстителем боярству, занимавшемуся интригами, думавшему о своем лишь благополучии, во вред государству.

„Меня называют зверем мои бояре, — говорил Иоанн IV Грозный — но ведь я и управляю зверьми... Я зол только для злых, а для добрых я согласен отдать не только одежду, но и душу"....

Царь Иоанн Грозный был оклеветан боярами также, как впоследствии был оклеветан Император Павел I, который, подписав манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, тем самым подписал свой смертный приговор.

Во второй части „Российской Истории", историк В. Т. Татищев приводит государственный акт, которым послед-

ний царь из рода Ивана Калиты — сын Иоанна Грозного, — Федор Иоаннович передал свое „Царство" родственнику своему по-матери — Федору Романову.

...„Что же до власти монархов русских, в определении наследства принадлежит, — пишет Татищев — то оное из самой древности в их воле состояло, — яко здесь о Гостомысле видим... Царь Федор Иванович без наследства кончался, от всех бояр прошен, что бы наследника определил, и он будучи уже в крайней слабости, не могши словами определить, хотел то посохом изъявить, подая брату двоюродному по-матери Федору Романову; но как он от жалости или зазрения совести скоро оного не принял, а Государь без завета скончался, то первый на Руси вольный к великому Государству приключился: о чем Петрус, Луфендорф, Хитреус, Треер и Гваагвин — лекаря, а наш Іосиф мних и Палицын келарь Троицкой (лавры) свидетельствуют"...

Борясь с боярством, Иоанн IV подготовлял полное освобождение всех закабаленных и закрепощенных долговыми обязательствами хрестьян (крестьян по-нашему), а что бы в дальнейшем не было ни кабальных, ни крепостных долговых записей на крестьян, последние были запрещены „Царским Судебником".

Благодаря внезапной смерти царя Ивана Грозного и появления новых злоупотреблений бояр — по отношению крестьян, царь Федор Иванович в первый же год издал указ, подтверждающий законы Царского Судебника о свободном праве крестьян уходить от одного помещика к другому...

..„которые крестьяне, — говорил Указ — похотят за кого итти в хрестьяне же, и те бы люди выпускали бы из себя со всеми животами безо всякой зацепки. А кто учинет хрестьян из себя не выпускать, тем быть от нас в великой опале"...

Но, когда Федор Иванович заболел, вместо него начал гусударством управлять Годунов и в течение его „регенства" положение крестьян резко изменилось к худшему. Были изданы специальные разъяснения и правила от имени умирающего Федора, но без его ведома, благодаря чему вернулись кабальные и долговые „крепости".

С приходом к власти Василия Шуйского, началось полное закрепощение крестьян. Современник этих событий дьяк Тимофеев записал: ...„передержатели наши поелику начали древние благоустановления законные и отцами преданные превращать и добрые обычаи на новосупротивные изменять... и всю землю нашу на погубы пусти, и сим земли всей велик раскол сотвори... и Василий Шуйский, внезапно и самодвижно, без воли всей земли, царем поставися... его скоропомазанием все люди о нем преткнулись, и откуда в Руси и зло начало приняло"...

Мало кому известно, что бунт Болотникова был следствием захвата боярами царского престола, закрепощение крестьян этими же боярами. Известно, что лозунгом Болотникова была борьба за „народного" царя и против „боярского" царя. В нашей истории, делу Болотникова отведено мало внимания и оно старательно дискредитировано, но факт, что сам народ настоял на выборах Михаила Романова, безусловно крепко связывает все эти волнения, разгоравшиеся по всей Руси.

В Британском музее имеется очень важный документ-повествование свидетеля, как избирался Земским Собором Михаил Романов, как народ требовал его избрания, бушуя и скопляясь за стенами Кремля и как бояре Собора всячески задерживали это избрание, подсовывая своих кандидатов выборщикам. Народ выбил ворота в Кремле и потребовал избрания на престол Михаила Романова... истинного, для спасения Руси, народного царя, о котором стосковалась и исстрадалась за годы Лихолетья наша родина и произошло это избрание 21 Февраля 1613 года, в Москве.

До царя Федора Ивановича, у русской аристократии не было ни гербов, ни девизов, ни официальной родословной. Единственный герб имелся у дома бояр Романовых, и по этому гербу предки Романовых восходят к последнему порсена или главе клана Порусов Северной федерации Расена или Эрусков — Гаю, кто вывел остатки клана из горящего города Порусия (Перугия теперь) и свою семью и переселился в местность Илюричь, построив город Раса или Реша, известный более, как княжество Рашское или земля Расенов. Год 41, месяц VIII до Р. Х. является годом начала появления

дома Герба Грифона, давшего родоначальника князей Рашских или Решских, из которых вышел дом бояр Романовых. Герб порсена (глава, старейшина) **Честия,** кто погиб при пожаре города Порусия, — его сына Гайя, — герб князей Решских, князей Порусии и, наконец, дома бояр Романовых, — один и тот же — **грифон.**

В 1721 г., когда Сенат преподнес Петру I „Отца Отечества и Императора", к гербу — грифону был добавлен поднятый меч и щит с голубем, как символы охраны, готовности защищать Отечество... Символы меч — „защита Родины"; щит — „охрана интересов Родины" и Голубь — „стремление к миру".

В так называемой Бархатной Книге — „Родословной книге князей и дворян и выезших", составленной при царе Федоре Алексеевиче, в 1681 году, во 2 томе, страница 370, сказано о предках Романовых: — „Выехали из Порусии, родство свое ведут от роду владетеля Поруского княжения"... „Родословная их (т. е. бояр Романовых) в росписи Шереметьевых, под № 7".

В этой родословной показано, что в первом колене рода был Андрей Иванович Камбила (переделанное в Кабыла); колено 2-е — Семен Андреевич и четыре сына: Александр, Василий, Гавриил и Федор Кошка, в монашестве Феодорит, ум. 1406 г.; колено 3 — Иван Кошкин, три сына и дочь — Федор, Александр, Михаил и Анна — (жена тверского князя Федора Михайловича); 4 колено: Иван и сыновья Захарий, Федор, Яков; 5 колено: Яков и сыновья Юрий, Василий; 6 колено: Василий Захарьин и сыновья Михаил, Роман, Григорий, Иван; 7 колено: Роман и сыновья Никита (Романов), Даниил, дочь Анастасия (жена царя Иоанна IV); 8 колено Никита и сыновья Федор (патриарх), Александр (убит Годуновым), Михаил, Василий, Иван и 9 колено: Михаил Федорович Романов, избранный народом на царство...

Ученый историк и геральдист П. Н. Петров в его „История родов российского дворянства", в 1 томе сообщает, что им найдены дополнительные данные к роду бояр Романовых, когда были исследованы архивные материалы, государственные акты и летописная литература города Новгорода Великого. По этим данным к родословной дома Романовых

должны быть добавлены следующие лица, принадлежащих к дому герба грифона и княжескому роду Порусин: РАШТА-Стефан упоминается в 1146 г., Якун-Михаил, новгородский посадник, умер в монашестве под именем Митрофана в 1205 г., Алекса-Горислав, в монашестве Варлаам (Хутынский), ум. в 1243 г., Гавриил, герой Невской битвы в 1240 г., убит в Ледовом обоище, 1241 году и Анкиф Великий, убит в бою в 1304 году.

Среди приехавших из княжества Поруского и живших в Новгороде на Прусском конце отмечены: боярин Иван, при Иване Калите, Вел. князе Московском; его сыновья Федор, Иван (Хромой), Владимир, Роман (Каменский) и Андрей. Все указанные также принадлежат к дому герба Грифона, т. е. — родственники дома бояр Романовых. Лица, имеющие двойные имена: Рашта-Стефан, Якун-Михаил, Алекса-Горислав, названы так по обычаю: в древние времена дети правителей, вождей, привилегированных лиц назывались тремя именами — племенным, христианским и материнским.

ГОСУДАРЮ МУЧЕНИКУ

Где-то там далеко на Урале,
Там, где в небо уперся гранит,
Темной ночью, как жертва, в подвале
Был Помазанник Божий убит.
Был убит Он с детьми и женою,
С горстью верных до гроба служак,
И с тех пор над несчастной страною
Льется кровь и сгущается мрак.
Много лет за железной завесой
Заперта, как колодник страна, —
Там глумится за черною мессой
Над распятым Христом сатана.
Так свершилась правительства смена
И раздел Твоих царственных риз...
Как Ты, прав, — только ложь и измена
Заменили наш старый девиз.
Сатана стал у власти кормила,
Заметая Твой царственный след,
Много горя страна пережила,
А „свободы" и мертвому нет.
Мы грешны, Русский Царь, перед Богом,
Пред Тобою мы тоже грешны,
У Тебя должники мы во многом,
Пострадал Ты за правду и „ны"...
Но всему есть и время и мера, —
После ночи наступит заря,
И Господь посрамит изувера
За убийство Руси и Царя.
Будет проклят свобод провокатор,
Будет проклят семнадцатый год,
И Тебя, Государь Император,
Будет чтить, как святого, народ.
И в лесу, на далеком Исете,
Он воздвигнет из мрамора храм,
Чтобы знали все люди на свете,
Что замучен был праведник там.

В. А. Петрушевский.

Полковник Шайдицкий

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ
ВИЛЕНСКОГО ВОЕН. УЧИ-ЩА

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР СОЛДАТ И ВЕРХОВНЫЙ ВОЖДЬ

О Царе-Мученике можно и должно говорить очень и очень много, разбирая Государя Императора как христианина и православного, как правителя Государства, как истинно-русского человека и как Воина земли русской.

Конечно, вы все прочли все, что было написано на эти темы: как правдивое, так и лживое. Мне думается, что не все люди разобрались во всем написанном и услышанном, а посему, надо считать необходимостью, чтобы живые доселе русские, бывшие и оставшиеся верными своей присяге и долгу и являвшиеся вместе с тем участниками и свидетелями Великого прошлого в России, делились бы со своими собратьями по идее в эмиграции, достоверными мыслями, рассказывая о событиях и делах уже ушедших в Лету.

В силу этого, я как кадровый офицер Императорской Армии, один из 47,000 чинов Императорского корпуса офицеров, я взял близкую и родную тему, мне под силу и ответственность, тему, изложенную под заглавием:
„ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР Солдат и Верховный Вождь".

* * *

6 мая 1884 года в Георгиевском зале Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге перед Штандартом лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка, Наследник Цесарович и Великий Князь

Николай Александрович, в день своего совершеннолетия 16 лет от роду, принес присягу в верности службы Государю Императору Александру 3 Александровичу и в Его лице — России.

С этого момента Наследник Престола вступил на действительную военную службу солдатом с чином: Подпоручика, Корнета, Хорунжого и Мичмана.

Под руководством талантливых авторитетов, как генералы Драгомиров, Леер, Лобко и других военных умов, Цесаревич проходил теоритический курс военных наук и одновременно на практике службу по всем родам оружия: в пехоте — лейб гвардии в Преображенском полку младшим офицером, командиром роты и командиром 1-го батальона, в кавалерии — лейб гвардии в Гусарском Его Величества полку младшим офицером и командиром эскадрона, в артиллерии — лагерный сбор младшим офицером лейб гвардии в конной батарее. На флоте Цесаревич совершил плавание на крейсере „Память Азова" от Кронштадта до Японии, ознакамливаясь со всеми специальностями на боевом корабле и с самой морской службой.

Цесаревичу был по душе весь уклад полковой жизни. Тесная товарищеская среда и в ней определенные взаимоотношения: истино дружеские вне службы и строго официальные во время службы. Особенно близко Цесарович подошел к простому солдату, вышедшему из народной толщи.

Командуя батальоном, ротой или эскадроном, Цесаревич исполнял свои обязанности с исключительной добросовестностью, каковая была присуща Его натуре как в большом, так и в малом, ибо вытекало из глубокого сознания исповедываемого Им долга. Это чувство долга у Цесаревича шло нераздельно с велениями сердца и доводами разума. Входя в жизнь и в быт вверенных Ему частей, Цесаревич искренно и глубоко полюбил военную среду, узнал и понял Армию и Флот и вынес определенные взгляды на духовную сторону жизни в казарме.

Мечтой Цесаревича было командование полком. Влекло Его к этому, стремление провести в жизнь свои взгляды на офицера и солдата, на их взаимоотношения и собственным примером увлечь их на осуществление Его желаний.

Через 10 лет, 21 октября 1894 года, 26 лет от роду, Цесаревич вступил на Прародительский Престол Российских Самодержцев.

Войдя на Престол, Государь Император Оставил за Собой должность командира 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка, вследствие чего на всё будущее время командир 1-го батальона именовался командующий батальоном, а не командир батальона. Последним командующим батальоном ко дю революции был Полковник Петр Александрович Веденяпин — Начальник Русского Обще-Воинского Союза в Шанхае.

Армия и Флот представили Его Величеству просьбу о производстве Себя в чин генерал-майора и контр-адмирала, но Царь ответил: „Я храню чин, данный Мне покойным Императором — Моим отцом".

Свою любовь к Армии и Флоту, Император вложил в заботу об улучшении условий прохождения службы, стремясь украсить самую жизнь офицера и солдата и сам намечал нужные меры к этому. Царь хотел устранить то, что, будучи пережитком дурных сторон крепостничества, не вязалось уже с понятием „народная армия", в основу которой, положена всеобщая воинская повинность и определение ее: „Солдат есть имя знаменитое — он слуга Царю и Отечеству и им должен гордиться".

Из опыта своей службы в строю, Государь знал, как бывала мучительной подготовка к прохождению церемониальным маршем „бегом". Император хотел, чтобы Высочайший парад или смотр для солдат, т. е. встреча со Своим Царем были праздниками для них, а не мучением, — посему, повелел навсегда отменить этот вид церемониального марша.

В октябре 1909 года, находясь в Крыму в Ливадии, Государь Император потребовал себе полное боевое солдатское снаряжение и обмундирование, каковое было предоставлено от 16-го Стрелкового Императора Александра III полка. 24 октября, Его Величество оделся в солдатскую форму с полной выкладкой и с винтовкой со штыком на плече, совершил марш по дороге, продолжавшийся 2 часа. Царь пожелал лично на себе испытать этот груз, так как в это время в военном министерстве рассматривался вопрос об изменении

солдатского боевого снаряжения. В солдатской книжке, которая находится в вещевом мешке Государь написал; в соответствующих графах: Николай, Александрович Романов. На службе: С 6 мая 1884 года. На правах: До смерти. Прохождение службы: Стрелок с 24 октября 1909 года. Какого звания: Хозяин Земли Русской.

Забота Государя об офицерах и солдатах проявлялась беспрерывно. Часто, узнав о затруднительном материальном положении кого нибудь из них, Царь оказывал помощь из своих личных средств.

Вот один из многих примеров: В Русско-Японскую войну, 19-го конного пограничного полка Заамурского округа Ротмистр Виторский со своим спешенным эскадроном отбил 8 атак японской пехоты под Ляоляном. Перед позицией оставались лежать наши раненые, которых под огнем выносили вызвавшиеся на это солдаты, но когда этих добровольцев японцы стали подстреливать, то Ротмистр сам стал выносить своих раненых солдат. После 8-ой атаки, в строю эскадрона осталось 15 солдат и из офицеров — один ротмистр с 26 ранениями штыками и пулями. Когда об этом узнал Государь, то приказал ротмистра Виторского на личные средства Его Величества отправить к знаменитым врачам в Швецию на лечение. Через 10 месяцев Ротмистр Виторский на костылях представлялся Его Величеству. Государь, подойдя к выстроившимся офицерам, к первому подошел к Ротмистру и сказал: „Рад видеть вас, ПОЛКОВНИК! Живите и будьте здоровы на славу и радость Родины. Я и весь Русский народ гордится вами и вашими славными ранами". Государь обнял и поцеловал его. Художник Самокиш, по повелению Царя, написал картину подвига, которая была помещена в Эрмитаже, но Государь купил ее себе и повесил в своем рабочем кабинете в Зимнем Дворце, сделав надпись под ней: „ВСЕ за одного и один за всех".

Личность Государя Императора, как Самодержца Всероссийского, Его непрерывная связь с Армией и Флотом как Верховного Вождя лежали в основе воспитания солдата, матроса, юнкера, гардемарина и кадета. Император носил только военную форму, для поднятия значения военной службы Государству. Все офицеры Императорской Русской Армии и

Флота всегда носили военную форму, имея на себе, холодное оружие. Этим символировалось состояние беспрерывного нахождения офицера на службе Царю и Отечеству.

При производстве юнкеров и гардемарин в офицеры, Его Величество обращался к ним с наставлениями. Вот, например, что сказал Государь Император выпускным юнкерам в августе 1911 года: „Господа! Сегодня самый знаменательный и отрадный для вас день. Запомните то, что Я вам скажу. Будьте в течение вашей жизни хорошими христианами, честными и преданными слугами своей Родине и Мне. Служите изо всех сил с полным сознанием, что если каждый из вас сознательно и честно будет исполнять свое дело, какую бы маленькую должность не занимал, он принесет большую пользу Родине и своей части. Относитесь с уважением к вашим начальникам и без критики, друг к другу — по товарищески, памятуя, что все вы составляете частицу одной семьи — Великой Русской Армии. Служите примером подчиненным вам, как в мирное, так и в военное время. От души желаю всем вам успеха в предстоящей службе и поздравляю вас, господа, с производством в офицеры".

День Св. Николая — Мирликийского Чудотворца — 6 декабря Армия и Флот торжественно праздновали в своих частях. В этот день офицеры разных рангов с волнением ожидали получения военной газеты „Русский Инвалид", в которой печатались Высочайшие приказы Царственного Вождя. Генералитет и штаб-офицеры с трепетом читали назначения на высшие должности и вместе с обер-офицерами — производство в следующие чины и награждения орденами. В особенности переживали волнение старые капитаны, ротмистры и есаулы — эти искренние отцы солдат и истинные учителя и воспитатели Российского народа, — производства в штаб-офицеры.

Государь Император особенно радостно и спокойно чувствовал себя, когда бывал среди офицеров и солдат — этих воинов бесхитростных, не ищущих и не жаждущих ничего другого, кроме счастья видеть и говорить со своим Царем, среди своих подданных, в незаинтересованной преданности которых, Царь был уверен. Врожденным и чрезвычайно развитым чувством деликатности и благожелательности, Госу-

дарь привлекал к себе сердца всех, кто имел счастье к Нему приближаться. Когда Царственный Вождь являлся перед Своей Армией, то в рядах войск все „от мала до велика" испытывали переживания сверхъестественного духовного подъема, и сердца офицеров и солдат наполнялись религиозным трепетом: среди них находился Помазанник Божий, которому мы присягали и о котором мы с раннего детства читали молитву „За Царя и Отечество", а в Храмах перед Святым Престолом, Православная Церковь торжественно молилась, громко поминая: Николая Александровича".

Императорская Армия представляла собой гармоничное целое, покоившееся на прочном фундаменте трехвековой славы, закрепленной историей. Армия была чужда политики, чины ее не занимались ее вопросами. Но „бесполитичной" армия не была: что повелит Царь, то и сделаем — вот была ее политика.

Г. г. Офицеры Императорской Армии и Флота не измышляли, не допускали никаких компромиссных толкований данной единожды присяги на верность службы Его Императорскому Величеству и России „постольку — поскольку", не различали они значения этой священной клятвы „по духу или по смыслу", а исполняли ее всегда „не мудроствуя лукаво", памятуя, что русского офицера и солдата освободить от нея может только смерть.

Но не только армию и флот, конечно, превыше всего Государь Император любил Россию. Как пример такой любви, приведу следующее. Когда уже отрекшийся Царь узнал, что одной из причин отмены смертной казни Керенским, будто бы являлось предупреждением возможности требовать казни Императору, Он воскликнул: „Это ошибка. Уничтожение казни подорвет дисциплину. Если это он делает для того, чтобы избавить Меня от опасности, передайте ему, что Я готов пожертвовать жизнью для блага России".

Настала Великая война в 1914 году. Бесконечно тяжело было Императору чувствовать Себя оторванным от Армии и Флота. Он жил ее интересами, радостями и горестями. Государь ездил не только в Ставку, но и в районы расположения войск, посещал раненых и каждое Его посещение оставляли неизгладимый след в сердцах осчастливленных воинов.

На одном из смотров на фронте, Царь узнал, что в строю Сибирского стрелкового полка, находится старший унтер-офицер, кавалер 4-х степеней Георгиевского креста, в прошлом Капитан 1-го ранга,* разжалованный по суду в солдаты. Государь вызвал его и за боевые отличия восстановил его в прежнем чине и в правах. На другом смотру помиловал Ген. Шт. Полковника,**) разжалованного по суду в солдаты.

Я приведу выдержку из статьи „Царский смотр" Проф. Ген.-Лейт. Головина помещенной в газете „Россия" от 13 июля 1957 года, каковая в свою очередь являлась выдержкой из статьи „К 25-летию со дня гибели Государя" того же автора, помещенной в „Парижском Вестнике" в июле 1943 года. На этом смотру Ген. Головин присутствовал как начальник штаба 9-ой армии, командующим которой был Ген. Лечицкий. Вот краткая выдержка:

> „...Император начал говорить. Каждое Его слово было отчетливо слышно в самом отдаленном углу поля парада. Говорил Он просто, как говорит русский человек в тяжелые минуты своим друзьям. Речь Его шла от сердца, вследствие чего сразу же васпринималась сердцами тысяч русских людей, которые жаждали услышать то, что Он говорил. Царь благодарил войска за их жертвенный подвиг, звал их любить Россию, как они ее любили до сей поры. Несмотря на простоту, с которой была сказана речь Государя, она носила Царственный характер. Этому содействовала величественность Высочайшего смотра. Вместе с этим, слова Императора трогали своей задушевностью и внешним образом Русского Царя, стоявшего в скромной серой шинели, держа за руку красивого больного Мальчика, облаченного в такую же солдатскую шинель. Когда Государь кончил говорить, поле молчало, но, затем, как то сразу — вдруг грянуло „Ура". Мне казалось тогда, что такого могучего, сердечного ура я никогда не слышал, а теперь скажу: и не услышу.

---

*) Лишин.
**) Готовского

Командир 11-го арм. корпуса Ген. Сахаров обратился к командующему армией с просьбой просить Царя о помиловании разжалованного в рядовые Полковника Исакова. Ген. Лечицкий доложил Императору и Государь приказал вызвать его. Полковник Исаков — корпусной инженер 11-го арм. корпуса был предан полевому суду за антидисциплинарный поступок и приговорен к расстрелу, но принимая во внимание его боевую службу, смертная казнь была заменена разжалованием в рядовые. „Рядового 23-го саперного батальона Исакова к Его Императорскому Величеству-у-у-у" — раздался по полю повторяемый протяженый зов. Я увидел, как из дальнего угла построения пехоты отделился какой-то серый комочек: это бежал с ружьем у ноги рядовой. Теперь он оброс седой бородой и сильно постарел. Подбежав к Государю, он остановился и взял „на караул". „К ноге" — скомандовал тихим голосом Император и начал говорить: „Твои командующий армией и командир корпуса доложили Мне о проявленной тобой доблести при взятии опорного пункта на высоте Н. Награждаю тебя Георгиевским крестом 4-й степени". „Рад стараться, Ваше Императорское Величество" — по солдатски ответил рядовой Исаков. В руках у Государя очутился Георгиевский крест и булавка. Накалывая на борт шинели крест, Государь продолжал своим ровным голосом: „Мне было также доложено, что при взятии этого опорного пункта тобою была проявлена не только доблесть, но и большое знание военно-инженерного дела", Выдержав несколько секунд и внимательно взглянув в глаза солдата, Император так же спокойно сказал: „Рядовой Исаков, Я возвращаю тебе твой чин и все твои ордена" и задушевным голосом добавил: „Полковник Исаков, носите крест, который Я вам сейчас накалываю столь же доблестно, как вы его заслужили". Слезы хлынули из глаз Исакова. Он наклонил голову и поцеловал руку Царя, заканчивающую накалывание креста. Я почувствовал какое-то сжимание в горле и делал неимоверные усилия, чтобы не разрыдаться, так красива и благородна, широка была только что проявленная Царская милость.

Посмотрев на ген. Лечицкого, я увидел, как по его сухому, мужественному лицу катились крупные слезы, а ген. Сахаров просто и откровенно плакал. Спокойнее всех был сам Государь. Обратившись ко всем присутствующим Он громким голосом сказал: „Полковник Исаков до окончания войны должен оставаться в рядах 23-го саперного батальона". Я был поражен мудрости Царского приказа.

Полковник Исаков пострадал из-за своего скверного характера. Оставляя его на все время войны в этом батальоне, в котором он отбывал свое наказание, он дольше бы помнил о совершенном им воинском преступлении. С другой стороны, проявленная им содлатская доблесть и заслуженная им Царская милость, создавали ему своего рода ореол среди чинов батальона, что смягчало бы многие углы его не всегда приятного обращения".

Лето 1915 года ознаменовалось крупными неудачами на фронте, вследствие отсутствия достаточного вооружения и боевого снабжения. Кадры Императорской Армии в течение года почти полностью были выбиты в боях. Отход Армии вызвал катастрофические последствия: отступали не только войска, все тыловые учреждения, госпиталя и бросались интендантские склады, но уходили в паническом бегстве миллионы жителей. В результате всего этого, Великокняжеская Ставка потеряла дух и в середине августа выяснилось, что она не в силах больше управлять фронтом. На Россию надвигалась кастарофа, тем более, что в тылу боевого фронта почувствовалась растерянность и пораженческие настроения.

16 июля военный министр ген. Поливанов сообщил правительству о положении на фронте. Свой доклад он начал словами: „Считаю своим служебным и гражданским долгом заявить Совету министров, что ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ. На темном фоне материального, численного и нравственного расстройства Армии есть еще одно явление, которое особенно чревато последствиями и о котором нельзя умалчивать. В Ставке Верховного Главнокомандующего — Великого Князя Николая Николаевича наблюдается полная растерянность. Она также охвачена психологией отступления и готовится к

отходу вглубь страны на новое место. Назад, назад, назад — слышится оттуда..."

И среди всего этого, Государь Император один поддерживает в себе пламень веры в свою Армию, в Россию, в конечную победу.

С самаго начала войны, возложив на Вел. Кн. Николая Николаевича командование боевым фронтом, Его Величество сознательно воздерживался от непосредственного вмешательства в ход военных действий, чтобы избежать и тени двоевластия. Государь несколько раз приезжал в Ставку исключительно для более подробного ознакомления с положением на месте. Император устраивал смотры войскам, как находившимся в резервах, так и отправляемых на фронт, посещал некоторые участки фронта, госпиталя и лазареты, но управление боевыми операциями оставалось в руках Великого Князя.

Когда фронт в Галиции был прорван, произошел эпизод, о котором русские люди никогда бы не узнали, не случись революция: это интимные письма Государя и Государыни. Император приехал в Ставку 5 мая и через несколько дней послал письмо Императрице. Вот текст: „Мог ли Я уехать отсюда при таких тяжелых обстоятельствах. Это было бы понято так, что Я избегаю оставаться с Армией в серьезные моменты. Бедный Николай, рассказывая все это, плакал в моем кабинете и даже спросил Меня, не думаю ли Я заменить его более способным человеком. Он всё принимался Меня благодарить за то, что Я остался здесь, потому что Мое присутствие успокаивает его".

Государю Императору надо было подлинно спасать Отечество и принимать для сего исключительные меры, которые могли бы изменить ход событий и дать благотворные результаты. В этот роковой Русский час ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО решил стать САМ во главе Вооруженных сил Родины.

Вот в какой атмосфере Русский Царь взял на СЕБЯ Верховное командование выполняя этим, только ЕМУ лично принадлежащий долг Верховного Вождя Армии и Флота. Приняв решение, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО сказал: **„Может быть нуж-**

на искупительная жерва, чтобы спасти Россию? Я буду этой жертвой. Да свершится воля ГОСПОДНЯ!".

Более тяжелого и более ответственного времени для начала командования выбрать было невозможно. История часто видела Монархов, становившихся во главе победоносных армий для легких лавров завершения побед. Но история никогда еще не встречала Венценосца, берущего на себя Крест возглавлять армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что Его могут венчать не лавры, а только тернии.

Решение Царя вызвало страстный неудержимый вопль русской общественности. „Надо не допустить до этого шага" — кричали, говорили, нашептывали, так называемые, „отечественные патриоты".

„Государю не по плечу и не по знаниям непосредственное руководство войной" — авторитетно говорил в Ставке ген. Юрий Данилов.

Во имя спасения страны и династии надо сломать волю Монарха и заставить Его подчиниться, вместо мистики, политической реальности" — говорил в салонах профессор барон Нольде.

Примите решительные меры противодействия, чтобы Он отказался от своего намерения" — требовал от председателя совета министров Михаил Родзянко.

На одном из заседаний Петроградских присяжных поверенных рассматривался вопрос о революции, как будто это входило в сферу деятельности господ адвокатов. „Такого удара с тыла не выдержит никакой фронт, при первой вести об этом, фронт рассыпется в прах, как раз открывая врагу прямую дорогу в те ворота, у которых он пока стоит" — сказал председатель сословия присяжных Н. П. Карабчевский. В ответ ему закричал Керенский: „Поймите же, наконец, что революция может удасться только сейчас, во время войны, когда вооружен народ и момент может быть упущен НАВСЕГДА". Резолюция в пользу революции была принята огромным большинством. Кем был в это время Керенский и господа адвокаты? — патриотами или предателями?, защитниками Родины или ее врагами?

В оппозиции оказались даже министры, кроме маститого Председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. 21 августа 1915 года, накануне отъезда Императора в Ставку, министры обратились к Царю с письменным заявлением, повторяя просьбу не увольнять Великого Князя, заканчивая обращение словами: „В таких условиях мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине". На это обращение министров, И. Л. Горемыкин ответил словами, которые в будущем несомненно будут начертаны золотом на мраморе:

„Я не препятствую вашему отдельному выступлению. В моей совести Государь Император — Помазанник Божий, носитель Верховной власти. Он олицетворяет Собой Россию. Ему 47 лет. Он царствует и распоряжается судьбами русского народа не со вчерашнего дня. Когда воля такого человека определилась и путь действий принят, верноподданные должны подчиниться, каковы бы ни были последствия. А там, дальше — Божья воля! Так думаю я и в этом сознании умру".

Вместо нравственной поддержки в грозную минуту, Государь встретил дружный отпор, кликушеские предсказания гибели, завуалированную вражду.

Милюков негодовал и бичевал. По русской пословице о красном словце, он не щадил никого. Увлекаясь сладкозвучием, он говорил и писал несдержанные мысли. Душа у него была не русская, а чужая интернациональная, душа безродного космополита. Ему были чужды отеческие традиции, потому и осуждал так презрительно религиозную мистику Государя. А как ценна была эта мистика в русской жизни, как был дорог русскому народу совестливый Царь, постоянно обращающий свой взор к Богу.

Вспомним, здесь к месту: В 1912 году на докладе премьер-министра гр. Коковцева Императору о внутренних делах Государства, Государь сказал: „Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетень, выдумок и злобы". И думается нам, что Царь, принимая на Себя Командование Фронтом в августе 1915 года уже чувствовал и переживал то, что высказал при Своем отрешении во Пскове: „Кругом измена, трусость и обман".

Русские пословицы отразили в себе не только мудрость и достоинства, но лукавство и пороки нашего народа. Среди таких лукавых пословиц есть одна, которая опаснее многих других, как оправдывающая самое страшное зло — безволие, как открывающая дорогу к безнадежному, как соблазняющая своей ложью и смиренностью к отказу от подвига и воли — во всем: и в испытаниях личного геройства и в проявлениях гражданского мужества и в деяниях государственного и общественного значения. Пословица эта: „Один в поле не воин". Что это? — отказ от жертвы „За други своя" или позорный „Вой по волчьи". В ответ на эти соблазны, оправдывающей зло пословицы безволия, должен звучать непреклонной волевой идеей созвучный, но противоречащий ей, достойный истине, девиз: „Один в поле и тот Воин".

„Один в поле не воин" — ПОСЛОВИЦА оправдания общего греха, бездеятельности, стадности, боязни жизни, укрывательства от правды и убаюкивания совести.

„Один в поле и тот Воин" — ДЕВИЗ совершенствования, самодеятельности, правды, воли, смелости, подвига и чести. Только с этим девизом можно сохранять идеалы, только с ним можно вступать в борьбу. Без него, воин уже несет в себе зародыш капитуляции.

Я твердо верю, что Государь Император, как истинно-русский человек, как солдат, как Вождь, как ЦАРЬ, был проникнут идеей этого девиза и с этим чувством ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО взял Командование боевым фронтом в СВОИ руки.

Вступая в Верховное Командование ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО назначил Своим начальником штаба наиболее выдающегося деятеля войны Ген. Алексеева — главнокомандующего северо-западного фронта, который только что, вместе со своим начальником штаба Ген. Миллером, благополучно вывел из угрожавшего им окружения 8 армий и нанес поражение немцам в этом маневре.

Вступив в Верховное Командование 23 августа 1915 года, Царь отдал приказ, конец которого добавил собственноручно: „С твердой верой в милость БОЖИЮ и с непоколебимой уверенностью в конечной победе, будем исполнять наш Священный долг защиты Родины до конца и не посрамим Земли Русской".

Через 3 дня была отправлена в войсковые штабы первая директива новой Верховной Ставки. Она оказала самое благотворное влияние на войска, почувствовавшие что ими начали управлять. Отступление остановилось, начали подходить укомплектования, пополнялась материальная часть, а главное — восстановилось взаимное доверие между большими штабами и войсковыми частями.

Вот выдержка из воспоминаний дежурного генерала Ставки — Ген. Кондзеровского, помещенные в № 1 „Русская Летопись" изд. 1921 года, за подписью „Очевидец": — Дело было в первых числах сентября 1915 года. Вести со всех фронтов поступали не утешительные. Наши войска, оставив Варшаву, Ковно, Гродно отходили вглубь страны. Начались бои у Вильно и определился прорыв у Молодечно. В Ставке волновались. Шепотом говорили о необходимости перенести Ставку ближе к Москве — в Калугу. К ночи 2 сентября слухи стали особенно напряженными. 3 сентября, в девятом часу утра, до обычного доклада ген. Алексеева Его Величеству, я пришел к нему, чтобы выяснить дела на фронте.

Начальник Штаба сидел в своем кабинете за огромным столом, окруженный картами и бумагами. Вид у него был расстроенный и тревожный. На мой вопрос в каком состоянии находятся наши армии и справедлива ли тревога Ставки, Михаил Васильевич схватил себя за голову и голосом полного отчаяния, ответил: Какие у нас армии? Войска наши погибли на полях Галиции и Польши. Всё лучшее перебито. В полках сотни, а в ротах десятки людей. Нет патронов и снарядов. Я не знаю, что мы будем делать, как сдержать напор и где остановиться. Я нахожу, что наше положение никогда не было так плохо. Вот всё это я сейчас доложу Его Величеству.

Видимо, человек находился в полном ужасе и не владел собой. Я ушел от него смущенный и с большой тревогой в душе.

В тот же день, в половине первого, я снова увидел Ген. Алексеева на Высочайшем завтраке. Он совершенно переменился: смотрел добро, говорил оживленно и пропала тревога. Я задал ему вопрос, что вероятно с фрон-

та получены хорошие вести? — „Нет, известий новых не получено, но после доклада Его Величеству о положении на фронте, я получил от Государя определенные указания. Он повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назад, надо задержаться и укрепиться. Прорыв Вильно-Молодечно ликвидировать войсками ген. Эверта. Я теперь привожу в исполнение приказы Государя и Бог даст, справимся". Передо мной стоял другой человек — спокойный и уверенный начальник штаба Верховного, приводящий в исполнение волю Главнокомандующего — Русского Императора.

Результат этого, как известно, был громаден. Военная история оценит блестящие наши контратаки у Молодечно-Вильно и все последующие операции. Только после этих сентябрьских ударных боев, мы получили возможность, не опасаясь дальнейшего наступления вражеских сил, готовиться к новой борьбе. Необъятная Россия стала повсюду формировать и обучать новые войска. На фабриках и заводах выделывались снаряды, пушки, пулеметы, ружья, патроны и разное военное и морское снаряжение. Все это явилось возможным только тогда, когда получилась твердая уверенность, что дальше в пределы России враг не пойдет. К весне 1917 года создались могучие армии, готовые к наступлению.

Вот первый пример распоряжения Государя Императора как Верховного Главнокомандующего. Результаты этого мужественного указания и за ним полутораговой работы дали бы победу России, если бы не измена и предательство, порубившие Царя, Его Армию и Россию." —

А „умники" продолжали шипеть и критиковать. Просвещенные образованные генералы и представители оппозиционного штатского общества давно перестали учитывать реальность духовной стороны. Все они запамятовали, что для Русского народа, ЦАРЬ являлся ПОМАЗАННИКОМ БОЖИИМ. „БОГ и ЦАРЬ" — вот что знал Русский народ и соединял их вместе. И умники ошиблись. Уже 25 августа пришла первая победа наступлением армии ген. Щербачева. Молодечненский прорыв был ликвидирован. А в 1916 году Русские

армии ответили врагу большим наступлением на юго-западном фронте и нанесли противнику смертельный удар, от которого Австрия не смогла оправиться до конца войны.

Но внутренние враги продолжали подтачивать корни, потому и противились Царскому главнокомандованию, что боялись Е Г О победы. Огромный риск Царя удался, вопреки всем предсказаниям. Произошел самоочевидный перелом в ходе войны: от поражений к победам. Ученые генералы и „генералы от политики", сделали вид, что они все же не ошибались. Так и не захотели признать что победила мистика Царя, победила ЕГО вера в Русский народ, победил воскресший героизм Русской Армии. Горе людям духовно слепым, чей мозг и совесть отравлены ядом.

Государь Император часто посещал войска на фронте и высшие начальники последовали сему примеру и навещали подчиненные им части на передовых позициях. В Своих объездах Его Величество входил в строй и беседовал с офицерами и с солдатами. В 1916 году 29 января Император произвел смотр частям 5-й армии, на каковом, кроме резервных частей армии, по ЕГО повелению, был представлен Сводный баталион, составленный по 2 человека от каждой роты, эскадрона и батареи из всех частей, входящих в армию. Его Величество, въехав в середину баталиона, приказал окружить ЕГО, разорвав строй и долго беседовал с солдатами. Все они разнесли счастливую весть о беседе с Царем-Батюшкой во свои дома по всей России-Матушке.

К ранней весне 1917 года Русская Армия была снова готова, как и в начале войны, выполнять задания Ставки. ПЕТРУ Великому понадобилось 9 лет, чтобы Нарвских побежденных обратит в Полтавских победителей. Государь Император Николай II, став Верховным Главнокомандующим совершил ту же самую великую работу в полтора года.

Все служение ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА России было верно оценено не только врагами на поле боя, но и врагами Самодержавно-Православной России, в результате чего между Царем, ЕГО Армией и ПОБЕДОЙ стала революция. Не стало ЦАРЯ — отлетела ДУША Армии, не стало и Армии.

Оставшиеся верными историческим заветам — „ВЕРА, ЦАРЬ и ОТЕЧЕСТВО" — Русские люди имеют право с гор-

достью и радостью сказать, что мы не боимся Правды, а только требуем и просим ее, так как при свете этой правды, все величественнее, все светлее и ярче выявляется образ Борца и Воина за РОССИЮ — Царя Мученика, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА — Самодержца Всероссийского.

***

Составляя этот очерк, все настойчивее и упорнее меня одолевала следующая мысль: в последнем обращении к войскам отрекавшегося от Престола Императора, которое было скрыто от русского народа вр. правительством, НЕТ освобождения нас-Воинов от данной нами присяги ЕМУ-лично, а есть лишь напоминание повиноваться вр. правительству.

Ведь присяга содержала в себе единую клятву верности Царю и Отечеству.

Разделять ее на двое: верность Царю и Верность Отечеству не возможно, ибо в присяге отсутствовало это деление. Вр. правительство погубило Россию и исчезло, значить приказ Царя о повиновении этому правительству отпал, и наши сомнения должны были проясниться, ибо присяга как бы восстановилась в своей нерушимости.

Ни по воинской традиции: „Сам погибай, товарища выручай" — в данном случае — своего Императора, ни по девизу: „Один в поле и тот Воин", м ы— кадровые офицеры ни сразу же, ни потом даже не пытались освободить из вражеского плена своего Верховного Вождя, в каковом плену фактически находился Император. Это — наше преступление — незамолимый грех на душе.

Наступила героическая Белая борьба; вместе с истинно русскими людьми, мы вступили в смертельную схватку не только с врагами нашего Отечества, но и всего рода человеческого, во имя ГОСПОДА БОГА. Этой борьбой кадровые офицеры и солдаты земаливали свой страшный грех — грех нарушения присяги и являли собой скорее борцов-профессионалов, а не истинных Воинов Земли Русской, как встарь. Спаситель Мира не принял нашу разряду в пустоту и мы оказались за пределами Родины.

Проф. полк. Е. Месснер

ЦАРЬ И ОФИЦЕР

Царский офицер в пятилетие, предшествовавшее Великой войне, находился — неприметно для общественности — в состоянии высокого духовного подъема. Опыт Японской войны уже был достаточно изучен и уложен в параграфы уставов и наставлений, в книги, издававшиеся Березовским, в статьи, новизной мысли оживлявшие военные журналы. Армия — офицеры в первую голову — училась, переучивалась, стремясь к восстановлению военной мощи России, которая была поколеблена не столько неудачными для нас сражениями в Маньчжурии, сколько фактом, что бой у Тюренчена наши храбрые полки вели в стиле XIX века, в то время как японцы шагнули в своем военном искусстве в XX век.

В национальном, в военно-национальном порыве молодежь устремилась в военные училища, чтобы, ставши офицерами, творить основу будущей славы России. Эта молодежь отказывалась от возможности стать инженерами, юристами и избирала военную карьеру, обрекая себя на полу-нищенство (в 1907 г. получал 50 рублей в месяц). Уже в последние десятилетия XIX века обнаружившийся наплыв в Корпус офицеров так называемых разночинцев усилился и перед Войной в нем было лишь 40% дворян потомственных. В область преданий отошел тот стиль офицерской жизни, когда дворян-

ско-помещичье сословие содержало своих детей-офицеров. Теперь 90% офицерского состава — и дворяне и разночинцы — довольствовалось скудным офицерским жалованием и вело тяжелую трудовую жизнь, отдавая все свои силы, всё свое время службе Царской. Гордилось этой службой, любя Царя и Россию.

И еще гордилось офицерство тем, что оно своей Верой и Верностью помогло Государю подавить революцию 5-6-го годов. Не поколебавшись в своей преданности Верховному Вождю Армии, не смутившись от оскорблений со стороны общественности и прессы и некоторых ораторов в Государственной Думе, офицер был тверд и в строевых действиях по охране или по восстановлению порядка, законности и в военных судах, каравших революционное, террористическое противозаконие. Были офицеры, с колыбели в доме отца-воина получавшие воинское воспитание и оно продолжалось в кадетских корпусах и военных училищах; но большинство офицеров было „со стороны", то есть из гимназий и даже из университетов поступавшие в военные училища, не подвергшись, как кадеты, семилетнему воспитанию — обе категории были равны в сознании офицерского долга, в преданности Царю: крепки были военно-училищное и полковое воспитания. Преданность эта становилась естеством офицера.

В злой эпиграмме на Аракчеева Пушкин назвал временщика — „преданный без лести, просто фрунтовой солдат". Офицеры не были Аракчеевыми, но были „фрунтовыми солдатами", преданными без лести, без аффектации, без позы Его Императорскому Величеству Государю Николаю Александровичу.

ЗЕМНОЙ БОГ

На наших скромных офицерских пирушках мы пели песню кавказских полков:

Когда наш Гость Отец Державный —
Земному богу кто не рад? —,
Подъемлют кубок свой заздравный
Казбек, Эльбрус и Арарат.

Для кавказцев, как и для нас, прочих армейцев, чистой фантазией звучали слова „наш Гость" — гостем в армейских

полках, насколько известно, Император не бывал. Мы завидовали гвардейцам, в офицерские собрания которых приезжал Царь, чтобы провести время с офицерами. Лишь потом из произведений генерала Краснова (отлично знавшего гвардейскую службу и быт) стало известным, что на этих пирах создавали обстановку, не соответствовавшую присутствию „Земного бога". Не зная этого, мы считали естественной близость Царя к Его офицерам, хотя бы только гвардейским — а армейские полки были разбросаны на всем пространстве необъятной России — где Ему быть „нашим Гостем".

Не часты бывали Царские смотры армейским дивизиям. Наша 15-я артиллерийская бригада удостоилась смотра — при возвращении Государя с торжеств в Кишиневе — в составе Тираспольского Артиллерийскогоя Сбора: 14-я и 15-артиллерийские бригады, 4-й стрелковый артиллерийский, 8-й мортирный и 8-й конно-артиллерийский дивизионы; кроме того на смотру был 8-й драгунский Астраханский полк и местные Тираспольские команды. Мне было приказано разметить на плацу места построения девятнадцати батарей, шести эскадронов и двух команд. Запасшись веревками и двумя сотнями колышков, пошел я с несколькими бомбардирами строить исполинскую букву „П", опирая её на рампу, специально для Царского поезда построенную невдалеке от станции Тирасполь. Сообразуясь с числом рядов в каждой батарее, эскадроне, надо было колышками отметить первую шеренгу первого взвода, а затем, в затылок ему, шеренги прочих взводов. К полудню работа была закончена, но ее пришлось возобновлять три дня, потому что батареи и эскадроны изменяли число своих рядов. Втиснуть лишний ряд в сделанное построение было невозможно, а также недопустимо было оставить пустое пространство, если уменьшалось число рядов — поэтому каждый раз приходилось всё делать снова. Затем была разбита дорожка для шествования Государя и засеяна травой. Из-за трех потерянных дней трава, несмотря на усиленную поливку, не успела вырасти и пришлось накануне смотра засыпать дорожку песком.

Останавливаюсь на этих мелочах, потому что они говорят, как тщательно готовились мы к смотру. В батареях капитаны, заведывавшие хозяйством, вместе с фельдфебелями,

каптенармусами и портными дни и ночи пригоняли солдатское обмундирование. Фуражечники Одессы,Тирасполя и Кишенева придавали солдатским фуражкам безупречный вид. У нас в бригаде купили сукна на пятьдесят офицерских кителей и на пятьдесят галифе, чтобы из однообразного материала все офицеры бригады заказали портным новое обмундирование. Лучшему одесскому фуражечнику было заказано пятьдесят офицерских фуражек одного сукна и одного кроя. Офицер от офицера стоит в строю на известном расстоянии и потому разнообразие цвета кителя, фуражки или покроя галифе не было бы заметно, но мы хотели, чтобы было полное однообразие: Царю надо представиться в совершеннейшем виде.

В лагерном районе производилась, под окрики фельдфебелей, подпрапорщиков и взводных фейерверкеров, окраска всего, что поддавалось окраске, мытье всего, что поддавалось мытью, и свирепое подметание всюду и везде. Один подпоручик задал неуместный вопрос фейерверкеру, заставлявшему канониров подбирать каждую соринку на лагерных линейках (дорожках): „К чему так усердствовать? Ведь Государь не приедет в наш лагерь." В ответ он получил: „Ваше благородие, на Пасху Господь к нам в казармы не пришел, а уборку мы сделали на весьма". Действительно, мы все, офицеры и солдаты, ждали смотра, как в те годы православные люди ждали Светлого Праздника.

С раннего утра построены батареи. Каждого солдата осматривает фельдфебель, потом взводный командир, затем старший офицер и наконец командир батареи. Всё в порядке и тогда идем — заблаговременно — на плац. Припасены щетки платяные и сапожные, чтобы всем почиститься. Прибывает начальство, генералы озабоченно и придирчиво смотрят, все ли в порядке. Десяток раз подаются команды „Смирно!" и „Вольно!" Со станции Тирасполь сообщают, что Царский поезд отошел от станции Бендеры. Теперь окончательно выравниваются шеренги и из земли вытаскивают мои колышки.

Поезд остановился изумительно точно: площадка Царского вагона пришлась как раз у заранее разостланного на рампе коврика-дорожки. Два конвойца стали у площадки.

В дверях появился Государь, оглядел строй и сошел на рамцу. Начальник Артиллерийского сбора подошел с рапортом. Император пошел к правому флангу войскового построения и при этом глянул на трибуну для публики, сооруженную позади батарей 14-й артиллерийской бригады. На трибуне, рассчитанной на шестьсот человек, было душ двести: полицейские и жандармские власти не пустили почти никого из горожан и помещиков; сидели почти исключительно офицерские семьи.

Царь здоровался со строем, не форсируя голоса, но Его слова были слышны. Чеканный ответ пятисот голосов первого дивизиона 14-й бригады и затем „ура!" Как только Царь минует батарею, она присоединяется к этому кличу. Уже три дивизиона ответили на Царев привет. Я стоял во второй шеренге, в затылок моему полковнику, командиру 2-го дивизиона. Между нами двумя и левым флангом 1-го дивизиона было шесть шагов промежутка и поэтому взгляд Государя долго — всего несколько мгновений, но мне казалось, что долго — лежал на моем командире и на мне. В строю всем казалось, что Император на каждого посмотрел. Неизвестно, как Он создавал это потрясающее впечатление. Мы, старый полковник и я, юный подпоручик, его адъютант, внутренне задрожали от восторга, потому что Император действительно посмотрел на нас. Задрожали внутренне — обнаженная шашка в правой руке, склоненная острием к земле в строевом салюте, напоминала, что мы — в строю, что мы строй, где нет выявлений личных чувств. Будучи недвижим, я был вне себя, я был в радостном плену этих глаз, этого милостивого взгляда, этого ласкового лица, этой величественной поступи, этого величия России, воплощенной в Императоре... Потом много раздумывал я над вопросом, как мог я, человек без сентиментов, оказаться охваченным больше, чем сентиментом — ураганом восторга и преданности. Самовнушение? Внушение, исходившее от пятитысячной воинской массы? Обстановка ли? А обстановка была необыкновенной для каждого из нас: обычные звуки военных оркестров перемешивались с необычным „ура!": это не был крик, это не был вой, это было море звука и этот звук дышал, как спокойное море дышет приподимающимися волнами зыби.

Когда Царь миновал нас, я мог восстановить в себе способность наблюдать и думать. Первое, что меня поразило и возмутило это — некоторая небрежность чинов Его свиты: тот шел не в ногу, тот держал руку не у козырька фуражки, а у уха — так удобнее —, а тот временами вовсе чести не отдавал. Я стал глядеть на Царский поезд: на рампе стояли или ходили четыре Великие Княжны; с ними шалил маленький Матросик — Царевич — под присмотром матроса-дядьки; время от времени подымалась занавеска одного из окон вагона и тогда было видно лицо Государыни.

Император обошел всю линию строя, взошел на рампу, оглядел весь строй, отдавши нам честь поднятием руки к козырьку, и пошел к вагону. Матрос поймал маленького Матросика и понес Его в вагон, туда же поспешили и Княжны; Царь взошел на площадку. Поезд тронулся, конвойцы на ходу вскочили в другой вагон. Государь стоял у открытых дверей площадки, пока не миновал весь смотровой плац.

Сказка кончилась. Былина кончилась. Буднично прозвучали команды для перестроения батарей и мы пошли в лагерь в полуверсте от смотрового плаца. Солдатам было объявлено: от Государя на три дня освобождение от учебных занятий. Офицеры, помывшись, собрались в зале офицерского собрания на обед. Все были возбуждены и делились впечатлениями. Радовались, что так безукоризненно прошел смотр, что представились Его Величеству должным образом. Но поручики, командиры третьих и четвертых взводов в батареях ворчали: „Чтобы не утомить Государя, сократили до предела длину строя и построили батареи во взводные колонны, то есть в восемь шеренг; Императора могли видеть первая и вторая шеренги; третья и четвертая могли его мельком увидеть, а прочие четыре шеренги не видели ничего и, конечно, разочарованы, огорчены". Но поручики оказались не правы: после смотра, во всеобщем возбуждении, видевшие Царя солдаты с восторгом говорили о виденном и тут произошло замечательное внушение: в не видевших проник восторг видевших и в этих не видевших создалось убеждение, что и они тоже видели Царя. К вечеру ВСЕ были в вос торге, потому что ВСЕ удостоились лицезрения Его Величества.

В населении этого восторга, вероятно, не было. Как уже было сказано, „благородные" не были, за малым исключением, допущены на трибуну, а для народа отвели пространство между лагерем и интендантскими складами. К этому „окну" на смотровой плац примыкал огромнейший пустырь, лежавший подле окраины Тирасполя. Пустырь этот оказался заполненным тысячами телег: крестьяне нескольких уездов съехались — целыми семьями —, чтобы увидать Царя-Батюшку. К „окну" прильнуло телег сто (больше не поместилось), а за ними теснилось на пустыре всё множество повозок; пространство между ними заполнили тысячи тираспольских жителей. Никто из горожан и никто из крестьян (кроме оказавшихся на передних повозках) ничего, кроме крыши Царского поезда, не видели. Говорили, что Государь остался очень недоволен администрацией за недопущение к Нему народа; говорили, что кое-кто слетел. Но Самодержец был бессилен против своих охранителей: каждый администратор предпочитал рискнуть своей карьерой и быть смещенным „за охранное перестарание", чем рискнуть жизнью Государя.

Помню, во время Японской войны, Император прибыл из Крыма на Своей яхте (пароходе) „Полярная Звезда" в одесский порт, откуда поездом проследовал к смотровому плацу у станции Одесса-Застава. Рельсовый путь пролегал по городским предместьям. Царь вышел на площадку вагона, чтобы здороваться с народом, но народа не оказалось: градоначальник приказал закрыть ставнями или забить досками все окна домов, выходившие в сторону железнодорожного пути, а на всех улицах, пересекавших путь, толпы народа были оттеснены полицией на двести шагов от рельс. Государь разгневался, администраторы пострадали, а больше всего пострадало единение Царя с народом, которого желали Царь и народ, но которому противилась охрана.

Тираспольский смотр запомнился мне на всю жизнь, как запомнился, я уверен, всем пятидесяти офицерам нашей Артиллерийской бригады и сотням офицеров артиллерии и конницы, участникам смотра. Еще сильнее запоминались, дни, когда Государь принимал по какому-нибудь случаю группу офицеров и с каждым здоровался, с каждым разговаривал. Так, в январе 1917 года в Царское Село прибыли

из Петрограда полтораста офицеров, прослушавших Академический Курс; они были построены в зале дворца по старшинству экзаменационных баллов. Когда вошел Император, офицерами овладело волнение — сейчас Он со мною поздровается за руку, Он мне задаст два-три вопроса — хорошо ли отвечу на них? Волнение было так сильно, что правофланговый офицер, ответив на вопросы Царя и услышав всемилостивейшее поощрение за успехи в науках, упал в обморок.

Перед такой аудиенцией офицерам внушали, что на вопрос Государя ни в коем случае нельзя ответить „Никак нет!" Например, вопрос Царя: „Вы прибыли с Северного Фронта?" — Ответ: „Так точно, Ваше Величество, с Юго-Западного". Императору не говорят „нет!" Император безошибочен. И слово Императора крепко.

Офицер знал и верил, что слово Царя крепко.

В 1914 году в день Георгиевского праздника в Ставку были вызваны по одному Георгиевскому кавалеру-офицеру от дивизии для представления прибывшему в Штаб Верховного Главнокомандующего Императору. Государь обошел фронт, сказавши несколько слов каждому Кавалеру, и затем обратился к строю со словами: „Всех здесь находящихся Георгиевских кавалеров поздравляю с производством в следующий чин". И добавил, обращаясь к стоявшему на правом фланге офицеру: „А мы с вами, полковник, останемся полковниками". Когда стали в штабе составлять список офицеров, которых Государь повысил в чине, то бывший в составе Ставки капитан Генерального Штаба дю-С. потребовал, чтобы и его включили в список. В первые дни войны этот офицер, летя с летчиком на аэроплане, произвел первую в русской военной истории воздушную разведку и определил движение германских колонн, вступавших в Царство Польское; за это он был награжден орденом Св. Георгия. Он сказал: „Я, в числе чинов Ставки, был в зале, когда Его Величество поздравил с производством ВСЕХ присутствующих Георгиевских Кавалеров — я принадлежу к этим ВСЕМ". Пришлось — Царское слово крепко — признать его правым и он получил подполковника.

Возвращаясь к Тираспольскому смотру, к приготовлениям к этому Царскому посещению, надо сказать, что проявленная офицерами тщательность в приготовлениях к их явке перед очи Царя была присуща не только тем, кто редко — может быть, раз в своей жизни — удостаивался чести предстать перед Императором: и те, кто по своему служебному положению были сравнительно близки к Верховному Вождю, были тщательны в выполнении того, что касалось Царя — все должно быть сделано совершеннейшим образом. Однажды мой дядя, тогда полковник Генерального Штаба, сидел в Главном Штабе в кабинете полковника Генерального Штаба Архангельского, ведавшего производствами и назначениями офицеров (полковники Архангельский и Месснер были однокашниками); в кабинет вошел штабной капитан и вручил Архангельскому тетрадку — приготовленный для подписания Императором приказ о производстве ряда офицеров в следующий чин. Текст был каллиграфически написан (не полагалось давать на подпись Императору тексты, напечатанные на пишущей машинке; полагалось — от руки) и тетрадка была аккуратно сшита в полутвердом переплете. Архангельский все осмотрел и вдруг на его лице изобразилось крайнее недовольство; он молча указал капитану на нитку, которой был сшита тетрадка. Капитан пришел в такой ужас, что даже сгорбился, схватил тетрадь и почти выбежал из кабинета. „В чем дело?" спросил мой дядя. — „Да, подумайте, тетрадку сшили простыми нитками, а не шелковыми!"

Акцент этого рассказа не в том, что сшивали шелковыми нитками, а в том волнении полковника и ужасе капитана, когда увидали, что сделанное для Царя не безупречно... Офицер считал своей обязанностью для Императора все делать бузупречно.

В наше мерзкое время, когда появилось выражение „культ личности" и когда такой „культ"" действительно возникал и возникает, может показаться, что возмутившийся полковник и испугавшийся капитан, и что упавший в обморок офицер Академического Курса, и что потрясенные лицезрением Царя старый полковник на смотру у Тирасполя и его молодой адъютант, и что солдаты четвертых взводов батарей, вообразившие, что они, низкорослые, через спины

высокорослого первого взвода видели Государя, что все это — адепты культа личности. — Нет! Между культом личности и почитанием Царя разница такая же, как между модным культом „неизвестного солдата" и вековечным почитанием великих героев-полоководцев. Глядя на Императора, каждый видел в Нем стосемидесятимиллионную Россию, отчизну от Либавы до Владивостока. Не обожествляя, каждый видел в нем — говоря словами кавказской песни — Земного бога России, мощь России, ее величие, ее славу. Таково было отношение офицера к каждому из Предшественников Николая Александровича. Но к земно-божескому почитанию Николая Александровича добавлялась еще и особая любовь, возникавшая при лицезрении Его, хотя бы при мгновенном общении с Ним, любовь, которую пробуждали очевидные, ощутимые свойства этого добрейшего из Царей России — его милостивая улыбка, его ласковые глаза, его святительская душа.

ОТЕЦ ДЕРЖАВНЫЙ

„Заболев сего числа, службу Его Величества нести не могу" — такова была установленная формула рапорта офицера, когда заболевание временно препятствовало выполнению им своей должности. Этими словами „служба Его Величества" определялись и смысл офицерского служения — Царская — и положение офицера в обществе, в государстве, в жизни — служба Царю, как Верховному Вождю Вооруженных Сил и как Верховному Водителю Государства.

Офицера производили в чины Высочайшим приказом. Как к источнику правды и милости, офицер подавал прошение на Высочайшее Имя в тех исключительных случаях, когда по нормальной, служебной линии упирался в неправду или в немилостивый закон. Офицера, награжденного всеми боевыми наградами, награждали за дальнейшие подвиги „Высочайшим Благоволением". Если для народа — „до Бога высоко, до Царя далеко", то для офицера (даже при географически наиболее удаленной от столицы стоянке на границе Афганистана или на берегу Японского моря) до Царя не было далеко, ибо Он, по титулу Высочайший, был для офицера Отцом, любившим своих 35.000 сыновей с золотыми или

серебряными погонами, любившим, независимо от числа звездочек на погонах. Старые генералы, прослужившие трем Императорам, говорили иной раз (в минуты не-уставной близости и откровенности) нам, молодым офицерам: Государи Александр II и Александр III благоволили к офицеру, а Государь Николай II любит офицера. Эти генералы были преданы двум Александрам, а Николаю Александровичу они были любовно преданы.

На офицере лежит страшный укор: офицер дважды в 1917 году предал своего Царя — не защитил его в февраль-мартовские дни и не спас его из заточений царскосельского, тобольского, екатеринбургского... В конце марта 1917 года повстречался я с одним старым полковником, любившим меня с моего детства. Он, во исполнение приказа отрекшегося Императора, привел свой полк к присяге Временному Правительству, но сам не присягнул. Это осталось незамеченным. На мой недоуменный вопрос он мне — с глазу на глаз — сказал: „Для выполнения моего долга перед Родиной достаточно моей присяги данной Царю". На другой день он мне сказал: „Сегодня выслушал я упрек одной дамы —" Вы, офицеры, покинули Императора!" Не мог же я ей ответить, что Царь покинул офицера, отдавши его на растерзание матросне и солдатне, на унижение и на муки. В моих словах нет упрека — сын не упрекает отца, но жалуется ему; офицер и подавно не упрекает Отца-Царя, но ему мысленно жалуется. Жалоба же наша в том, что Император, по великой своей благости не желавший кровопролития, не позвал любого из офицеров-конвойцев или любого из вблизи находившихся офицеров — тот, не задумываясь снес бы шашкой голову и Рузскому и Гучкову с Шульгиным".

Сохрани нас, последних в живых Царских офицеров, от упреков Его Величеству и даже от жалоб Царю Небесному на Царя Земного. То, что произошло во Пскове не было актом слабодушия, усталости от властвования или разочарования в Своем народе — это было великим жертвоприношением Себя и Своих и Своего офицерства и верной части Своего народа, жертвоприношением по Божьему предначертанию, предуказанному и Св. Серафимом Саровским и Св. Пра-

ведным Иоанном Кранштадтским в их предвидении обреченности России.

Вторая часть обвинения, лежащего на офицере, — не спас Государя из заточения — легко опровергается. Не было в 1917 и в первой половине 1918 годов гарнизона в России, в котором скопились офицеры на службе или не у дел по причине выраженного „недоверия" солдатскими комитетами в Действующей Армии, не было гарнизона, в котором группами офицеров не обсуждался вопрос о спасении Царя. Были группы, конкретно приступившие к делу и выславшие разведывательные щупальцы в Тобольск и Екатеринодар (в Царском Селе Государю было сделано офицерами предложение вывезти Его и Семью за границу — Император отказался). Но все обсуждения, все подготовительные действия упирались в невозможность освобождения Императора; в невозможность офицеру уподобиться поручику Мировичу, который в 1764 году попытался освободить из Шлиссельбургской темницы свергнутого и заточенного императора Иоанна Антоновича и добившегося лишь того, что узник был умерщвлен стражею. Если обычный тюремщик убил Иоанна, во исполнение инструкции, данной из Санкт-Петербурга, то слуги двух дьяволов — Сатаны и Ленина — не остановились бы перед убиением Царя и Его Семьи при малейшей возможности, что будут освобождены ворвавшимися в Ипатьевский дом офицерами. Попытка стать цареосвободителями неминуемо привела бы к цареубийству.

Царь, рожденный в день памяти Иова Многострадального, был обречен, Россия была обречена и офицер, верно несший „службу Его Величества", был обречен — судьба лишила его этой службы, лишила его Его Величества и лишила его возможности послужить, хотя бы собственной смертью, освобождению Его Величества.

Офицер русский не оправдывается — перед Богом оправдается или будет осужден — мы только восстанавливаем в памяти то, что нам кажется исторической правдой и что забывают люди короткой памяти и чего не знают люди, возмужавшие после страшного года России.

В тот год для офицера началось роковое сиротство. Офицер ярче и сильнее, чем принадлежавшие к прочим груп-

пам и категориям населения России, чувствовал в Царе Отца Державного и с большей мукой, чем все прочие, пережил уход из жизни Державы Отца Державного.

Невзирая на всю, если можно так выразиться, черствость офицерской службы, нормированной до мельчайших подробностей уставами, приказами и от предков унаследованными традициями, офицер видел, сознавал и тепло ощущал в Царе Отца. Офицерские дети воспитывались в кадетских корпусах и институтах для благородных девиц, воспитывались на казенном иждивении, а офицер считал — на Царский счет, на иждивении Отца Державного. Верхом на коне Государь объезжал полки, идущие в Действующую Армию, и благословлял их иконою — благословение Отца. Государь посещал военные госпиталя, полные раненых, доставленных с полей битв, и разговаривал с выздравливавшими и умиравшими — слезы видны были на глазах Отца Державного и эти слезы делали его в этот момент как бы родным отцом этого раненого воина.

Помню рассказ одной сестры милосердия: „Царь вошел в мою палату, обошел раненых, задавая вопросы и — глаз у Него был опытен в распознавании тяжело-раненых — остановился у кровати близкого к смерти офицера. Царь спросил: „Какое ранение?" Доктор, растерявшийся от присутствия Императора, замедлил с ответом, а я, по своей юности, осмелела и сказала, доложила, как тяжело ранен этот офицер. Император взял у одного из чинов свиты иконку и протянул ее мне со словами: „Положите ему на грудь". А я возьми да и воскликни: „Ваше Величество, положите Сами — он будет счастлив!" — „Вы думаете?" — сказал Государь, улыбнувшись мне глазами и, благословив раненого иконкой, возложил ее на грудь ему — тот осознал происходящее и просиял от радости".

В одном госпитале Император остановился у постели тяжело-раненого офицера. Спросил его, при каких обстоятельствах был ранен. Тот рассказал, как вел свой батальон в атаку, прорвался через окопы, взял несколько пулеметов. „Какую награду вы за этот бой получили?" — осведомился Государь. — „Только Высочайшее благоволение", — искренно, но бестактно ответил офицер. Государь же улыбнулся... Эту

Августейшая Семья среди персонала полевого госпиталя

награду офицеры, конечно, ценили, но „популярностью" она не пользовалась — ее на грудь не нацепишь, ею не удлинишь колодку полученных боевых орденов. В Великую войну было столько сражений, столько подвигов, что уже к 16-му году кадровые офицеры получили все существовавшие боевые орденские знаки (тем более что награждали не только за отличие, но и за участие в боях того или иного периода). Вместо учреждения новых орденов или новых степеней старых орденов, стали награждать Высочайшим благоволением, наградой почетной, но невидимой: офицер, получивший два-три Высочайших благоволения, имел на груди не больше орденов, чем тот, кто этой награды не получил. Поэтому раненый сказал свое „только", на что Государь отечески-ласково улыбнулся.

Сознание офицера, что Император — Отец Державный, выражалось еще и в том, что мы Его не осуждали — как не осуждает почтительный сын своего отца — за неполадки в Армии мирного военного времени и за то, что иной раз бывало хуже неполадков. Как простой крестьянин был уверен, что „жалует Царь, да не милует псарь", что Царь милостив, а баре, господа, между Царем и ними стоящие, неправду делают — так и офицер не винил Императора за интендантскую скупость в отношении солдата, за нехватку военно-технического оборудования войска, за нищенское офицерское

жалование, за садистскую свирепость генерала Сандецкого, Командующего Войсками Казанского Военного Округа. Винили этого генерала, винили иных генералов поименно, винили их под собирательным наименованием „начальство", но до Царя упрек офицера не подымался, потому что он не сомневался в благорасположении, в благонамеренности Отца Державного и понимал бессилие Самодержца против системы, рождавшей легкомысленных (если не хуже) Сухомлиновых, невежественных Брусиловых, самодурных Сандецких.

Неправдой было бы сказать, что система, на которой базировалась наша Армия, была порочна, плоха, но в ней не были — за недостатком времени или за недостатком надлежащих людей — устранены все дефекты, обнаруженные Японской войной. Офицер верил, что Император методически и настойчиво шел к усовершенствованию этой системы. Поэтому остававшиеся в ней дефекты не создавали ни малейших дефектов в нашей офицерской любви-преданности Отцу Державному, Царю Николаю Александревичу.

ДЕРЖАВНОСТЬ ЦАРЯ

В разгар Русско-Японской войны (в 1905 г.) меня — тогда юношу — спросил пожилой крестьянин, работавший в нашем имении:

— „Панычу, а чи правда, що наш Цар с опоньцями воює?"

— „Да, Опанас, воюет, сильно воюет".

— „Боже, помагай!" сказал Опанас с таким же спокойствием, с каким он эти самые слова произносит, проезжая в поле мимо пахаря или мимо косаря: раз человек пашет или косит, значит, пришла пора пахать, косить, а Божия помощь не минует этого пахаря или косца. Раз наш Царь воюет, значит, надо воевать (а почему и для чего, Он знает, на то Он и Царь), в Божией же помощи Царю не может быть сомнения.

Ровно через десять лет я был в числе офицеров дивизии, наиболее отличившейся и наиболее пострадавшей в страшных оборонительно-отступательных битвах против „фаланги" Макензена: на восточный берег Западного Буга (где удалось на несколько недель задержаться) ее четыре пе-

хотных полка отошли в численности, меньшей одного полка; а эти отошедшие, уцелевшие офицеры и солдаты были до духовного и физического бессилия измотаны сражениями у Перемышля, Мосциски, Вишеньки Вельке, Бонува, Желдеца, Жолкиева, где вражеская тяжелая артиллерия живьем засыпала на дне наших окопов целые взводы, а наша легкая артиллерия отвечала жиденьким огнем, вследствие недостатка снарядов. Из нас никто не произносил слова „Конец!", никто не говорил, что война проиграна, но потухший блеск наших глаз и без слов говорил это.

И вдруг приходит весть: „Его Императорское Величество изволил вступить в Верховное командование".... Раз Сам Царь пришел к нам, чтобы воевать, то — „Боже помогай." и Бог, Царь Царей, поможет нашему Царю.

Что сходного между тем Опанасом из деревни у истоков речки Кодымы и мною, штабс-капитаном великолепной 15-й Артиллерийской бригады. Почему я так же уверен в правильности решения Государя продолжать войну, как Опанас был уверен, что война с „опоньцями" была нужна. Бедному, темному Опанасу, лишь на второй год войны узнавшему, что идет война (всеобщей мобилизации тогда не было и поэтому многие уезды не чувствовали войны), легко было произнести с надеждой и уверенностью свое „Боже помагай!" А мне? Надо мною уже пронеслись недели нашей беспомощности против бое-технической мощи германцев; я уже был у предела сил и даже за пределом надежды на победу; кроме того я знал, что Государь — не стратег, что Он откомандовал батальоном, не больше, поэтому у Него нет навыка в руководстве армейскими массами; по высшим этажам военной науки Он прошел только теоретически и не упражнялся в практическом приложении принципов оперативного, стратегического искусства... И тем не менее, я, с обновленной силой воинской души, с воспрянувшей надеждой произнес Опанасово „Боже помогай!"

Произнес, поверил, уверился, окреп, не анализируя — почему и отчего? Лишь потом, спустя годы, стал анализировать.

Император Николай Александрович не прибег к какой-либо позе, как Александр I, произнесший фразу: „Отрощу

себе бороду... но мира не заключу" (смешновата была эта поза: для сплошь бородатого, кроме аристократии, народа не было геройства в отпускании бороды). Нет, наш Царь просто объявил, что стал Верховным Главнокомандующим и это психологически подействовало на Армию и на народ: в них возродился дух. Потому возродился, что Армия и я, маленький в ней офицер, и, вероятно, тот Опанас в нашей деревне и весь наш русский народ ощутили в решении, в поступке Царя державность.

Сейчас в некоторых кругах подчеркивают, что Российские Императоры — Помазанники Божьи. Мне кажется, что народу не очень понятна была такая высокая мистика режима. Народ понимал его проще: народ не сомневался, что „Бог правду видит", Свою, Божескую, а Царь правду скажет, Свою, Царскую. Правда же царская заключалась в Петровых словах „а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии".

Пусть ряд наследников Великого Петра не держался этих слов, пусть Екатерина II и Александр I были несколько эгоцентричны, чтобы вполне держаться этих слов, но последующие императоры могли правдиво сказать: „О Николае ведайте"... „Об Александре ведайте...", „Об Александре ведайте...", „О Николае ведайте..." От всех их, от каждого их поступка, от каждого их слова веяло державностью, то есть полной слитностью Царя и Державы, полным самоотречением Царя ради службы, служения Державе. Отжило свой век понятие, что государство — собственность, царя, как бы его вотчина. Цари не стали собственностью государства подобно конституционным королям. Цари слились с государством своим служением ему: Царь и Держава слиты державностью Царя.

Это ощущалось в торжественных словах манифестов, в тоне указов и рескриптов, в речах государевых, обращенных к являвшимся депутациям или сказанным тем, кто удостаивался аудиенции. Как ни различны были внешние облики и характеры, уровни державной воли и ее направления Императоров Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, но от них веяло державностью. Это чувствовала Армия на Высочайших смотрах, народ, издалека съезжавшийся, сходив-

шийся, чтобы приветствовать Государя в Его путешествиях по Земле Русской.

Интеллигенции внушали хулители, что Николай Александрович всего на всего „маленький полковник", но и вольнодумные интеллигенты с изумлением ощущали при встречах Царя с народом, что этот небольшого роста в военном мундире офицер величествен походкою, сдержанностью жестов, вескостью слов и лучезарностью глаз, обладавших способностью одновременно многих воинов в строю или многих людей в толпе озарять ласковым взглядом. Этот взгляд сливал душу народа, душу Державы, с душой Царя. И войско и толпа, с интеллигентами в ее толще, приходили в восторг, в экстаз, восхищенные Царем, его зримым ореолом царственности и незримым сиянием державности.

Может быть легко, может быть трудно было царям XIX века нести бремя державности, но для Императора Николая II оно было исполинским, если верно, что Государь уже смолоду был под впечатлением недоброго омена — рождением в день памяти Иова Многострадального; если верно, что Ему, Наследнику, какой-то отшельник в Японии напророчил трагическое царствование и трагический конец; если верно, что Ходынка в коронационные дни стала для Его Величества предвещанием бедствий в годы правления; если верно, что Преподобный Серафим оставил письмо, адресованное „Царю, который посетит Саров" и врученное Императору Николаю Александровичу в Его пребывание в Саровской пустыни —- в письме было — говорят — прорицание бедствий, надвигающихся на Россию; если верно что на Государя сильное впечатление производили грозные предупреждения о. Иоанна, Кронштадтского провидца. Всё это не могло не создать в Императоре сознания обреченности. А при этом сознании выполнять на протяжении десятилетий долг Царского служения России было, несомненно, мучительно. Сейчас Государю Николаю II Зарубежье дало наименование Мученик за мученический конец Его жизни, Его царствования. Но Он был Мучеником, был Великомучеником с первого дня царствования (с Ходынки) и до последнего дня (отречения во Пскове).

Каково величие души: царствовать в сознании обречен-

ности и под мученичеством безнадежности выполнять свой царский долг, нести бремя державности!

История займется перечислением ошибок, сделанных или, якобы, сделанных Государем: Дальне-восточная дипломатия, приведшая к войне с Японией и преждевременное прекращение этой войны; дарование Государственной Думы, под натиском Первой революции, и десятилетний конфликт между Властью и Думой, вследствие противоречия между самодержавием и конституцией; аннулирование договора, лично заключенного в шхерах с Императором Вильгельмом II и вступление, под давлением общественности, в Тройственное Согласие — дружба с Германией сулила России мир, связь с Англией толкала Россию в войну. Но оценят ли историки двадцатилетнее мученичество на Троне с несением долга державности, с сохранением в глазах подданных Своего ореола державности.

Когда Император Николай Александрович усомнился в Своей державности, не стало ни Царя, ни Державы.

Государь дал Своему Сыну имя Алексей. Не потому что Его сердцу мил был Царь Алексей Михайлович, Тишайший? Николая Александрович тоже был Тишайшим — Он был кроток, добр, милостив. Таким Он был на протяжении всего Своего царствования, таким хотел остаться в дни революционного вихря в феврале-марте. Николай I во главе войска пошел бы усмирять взбунтовавшийся Петроград — Император Николай II послал туда генерала Иванова с приказанием избегать кровопролития. Александр III твердо руководил бы из Ставки сражением за режим, разыгрывавшимся в столице — Император Николай II уехал из Ставки и оказался во Пскове. Там он, усомнившись, по наговору Рузского и Родзянко, в Своих силах продолжать выполнение царственного труда, не арестовал Рузского, не казнил Гучкова с Шульгиным. — Надлом державности, слом Державы!

Пусть упрекают Государя люди, не способные оценить подвиг мученичества на Троне, подвиг, совершавшийся на протяжении двадцати и двух лет. Мы же благоговейно склоняем головы перед этим подвигом, перед Царским подвижничеством, перед красотой державности Императора Николая Александровича.

Юрий Миролюбов

ЦАРСКИЙ ПОРТРЕТ

Проснулся я от веселого снопа лучей, заигравшего в глазах, и еще потому что родная Прабка Варвара пришла меня будить. Она отдернула занавеску, и в окне вспыхнул голубой, полный золотых нитей, свет, а по стенам закачались темные тени веток, листьев, то сходившихся вместе, а то — широко разлетавшихся в разные стороны. — „Вставай, детка! Вставай, милый!" — сказала Праба: „На дворе — солнышко, птички поют, петухи кричат, лошадки ржут, а котик уже мордочку умыл и сидит, тебя дожидается, так ласково мурлычит! Он ведь тебя любит!" Я окончательно проснулся. Как же! Если птички поют, цыплятки бегают, и кошка на них посматривает, а может, и облизывается.. Надо вставать!.. Быстро помылся, с помощью Прабки, оделся, а потом она меня причесала, и вот, я сам, малыш трех большущих собственных годов, полный безудержной жажды что-то делать, куда-то лететь, что-то есть, что-то пить... — „Сначала помолимся Богу? Говори: „Господи, помилуй маму, папу, меня малого, Царя нашего, русского, всех людей наших, всех чужих людей!..." Вот, так! И еще скажи: „Господи, помилуй братьев моих, тетю Анну, дядю и еще дядю с тетей! Господи, помилуй Прабку!" Я повторил все слова и прошептал: „и кота Ваську!..." Тут Праба меня подхватила на руки и внесла

в столовую, где находились все за чаем. Папа, мама меня ласкали, усаживали, наливали чаю, клали на тарелочку земляничного варенья, давали каких-то, Боже мой, каких вкусных крендельков... Потом день полетел, покатился кубарем, одно событие сменяло другое, ходили и бегали цыплята в траве, пищали, клоктала квочка, кот Васька на них посматривал, но недовольно прижимал уши. Ему бы хотелось попробовать цыплятины, да кругом люди были, а кроме того, и у квочки клюв твердый! Долбанет, взвоешь от радости! А уж Васька об этом знал как-то. Летали, садились, прохаживались голуби, опять взлетали, свистя перьями, заметая крыльями еле заметную пыль. Они весело ворковали, клевали крошки на земле и не обращали на Ваську никакого внимания. Пришел с кнутом наш кучер Михайло, что-то говорил Прабке, из чего я понял только, что сегодня привезут что-то из города. Прабка сидела в кресле, на солнышке и разбирала пряжу, а мама с тетей раскладывали на столе, стоявшем в глубине веранды, цветистую материю. Потом тетя ее резала ножницами. Прибежала и завладела мной моя няня, Танька, девченка лет пятнадцати. Это была моя любимица. Ее и все в доме любили, такая она была ловкая, радостная, услужливая! Она меня потащила в сад, где было полно цветов, летали пчелы, оглушительно пели щеглы, малиновки, овсянки, скворцы и даже воробьи, пощелкивавшие как-то необычайно звонко. Танька меня таскала по саду, бегала от меня, пряталась за деревья, а потом хватала меня в объятия, прижимала к сердцу, целовала. Я и сегодня помню мою милую няньку. От нее я был просто без ума!

Весна была уже в полной красе: яблони, груши отцвели. Вокруг веранды да и на ней самой цвели красные, белые, желтые капуцины, малиновые флоксы, майоры, табак, краснели герани и зацветали разноцветные вьюнки, желтели тажеты. Мы бегали с няней в палисаднике, то поближе к цветам, то подальше, за вишнями, на которых уже чуть краснели ягоды. Потом я очутился на веранде, орудовал кубиками, показывал няньке, та — хвалила, что-то шила, напевала тоненьким голосом. Все что-то делали. Мама с тетей шила платье. Михайло водил коней к колодцу, а подслеповатая Мавра гонялась за теленком на огороде. Прабка сидела в кресле, но и

она что-то вязала. Приятный, ласковый и радостный ветерок задувал на веранду, и Прабка, крестясь, шептала: „Господи! Какая хорошая погода...”

Время шло к обеду, потому что Прабе принесли чашку кофе. Она всегда перед обедом выпивала кофе.

Тут поднялся собачий лай, шум, послышались окрики мужиков. То — привезли покупки из города. В доме поднялась суета. Входили и выходили люди. В залу вносили длинный ящик, толкали двери, стучали сапогами. По полу виднелись ленты рогожи, клочки шпагата. Михайло с топором, щипцами и молотком под мышкой, прошел, скрипя сапогами, в залу же. В зале поднялся стук. Входили и выходили новые люди, и наконец послышалось: „Царский портрет!.. И... как живой!... Господи!.. Царь-Государь..."

Наконец, перед самым обедом нянька не вытерпела, взяла меня на руки и прошмыгнула в залу. Там, на боковой стене, против окон, где качались пышные купы сирени, висел большой портрет Государя. Я в первый раз видел его таким большим, нарядным, в мундире. — „Няня, почему же Царь такой?" — спросил я. — „А вот, потому!" — ответила она: „И ты — смотри, и не спрашивай! А он, вот, как Бог дал, такой и есть! И наше дело молиться Богу и слушаться Царя!".. Я помню, до вечера над этим думал, и не мог понять, а вечером Прабка подтвердила: „На небе — Бог, а на земле — Царь, а потом уже все остатние!" Она вздохнула: „Ты же — дитя малое, еще не знаешь, как всё на свете. Людей много, и каждый своего хочет, а Царь — один, как перст, Он один за всех стоит! И нет ему ни минуты покоя! Молись за него!" И вот, помню, что твердо решил за него молиться. Как же! Он ведь, один за всех. Мне так и казалось: стоит Царь, и Он —один, а по другую сторону стоят все люди. И то, что сказала нянька, так и быть должно. Я даже не думал, что можно спросить: — „почему?" Просто, раз сказано: „Царь", то этим решено всё, и никаких вопросов не могло быть.

Кричали петухи, лаяли собаки, ржали кони, мычали телята и отчаянно щебетали и свистали птицы. Разноцветные голуби взлетали в небо, садились на крышу, ворковали, спускались на веранду, ходили вокруг меня. Я уже был на веранде, складывал кубики. Голуби меня не боялись. Кот Васька появлялся, но сейчас же и исчезал. Кругом было столько птичек! Большой пес, важный сэн-бернар, по имени — Гектор, сидел в углу, смотрел на меня, или, вздохнув, уклады-

вался поудобнее. Солнышко его согревало, и старый пес дремал и блаженствовал. Всё кругом было полно радостного тепла, света, мира и любви. В моей голове, однако, шла большая работа. Я думал о Царском портрете, и — что Царь один стоит за нас, а мы все отдельно, и вдруг мне пришло в голову: если он — за всех стоит, то как же мы? И мы, тогда, выходит, должны все стоять за него! — и не помню уже, как мне это отвечали взрослые, но все почему-то очень обрадовались, точно сами додуматься не могли...

Кучер-Михайло, живший в коморе, возле коней, где у него была чистая, деревянная кровать, одеяла, кожухи, хлебная печка, весело горевшая, медный, в потеках, самовар, сундук, лавица и стулья и многое другое, — меня одобрил целиком: „Царь за всех стоит, и все за него должны! Помереть должны, если скажет! Помереть, и — никаких гвоздей!" и важно добавил: „А что, вот, ты сам до этого дошел, это, брат, молодец! И — никого не слушай! Так оно и быть должно. А за это мы седни чаю с клюковеным вареньем попробуем сладкого! Как же, мы же — молодцы такие!" и он сейчас же взялся за самовар, и когда тот закипел, заварил, достал банку варенья, полученную от Прабки, она всегда его снабжала чаем — сахаром, и поставил всё торжественно на столец. Михайло всякое горе, всякую радость сладким чаем запивал. Потому — ни горе, ни радости у него долго не затягивались. Попили чайку, и — горя нет. Мужик он был добрый и уважительный, и я его очень любил. И теперь, попив с ним чаю, я побегал по двору, а тут скоро и обедать позвали. За обедом я имел необычайный успех, Перво-наперво, потому что громко сказал: „Теперь самое время дегтем хомуты смазать!" а во-вторых, что — „За Царя все помирать должны!" Только тетя одна и возразила: — „у кучера премудрости набрался! На конюшне-то!" но Прабка сейчас же ее остановила: „Во-первых, Михайло серьёзный мужик! Ты уже его не трогай! А во-вторых, он в Бога верит и дедовщину поважает... А ты из города приехала, так думаешь, не узнали? Сама еще недавно под стол пешком бегала!" — Тетя так и не рискнула что-либо возразить. Прабка была крутой боярыней в доме: все ее побаивались. Даже и отец, которого она вынянчила, и тот остерегался с ней спорить. А уж кого она любила, так, бывало, на голову становись, не выдаст!

— „Вот, что:„ — сказал отец: „Тебе, малыш, пора уже по-настоящему молиться. Завтра начнем!”

На другой день утром отец меня увел в залу, поставил перед иконами, и говорил слова молитв, а я должен был их повторять. После он меня подвел к Царскому портрету и сказал: „— Перекрести Государя!.. Так!.. А теперь поцелуй ему плечико!” — что я и сделал с усердием, и так мы стали делать каждое утро. Помню, что я отлично понимал, зачем я это делаю. Царь ведь, один стоит за всех. В тот же день Михайло, по приказу Прабки, „ставил Хозяину страву”, и Домовой ее принял. Я получил от Михайла все убедительные доказательства, что наш домашний Хранитель действительно существует. Я верил в него, как в деревянную чурку, которую держал: вот, она! Она деревянная, здесь, в руке, и никуда не денется. Я ее вижу, чувствую, и держу, так верил я в Домового. Только в училище уже, в городе, и то — после годов ученья, перестал я верить.

Между тем, с утра того же дня стали заходить к нам люди, чтоб посмотреть на Царский портрет. Мы их принимали, а они, став у портрета, смотрели, крестились, кланялись, уходили. На их место являлись другие. Один дед стал на колени, перекрестился и поклонился Царю до земли. Михайло, которому я сейчас сбегал рассказать, разъяснил: „А это он потому, что перед Царем и Богом — все грешны!”

В саду еще цвела буйная поздняя голубая и белая сирень. Ее уже сменяли махровые жасмины. Великолепные заросли капской фиалки по ночам опьяняюще пахли. Все цветы уже цвели. Всё в доме пахло цветами. Тетя Анна вздыхала и говорила: „Боже мой, до чего у вас красиво! Я бы и не уезжала совсем”. Между тем, люди продолжали приходить, смотреть на Царя. Многие вздыхали, молились, другие шептали про себя, точно сообщали Государю про свою жизнь крестьянскую, горести и радости. Наши родители всех ласково принимали. Бывало, что и смеялись от души. Да и как было не смеяться! Пришла одна баба с ловким, подтянутым парнем: „Это мой старшенький!” — рекомендовала она: „Дома — еще двое. Вдова я. Билась, билась с ними, пока вырастила.... Пришел, вот, старший со службы... Да, такое говорит... Кто же его знает! Будто самого Царя бачив!.. Ну,

и не знаю. Он же — Иван мой! Можно ли верить! А може он... украл что-либо, а нам теперь брешет?" — и расплакалась: „Подумать, Царя видел... Ой, лишечко ты мое, сирота, без батька рос... Да, разве ж можно, чтобы Царя видеть?" Отец расспросил солдата. Тот, оказывается, в Крыму, при Государе, караульную службу нес. -— „Так, что же ты, мать родная, на собственного сына клевещешь? Ну, и нюни развела! Утирай же поскорей твои слезы, да пойдем, чаю с лимоном выпьем!" и привел их в столовую. На этот раз баба с сына сияющих глаз не сводила. Поверила -— таки! Он же оказался и почтительным, и любящим. Однако, как же это? Чтоб своими глазами Царя видеть? Разве ж это можно? И отец не без труда убеждал бабу, что Царь ведь тоже человек, и его так же можно видеть, и говорить с ним, как со всяким...

Конечно, мне об этом мама рассказала, когда я уже был в Университете. Однако, и сам я видел, что в народе к Государю не простое отношение, как к правителю государства, но что в него как бы в е р а , что ли, есть, и уж во всяком случае, люди на него смотрят не как на человека. В Царя, пожалуй, как бы в е р и л и . Недаром, осуждая кого-либо, народ говорил: — „Да, что-там... Он в Царя-Бога не верует!" Этим говорилось всё. Негодный, мол, человек.

Годы шли. Прабка болела ногами, и сидела по целым дням в кресле. Она меня заставляла ставить каждый день свежие цветы на столике, у портрета Государя: — „Надо же!" — говорила она: „Это ведь наш Царь-Государь. Какого дал нам Господь, такой и есть. А мы должны его поважать! Без Царя жить нельзя. Ежели кто и скажет, что можно, плюнь ему в глаза! Врет, негодяй!" И когда, зимой, не было цветов, она горшок герани ставила: „— Пусть, хоть зелененькое что-то будет. Боже, помогай Царю нашему! Ему трудно с людьми управляться. Все они — врут, все — кланяются, а сами русскую Землю продать готовы". Кучер Михайло объяснил: — „Русская Земля?.. Пойдем!" и выведя меня на огород, взял горсть земли в руку, сжал ее в комок, понюхал и произнес: „Да... Вот, она наша земля и Царь ее бережет! А ты думаешь, русские сами бы ее уберегли? Гэ! Врагов, брат, много. Не будь Царя, в клочья бы разодрали". Это я запомнил твердо, и когда началась Русско-Китайская война, всем

сердцем хотел быть сам на войне, чтоб защищать Русскую Землю. Тем временем, и война кончилась. Тут я поступил в Училище и уехал в город. Сначала было тоскливо среди чужих, но скоро привык и к этому. Праба старела. Вскоре, к моему горю, она скончалась. Вспыхнула Японская война. Я тяжело воспринимал эту войну и сердился на Куропаткина. Зачем он все время отступает? И никто в народе не понимал как можно все время отступать! Отец говорил: „Не нашего ума дело! Если Государь прикажет, Японию всё равно разобьют!"

Некоторые солдаты вернулись с войны, так рассказывали: — „Под Ляояном, значит, было сказано, чтоб японца не пускать. Так он всё в атаку лезет, раз за разом. Мы его штыками сковырнем, а он опять в атаку!.. Мы его, можно сказать, как мыша давим, а он всё лезет!... И тут кто-то в Первом Сибирском запел — „Боже, Царя храни!.." да как дошло до — „сильный, державный!.. на страх врагам!.. — и все поют, весь фронт! Я тебе скажу, кто ни был, все, значит! Мороз по коже пошел!... Дрожим все, и наши усилились, стену держут, и уже тебе никакой враг, ни — японец, никто побить не сможет... Так они значит, спужались, залегли, командиры с места сорвать не могут!.. Сам видел, как офицеры ихние сашками по головам били, а япон, значит, на месте мрет, а против Руса не лезет... Покуда вся Расея петь не кончила, все лежали!.."

Отец объяснял: „обычная жизнь — одно, а Царь и „Боже, Царя храни" — другое, Каждый день была война, давали патроны, стреляли, рыли окопы, раздавали рис, палатки ставили, ходили в атаку, наступали, отступали, уходили от врага, и вдруг, стоп! Сейчас уже не будеть, а что-то новое!" Боже, Царя храни!" — пою. Что это? Может, наступление? Может, победа? А может, и сам Царь на фронте? Говорили же, что левее видали Царя! Он шел под пулями врага, невредим, и где-то теперь здёсь... — „Боже, Царя храни" — это уже отпор врагу. Видели Царя! Значит, стой, братья! Ни — с места! Довольно отступали..." Я слушал, и мне казалось, что я вижу Государя именно таким как на портрете, в зале, и что он внимательно смотрит на Русские позиции, и медленно идет вдоль фронта. И если я его видел таким, то и

другие видели. Ведь то были Русские солдаты! Но не только мы, русские, смотрели так на Царя! Не только мы видели в нем человека, отмеченного Богом, и которого уже ничто человеческое, и особенно человеческое, не касалось. В Первую мировую войну Турки военнопленные, на допросе, когда спросили: „Видели как ехал по ущелью Царский автомобиль?" — отвечали: — „Видели." — „Отчего же не стреляли по нему?" — „Да, разве ж можно стрелять в Белого Царя?" — отвечали они как бы в испуге. И это были вражеские солдаты!

К чести Русских, надо всё же сказать, что ни у одного из них рука не поднялась против Царя. Русские его оставили. Среди цареубийц ни одного русского не было. Убили Царя и его семью чужеземцы.

Но еще во время первой революции 1905 года отец сказал: — „Люди злы! Государь первый хотел бы перестроить все в России, но им ведь не это нужно! Они хотят крови, бедствий, потрясений..."

Пришла Первая мировая война, а за ней и революция с Гражданской войной. Я должен был уехать заграницу. Началась эмигрантская беда. Часто вспоминал я Царский портрет и думал, как несправедливо обошлись люди с покойным Государем.

Один русский пленный в Бельгии рассказал мне в часы Второй мировой войны: "А покойного Царя видели!.. При отступлении, возле Киева, а потом у Смоленска... Он всегда появлялся в трудную минуту! Солдаты боялись вражеских налетов, ну, так Царь показывался народу и направлял движение куда-либо, где бывало безопаснее... Никто не мог сказать точно, где и когда, но — видели!.. Он показывал руками, чтоб спокойнее были, чтоб не боялись, и всегда с такой добротой.." А один колхозник прямо говорил: „Молился ему народ! Куда пойдешь? Кому скажешь? А ему, Царю русскому помолишься, поплачешь, и на душе легче станет..."

Сербская церковь причислила Царя с Семьей к лику святых. Люди молились перед благостным ликом: — „Ты, русский Царь, познавший все беды и несчастья, преданный твоими вельможами, обманутый изменниками и подлыми людьми... Моли Бога о нас, грешных!" А скоро и Россия скажет:

„Царю наш благий, милостивец Никола-Государь, моли Бога о нас!"

***

Я написал Царский портрет, как его сам вижу и чувствую. Он среди жизни нашей, в доме, окруженном цветущим садом, где мои близкие, где наша жизнь текла, он — часть этой жизни. Как же забыть про него?

Екатеринбургская Годовщина

О Них, о мертвых панихиды,
Кадильный дым, огни свечей...
О Них стерпевших все обиды
От беспощадных палачей.
О Них, в безвестности печальной
Нашедших страшный свой конец,
И в самой гибели бесславной,
Создавших редкостный венец.
Те дни их, полные лишений,
Есть подвиг дивной красоты.
Их память выше сожалений
Людской, изменчивой толпы.
И мнится мне при звуках пенья
Не смерти властвующей вид,
Не вопль последнего мученья,
А светлый праздник Воскресенья
В словах печальных панихид.

Михаил Николаевич ШЕРЕМЕТЬЕВ
кап. Русской Импер. армии,
кавалер Орд. Св. Георгия.

ПАМЯТИ МУЧЕНИКОВ

На Урале есть шахты забытые.
Вспомним их с непокрытой главой.
В них исчезли Царевны убитые.
СО СВЯТЫМИ ТЫ ИХ УПОКОЙ.

Души русской нежданны излучины,
Не найти и могилы нам той,
Где лежит Цесаревич умученный.
СО СВЯТЫМИ ЕГО УПОКОЙ.

Государыня — мать убиенная,
Страшно кончила путь свой земной,
Где нет боли, где радость несменная,
В МЕСТЕ ТИХОМ ЕЕ УПОКОЙ.

Ты яви свою благость извечную,
Об одном лишь молю, БОЖЕ мой:
Утоли нашу скорбь бесконечную,
СО СВЯТЫМИ ЦАРЯ УПОКОЙ.

Тех, кто были всегда верноподданны,
Кто пожертвовал честно собой,
Чьи тела все штыками изодраны, —
ДУШИ ГРЕШНЫЕ ТЫ УПОКОЙ.

ИЗ ПОЭМЫ АДЕРКАСА

Не в Петропавловском соборе
В рядах гробниц других царей,
Не в пышном траурном уборе
При свете трепетном свечей,

Царь Николай Второй с семьею
Почил до страшного суда.
Его с могилою иною
Венчала горькая судьба.

Зимой над нею вьюга взвоет,
Сугробом снега заметет,
Весной ее кустарник скроет
И след травою зарастет.

Взамен священных песнопений,
В созвучьях скорбных панихид,
Взамен рыданий и молений
Суровый лес вокруг шумит...

Лети же птицей быстрокрылой
Скорбь неизбывная с мольбой
И там, над брошенной могилой
Шепни — „С святыми упокой..."

В. Каменский

О ГОСУДАРЕ ИМПЕРАТОРЕ
(Разные заметки)

Слово, сказанное О. Василием Шустиным в церкви в Каннах, перед панихидой по Государе Императоре, накануне дня Его Тезоименитства, 18 декабря 1967 года.

„Покойный Государь Император, Николай II", — сказал Отец Василий, — всю свою жизнь старался быть миролюбимым и хотел, чтобы и все народы и все окружающие Его жили бы между собою в мире.

Когда покойный Государь приезжал со Своей Августейшей Семьей заграницу — как Их встречали иностранцы, какие овации, возгласы и почести были Им оказаны. И теперь, когда Господь Бог призвал Его и Его Семью к Себе, чтобы Они молились бы за нас и за нашу родину — эти же иностранцы обливают чистую память Их всякой клеветой и ложью и никто не помянет добрым словом нашего Царственного Мученика.

„Я уверен, — добавил О. Василий, — что за клевету на земле — Они все получат награду на небе и большое дерзновение в молитве за нашу родину для ускорения освобождения ее от сатанинской власти".

Записано со слов дочери Капитана II ранга П. А. Геринга, Аллы Петровны Аладьиной.

„Во время пребывания Царской Семьи в Крыму, что обычно бывало осенью, офицеры Черноморского Флота приглашались по очереди в Ливадию к Высочайшему завтраку.

В один из таких завтраков, мой отец получил тоже приглашение. Приглашенные рассаживались за столом согласно заранее разложенным карточкам, с указанием чина и фамилии.

Наследник Цесаревич, которому в то время (1911 г.) исполнилось 7 лет и который, как известно, обладал живым и игривым характером, увидя на приборе моего отца карточку с надписью: Капитан II ранга, попросил у моего отца карандаш и зачеркнул им цифру II, заменив ее цифрой III (ранга) и подписал „Алексей".

Эту милую шалость заметил Государь, который подошел к моему Отцу и также мило сказал:

„Алексей, вероятно, хотел произвести Вас в следующий чин, а на самом деле вышло наоборот!"

К сожалению эту историческую карточку не удалось сохранить и вывести из Сов. России и она очевидно пропала.

Из воспоминаний ген. А. А. Мосолова
(Еженедельник Высшего Монархического Совета № 19 от 19 декабря 1921 года)

Начало войны. Осень 1914 года. Государь прибыл в Двинск и обходит обширный военный госпиталь, разговаривая со многими офицерами и солдатами. Мне запомнилась одна беседа, на которую обратили внимание тогда все окружающие Его Величество.

Перед Государем запасный рядовой 157 пех. полка Степан Кузнецов. Он тяжело ранен в голову. Лежит мертвенно бледный с воспаленными глазами. При приближении Его Величества стремится немного подняться и как-то напряженно, радостно смотрит на Царя. Затем, когда Государь подошел совсем близко к Кузнецову и остановился, послышался слабый, протяжный голос раненего: „Теперь легче стало. Прежде никак не скажешь. Ни отца, ни мать позвать не мог.

Имя Твое Государь, забыл. А теперь легче, сподобился увидеть Государя". Затем помолчал, перекрестился и добавил:

„Главное, Ты не робей; мы его побьем. Народ весь с Тобою. Там, в России, братья и отцы наши остались".

Эти слова, простого рядового из крестьян Владимирской губерний, Меленковского уезда, деревни Талонова, по роду занятий деревенского пастуха, глубоко запали в душу всех, кто слышал этот разговор.

Государь передал Георгиевский крест Кузнецову. Тот перекрестился и сказал Его Величеству: „Спасибо, благодарю. Поправлюсь, опять пойдем сражаться с Германцами".

Кузнецов был так растроган свиданием с Государем, что говорил даже не как солдат, а как простой русский человек, потрясенный свиданием с Царем. На Государя слова раненого солдата произвели сильное впечатление. Его Величество присел на кровать Кузнецова и ласково сказал ему:

„Поправляйся скорее; такие люди нужны Мне". Кузнецов перекрестился, взял руку Государя и поцеловал ее и даже погладил и вновь сказал: „Ты не робей, побьем его!"

Не раз затем Его Величество вспоминал свою беседу с Кузнецовым и говорил, что Он особенно запомнил эти простые, полные любви слова к Нему и к России.

„Он так утешил Меня" говорил Государь.

Там же:

Государь возвращался с охоты. Его, запряженная тройкой, коляска въезжала на обширный двор Скерневицкого дворца. У самых ворот, какая-то старушка, быстро отделившись от толпы, бросилась на колени, размахивая прошением. Лошади испугались, подхватили и понесли по направлению ко дворцу. Казак Конвоя Его Величества, ординарец Государя, стоявший у подъезда, бросился навстречу лошадям, ухватился за поводья коренника и остановил тройку. Всё это произошло в несколько мгновений.

Когда я подъехал во второй за Государевой тройке, Его Величество уже вышел из экипажа и спокойным голосом расспрашивал ямщика, почему испугались лошади. Узнав, что казак остановил лошадей, Государь приказал позвать его, но оказалось, что его снесли в приемный покой.

Обратившись ко мне, Государь сказал: „Отнесите ему сейчас подарок от Меня и скажите, что завтра Я сам приеду поблагодарить его за молодецкий поступок". Направляясь ко Дворцу и отделившись от сопровождающих, Государь снова позвал меня.

„Пойдите и узнайте, какое прошение это старушка хотела мне подать и присмотрите,... чтобы.... полиция...." Государь как бы запнулся, видимо, подыскивая подходящее слово, я позволил себе досказать: „не перестаралась"; Государь улыбнулся, доброю, незабвенной для меня, улыбкой и сказал: „Вот именно".

У ворот я нашел старушку, окруженную толпой и полицией, взял у нее прошение о пособии, приказал проводить ее домой и на другой день прислать ко мне за вспомоществованием.

Казак был только ошеломлен сильным ударом и отделался легкими ушибами.

На следующий день он явился на службу и получил из Собственных рук Его Величества золотые часы с вензелем Государя.

Воспоминания Начальника Канцелярии Министра Императорского Двора Генерала А. А. Мосолова.

Канонизация Преподобного Серафима Саровского была назначена на середину июля 1903 года и Их Величества решили к этому дню прибыть в Саров.

Из Петергофа Их Величества выехали в Царском поезде 15 июля и прибыли 17 июля, утром на особо для Них устроенную платформу близ города Арзамаса, Нижегородской губерний. Там ждали Их экипажи, запряженные четверками, в которых, мы и тронулись в путь...

По всей дороге и особенно, начиная от границы губернии, на десятки верст, тянулись огромные вереницы народа. Говорили, что помимо окрестных жителей, со всех концов России в Саров прибыло около 150.000 чел.

Прибытие в Саров было удивительно торжественно. Колокольный звон, множество духовенства, толпы народа около Государя... Вечерня... На другой день самый чин Про-

славления тянулся $4\frac{1}{2}$ часа. Удивительно, что никто не жаловался на усталость, даже Императрица почти всю службу простояла, лишь изредка присаживаясь. Обносили раку с мощами уже канонизированного Преподобного Серафима три раза вокруг церкви. Государь не сменялся, остальные несли по очереди...

В день нашего отъезда, Их Величества посетили скит святого и находящуюся близ него купальню, расположенные в полутора верстах от монастыря. Государь и вся свита шли пешком, только Императрица ехала в небольшой коляске. Туда было проведено широкое шоссе, но у губернатора В. Ф. фон дер Лауница было не мало забот, т. к. он получил от Государя указание, не мешать народу находиться на царском пути. Организовать это было трудно и были вызваны войска. Солдаты держали друг друга за руки, чтобы оставить свободный проход для Государя и духовной процессии. В купальне был отслужен молебен, после которого, Государь со свитой, но без духовенства, отправились обратно в монастырь, из которого был устроен досчатый спуск, местами на довольно высоких козлах. Гора была сплошь покрыта народом. Губернатор высказывал опасения, что толпа, желающая видеть ближе Царя, прорвет тонкую цепь солдат и наводнит шоссе. В это время, не предупредив никого, Государь крупно свернул направо, прошел цепь солдат и направился в гору.

Очевидно Он хотел вернуться по досчатой дорожке и дать, таким образом, большему количеству народа видеть Его вблизи.

Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: „Посторонитесь братцы". Государя пропускали вперед, но толпа немедленно сгущалась за Ним, только Лауниц и я удержались за Царем. Пришлось идти всё медленнее, всем хотелось видеть, и если можно, то и коснуться своего Монарха. Всё больше теснили нашу малую группу в 3 человека, и, наконец, мы совсем остановились. Мужики начали кричать: „ не напрягайте", и мы опять подвинулись на несколько шагов. Я предложил Государю, встать на наши с Лауницем скрещенные руки и тогда Его будет видно издали, но Государь не согласился. В это время толпа навалилась спереди и Он

невольно сел на наши руки. Затем мы Его подняли на плечи. Народ увидел Царя и раздалось громовое „ура!"

Мы благополучно достигли боковых дверей монастыря, несмотря на то, что помост за нами с грохотом провалился...

Лишь тогда Государь заметил отсутствые свиты. Я пояснил, что в самом начале нас оттерли и что я видел, как граф Фредерикс упал.

Царь взволновался, но возвращаться через толпу, было невозможно. Он вошел в ограду монастыря и послал меня отыскать графа, который, как оказалось, упал и кто-то наступил ему на лицо и раздавил очки. К счастью повреждения были легкие.

Я утверждаю, что если бы тогда в густой толпе, которая чуть не задавила Государя, вырос бы под Ним из-под земли высокий конь, возвышающий Его над народом, то Царь, одним возгласом, одним повелительным мановением руки, мог повести эти сотни тысяч людей на верную смерть или на какую угодно победу.

Ф. В. Винберг „Крестный путь" стр. 198.

Один из правых членов Государственной Думы (III созыва) сблизился с депутатом от крайней левой партии (трудовиком). У них установились очень хорошие отношения, личные, основанные на взаимном уважении и общности многих точек зрения.

Как-то раз, правый депутат, в разговоре с Государем, рассказал Ему об этой странной близости установившейся между ними. Государь ответил: „Ничего странного в этом случае не вижу. Всё произошло у вас вполне нормально и естественно. Встретились два порядочных человека, и сумели освободиться от партийных перегородок. Эти перегородки всегда чрезвычайно искажают простые, искренние человеческие взаимоотношения. В результате оба оценили друг друга и, наверное, оба выиграли от своего общения, не только, как вообще хорошие люди, но и как политические деятели.

На следующий день правый депутат рассказал об этом трудовику который дико посмотрел на него и отошел, но через день, волнуясь, сказал: „Вы вчера всю душу мне пере-

вернули. Я всю ночь проплакал; какую хорошую и глубокую мысль высказал Государь. Как жалко, что мы, левые, так мало знаем. Как жалко, что мы имеем такие превратные сведения".

Из воспоминаний Генерала П. Н. Краснова

Описывая посещение Государем Императором различных частей войск, ген. Краснов пишет:

„Но когда Государь видел особенно счастливое лицо, непринужденную улыбку, первый раз стоявшего перед Ним солдата, когда строго заученные, трафаретные, уставные солдатские ответы — вдруг срывались на простодушно — интимые, мужицкие, — мягкая улыбка появлялась на лице Государя; стальной блеск, голубым огнем сиявших серых глаз — смеягчался и Государь задерживался дальше...

Смотр стрельбы. Маленький, крепкий солдат 147 пех. Самарского полка, коренастый, ловкий, на диво выправленный, стоял перед Государем. — Государь взявши его мишень, рассматривал попадания. Четыре пули можно было ладонью накрыть; все около нуля, пятая ушла вправо.

„Эх куда запустил" — отдавая мишень солдату, сказал Государь: „В седьмой номер. Весь квадрат испортил. Рука что ли дрогнула?"

— „Ничего не дрогнула, Ваше Императорское Величество; у меня не дрогнет, не бойсь... не такая у меня рука", — бойко ответил солдат.

‚Однако, пуля почему-то ушла у тебя в 7-ой номер. За спуск что ли дернул?"

„Это я-то дерну? Да побойся Ты Бога! Я за белками с малолетства хожу... И я дерну!"

С командиром полка готов был сделаться удар. На лице Государя сияла Его обычная, несказанно добрая улыбка.

„А вот и дернул", — подсмеиваясь над солдатом, сказал Государь.

„Нет не дернул... А так толкнуло что-то под руку. Нечистая сила толкнула... Он враг, он силен, без молитвы пустил".

„Вот это и есть дернул! Ты какой губернии?" Сразу становясь серьезным, солдат быстро выпалил:

„Олонецкой, Ваше Императорское Величество".

„Ну спасибо. Все-таки отличный квадрат", — и Государь передал охотнику на белок коричневый футляр с часами.

Воспоминания Графа Д. С. Шереметева (Брюссель 1936)

Я должен запечатлеть еще один случай, который по моему мнению должен быть непременно записан. Этот случай, произошел в эпоху Великой войны, в 1915 году. Государь Император, вместе с Императрицей Александрой Федоровной и с Августейшими Детьми, прибыли в Севастополь.

Государь, любивший после завтрака делать большие прогулки на автомобиле по окрестностям Севастополя (однажды проехал даже до Меласа, на южном берегу Крыма и гулял пешком в окрестностях Байдарских ворот) неожидано отправился с Императрицей в Георгиевский Монастырь, где Он раньше, в прежние годы, неоднократно бывал, но на этот раз никто в монастыре Его не ожидал. Игумен и братия были очень удивлены и обрадованы Высочайшим посещением.

Мы вошли в церковь и начался молебен. Стройные голоса монахов сразу изменили настроение: точно мы вошли после бури в тихий залив. Всё было так молитвенно, проникновенно и тихо.. Вдруг за дверьми храма, весьма небольших размеров, раздался необычайный шум, громкие разговоры и странная суматоха, одним словом что-то такое, что не отвечало ни серьезности момента, ни обычному, монастырскому чинному распорядку. Государь удивленно повернул голову, недовольно насупил брови и, подозвав меня к Себе жестом, послал узнать, что такое произошло, и откуда это непонятное волнение и перешептывание, я вышел из храма и вот, что я узнал от стоявших монахов: в правых и левых скалах, в утесах живут два схимника, которых никто из монахов никогда не видел. Где они живут в точности неизвестно, и о том, что они живы, известно только по тому, что пища, которая им кладется на узкой тропинке в скалах, к утру бывает взята чьей-то невидимой рукой.

И вот произошло невероятное событие, потрясшее и взволновавшее всех монахов монастыря: два старца в одеждах схимников, тихо поднимались по крутой лестнице, ведущей вверх со стороны моря. О прибытии Государя в монастырь им ничего не могло быть извесно, ибо и сам игу-

мен и братия, никто не знал о посещении Государя, которое было решено совершенно внезапно, в последнюю минуту. Вот откуда волнение среди братии.. Я доложил Государю и видел, что это событие произвело на Него впечатление, но Он ничего не сказал и молебен продолжался.

Когда кончился молебен, Государь и Императрица приложились ко кресту, потом побеседовали некоторое время с игуменом и вышли из храма на площадку.

Там, где кончалась деревянная лестница, стояли два древних старца. У одного была длинная, белая борода, а другой был с небольшой бородкой. Когда Государь поравнялся с ними, они оба молча поклонились Ему в землю. Государь видимо смутился, но ничего не сказал и медленно им поклонился. Я думал, что Государь, взволнованный происшедшим, сядет в автомобил и уедет, но вышло совсем другое. Государь совершенно спокойно подозвал к Себе игумена и сказал ему, что он желает пройти с ним пешком на ближайший участок земли, принадлежащий казенному ведомству, и что Он дает его в дар монастырю для устройства странноприимного дома для богомольцев. Затем Государь, вместе с монахами стали отмерять шагами пространство земли, необходимое для устройства здания. Меня, как и всегда, поразило Его поистине изумительное спокойствие, и как-то невольно кольнула мысль, что означает этот странный, молчаливый поклон в ноги.

„Теперь, после всего происшедшего, думается, что не предвидели ли схимники своими мысленными очами судьбы России и Царской Семьи и не поклонились ли они в ноги Государю Императору Николаю II, как Великому страдальцу Земли Русской".

Живя уже здесь в беженстве, много лет спустя, слышал я от одного достоверного лица, которому Государь Сам лично это рассказывал, что однажды, когда Государь на „Штандарте" проходил мимо Георгиевского Монастыря, Он, стоя на палубе, видел как в скалах показалась фигура монаха, большим крестным знамением крестившего, стоявшего на палубе „Штандарта" Государя всё время, пока „Штандарт" не скрылся из глаз. На Государя это произвело большое впечатление.

Воспоминания французского посла Палеолога (т. I стр. 91)

Французский посол так описывает приезд Государя в Москву, после объявления войны в 1914 году:

„В то мгновение, как Государь появился на Кремлевском крыльце, — буря восклицаний подымается по всему Кремлю, где бесчисленный народ, с обнаженными головами теснится на эспланаде. В то же время раздается трезвон всех колоколов Ивана Великого и могучий звон колокола Вознесенья, отлитого из металлического лома 1812 года. А там святая Москва, с тысячами церквей, дворцов, монастырей, с лазурными главами, медными шпицами и золотыми куполами сияет под лучами солнца, как фантастический мираж... Ураган народного энтузиазма едва не покрывает звона колоколов.

Лицо Государя выражает восторженную радость...

Во мне осталось два впечатления: первое в Успенском Соборе, наблюдая Государя, стоящего перед иконостасом. Его личность, Его окружение и вся декорация красноречиво выражали самый принцип Самодержавия... от Господа Бога вручена Нам власть Царская, над народом Нашим, перед Престолом Его, Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской...

Второе впечатление — от неописуемого энтузиазма московского народа к своему Царю. Я не думал, что монархическая иллюзия и Императорский фетишизм имеют еще столь глубокие корни в душе мужика"...

Воспоминания Графа Д. С. Шереметева.

Однажды, вечером при возвращении из Тарнополя, автомобиль Государя, шедший как всегда, очень быстрым ходом, в тумане отделился от нашего автомобиля и попал на узловую станцую, где к тому времени вся зала станционного вокзала была полна ранеными, вывезенными для эвакуации. Они лежали на полу. Среди персонала, сестер милосердия и раненых, неожиданное появление Государя произвело потрясающее впечатление. Никто не ожидал Его тут увидеть. Государь обошел всех раненых, милостиво разговаривая и расспрашивая, и во время этого обхода подошел к одному раненому, умирающему офицеру, который лежал на полу. Государь

опустился возле него на колени и подложил руку под его голову.

Офицер узнал Государя.

Государь сказал ему: „Благодарю Вас за службу. У Вас есть семья?”

Он ответил тихим голосом: „Жена и двое детей”.

Государь сказал ему: „будьте спокойны; Я их не оставлю”.

Офицер перекрестился и сказал: „Благодарю Ваше Ели...” и скончался.

Выписки из книги: „На Государевой службе” В. И. Мамонтова бывш. помощника Главноуправляющего Канцелярией Е. И. В. по принятию прошений.

Вспоминая время коронации, я с сокрушением думаю о том, как мало заметным и недостаточно оцененным прошло опубликованное в день Коронации Обращение Государя к Иностранным Державам, предлагавшее все возникавшие недоразумения разрешать не силою оружия, а мирным путем, при помощи Особого Международного Трибунала, облеченного по соглашению между всеми правительствами, соответственными для этого правами. Призыв этот и указанный им путь избавил бы мир от тех ужасов, которые приходится ему переживать если бы все державы отнеслись иначе к этому благородному и великодушному порыву.

При воспоминании о протопресвитере Янышеве, мне всегда также вспоминается не всем известный русский обычай согласно которому Государь целовал руку у всякого священника, даже самого молодого, вновь постриженного, когда тот подавал Ему свечу или просфору и в свою очередь целовал Его руку. Этот акт христианского смирения всегда казался мне удивительно трогательным.

Выписки из книги „На Государевой Службе В. И. Мамонтова (Таллин 1926).

1) Вспоминая пребывание Их Величеств в Дармштадте, В. И. Мамонтов описывает поездку Их Величеств вместе с Великим Герцогом и Великою Герцогинею во Франкфурт:

„По приезде во Франкфурт, мы с Княжной Орбельяни незаметным образом, следили за отъездом Их Величеств со

станции. Совершенно непривычные к обычным условиям жизни, Они робко выбрали себе чуть не самого неказистого извоцика, вчетвером уселись на него: дамы на задней скамейке, мужчины на передней и легкою трусцою поехали в город.

Во время одной из своих прогулок, уже незадолго до отъезда из Дармштадта, Государь и Императрица зашли в русское посольство и, не называя Себя, сказали не узнавшему Их лакею, что Они желали бы видеть посланника. Посланник, Комергер Озеров, чувствовавший себя в этот день не совсем здоровым, раньше чем принять посетителей, попросил секретаря посольства, камер-юнкера Дубенского пойти и узнать кто именно и зачем желает его видеть. Можно себе представить, какой поднялся переполох, когда Дубенский, не веря своим глазам, увидел сидящих в передней Государя и Императрицу. Побыв у Озеровых около получаса и очаровав их Своею любезностью, Их Величества, пешком же вернулись во дворец, очень довольные своим визитом.

2) Надо сказать, что Его Величество совсем не имел привычки носить штатское платье, а в особенности шляпы и, главным образом, цилиндр, который при этом был у него далеко не лучшего качества и формы. Войдя как-то в вагон, Государь, будучи в очень хорошем настроении духа, обратился ко мне с каким-то вопросом, по поводу своего костюма, а затем вдруг сказал: „Вы впрочем с презрением смотрите на то, как мы, военные, носим штатское платье и подсмеиваетесь над нашим неумением". Я, конечно, постарался уверить Его Величество в противном, „но", — добавил я, — „цилиндр Вашего Величества, действительно, приводит меня в некоторое недоумение и смущение. Мне кажется, что Ваше Величество, могли бы иметь более лучший и носить его несколько иначе, чтобы скрыть Вашу непривычку к этому головному убору".

Мое замечание, смелости которого я сам испугался, повидимому задело Государя за живое. Он быстро снял Свою шляпу и начал ее рассматривать. „Не понимаю", — сказал Он, — „что Вы находите нехорошего в моем цилиндре; прекрасная шляпа, которую я купил перед самым отъездом у Brunot и очень ею доволен, Ваше замечание, не больше, как простая придирка штатского к военному".

Выписка из книги князя Сергея Щербатова „Художники в ушедшей России" стр. 177.

И до чего же был обаятелен наш Государь Император Николай II. Оба раза, когда мне пришлось и довольно подолгу с Ним разговаривать, это обаяние Его простота, ласковый взгляд незабываемых серых глаз меня завораживали и оставили память на всю жизнь. Очень многое было в этом взгляде: и желание довериться, поверить до дна говорящему с Ним, и печаль, некая тревога при кажущемся достойном спокойствии, быть но страже, не сделать „гафа" и потребность скинуть всё это и отнестись просто к человеку — все это чувствовалось в этом прекрасном, благородном, гонимом, задерганном Государе, которого, казалось не тользаподозрить в чем либо плохом, но и обидеть чем бы то ни было, было бы преступлением, когда Ему и так было тяжело от тяжести Мономаховой Шапки".

Из книги Дитерихса часть II стр. 195. Убийство Царской Семьи.

„Характерный факт. В заточении, в Царском Селе, несмотря на ограниченность средств, отказывая Себе и довольствуясь простым столом, Государь и Государыня не прекращали Своей благотворительности и старались помогать другим, поскольку могли. Прошения же от разных лиц о помощи и о поддержке, несмотря на отречение и арест, не прекращали поступать во Дворец и Державная Чета удовлетворяли их в меру своей возможности".

***

„При обыске в Екатеринбурге, комиссаром Дидковским у Государя и у Государыни — денег не оказалось совершенно. У Великой Княжны Марии Николаевны — 16 рубл. 35 коп. и у доктора Боткина 280 рублей".

Из книги Великого Князя Александра Михайловича. Воспоминания. Стр. 165.

„200 миллионов рублей, бывших в Англии, израсходованы Государем во время войны на нужды раненых и увечных и их семей и больше никаких личных средств у Государя не было".

Выписка из воспоминаний Н. Д. Семенова Тянь-Шанского (Гвард. экипажа)

Государь очень хорошо плавал и любил купаться. После продожительной гребли на двойке в финских шхерах, мы причаливали к какому-нибудь островку и купались. В этих редких, случайных встречах, Государь проявлял необыкновенную простоту в обращении. Когда мы были в воде, Наследник Цесаревич, резвившийся на берегу (он не купался), сбил мои вещи, аккуратно сложенные на скамейке, в песок. Я начал было выходить из воды, желая подобрать вещи, т. к. был ветер и их разбросало; Его Величество, обращаясь ко мне, сказал „Оставьте вещи, Алексей их уронил, он и должен их собрать", — и обращаясь к Наследнику — заставил Его поднять мои вещи.

Помню также один совершенно исключительный случай, показывающий о необычайной деликатности Государя. Накануне я стоял „Собаку", т. е. вахту от 12 до 4 час. ночи и Его Величество, выйдя в 1-м часу ночи на палубу, пожелал мне спокойной вахты. Утром Он обратился к вахтерному начальнику, прося его вызвать меня для прогулки на двойке, но потом, вспомнив, что я стоял „собаку", сказал, что не надо меня будить. По возвращении с прогулки, все сопровождавшие Государя приглашались к чаю — подавалась чудная простокваша, молоко и фрукты.

Государь Сам обраыал внимание на то, кто что ест и приказывал Великим Княжнам угощать нас и Сам же нередко рассказывал с большим юмором воспоминания о Своих посещениях, когда Он был еще Наследником, иностранных государств...

В обращении с матросами и нижними чинами чувствовалась неподдельная, искренняя любовь к простому русскому человеку.

Это был поистине Отец своего народа.

Выдержки из „Страницы моей жизни" А. А. Танеевой

Описывая жизнь в Крыму, я дожна сказать, какое горячее участие принимала Государыня в судьбе туберкулезных, приехавших лечиться в Крым. Санатории в Ялте были старого типа. Осмотрев их все, Государыня решила сейчас же

построить на свои личные средства в Их имениях санатории со всеми усовершенствованиями, что и было сделано. Часами я разъезжала по приказанию Государыни по больницам, распрашивая больных от Имени Государыни о всех их нуждах. Сколько я возила денег от Ее Величества на уплату лечения неимущих. Если я находила какой-нибудь вопиющий случай одиноко умирающего больного, Государыня сейчас-же заказывала автомобиль и отправлялась лично со мной, привозя деньги, фрукты и проч., а главное обаяние, которое Она всегда умела внушать в таких случаях, внося с Собою в комнату умирающего столько ласки и бодрости. Сколько я видела слез благодарности. Но никто об этом и не знал. Государыня запрещала говорить об этом.

Воспоминания Князя Дундукова-Изъединова (Льва Ивановича)

Рассказано самим князем, служившим Л.-Гв. в Гусарском Его Величества полку, в то время, когда Государь Император, будучи Наследником, командовал в полку эскадроном.

„В связи с юбилеями 1812 и 1613 годов, одна мелкопоместная помещица Курской губернии, имение которой за долги ее покойного мужа (9.000 рублей) продавалось с торгов, обратилась к Губернскому Предводителю Дворянства, Князю Л. И. Дундукову-Изъединову, с просьбой ходатайствовать перед Государем помочь выкупить ее имение. Дундуков, будучи в Ялте, на приеме у Государя, окончив свой доклад, складывал бумаги в портфель, когда Государь, увидав оставшуюся там бумагу, спросил: „А это что?". Кн. Дундуков доложил, что это одно необоснованное, незаконное прошение. „Как незаконное?" — и взяв бумагу пробежал ее, „Оставьте мне это. Но никому не говорите. Я запрещаю Вам. Я сделаю, что могу".

Через некоторое время Кн. Дундуков был вызван Государем в Петербург.

„Мой вызов Вас удивил? Вы помните о незаконном прошении, которы Вы, мне передали в Ялтя? Так вот: передайте 12.000 рублей — 9.000, чтобы выкупить имение, и 3.000 — для покупки инвентаря.

Князь не выдержал и заплакал. Государь его обнял и повторил опять, чтобы он никому не говорил об этом.

Вернувшись в Курск, Кн. Дундуков отправился к старушке, чтобы передать ей деньги от Государя.

„Ну что, батюшка, отказано?" „Нет матушка, не отказано. Его Величество посылает Вам 9000 на выкуп имения и 3000 на инвентарь". Старушка в обморок. Затем написала письмо Государю на старом клочке бумаги, который нашелся в доме. При следующем своем приеме у Государя, Кн. Дундуков передал Ему письмо, Государь, всегда сдержанный, не мог сдержать своего волнения, при чтении письма. Слезы наполнили Его глаза, губы дрожали и бумага чуть не упала из Его рук".

Из письма Государя Императора — Государыне Императрице Марии Феодоровне — ноябрь 1906 г.

„Мы смотрели 800 солдат I-го Арм. Корпуса, вернувшихся с войны, чтобы быть учителями молодых солдат своих полков. Всем раненым, оставшимся в строю Я дал Георгиевские кресты. Такая была радость увидеть этих славных людей, которые с таким самоотвержением послужили в страшной и трудной войне. Старый Мейендорф, их Командир Корпуса, бегал около них и расспрашивал о тех боях, в которых он был с ними; а Я рядом говорил с другими, на это Он не обращал никакого внимания. Было очень забовно.....

Разве не трогательна эта деликатность Государя по отношению стараго Генерала, из-за радости увидать своих боевых солдат, забывшего о присутствии Государя.

Костромские торжества по случаю 300-летнего юбилея Дома Романовых в 1913 году.

Назанский в своих воспоминаниях говорит, что когда Их Величества отбыли на Императорскую Яхту, то...., лишь только народ увидел Государя, раздалось могучее, непрерывное „ура", шапки полетели вверх, женщины махали платками, многие плакали.

Государь снял фуражку и низко поклонился народу, глаза у Него были влажны. Рядом с Ним стояла Императрица Александра Федоровна, две слезы медленно катились по

Ее белому, как мрамор лицу.... Тронулась Императорская Яхта.... Толпа народа следовала вдоль берега, многие вошли в воду и по грудь в воде стремились приблизиться к Царскому пароходу, продолжая свое неистовое „ура" и бросая вверх шапки, пропадавшия затем в волнах...

Присутствовавший на торжествах „инкогнито" Герцог Мекленбургский, брат Великой Княгини Марии Павловны, не мог удержать слезы умиления, созерцая эту невиданную нигде в Европе картину народных оваций своему Монарху. Все иностранцы, видевшие Костромские торжества, были тоже поражены таким единодушным выражением народных чувств к Царю"....

П. Н. Краснов. Л.-Гв. Атаманский полк (1907)

„...Трубачи заиграли полковой марш... Государь взял на руки Наследника и медленно пошел с Ним вдоль фронта казаков. Я стоял на фланге своей 3-ей сотни, и оттуда заметил, что шашки в руках казаков 1-ой и 2 сотен качались...

Разморились!...

Государь подошел к флангу моей сотни и поздоровался с ней. Я пошел за Государем и смотрел в глаза казаков, наблюдая, чтобы у меня-то в моей „штандартной" вымуштрованной сотне не было шатания шашек.

Нагнулся наш серебрянный штандарт с черным двуглавым орлом и по лицу бородача старообрядца, красавца вахмистра, потекли непроизвольные слебы. И по мере того, как Государь шел с Наследником, вдоль фронта, плакали казаки и качались шашки в грубых мозолистых руках и остановить это качание я не мог и не хотел....

Из воспоминаний г-жи Добровольской

В то время, как Министр Юстиции Н. А. Добровольский водворен был в Петропавловскую крепость, Керенский въехал в дом Министра Юстиции, где еще застал жену Добровольского, не успевшую выехать и получившую разрешение оставаться, пока не найдет себе другую квартиру. Через несколько дней, по водворении Керенского в доме министра Юстиции, ночью, когда г-жа Добровольская уже спала, она услышала стук в дверь своей спальни: оказалось, что слу-

житель пришел ее просить от имени Керенского поскорее одеться и придти в кабинет, где он ее ждет по очень важному делу.

Встревоженная этим вызывом, она поспешила к министру.

„Простите, что я Вас обеспокоил", — обратился к ней Керенский, как только она вошла: „но мне необходимо было поделиться с Вами только что пережитыми впечатлениями, глубоко меня взволновавшими. Знаете ли Вы откуда я только что приехал? Из Царского Села, где я только что видел Государя Императора и разговаривал с Ним... Какое случилось несчастье! Что мы наделали! Как могли мы, не зная Его, сделать то, что мы свершили. Понимаете ли Вы, что я ожидал увидеть совершенно не того человека, какого увидел. Я уже давно приготовился к тому, как я начну разговор с Царем; я собирался прежде всего назвать Его: „Николай Романов". Но я увидал Его, Он посмотрел на меня Своими чудными глазами, а... я вытянулся и сказал: „Ваше Императорское Величество"... Потом Он долго и много говорил со мною. Что это был за разговор! Какая у Него одновременно и Царственная простота и Царственное величие! И как мудро и проникновенно Он говорил. И какая кротость, какая доброта, какая любовь и жалость к людям! Понимаете ли Вы, что это есть идеал народного Правителя. И Его мы свергли, Его-то скрутили своим заговором. Мы оказались величайшими преступниками!

Дня через три, Керенский просил Добровольскую никому не говорить про их ночной разговор, но Добровольская отказалась и напечатала воспоминания об этой памятной ночи.

Воспоминания эти были помещены в „Русской летописи" а также в книге Ф. В. Винберга „Крестный путь".

Опровержение Керенского до сего времени мне неизвестны.

Выдержки из книги А. А. Танеевой „Страницы моей жизни"

Когда, во время войны, прибывали санитарные поезда, Императрица и Великие Княжны делали перевязки, ни минуты не присаживаясь с 9-ти часов утра до 3-х часов дня. Во

время тяжелых операций, раненые умоляли Государыню быть около. Вижу Ее, как она утешает и ободряет их, кладет руку на голову и порою молится с ними.

Императрицу боготворили, ожидали Ее прихода, стараясь дотронуться до Ее серого, санитарного платья; умирающие просили Ее посидеть около кровати, поддержать им руку или голову, и Она, не взирая на усталость, успокаивала их целыми часами.

Светлой памяти Государя Императора Николая II

11 августа 1927 года, в газетах в Белграде появилось извещение: Лик Императора Николая II в Сербском Монастыре Св. Наума, что на Охридском Озере. Сообщение гласило: Русский художник и академик живописи, С. Ф. Колесников, был приглашен для росписи храма в древнем сербском монастыре Св. Наума. Исполняя эту работу, художник задумал написать на стенах храма лики 15-ти святых, размещенных в 15-ти овалах.

14 ликов были написаны сразу же, а место для пятнадцатого долго оставалось пустым, т. к. какое-то необъяснимое чувство заставляло Колесникова повременить.

Однажды, в сумерки, Колеснков вошел в храм. Внизу было темно и только купол прорезывался лучами заходящего солнца.

Как потом рассказывал сам Колесников, в этот момент в храме была чарующая игра света и теней, все казалось неземным и особенным. И в этот момент художник увидел, что оставленный им незаполненный овал ожил и из него, как из рамы, глядел скорбный лик Императора Николая II. Пораженный явлением, художник некоторое время стоял как вкопанный, охваченный каким-то оцепенением. Далее, как описывает сам Колесников, под влиянием молитвенного порыва, он приставил к овалу лестницу и, не нанося углем чудного лика, одними кистями начал прокладку. Колесников не мог спать всю ночь и, едва забрезжил свет, он пошел в храм и при первых утренних лучах солнца, уже сидел наверху лестницы, работая с жаром, как никогда.

„Я писал без фотографии. В свое время я несколько раз близко видел покойного Государя, давая Ему объяснения на

выставках. Образ Его запечатлелся у меня в памяти. Я закончил работу и этот портрет икону снабдил подписью: Всероссийский Император Николай II, принявший мученический венец за благоденствие и счастье славянства".

Вскоре в монастырь приехал К-щий войсками Битольского Военного Округа, ген. Ристич. Посетив храм, он долго смотрел на Лик покойного Государя и по щекам его текли слезы. Затем обратившись к художнику, он тихо промолвил: **„Для нас Сербов, это есть и будет самый великий самый почитаемый из всех Святых".**

30 марта 1930 года была опубликована в Сербских газетах телеграмма, что православные жители гор. Лесковац в Сербии, обратились к Синоду Православной Сербской Церкви, с просьбой поднять вопрос о причислении к Лику Святых, покойного Государя Императора Николая II, бывшего не только самым гуманным и чистым сердцем Правителем Русского Народа, но и погибшего славною, мученическою смертью.

Из воспоминаний Генерала П. П. Орлова

П. П. Орлов, будучи дежурным флигель-адъютантом в Петергофе в 1908 году, и собираясь ложиться спать, услышал в соседней (приемной) комнате шум и голоса. Войдя в эту комнату, он увидел какую-то женщину, всю в слезах, которая умоляла быть допущенной до дежурного флигель-адъютанта. Было около 12 час. ночи. Ген. Орлов ввел ее в комнату и успокоил как мог. Она рассказала, что она невеста студента. Он чахоточный. Войдя в партию социалистов-революционеров, он не мог больше выпутаться и выйти из партии и против своей воли сделался членом боевой организации. Узнав о целях этой организации, он хотел ее покинуть, но был удержан силой. Организация была арестована и он также. Но он не виновен. Он осужден на смертную казнь и завтра должен быть казнен. Умоляет все сказать Государю, просить его помиловать, чтобы он мог бы умереть собственною смертью, т. к. ему осталось недолго жить.

Мольбы женщины подействовали на ген. Орлова. Он приказал подать тройку и поехал в Александрию, местопребывание Государя.

Разбудив камердинера Государя, просил о себе доложить. Государь вышел. „Что случилось?" — спросил Он спокойно. Ген. Орлов доложил и подал прошение. Прочитав его Государь сказал: **„Я очень благодарю Вас за то, что Вы так поступили. Когда можно спасти жизнь человеку, не надо колебаться. Слава Богу ни Ваша, ни Моя совесть не смогут нас в чем-либо упрекнуть.** Государь вышел и вернувшись передал Ген. Орлову 2 телеграммы: на имя министра Юстиции и Коменданта Петропавловской крепости: „Задержите казнь такого-то. Ждите приказаний. Николай". „Бегите", — прибавил Государь, — на Дворцовый телеграф, отправьте телеграммы и одновременно телефонируйте министеру Юстиции и Коменданту, что телеграммы посланы и что они должны принять меры".

Ген. Орлов исполнил приказание и, вернувшись в дежуркомнату, сообщил женщине результаты.

Она упала в оборок.

Через год спустя, Ген. Орлов, не зная что сталось с помилованным, получил однажды письмо из Ялты. Письмо было от невесты помилованного, которая сообщала, что ее жених, по приказанию Государыни, был осмотрен придворным врачем и послан за счет Государыни в Крым. Она добавила, что ее жених совсем поправился и они теперь женаты. Просила об этом довести до сведения Государя, благодарить Его еще раз, что Он спас жизнь ее мужу и они счастливы.

„Чтобы не случилось, мы готовы отдать свои жизни за Государя", — оканчивала она свое письмо.

Орлов доложил Государю. „Видите, как Вы хорошо сделали, что послушались Votre Inspiration, Вы осчастливили двух людей", — сказал Государь.

Из детских воспоминаний С. Я. Афросимовой.

„Особенно мне памятна одна всенощная в Федоровском Соборе в Царском Селе, куда могли ходить и посторонние люди.

Я стою в церкви впервые после перенесенной тяжелой болезни. Прислонившись к стенке от слабости, я напряженно ожидаю приезда Государя... Вдруг скрипнула боковая дверь и широко распахнулась. Вошел Государь с Великой Княжной

Ольгой Николаевной. Они становятся на своем обычном месте... В церкви становится все жарче; кадильный дым вьется клубами под низкими сводами. Крупные капли пота выступают на бледном лбу Государя. Он подзывает к Себе адъютанта и тихо просит открыть боковую дверь.

Снова видна снежная дорога, на которую падают быстро кружащиеся снежинки.

Морозный воздух охватывает меня, пронизывает насквозь, ослабевшее после болезни тело. Мая мать, напуганная моей болезнью, с тревогой накидывает на меня шубу и озабоченно спрашивает, не холодно ли мне?

Государь оборачивается на мой кашель и замечает, как моя мать меня укутывает. Его глаза с лаской и участием, останавливаются на мне. Затем Он снова подзывает адъютанта и я слышу тихо, но четко сказанные Им слова: закройте дверь, этой девочке холодно". Его приказание исполняется. Мы стоим несколько минут растроганные и взволнованные и затем уходим из церкви, чтобы дать возможность Государю снова открыть дверь".

***

Однажды Государь приехал в лазарет, в котором работали Великие Княжны. Сев у постели одного из солдат, Государь заботливо начал расспрашивать его, всем ли он доволен и хорошо ли за ним ухаживают.

„Так точно, Ваше Величество, всем доволен, прямо хоть и не поправляйся", — ответил раненый, но потом, что-то вспомнив, добавил: „Вот только, Ваше Величество, сестры малость забывчи... Намеднись дал я вот этой сестричке, вот что там стоит, веселенькая такая, дал я ей гривенник, на папиросы, а она ни папирос, ни денег не несет...

„Ольга", — позвал сестру Государь: „что же ты поручения не исполняешь. Папиросы обещала принести и забыла:.

Великая Княжна потупилась.

„За это купи ему на рубль".

Солдат после этого целый день все охал: „на кого пожаловался! На Царскую дочку.

Господи, грех-то какой!"

Из Воспоминаний Генерала Кондзеровского

В первый год войны, когда Верховным Главнокомандующим был Великий Князь Николай Николаевич, Государь Император неоднократно приезжал в Ставку. В один из приездов Его Величества произошел следующий, весьма характерный эпизод: это было весною 1915 года. Погода была хорошая, Государь обедал в большой палатке Великого Князя, были приглашены старшие чины Штаба и свита Государя и Великого Князя. Я сидел недалеко от Его Величества, наискосок.

К тому времени Государь знал всех старших чинов Штаба и знал, что я егерь.

Отчего-то стали вспоминать Красносельские лагери и заговорили о стариках фельдфебелях.

Его Величество стал называть по фамилиям и вспоминать фельдфебелей Шефских рот. Дошла очередь до Егерей, Его Величество обратился ко мне, я говорю: „Гостилов, Ваше Величество". „Нет, Кондзеровский, это молодой, а старик прежний фельдфебель, помните он еще говорил так" — и Его Величество прекрасно показал, как рапортовал наш старик.

Мне, как и сейчас, точно что-то забило в голову, не могу вспомнить фамилию.

„Как мне не стыдно. Ваше Величество, но фамилию забыл, помню старика прекрасно, а фамилию вспомнить не могу.

„Ну погодите, Я вспомню".

Его Величество продолжал разговор о других фельдфебелях, но очень скоро обращается ко мне и говорит: „Шалберов".

„Так точно, Ваше Величество, Вы меня совсем пристыдили.

Воспоминание Сенатора П. П. Стремоухова (бывш. Сувалкского губ.).

6-го Января 1911 г. Сенатору Стремоухову удалось попасть в Мариинский театр на „Бориса Годунова" с Шаляпиным. Спектакль этот оказался совершенно исключительным. В первый раз, после революционных лет, Царь посетил театр.

Большой свет и высшая гражданская и военная бюрократия была об этом осведомлена и поэтому и без того красивый зал Мариинского театра был особенно блестящим. Государь был мне все время виден. После 3-го действия, где на сцене изображена боярская дума, занавес опустился, вдруг неожиданно, через минуты две, взвился.

Обращенная к Императорской ложе толпа бояр, на коленях, имея во главе Шаляпина, запела „Боже Царя Храни!" под аккомпанимент могучего, идеального оркестра Мариинского театра. Красиво это было до жути, мурашки буквально забегали у меня по спине. Гимн был повторен 3 раза, подхваченный публикой. Такого исполнения гимна я никогда более в моей жизни не слышал. Государь подошел к барьеру ложи и наклонением головы, отвечал на восторженные приветствия публики.

Н. Вуич. „Царские слёзы"

В связи с наступающей пятидесятой годовщиной Екатеринбургской трагедии хочется поделиться с читателями трогательным эпизодом, относящимся к Священной Памяти мученически погибшего Государя Императора Николая Александровича.

В конце мая 1915 года, пажи I-й роты Пажеского Е. И. В. Корпуса выступили в Красносельский лагерь и почти сразу же, I-го и 2-го июня, получилось известие о тяжелом заболевании Великого Князя Константина Константиновича, а затем и о Его кончине. Велико было горе пажей, из которых многие знали Великого Князя с самых малых своих лет, со дня поступления своего в Корпус.

В один из ближайших последующих дней состоялось перевезение останков Великого Князя из Павловска в Петроград. В траурном поезде, медленно подошедшем к платформе Царскосельского вокзала, прибыл Государь Император, бывший в форме Л.-Гв. Измайловского полка, обе Императрицы и все наличные Члены Императорской Фамилии. Запомнилась необыкновенная величавая красота Государыни Императрицы Александры Феодоровны; Ее золотистые волосы особенно выделялись на фоне траурных одежд, пересеченных голубой полосой Андреевской ленты.

Торжественная процессия двинулась через всю столицу к Петропавловской крепости. Здесь, при входе в собор, стояла шеренга камер-пажей, опередивших процессию и готовых вступить в шествие, чтобы сопровождать Государынь Императриц, Великих Княгинь и Великих Княжен. По снятии гроба с траурной колесницы, он был внесен в храм Великими Князьями. В головах гроб поддерживался Государем Императором Николаем Александровичем. В глазах Государя стояли слезы; Он не скрывал скорби по любимом дяде; Он, быть может, провидел, что в последний раз смертные останки Члена Царствующего Дома Романовых вносятся с подобающими почестями для вечного упокоения под кров Императорской усыпальницы, а дальше... подвал Екатеринбурга, Пермь, Алапаевск и двор той же Петропавловской крепости...

В глазах Государя стояли слезы и вид этих Царских слез на всю жизнь остался в памяти автора настоящих строк, в то время семнадцатлетнего юноши, стоявшего в непосредственной близости к проходившему мимо него Императору.

ЦАРЬ

Осенний день. Седые тучи.
Просветы мглистого утра
И крик свободный и могучий
Родного, русского „ура".
И звуки „встречи" тонут глухо
В ревущем море голосов
И различить не может ухо
Его незримых берегов.
Штыки сверкнули и застыли,
Лишь сердце рвется из груди
И наш свидетель бранной были
Склонилось знамя впереди.
Но где же Он? Кричат соседи,
В руке зажат, дрожит эфес,
И шум рядов и звуки меди,
И эхом вторит дальний лес.

Он на коне. Его улыбка
Скользит любовно по рядам,
К ним поворачиваясь гибко,
Как бы читает по глазам.
На миг затихнув, онемели
Они, увидя пред собой,
В походной серенькой шинели
Царя земли свой родной.
И сколько в Нем любви светилось,
Глубокой грусти и добра,
Что миг прошел и разразилось,
Как буря новое „Ура".
Его уж нет. Его убили.
И не щадя в Нем ничего,
Вся сила мерзости и гнили
Играла именем Его.
Но места нет теперь злословью
И пусть воскреснет ярко вновь,
Его доказанная кровью,
К народу русскому любовь.

Михаил Николаевич Шереметьев
Капитан Русской Императорской армии
Кавалер Ордена Св. Георгия.

Н. Обручев

ПОДЛИННЫЙ ОБЛИК ЦАРЯ-МУЧЕНИКА, КАК ЧЕЛОВЕКА, ХРИСТИАНИНА и МОНАРХА

„Я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, Моя собственная судьба и судьба Моей Семьи в руках Господа, Который поставил меня на то место, где Я нахожусь. Чтобы ни случилось, Я склонюсь перед Его волей в убеждении, что никогда не имел иной мысли, как служить той стране, которую Он мне вручил".

(Император Николай 2-ой)

Вступление.

Настоящий очерк посвящен светлой памяти Царя-Мученика Николая 2-го Александровича, столетие со дня рождения которого исполняется в текущем — 1968-ом году.

Под каким углом ни рассматривать историю мира, она всегда, и прежде всего, представляет картину извечной борьбы, происходящей между силами Добра и Зла. Со дня вступления Царя-Мученика на Престол своих предков и до последнего своего вздоха, Он оставался выдающимся, если не единственным в современном Ему мире, поборником Добра и в этой борьбе занял первостепенное место. На фоне исторических событий Его Царствования и мрачных событий в

истории мира, происшедших в течение пятидесяти лет со времени ухода Царя-Мученика от власти, преисполненный нравственной красоты Облик Его возносится во весь свой гигантский рост и остается единственным светлым образом в галерее мрачных портретов большинства правителей и политиков нашего безвременья, погрязших и погрузивших весь мир в беспросветное зло. Христианнейший Правитель Православного Русского Царства, Помазанник Божий Царь-Мученик Николай 2-ой, не только олицетворял собою бытие Православного Русского Царства, но и был единственным в мире удерживающим от Зла. Вот почему темным силам так важно было очернить, устранить и убить Его.

Надо быть слепым, чтобы не видеть той резкой перемены, которая произошла в состоянии мира после ухода Царя-Мученика от власти. Потрясаемый беспрерывными революциями и войнами, он тонет в крови и переживает невероятный по своей остроте моральный, политический и экономический кризис. Политическая карта мира перекраивается чуть ли не ежегодно. Сотни миллионов людей гибнут от мятежей и войн, от террора и жестокостей властей, от голода. Никакие конституции, никакие парламенты, никакие лиги народов и наций не препятствуют победоносному шествию воцарившегося в мире Зла. Уверенности в безопасности и стабильности завтрашнего дня нигде и ни у кого нет. Над перепуганным до смерти обывателем повис кошмарный призрак атомной войны — призрак конца грешного мира, — когда он начнет гореть от края и до края.

17-го июля 1968 г. исполнилось пятидесятилетие дня мученической кончины всей Царской Семьи, зверски и подло убитой в подвале дома купца Ипатьева, превращенного советскими чекистами в „Дом особого назначения". История мира не знает другого преступления, по своей бессердечной жестокости, подлости и низости, равного убийству Царской Семьи и Её Верных Слуг-Союзников. За это ужасное преступление против человечества главный убийца — Янкель Свердлов не только не был осужден на „нюренбергском процессе", но был прославлен на весь мир; — гор. Екатеринбург, где произошло убийство, был переименован в Свердловск и до сих пор носит это проклятое Богом и людьми имя.

Смерть свою Царственные Узники ожидали и готовились к ней, но пришла она не сразу; ей предшествовало полное лишений, глумлений и мучений заключение, официально начавшееся, по повелению Временного правительства и его генерального прокурора тов. А. Ф. Керенского, 21-марта 1917-го года и продолжавшееся 1 год, 3 месяца и 25 дней.

Прологом к нему было самое ужасное и нелепое в тысячелетней историй государства Российского событие — вынужденное отречение Царя-Мученика от Престола. Произошло это событие 2-15 марта 1917-го года, в результате заговора небольшой группы лиц, имевшего целью произвести дворцовый переворот и заменить Царя-Мученика, по мнению заговорщиков неспособного править Россией, другим лицом — из числа Членов Императорской Фамилии. Однако, как об этом явствуют последовавшие исторические события, такого лица, ни среди Членов Императорской Фамилии, ни среди заговорщиков не нашлось. Это было покушение на захват в свои руки власти над Россией, совершенное негодными лицами, применившими негодные средства.

Одним из этих средств была отвратительная клевета направленная против Мучеников-Царя и Царицу. С уверенностью можно сказать, что, от сотворения мира, не было другой четы, которая была бы более незаслужено и подло опорочена и оклеветана, чем Царь Николай Александрович и Царица Александра Федоровна.

Из тайников немецкой агентуры, из недр международных политических партий 1-го и 2-го Интернационалов, из подрывных организаций и общин, свивших свой гнезда на территории иностранных государств, правительствами и „частными капиталами" которых поддерживались и субсидировались их деятельность и само существование, из стана заклятых врагов Христа, из отечественных великосветских салонов, хозяева которых чувствовали себя „оскорбленными и униженными", по их мнению, якобы, недостаточными к ним милостями и вниманием со стороны Царя и Царицы, зловонным потоком потекла самая невероятная и мерзкая клевета, направленная против Царственных Мучеников и Российского Православного Царства. Под дружным напором этих, разнообразных по своему составу и различных по сво-

им мерзким убежедениям и чаяниям, элементов, объединенных общей жгучей ненавистью к Удерживающему и к Православному Русскому Царству, Царственные Мученики были „принесены в жертву" Злу. Вслед за тем, рухнуло Православное Русское Царство и на российский народ обрушились неисчислимые бедствия: — ограбленный, тонущий в собственной крови, он был загнан в кабалу 3-го Интернационала; самые названия „Россия" и „русский" исчезли (почему это так важно было для блага русского народа?); и дальнейшее их бытье протекает под анонимной кличкой „советских".

Как вызвавшие, так и совершившие эти злодеяния преступники, убийством Царской Семьи не ограничились; вот, уже, 50 лет, как они, с бесовским упорством, прилагают все свои усилия к тому, чтобы продолжением своей богомерзской клеветы очернить светлые образы Царя и Царицы. Особенно преуспевает в этом, старающийся, клеветой на невинных обелить свой красный облик, корифей февраля и диктатор товарищ А. Ф. Керенский, который гласит на весь мир о том, что „не будь Распутина — не было бы и Ленина" (Роберт К. Месси. „Николай и Александра", изд. Атенеум, Нью-Иорк, 1967). Какая подлая и глупая ложь! Керенский и Ленин, которых связывали между собой узы личной дружбы, общие революционные убеждения и общая работа по разрушению России, существовали еще задолго до появления Распутина в царском дворце. С одинаковым успехом, Керенский мог написать: „не было бы Распутина — не было бы и меня". Но, если бы Керенский, хоть на склоне своих лет, пожелал бы стать, хоть мало-мальски, честным человеком, то, в порядке преемственности власти, он должен был бы написать: „не было бы меня — Керенского — не было бы и Ленина".

Этот закоренелый атеист-революционер, из уст которого никто никогда не услышал слов Бог и Россия, вместо этого, с упорством маниака, беспрерывно твердил о завоеваниях революции и о её углублении. Каждому российскому обывателю, к какому бы лагерю он в то судьбоносное для России время ни принадлежал, было совершенно очевидным, что „завоевания"" революции, равно, как и её углубле-

Августейшая Семья

ние, олицетворялись немецким агентом и диверсантом В. И. Лениным-Ульяновым — социал-демократом — большевиком и Львом Троцким (Лейбой Бронштейном), тогда еще социалистом-революционером, т. е. членом той самой партии, из недр которой на поверхность революции вынырнул и т. Керенский. И Ленин и Троцкий совершенно открыто и беспрепятственно гласили об этом в своих ежедневных речах, на заседаниях всяких съездов, в печати и в своей пропаганде, наводнявшей фронт и все просторы России. Их приход к власти был подготовлен и обеспечен именно Керенским, который к тому времени занимал половину всех министерских постов временного правительства, от которого он получил диктаторские полномочия, кроме того.

Корифей русской адвокатуры — Н. Корабчевский, в своей книге „Что глаза мои видели" описывает состоявшееся в Петрограде, в конце 1916 г., собрание петроградских

адвокатов, в котором принял участие т. Керенский. Вот, как описывает Н. Корабчевский выступление на этом собрании Керенского: „Враг у ворот, — начал Керенский и стал нервно, истерично повторять то, что уже много раз он пытался говорить в Думе... — Наседающего внешнего врага мы можем победить, только расправившись с нашим внутренним врагом, собственным правительством, помышляющем лишь о предательстве и унижении России". „Положение мое, — рассказывает далее Корабчевский, — среди заволновавшегося многолюдного собрания, было не из легких. Я начал с комплимента по адресу „трудовика", который вне судеб рабочего класса, наконец, обеспокоен судьбой всей России и согрет самыми патриотическими чувствами. Чувства эти заставляют его видеть неминуемую опасность там, где пока еще её, слава Богу, — нет, и не позволяют провидеть большую опасность, может быть, гибель России от той революции, к которой он так властно призывает нас во время войны"... Во время возникшего спора, Керенский крикнул, „Поймите, наконец, что революция может удасться только сейчас во время войны, когда народ вооружен, и этот момент может быть упущен навсегда!"

Русская революция, к осуществлению которой так настойчиво стремились и т. Керенский и немецкий Генеральный Штаб, который её субсидировал, не щадя немецкого золота, была встречена в стане наших врагов с энтузиазмом и с облегчением; но, пожалуй, еще больший энтузиазм вызвала она в стане наших друзей-союзников. Особенно ликовала по этому поводу английская пресса. При таком положении вещей, не было удивительным, что со всех концов мира, как стая ворон на падаль, слетались в Россию для углубления революции ненавистники русского народа. Одними из первых прибыли из Соединенных Штатов Троцкий и Рыков. Начальник Разведывательного Отделения Американских экспедиционных сил в Сибири, капитан Монтгомэри Шуйлер, в секретном рапорте своему правительству от 9-го июня 1919 г., доносил, что к апрелю 1919 года, только из одних Соединенных Штатов Америки в Россию прибыло 264 еврея-большевика. Эти евреи заняли самые видные комиссарские должности в советском правительстве, в Че-ка и в Полит-

управлении. Выезд этих уголовных и политических преступников в Россию, со стороны правительств союзных нам держав, препятствий не встречал, как не встречал препятствий, со стороны Керенского и Временного Правительства, их въезд в Россию. Наоборот, Керенский приветствовал их прибытие в Россию с энтузиазмом, на какой он только был способен. Германский Генеральный Штаб организовал переезд Ленина, Крупской и 16 других видных большевиков из Швейцарии в Россию. Свое историческое путешествие через Германию они совершили в запломбированном вагоне. Об их прибытии в Россию Винстон Черчилль высказался следующими словами: „Немецкие вожди употребили против России самое ужасное из всех оружий. Подобно чумной заразе, они перевезли Ленина в запломбированном вагоне из Швейцарии в Россию."

16-го апреля 1917-го года, после десятилетнего пребывания в Швейцарии, Ленин высадился на Финляндском вокзале в Петрограде, где Керенским ему была приготовлена торжественная встреча с царскими почестями; — перрон и весь путь его следования к автомобилю были устланы красными коврами; на перроне был выстроен от частей петроградского гарнизона почетный караул с оркестром. Приняв от начальника караула рапорт, под звуки марсельезы Ленин проследовал к выходу, где его поджидал бронированный автомобиль (о безопасности будущего вождя октября вожди февраля не забыли); многотысячная толпа, над которой развевалось целое море красных флагов, встретила его дикими криками восторга; Ленин сел в броневик, который доставил его в специально реквизированный для него Временным Правительством обширный, комфортабельный, роскошно меблированный дворец известной балерины Кшесинской, находившийся на Каменоостровском проспекте и ставший, таким образом, первой цитаделью большевиков в России. На следующий день утром Ленин выступил на приуроченном к его приезду Всероссийском Съезде Советов и произнес свою первую речь, в которой потребовал... свержения Временного Правительства.

Первый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, от которого впоследствии и произошла оскорбительная и гнусная

кличка „Советский Союз" и „советский народ", заменившая многовековые, священные для каждого россиянина, наименования „Россия" и „русский народ", был организован в Петрограде, — в самом начале, возникших там, на почве перебоев в снабжении его населения хлебом, беспорядков. В состав его вошли интеллигенты, принадлежавшие к разным сословиям; рабочих и солдат там не было или, быть может, почти не было. Это было сборище людей, принадлежащих к разным расам, народам, и племенам и крайне левым политическим партиям, объединенных общей ненавистью к России.

25 и 26 февраля женщины, стоявшие в очередях за хлебом, возмущенные недостатком его, начали громить пекарни. Никаких противодействий, никаких возваний к населению столицы, со стороны властей не последовало. Этот беспрепятственно бушевавший в столице, благодаря мягкости и попустительству властей, бабий бунт был, как бы приглашением петроградской черни принять в нем участие. Приглашение было принято и чернь начала грабить магазины и лавки. С заведомого благословения Государственной Думы, на улицу высыпали рабочие некоторых заводов. Наступил тот вожделенный и „быть может, единственный момент" для организации революции „во время войны", который Гос. Дума не „могла упустить". Она взяла в свои руки руководство бунтом, организовала свой Думский Комитет и, непомерно увеличивая масштаб петроградских беспорядков, сопровождавшихся полным спокойствием во всех остальных городах и областях России, принялась создавать психоз о необходимости государственного переворота и об отречении Государя Императора, которому подпали некоторые генералы, на высших командных должностях, как имевшие с заговорщиками из Гос. Думы контакт, так и в заговоре не участвовавшие. Среди этих лиц оказался и Главнокомандующий Кавказским фронтом Великий Князь Николай Николаевич. Их коленопреклоненные просьбы Государю об отречении завлеченный в псковский тупик Государь-Мученик принужден был принять. Видный организатор переворота, Думского Комитета и Временного Правительства — лидер конституционно-демократической партии проф. П. Н. Милюков, в своем труде „История Русской Революции", откровенно и не без гор-

дости говорит: „... революция вышла из стен Гос. Думы". Член партии социал-революционеров, коллега по профессии и по партии т. Керенского, еврей-миллионер И. Штейнберг, перешедший впоследствии в лагерь большевиков и ставший первым народным комиссаром юстиции в составе первого Советского правительства, в своей книге „От февраля по октябрь 1917 г. „(Издательство „Скифы". Берлин-Милан.) пишет: „Творение часто бывает глубже, чем думает автор. Так же и революции часто делают и дают больше, чем предпологают в начале их". К сожалению, наша „прогрессивная" интеллегенция, наши политические и общественные деятели оказались политически неграмотными и всеми силами тормозили прогресс подлинный, к которому Россия в царствование Императора Николая второго шла гигантскими шагами. Никакого понятия о политике и прогрессе не имели и коленопреклонные генералы, во главе с Великим Князем Николаем Николаевичем. У нас в России было принято рубить с плеча по нашей науке, по нашей политике, по нашим традициям, и крепче всего рубили те, которые меньше всего были в этом компетентны. Рубили, так сказать, обратно пропорционально своей неосведомленности, неграмотности и непорядочности. Но клевету творили мастера этого дела, имевшие иногда большую эрудицию, при полном отсутствии совести.

В упомянутой выше книге, И. Штейнберг посвящает мартовской революции эпитафию, выраженую следующими словами: „Кто знает? Быть может, человечество когда-нибудь благословит и март русской революции. Ибо без его ошибок и его страданий, быть может, не пришел бы в мир октябрь". Большевистский комиссар И. Штейнберг высказывает предположение, что без „марта" могло и не быть „октября" и этим самым подтверждает, что „октябрь" вышел из „марта". „Великий и бескровный март" вышел из стен Государственной Думы.

Одновременно с формированием Думского Комитета и Временного Правительства началось и формирование Петроградского Совета, так называемых, рабочих и солдатских депутатов, ставшего прототипом будущего Советского правительства. Большевистский комиссар юстиции И. Штейнберг в упомянутой выше книге уделяет много места этому учреж-

дению. Привожу некоторые выдержки из его труда: „Как известно, в момент свержения царизма —, пишет И. Штейнберг, — формальное продолжение государственной власти принял на себя сначала Комитет Государственной Думы, а потом Временное Правительство, и далее: — На самом деле было иначе. Рядом с Временным Правительством в Петрограде организовался сразу Совет Рабочих и Солдатских Депутатов". „Под давлением Совета, — пишет далее И. Штейнберг, — Временное Правительство приняло восемь пунктов соглашения, которые давали сразу выход организации народных масс и в которые входил и созыв Учредительного Собрания. Под его давлением была оставлена мысль о продолжении Монархии. Под его давлением принимались различные правительственные решения. В результате установилось то самое политическое понятие, которое известно под названием „двоевластия". Формально-юридически власть в стране принадлежала Временному Правительству и его комиссарам, но реально эта власть находилась в руках Советов петроградского и местного". На странице 17-ой, вторая строка сверху, И. Штейнберг пишет: „Но тогда были мыслимы постоянные разноречия и столкновения между ними, и возникал вопрос: кто же будет их разрешать? Очевидно, решалось по воле Совета или достигался компромисс по соглашению с Советом. Но, таким образом, налицо было второе правительство, а не только орган контроля". Одним из инициаторов организации Петроградского Совета и выдающимся его организатором было т. А. Ф Керенский, который занимал в нем пост первого его вице-председателя. В своей книге „История Русской революции" П. Милюков рассказывает о том, что Керенский, когда ему был предложен пост министра юстиции Временного Правительства, долго колебался его принять прежде чем расстаться с постом вице-председателя Совета.

При деятельном участии Керенского в Петрограде была организована из подонков населения и уголовных преступников всех категорий, выпущенных Керенским из тюрем, красная гвардия, ставшая опорой советов, главным очагом грабежей и насилий и сыгравшая крупную роль в порабощении России большевиками.

Керенский в октябре, если бы он только пожелал, мог легко не допустить большевиков к власти, как это случилось помимо его воли в июле, за что командующий войсками Петрограда ген. Половцев получил от Керенского разнос. Но Керенский совершенно определенно этого не желал. К этому времени у подавляющего большинства русской интеллигенции, тогда еще представлявшей общественное мнение России, наступило отрезвление от революционного угара и осознание того, что революция поставила Россию, в полном смысле этого слова, на край гибели. Такое положение вещей ставило перед Керенским дилемму: или разрешить национально и государственно мыслящим людям подавить большевистское движение, возглавляемое немецким шпионом и диверсантом Лениным, Троцким и компанией, или передать им власть без сопротивления. Керенский предпочел последнее, так как он твердо знал, что, с подавлением большевистского восстания, будет подавлена и революция, так как власть из рук интернациональных шахер-махеров перейдет в руки русских патриотов. На это ни Керенский, ни те лица, которые руководили его политической деятельностью и субсидировали ее, согласиться не могли.

Вся политическая деятельность Керенского, основанная на клевете и провокации, была направлена в сторону разрушения России. Какими бы фразами он ни прикрывался в своих выступлениях и воспоминаниях, исторические подлинные факты неопровержимо свидетельствуют о том, что он решительно защищал большевиков и всегда решительно выступал против их противников и подавлял их. Никто иной, как Керенский, освободил из тюрьмы большевистских главарей, во главе с Бронштейном-Троцким и Нахамкесом-Стекловым, арестованных при подавлении июльского восстания. Из кабинета т. Керенского вынесли окровленный труп ген. Крымова, войска которого находились на подступах к Петрограду которого Керенский пригласил к себе для „переговоров". Именно Керенский, облеченный всею полнотою власти, решительно выступил против ген. Корнилова и в своем обращении, начинавшемся словами „Всем, всем, всем", объявил Корнилова „контрреволюционером" и „вне закона". Именно Керенский заключил в быховскую тюрьму генералов Корни-

лова, Деникина и других русских патриотов-противников большевиков. Это он, позднее, грозил русскому патриоту ген. Каледину и возглавляемым им донским казакам „огнем и мечем" и готовил против них карательную экспедицию, которая была осуществлена уже большевиками, после того, когда Керенский, в октябре, передал им всю полноту власти над Россией.

Все действия Керенского во время октябрьского „переворота" были ничем иным, как очередной тонкой и обдуманной провокацией. Единственной силой, находившейся в то время в столице и в её окрестностях, готовой с оружием в руках противостоять большевикам и защищать Россию, представленную Временным Правительством, как тогда казалось многим, были военные училища, школы прапорщиков и женский батальон, под командой капитана Бочкаревой. Бочкарева простая русская крестьянка из Вологодской губернии была организатором этого батальона, где, наряду с простыми фабричными работницами и крестьянками, служили представительницы русской интеллигенции и аристократии; так, среди офицеров этого батальона, были подпоручики Скрыдлова — дочь адмирала и княжна Гагарина. Все эти училища и женский батольон получили от Керенского приглашение принять участие в защите Временного Правительства под его личной командой. Все они были завлечены Керенским в приготовленую для них в Петрограде ловушку. Никакого плана наступления или обороны они от Керенского не получили. Вместо создания из них стратегического кулака с резервом, они были рассеяны по всей столице: в Зимнем Дворце, в своих училищах и казармах, на телефонной станции, в Михайловском манеже и в других местах. Лишенные общего руководства и связи между собой и главковерхом Керенским, преданные им на растерзание во много раз превосходящим их числом, хорошо организованным и вооруженным большевикам, опиравшимся на самый важный в Петрограде стратегический пункт — Петропавловскую крепость, давным давно, не без ведома Керенского, занятую большевистским гарнизоном, и на большевистский крейсер „Аврору", эти русские девушки и мальчики, сделали в кровавом хаосе тех дней всё, что они могли, свято исполнили свой долг пе-

ред Россией и с честью погибли. Чести у т. Керенского не было от рождения. 6-го ноября большевики начали действовать; 7-го ноября утром Керенский сел в автомобиль с развевающимся американским флагом и беспрепятственно проехав среди большевистских войск по улицам, покрытым кровью брошенных им на произвол судьбы своих защитников, благополучно прибыл в расположение казачьих частей контр-революционного ген. П. Н. Краснова, ища у него защиты. Генерал Краснов, по просьбе Керенского, спешил ему на помощь и был задержан на подступах к Петрограду большевистскими войсками под общей командой мичмана русского флота-большевика Раскольникова и обер-лейтенанта германской армии Бауэра (Архив Русской Революции под редакцией проф. Гессена). Переодевшись здесь бабой, Керенский скрылся и, только в мае 1918-го года, выехал через Мурманск заграницу. Семимесячное пребывание Керенского под властью Советов не было ими обнаружено и выезд его заграницу был совершен беспрепятственно.

Выезд Керенского заграницу произошел в тот момент, когда в России разгоралось успешно белое движение. Попав заграницу, Керенский не прекратил своей защиты большевиков; — в качестве премьера последнего небольшевистского правительства, признанного всеми другими правительствами мира, он появлялся то в Лондоне, то в Париже, то в Нью-Иорке и всюду требовал и просил у сильных демократического мира прекратить помощь Добровольческим армиям боровшимся против большевиков, грозя им, в противном случае, проклятьем русского народа. Совет „Рабочих и Солдатских Депутатов", организованный Керенским на заре названной им „великой народной и бескровной" революции, в котором он занимал пост его первого вице-председателя, был прототипом пришедшего к власти Советского Правительства; и сам Керенский был прототипом, пришедшего ему на смену Ленина, который захватил власть над Россией, не только благодаря попустительству Керенского, но и благодаря его помощи. И Ленину и Керенскому было наплевать на Россию. В этом отношении между ними была та существенная разница, что Ленин говорил об этом открыто, а Керенский прикрывал это фразами о необходимости кровавых

завоеваний революции и об её дальнейшем углублении. Известный адвокат-швейцарец доктор Обер писал: „Определить границу, где кончается социализм и начинается коммунизм совершенно невозможно". Точно также совершенно невозможно определить, где кончался революционный социализм Керенского и начинался демократический социализм Ленина; оба они были мазаны одним и тем же миром, источником которого были Первый и Второй Интернационалы, задачей которых было не благополучие Православного Русского Царства и его народов, а их уничтожение. Стремление Керенского произвести революцию в России, именно во время войны, было изменой русскому народу, который, изнывая и кровавя в борьбе с внешним врагом, руководимый твердой волей Царя-Мученика, добился, к моменту организованной Керенским и его товарищами революции, победы. Никто не может опровергать тот исторический и совершенно очевидный для всех факт, что войну проиграли не союзники России, а её враги. Нельзя отрицать и тот факт, что к революции в России, во время войны, в одинаковой мере стремились и немецкий ген. Штаб, и Ленин, и Керенский. Как юрист по образованию, Керенский не мог не знать того, что совершение государственного переворота во время войны было изменой своей собственной стране. Беспрепятственный приезд в Россию Ленина был вторым актом измены членов Временного Правительства, среди которых „златоуст революции" Керенский играл первую скрипку. Ни члены Временного Правительства, ни Керенский не могли предполагать, что находившийся на службе у врага Ленин был прислан в Россию Немецким Генеральным Штабом для спасения России. Они не могли не знать того, что Ленин германский агент, уже потому, что все правительства союзников, в том числе и Временное Правительство, получили об этом исчерпывающие сведения от контрразведок союзных с Россией держав. Третьим актом измены Керенского была передача им власти немецкому шпиону и диверсанту Ленину; подготовкой к этому акту Керенский систематически занимался в течение почти семи месяцев — с первого же дня приезда Ленина в Петроград. Когда большевики взяли власть в свои руки и, вместо марсельезы Керенского, запели Интернационал Ленина о разруше-

нии старого мира, разрушать в России было нечего. Многовековое государственное устройство России, к приходу к власти большевиков, было разрушено Керенским до основания. Не спрашивая на то разрешения русского народа, во имя и от имени которого, якобы, он действовал, Керенский произвел следующие реформы: Русская Православная Монархия была отменена; Россия была объявлена федеративной республикой и разным ее националистям дано было право „самоопределения вплоть до отложения"; Русская Православная Церковь была отделена от Государства; русский народный гимн был заменен марсельезой; русский национальный флаг был заменен красным — эмблемой крови; для пополнения кадров революционных активистов, преступники всех категорий были выпущены из тюрем; для поощрения грабежей, убийств и анархии смертная казнь была отменена; конституция была отменена; для разложения армии были созданы кадры правительственных комиссаров и Солдатские Комитеты; дисциплина была отменена приказом № 1; с морских офицеров были сняты погоны; генералитет был дискредитирован и разогнан; была введена чехарда верховных главнокомандующих; правительственные комиссары и солдатские комитеты контролировали служебную деятельность командного состава армии и отменяли боевые приказы и т. д. и т. д.; полиция была перебита, из уголовных преступников была организована, заменившая ее милиция; на железных дорогах был введен 8-и часовой рабочий день; русский неподкупный, быстрый и справедливый суд был заменен более быстрым судом Линча; Государственный Совет, Сенат и Госуд. Дума были закрыты, была организована ЧЕКА (Чрезвычайная Комиссия по Борьбе с Контр-революцией, саботажем и спекуляцией), заменившая собой следственные власти судебного ведомства, (Керенский лично произвел обыск в Царском дворце, перерыв все ящики столов и комодов и все шкафы); по обвинению в измене были отданы под следствие Чеки Государь, Государыня и Члены Правительства, но убийства адмиралов Непенина, Верена и др., убийство Управляющего Балтийским Заводом ген. Мотофанова, и ни одно убийство генералов, офицеров, священников, полицейских, помещиков, не были расследованы и виновники, за все время царствования Керенского, никогда

не были преданы суду; царские деньги были заменены „керенками, которые к концу его власти курсировали не одиночными купонами, а аршинными лентами на вес. В результате всех этих реформ законы не функционировали, армия была разложена, транспорт разрушен, нравственность уничтожена, Петроград голодал и люди умирали на улицах, лошадей всех съели, потому извозчики перестали существовать, школы не функционировали, валюта была обесценена, страна была погружена в состояние анархии, грабежи были повсеместные, от убийств по всем просторам России гибли ежедневно сотни, если не тысячи людей.

И, как оказывается, по словам Керенского, виной всему был не он и не Временное Правительство, а Григорий Распутин. Между Распутиным и Керенским была та существенная разница, — что Керенский создал себя сам, но Распутина создали Керенский и подобные ему клеветники, так как им нужно было создать хоть какой-нибудь повод для совершения революции; в своей же „творческой" революционной деятельности они не брезгали ничем. Относительно клеветы, связанной с именем Распутина, лейб-медик Государя — доктор Евгений Сергеевич Боткин, разделивший заключение и трагическую судьбу Царской Семьи, говорил: „Если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь". Татиана Мельник, рожденная Боткина, „Воспоминания о Царской Семье и Её жизни до и после революции". (Белград. Всеславянский Книжный магазин. М. И. Стефанович и Ко. 1921).

Клевета на Царственных Мучеников, начавшаяся при их жизни, продолжается и после Их мученической смерти, уже пятьдесят лет, и, чем дальше — тем сильнее. Эта отвратительная кипучая деятельность врагов российского народа вызвана их страхом перед грядущим и, верим мы, неизбежным возрождением национальной России. Она применяется, как превентивное средство против этого возрождения. Разношерстные ненавистники Христианнейшего Правителя — Русского Православного Царя, Православного Русского Царства и российского народа в его целом, не могут ограничиться только: убийством Царской Семьи, разрушением Православ-

ного Царства и геноцидом русского народа. Чтобы оправдать свою гнусную кровавую деятельность, они стараются очернить все три элемента, из которых состояло Русское Государство до их прихода к власти, и создать ложное представление о них, как в толще самого русского народа, так и в общественном мнении всего мира. Это — логическая последовательность всей их деятельности с самого начала её возникновения. Самыми разнообразными широко применяемыми ими средствами искажают они истину, не останавливаясь даже перед созданием всевозможных заведомых фальшивок.

В вольном или невольном союзе с ними, по обе стороны железного занавеса, работали и продолжают работать многочисленные отечественные мемуаристы и сочинители всевозможных „исторических” трудов. В своей бессовестной работе, большинство этих авторов руководствуется возможностью легким трудом заработать деньги. Некоторых из них обуревает горечь, вызванная крушением их политической или служебной карьеры, их вождделений, их жизненного благополучия, происшедшим, главным образом, по их же собственной вине. Творческая деятельность третьих подогрета, как возможностью заработка, так и горечью их чувств. Все эти писания наглядно свидетельствуют об атрофии у их авторов национального чувства и являются той водой, которая непрерывной струей льется на колесо мельницы русофобской пропаганды. И ныне, чуть ли не ежедневно, на страницах иностранной прессы, равно, как и на страницах прессы печатаемой на русском языке, но издаваемой не русскими людьми, появляются статьи содержащие самую бессовестную клевету, стремящуюся исказить до неузнаваемости подлинный образ тех трех элементов: Веры, Царя и Отечества, из совокупности которых состояло Русское Государство.

Уже в самом начале появления в печати клеветы на Царственных Мучеников, с возмущением и глубоким негодованием отзывается о ней благородный и мужественный чужестранец-швейцарец Пьер Жильяр, который в течение почти полных тринадцати лет находился в непосредственной близости к умученной Царской Семье и был одним из наиболее близких к Ней людей.

В сентябре 1905-го года Пьер Жильяр принял на себя обязанности преподавателя французского языка Мучениц-Великих Княжен, а 2-го октября 1912-го года он был назначен, кроме того, воспитателем Мученика-Великого Князя и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Пьер Жильяр добровольно разделил заключение Царственных Мучеников, пребывая в нем с 21-го марта 1917 г. по 23-ье мая 1918 г., когда, за пятьдесят пять дней до мученической кончины Царской Семьи, по распоряжению советских диктаторов, не смотря на свои просьбы и протесты, он был насильственно грубо отстранен от нее. В течение этих тринадцати лет П. Жильяр жил, что называется, под одной крышей с Царской Семьей в Царском Селе, в Ливадии, в Ставке, в местах Её заключения и участвовал в Её поездках по России и фронту, неотлучно сопровождая Мученика-Царевича. Пребывание Пьера Жильяра в непосредственной близости к Царской Семье давало ему возможность наблюдать жизнь этой Святой Семьи не только в официальной или в повседневной интимной обстановке, но и в обстановке мрачного, полного издевательств и ужасов заключения. Будучи человеком хорошо образованным и наблюдательным, П. Жильяр досконально изучил характеры, как самого Государя-Мученика, так и каждого из Членов Его Семьи. Особенно способствовали этому беседы Жильяра с Царственными Мучениками, которые велись запросто, которые затрагивали самые разнообразные темы, в которых выявлялись самые сокровенные духовные устремления, взгляды на совершающиеся политические события, чаяния и убеждения.

Не будучи связанным с какими-либо придворными кругами, политическими партиями или общественными группировками, преследовавшими свои узкие эгоцентрические цели, Жильяр был свободен от всяких навязчивых идей, выращенных на почве личного самолюбия, личного благополучия или личной материальной выгоды. Будучи же человеком безупречно честным, П. Жильяр в своих суждениях о людях и событиях руководствовался исключительно своей совестью и старался быть в них беспристрастным.

В своей книге „Трагическая судьба Николая 2-го и Его Семьи", первое издание которой вышло в свет в июле 1921-го

года, Жильяр пишет, что, в течение своего трехлетнего пребывания в Сибири, он был совершенно изолирован от остального мира и не имел никакого представления о тех трудах об Императоре Николае 2-ом, которые в течение этого времени были напечатаны в Европе. Вернувшись в Европу в сентябре 1920-го года, Жильяр поспешил ознакомиться с содержанием этих трудов. Вот — доподлинное заключение о них Жильяра: „В то время, как в некоторых из них сведения касающиеся Императорской Фамилии очень часто были ошибочны и не полны, большинство остальных представляло собою сплетение бессмыслицы и лжи — ту подлую литературу, которая пользовалась самой гнусной клеветой. Достаточно, для того, чтобы удостовериться в ценности этих писаний, указать на тот случай, когда в одной из этих книг, всё содержание которой основано на показаниях одного „очевидца" екатеринбургской драмы, „точность" которых заверена, можно прочесть описание моей смерти. Коль скоро я ознакомился с содержанием некоторых из них, я был возмущен; я возмутился еще больше, убедившись к моему удивлению, что они нашли одобрение широкой публики. Возникла насущная необходимость реабилитации нравственного облика русской Царской Четы; исполнение этого требовало ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПОРЯДОЧНОСТИ (подчекнуто мной Н. О.).

Цель настоящего очерка, посвященного светлой памяти Царя-Мученика Николая Александровича, выявить Его подлинный Облик, как человека, христианина и правителя, на основании подлинных исторических фактов, событий и мнений людей справедливых и порядочных, лично близко знавших ЕГО.

Часть Первая

Царь-Мученик Николай Александрович, как человек.

28-го октября 1866 г. Наследник Цесаревич и Великий Князь Александр Александрович вступил в брак с Принцессой Софией Фредерикой Дагмарой — дочерью датского короля Христиана 9-го и королевы Луизы. Перед этим принцесса Дагмара была присоединена к Православию с нарече-

нием Марией и стала именоваться Великой Княгиней Марией Федоровной.

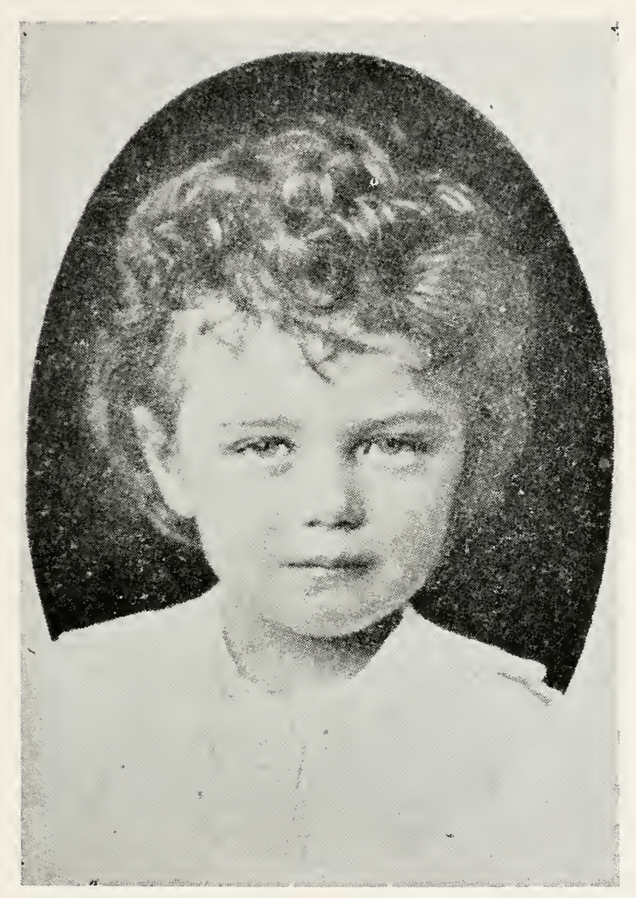
Их первый сын, Великий Князь Александр Александрович, родившийся в 1867-ом году, умер в младенчестве, вскоре после своего рождения.

Их второй сын-Великий Князь Николай Александрович, будущий Император Всероссийский Николай 2-ой, родился 6-18 мая 1868 г., после смерти своего старшего брата. День Его рождения совпал с днем памяти Святого Иова Многострадального, что было, как Он это всегда предчувствовал, как бы предзнаменованием Его многострадальной жизни и мученической смерти.

С первого дня своего рождения, согласно „Закону о Престолонаследии" Великий Князь Николай Александрович стал преемником Императоров Российских; поэтому, на воспитание и образование будущего Монарха Его Августейшими Родителями было обращено особое внимание.

Первоначальной учительницей Великого Князя Николая Александровича была Его пестунья Сургучева, жившая во дворце вместе со своим сыном-сверстником и товарищем детских забав будущего Императора.

В 1877 году руководителем учебных занятий был назначен генерал-адъютант Г. Г. Данилович, — человек большого ума и большой эрудиции. Генерал-адъютант Данилович, согласуясь с указаниями Августейшего Родителя Великого Князя и Наследника Цесаревича Александра Александровича, тщательно разработал и составил программу учебных занятий. В программу эту входил восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний — высших наук. Общеобразовательный курс был составлен по программе учебных занятий для 8-миклассных классических гимназий с изменениями: вместо преподавания классических языков (латинского и древнегреческого), было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; курс политической истории, русской литературы и иностранных языков был значительно расширен. Курс высшего образования включал следующие науки: политическую экономию, право и военное дело (военно-юридическое право, стратегию, военную географию, службы генерального штаба). Выбор пре-

Государь Император в детские годы

подавателей был сделан тщательный; в его состав вошли корифеи науки — профессора высших учебных заведений Российской Империи, как К. П. Победоносцев, выдающийся юрист и автор замечательного трехтомного труда о русском праве, блестящий оратор и глубоковерующий человек; Н. Х. Бунге, М. Н. Капустин, Е. Е. Замысловский и выдающиеся авторитеты военной науки, как профессор Академии Генерального штаба генерал-адъютант М. И. Драгомиров, любимец Императора Александра 3-го — генерал-адъютант трех Императоров Начальник объединенных штабов Российской

Империи (Генерального и Главного); автор военно-научных трудов Николай Николаевич Обручев; генералы Г. А. Леер и П. Л. Лобко. Тактику преподовал генерал-майор Гудим-Левкович. Английский язык — англичанин Карл Иосифович Хисс. Строевой службе, ружейным приемам и воинским уставам обучал Великого Князя полковник Лейб-Гвардии Преображенского полка Дрентельн. Наследник и Великий Кн. Николай Александрович был прекрасным наездником, отличным стрелком и увлекался тогда еще всюду малоразвитым спортом, достигнув большого совершенства в игре в теннис, в управлении парусной яхтой, в конькобежном и гребном спорте.

Первого (тринадцатого) марта 1881 г. было совершенно седьмое по счету злодейское покушение на жизнь Царя-Освободителя Александра 2-го, в результате которого Он был убит; на Престол вступил Царь-Миротворец Александр 3-ий, и Великий Князь Николай Александрович, которому тогда было 12 лет, стал Наследником Престола.

Мой двоюродный дед, ген.-адъютант Н. Н. Обручев, всегда с восторгом отзывался об уме и прекрасных душевных качествах своего Ученика и неоднократно рассказывал о способности Наследника Цесаревича быстро схватывать суть излагаемого предмета и о Его феноменальной памяти. Преподаватель английского языка говорил о своем Ученике: „Он был очень любознателен и прилежен, вызывая даже добродушные насмешки других, и чрезвычайно увлекался чтением, проводя большую часть свободного времени за книгой. Любил также, чтобы Ему читали и сам отлично читал вслух." По окончании курса наук, Наследник-Цесаревич сохранил к ним интерес на всю жизнь и продолжал совершенствовать свои знания путем чтения и бесед с компетентными и выдающимися людьми своего времени и поражал их своими обширными познаниями в различных областях. „Обладая основательными знаниями, — сообщает Н. Д. Тальберг, — Государь всю жизнь пополнял их, поражая своею осведомленностью тех, кто имел с ним дело. Вспоминаю то впечатление, которое Он произвел на министра путей сообщения Клавдия Семеновича Немешаева. Последний управлял долгое время обширной и образцовой Юго-Западной железной дорогой,

Государь Император в детские годы

был большим знатоком своего дела. Он рассказывал мне как поражен был знаниями Государя в этой области. Приходилось слышать тоже от других лиц". В. И. Мамонтов, главноуправляющий канцелярией по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых, который занимал эту должность очень долго и по роду своей службы был очень близок к Государю, пишет: „Впоследствии, когда мне пришлось часто докладывать Государю, я убедился, что Его Величество удивительно быстро схватывал сущность того, что повергалось на Его усмотрение, и что, казалось бы, требовало подробных объяснений. Память у Государя была поразительная: маломальски выдающееся дело, Ему доложенное, Он помнил в течение очень долгого времени в мельчайших подробностях".

„Государь Император Николай Александрович был самым интеллигентным и образованным человеком, какого я когда-либо встречал в своей жизни", — свидетельствует лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, погибший мученической смертью вместе с Царской Семьей и который очень хорошо и близко знал Царя-Мученика, пребывая с ним в ежедневном общении, в обстановке интимной жизни Царской Семьи, в течение 13-ти лет.

Историк Царствования Императора Николая 2-го Ольденбург пишет: „Император Николай 2-ой обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых Ему вопросов — все, кто имел с ним деловое общение, в один голос об этом свидетельствуют. У него было исключительная память, в частности на лица".

К этому остается добавить, что Император Николай Александрович в совершенстве владел немецким и, особенно, французским и английским языками; Его английский выговор приводил в удивление и в восхищение англичан и мог ввести в заблуждение Оксфордского профессора, который неминуемо принял бы Его за ностоящего англичанина.

Если образование Наследника Цесаревича Николая Александровича было превосходным, то воспитание Его, под непосредственным руководством Его Августейших Родителей, нравственность и душевные качества которых, находились на самом высоком уровне, не оставляло желать ничего лучшего.

От Них Наследник Цесаревич унаследовал ни чем не поколебимую веру в Бога, глубокое благочестие, преданность и покровительство Св. Православной Церкви, осознание своего священного долга Монарха, — как главного правителя и первого слуги Богом вверенного Его попечению народа российского, что стало традицией Российских Самодержавных Монархов, которая так резко выделяла Их из среды других правителей, которые только правили народом, но никогда ему не служили. Эта традиция, передававшаяся от Прадедов к Правнукам, нашла в лице Царя-Мученика самого выдающегося последователя. Царь-Мученик глубоко верил, что только неуклонное исполнение своего долга делало жизнь человека осмысленной и полезной. Это чувство в Его

Государь Император в юном возрасте

душе доминировало над всем остальным, стояло у Него на первом месте и было для Него важнее Его собственной жизни. Его, кажущаяся некоторым, слабость, исходила не от того, что у него не было силы воли, но от Его человеколюбия, от врожденного у него уважения к мнению других и, как следствие этого, от нежелания кого-либо обидеть. Воспитанные, интеллигентные и умные люди, как правило, никогда не бывают грубыми и высокомерными. Однако, полное отсуствие у Царя-Мученика высокомерия и грубости, отрицательно воспринималось многими его современниками и сотрудниками.

Царь-Миротворец воспитывал своих детей в строгости и в спартанской простоте. Спали они в простых деревянных

кроватях, на твердых матрасах и подушках. Пища их была без излишества и состояла из самых простых блюд; — черный хлеб, разных сортов каши и вареные яйца составляли обычное меню их завтраков. Во время обеда, общего с Их Августейшими Родителями, им подавали блюдо после того, как был обслужен последний из гостей. В тот момент, когда вставал от стола Отец, вставали и Дети. От них требовалось строгое исполнение их обязанностей и точное соблюдение распорядка дня и расписания занятий. Вставали Они в 7 час. утра ежедневно, после чего шли под холодный душ. Отличительные качества доброй души Царя-Мученика: простота, скромность, смирение и человеколюбие, были превратно поняты и приняты за слабость характера не только многими иностранцами, но и многими из Его подданных. На самом же деле, благодаря этим душевным качествам, в нем была воплощена огромная нравственная сила, которой Он руководствовался, как в управлении страной, так и в своей личной жизни, — до последнего своего вздоха.

Французский президент Феликс Фор считал Государя Николая 2-го самым воспитанным человеком, какого он когда-либо встречал. Ему вторит граф С. Ю. Витте, который в одном месте своих, кстати сказать, весьма противоречивых, начиненных ложью и скверными анекдотами, воспоминаний, в точности повторяет мнение президента Ф. Фора; в другом же месте он пишет: „Его Величество, человек весьма деликатный, и эта черта деликатности и крайней воспитанности, проявлялась в нем особенно в молодости".

Кроме воспитания и обучения Своего Сына, Имп. Александр 3-ий, с той же тщательностью и систематичностью, подготовлял Его к принятию тяжелой и ответственной обязанности будущего Монарха огромной Российской Империи. Путем бесед и поучений, Он систематически посвящает Наследника Престола в суть проводимой Им внутренней и внешней политики, знакомит Его со своими планами государственных преобразований в связи с насущеными потребностями страны. Иначе говоря, Наследник Престола с юных лет получает профессиональное образование будущего правителя. В основу этого образования, кладется программа государственного строительства России, вырабатывавшаяся Рус-

скими Монархами на протяжении веков и передававшаяся Прадедами своим Правнукам для последовательнего исполнения её предначертаний, направленных всегда в сторону общего благополучия всего населения России, а не отдельных групп, политических партий или сословий.

6-18 мая 1884 г. Наследник Цесаревич, достигший 16-летнего возраста, совершеннолетия для Особ Императорской Фамилии, в торжественной обстановке, под штандартом Лейб Гвардии Атаманского полка, приносит присягу на верность Государю Императору Александру 3-ьему и в Его лице России, присягу, которой Он останется верен всю свою жизнь — до последнего своего вздоха. С этого момента Наследник Цесаревич зачисляется на действительную военную службу.

23-го июня 1887 г. Наследник Цесаревич приступает к строевой службе и назначается на должность младшего офицера Государевой роты Лейб Гвардии Преображенского полка, а 17-го июня 1888 г. назначается её командиром. В 1890-ом году Он служит в Лейб Гвардии Гусарском Его Величества полку, — сперва младшим офицером а потом командиром эскадрона Его Величества. В 1891-1892 г.г. наследник служит в артиллерии, где сперва Он командует взводом в Лейб Гвардии 1-ой конной Его Величества батарее, а потом командует Лейб-Гвардии 6-ой пешей Его Величества батареей.

В декабре 1892 г., в возрасте 24-х лет, Наследник Цесаревич производится в полковники и 1-го января 1893 г. принимает 1-ый батальон Лейб Гварии Преображенского полка, которым и командует до своего вступления на Престол — 21-го октября 1894 г., сохранив за собой звание командира батальона на всю жизнь, вследствие чего приказы по полку ежедневно посылаются Государю-Мученику, как командиру батальона, что дает Ему возможность следить за ежедневной жизнью Преображенцев. Назначаемые же на эту должность офицеры называются не командирами батальона, а командующими. Бывший камер-паж ген. штаба ген.-майор Александр Александрович Зуров, в конце своей военной службы бывший командиром Лейб-гвардии Семеновского полка, после своего выхода в отставку в 1908-ом г., бывший бессменным личным секретарем сестры Царицы-Мученицы Александры

Федоровны — Великой Княгини Елизаветы Федоровны, зверски убитой большевиками 18-го июля 1918 г. в окрестностях г. Алапаевска, бывал во дворцах и лично знал Членов Императорской Фамилии и Императорской Семьи. Но особенно хорошо и близко он знал Государя-Мученика, который во время своей службы в Лейб-гвардии Преображенском полку, сперва был его однополчанином, а потом и непосредственным прямым начальником, как командир 1-го батальона, в котором Зуров в это время командовал ротой. Ген. А. А. Зуров, которого я очень хорошо и близко знал, подолгу живал с ним под одной крышей и, последние 20 лет его жизни, находился с ним в постоянном общении, дарил меня своей дружбой и доверием. В наших беседах он постоянно возвращался к темам, касавшимся жизни Царственных Мучеников, неоднократно рассказывал мне о той простоте отношения к окружающим людям, которая была самой характерной чертой Наследника-Цесаревича и в бытность Его Самодержцем Всероссийским, о том, что он одевался всегда очень просто, т. е. строго по форме, без всякого намека на франтовство. „Наследник-Цесаревич, — рассказывал ген. Зуров, — всегда аккуратно приходил на занятия; Он не числился только, но действительно служил и был образцовым офицером и командиром. Его отношение к своим однополчанам, офицерам и солдатам, было всегда дружелюбным и доброжелательным. Он был подлинным отцом-командиром, заботившимся о своих подчиненных, как офицерах, так и солдатах, о солдатах же в особенности, так как он любил их всем своим русским сердцем; Его влекла к ним их бесхитростная простота, что было основной чертой Его собственного характера. Наследник-Цесаревич не только интересовался их питанием и условиями их казарменной жизни, но и их домашними делами, жизнью и нуждами их семей и помогал их нужде".

Другой однополчанин Наследника Цесаревича — по Лейб-гвардии Гусарскому Его Величества полку — ген. штаба генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер свидетельствует, как по душе был Наследнику весь уклад полковой жизни и „тесная товарищеская среда, простые и вполне определенные взаимоотношения, дружественные вне службы и стро-

го дисциплинированные во время несения службы. Но особенно привлекала Его возможность ближе подойти к солдату, к простому человеку из толщи народной. Входя в жизнь и быт солдат вверенной Ему роты или эскадрона, наблюдая и изучая солдатскую психологию, взаимоотношения офицеров и солдат, Наследник вынес из своего пребывания в войсковых частях не только глубокую искреннюю любовь к военной среде, к армии, но совершенно определенные взгляды на духовную сторону жизни в казарме. Мечтой Наследника была возможность командовать полком. Он желал провести в жизнь свои взгляды на офицера и солдата, на их взаимоотношения, на отношение к службе и собственным примером увлечь офицеров на путь еще большего приближения к солдату" (Н. Д. Тальберг. „Отечественная быль". Издание Свято-Троицкого Монастыря. Джорданвиль, Нью-Иорк. 1960.).

Бывший преображенец, впоследствии киевский губернатор, А. Ф. Гирс, в своей книге „На службе Императорской России", дополняя свидетельства генерала Зурова и Миллера пишет: „Наследник Цесаревич обошел с командующим полком Великим Князем Константином Константиновичем и полковником Огаревым (от которого Наследник Цесаревич принимал в командование 1-ый батальон Л. Гв. Преображенского полка. Примечание мое Н. О.) все ротные и батальонные помещения, посетил кухню, пробовал пищу, знакомился с состоянием денежных сумм и батальонного имущества и, по окончании занятий в ротах, прошел в офицерское собрание, где перед общим завтраком ему были представлены все офицеры. С этого дня Наследник почти ежедневно приезжал в батальон во время утренних занятий, наблюдал за их ходом, вел подробные беседы с ротными командирами и младшими офицерами по вопросам, касающимся службы, в перерыве разговаривал с солдатами и скоро начал поражать знанием всех фамилий унтер-офицеров своего батальона и губерний, из которых они вышли. С самого начала Наследник обратил внимание на занятия с солдатами грамотностью, стараясь внушить им, что звание солдата высоко и почетно, как то значилось в раздававшейся им памятке. Присутствуя при обучении нижних чинов фехтованию, Наследник любил взять ружье и, с небольшого разбега,

проткнуть штыком чучело, а при стрельбе дробинками пострелять в цель с солдатами. В этом сказывалось Его влечение к спорту, в те далекие времена еще крайне примитивному.

Наследник исполнял все сопряженные с Его должностью обязанности и, наряду с другими батальонными командирами, назначался дежурным по караулам. К этой службе Он относился с особым вниманием, увлекая других своим примером. В исполнение инструкции С. Петербургского Коменданта, невзирая ни на какую непогоду или зимнюю стужу, Он поздно вечером объезжал караулы и для обхода постов вызывал разводящего".

В октябре 1891-го года Наследник-Цесаревич, в сопровождении своего брата Вел. Князя Георгия Александровича (старшего после Него сына Имп. Александра 3-го, умершего от туберкулеза летом 1899 года в возрасте 27 лет), начал свое большое заграничное путешествие приездом в Грецию, где к ним присоединился и наследник греческого Престола Георгий. Отсюда на броненосце „Память Азова", через Суэцкий канал, Наследник-Цесаревич совершил свое путешествие на Восток, посетив по пути: Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам, Сайгон, Гонконг и Японию, где Он побывал в Нагасаки, Киото и Тсу. Здесь на Наследника Цесаревича было произведено японским самураем покушение, являвшееся отражением того враждебного отношения к России, которое царило тогда в Японии и которое поддерживалось правительственными кругами Англии и других держав и должно было неминуемо привести к русско-японской войне. Это покушение не окончилось убийством Наследника исключительно благодаря быстрому вмешательству Наследника Греческого Георгия, который своей тростью ослабил удар сабли самурая, вследствии чего рана оказалась поверхностной, но шрам от нее сохранился на голове Наследника Николая Александровича на всю жизнь. В момент покушения, как и после него Николай Александрович сохранил полное спокойствие. В мае 1892-го года Наследник Цесаревич прибыл в Владивосток, где 19-го мая ст. стиля, после молебна, Он заложил первый камень железнодорожного вокзала, — конечной станции Великого Сибирского Пути, соединившего Европейскую Россию с её портом на берегу Тихого

океана, постройка которого была закончена в царствование Имп. Николая 2-го. В Санкт-Петербург Наследник-Цесаревич вернулся сухопутным путем. Это путешествие очень расширило умственный кругозор Наследника.

Наряду с военной службой, Наследник-Цесаревич практически знакомился с государственными делами, неизменно присутствуя на заседаниях Государственного Совета, в заседаниях Финансовой Комиссии, председателем которой он состоял, принимал послов иностранных держав, усиленно занимался сбором средств, как председатель комиссии по оказанию помощи пострадавшим от неурожая, жертвуя на нее крупные суммы из своих собственных средств и т. д.

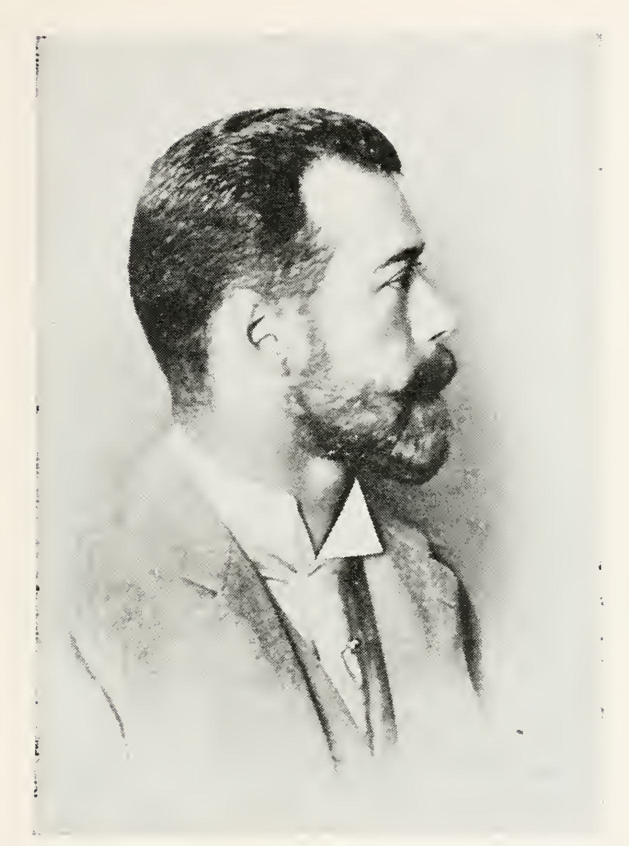
В результате своего образования и воспитания, по традициям Им усвоенным, Царь-Мученик Николай Александрович был олицетворением того идеального русского человека, образ которого выдающийся русский писатель Иван Шмелев изобразил следующими словами: „Русский тот, кто никогда не забывает, что он русский. Кто знает родной язык, великий русский язык, данный великому народу. Кто знает свою Историю, Русскую Историю — великие ее страницы. Кто чтит родных героев. Кто знает родную литературу, русскую великую литературу, прославленную в мире. Кто неустанно помнит: ты — для России, только для России! Кто верит в Бога, кто верен Русской Православной Церкви: она соединяет нас с Россией, с нашим славным прошлым. Она ведет нас в будущее; она — водитель наш, извечный и верный".

Сын учительницы царских детей И. Сургучев в своей книге „Детство Императора Николая 2-го" (Париж. 1953), росший и воспитывавшийся со своими царственными сверстниками — будущим Императором Николаем Александровичем и Его братом Великим Князем Георгием Александровичем, рассказывает о том, как Великий Князь Николай Александрович, будучи отроком, уже тогда обнаруживал самостоятельность своих суждений и, несмотря на дворцовый этикет, был в сердечных и простых отношениях с детьми дворцовой прислуги. В книге 5-ой журнала „Русская летопись" (Париж, 1923.) флигель-адъютант А. А. Мордвинов передает случай, рассказанный ему учителем английского языка Великого Князя Николая Александровича — Хиссом:

„Однажды, — рассказывает Карл Иосифович, — мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывается въезд короля, любившего простонародье и которому толпа восторженно кричала: „Да здравствует король народа". Глаза у мальчика заблистали, он весь покраснел от волнения и воскликнул: „Ах, вот я хотел бы быть таким..." — Это интимное желание быть любимым „многими", „всеми", по преимуществу простыми людьми и притом только русскими, хотя и было запрятано у Николая Александровича глубоко, все же чувствовалось во многих случаях и впоследствии, когда Он достиг зрелого возраста и стал Императором. Его простую, незлобивую, беспритязательную, глубоко верующую, застенчивую натуру тянуло более к бесхитростным людям, с душою простого человека. Во внутреннем мире крестьянства, составлявшем три четверти Его подданных, Государь видимо искал все те черты, которые были Ему дороги и которые Он так редко встречал в окружавшей Его среде. Это любовное чувство к простому народу мне приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленных разговоров Государя с крестьянами. Оно всегда проявлялось в особой, легко уловимой, задушевной интонации Его голоса, в чутком выборе задаваемых вопросов, в высказывавшихся затем по окончании разговора впечатлениях — неизменно доверчивых, добродушно ласкательных и заботливых".

Привожу выдержку из письма Государя, написанного в декабре 1905 г. к своей матери Императрице Марии Федоровне, находившейся в это время в Дании, которая особенно ярко иллюстрирует Его душевную простоту и Его чувства, которые были вызваны в Нем разговорами с солдатами во время смотра 1-го армейского корпуса, вернувшегося с войны: „Такая радость была видеть этих славных людей, которые с таким самоотвержением послужили в страшной и трудной войне. Старый Мейендорф, их командир, бегал около них и распрашивал о тех боях, в которых он был с ними; а я рядом говорил с другими, на это он не обращал никакого внимания. Было очень забавно".

Бывший киевский губернатор Александр Федорович Гирс в своей книге „На службе Императорской России" в

Государь Император во время пребывания в Германии

следующих словах передает, рассказанное ему полтавским губернатором гр. Л. Н. Муравьевым описание представления Государю, во время полтавских торжеств в 1909 г., крестьянских делегаций, на этих торжествах присутствовавших: „По его свидетельству, самым замечательным в Полтаве днем было 26-ое июня — канун празднования Полтавской победы. По распоряжению Столыпина, в Полтаву было вызвано из сел более 2.000 крестьян, которые расположились в поле лагерем. Об этом лагере Столыпин доложил Государю, выразившему желание в 4 часа, до всенощной, его посетить. Крестьяне были расположены по уездам кольцом, в которое вошел Государь, и началось представление. Оно имело сна-

чала характер официальный, но по мере продвижения Государя, оно стало обращаться в оживленную беседу. Лицо Государя просветлело, Его собеседники заговорили свободно. Перед Царем развернулась вся картина крестьянской жизни, их забот и обычаев. Столыпин со своей стороны задавал крестьянам вопросы, вызывая их высказаться по занимавшему Государя и его вопросу о разверстании надворной черезполосицы и хуторскому расселению. Ответы крестьян были метки и веселы; смеялся Государь и все присуствовавшие".

Тысячи и тысячи случаев свидетельствовали о доброте Государя и о Его неустанной заботе о своих подданных.

Государь Николай Александрович был среднего роста (5 фут. и 7 дм.). Его стройная фигура, пропорциональностью своего сложения, была безукоризненной, блистала исключительной элегантностью своего врожденного изящества, которое в соединении с военной выправкой, спортивным совершенством, мягкой плавностью движений Государя, являла собой внешний облик Его царственного величия и царственной простоты. Государь был прекрасным наездником; Его посадка на лошади отличалась необыкновенным кавалерийским изяществом. Вид Царственного Всадника, слитого воедино с лошадью, являл образ совершенной красоты.

Волосы Государя были золотисто-рыжеватого цвета; несколько темнее была Его, всегда тщательно подстриженная, холеная борода. Украшением Его красивого продолговатого лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были Его голубые глаза. Всех, кто имел счастье когда-либо видеть Государя, поражала бездонная глубина этих чудных глаз, в которых, как в зеркале, отражалась его прекрасная душа. Его внешная наружность была достойным обрамлением Его светлой души. Все это, в совокупности с приятным мягким голосом, в самом начале беседы с Государем, создавало у Его собеседника впечатление, что перед ним находится очень дружелюбный человек.

В апреле 1894 г. Наследник-Цесаревич Николай Александрович отбыл из Петербурга в Кобург на свадьбу принца Гессенского Эрнеста. По прибытии в Кобург Он был встре-

чен на вокзале сестрой принца Алисой Викторией Еленой Луизой Беатрисой — будущей Императрицей Александрой Федоровной. Обоюдная симпатия, возникшая между Ними, во время Их многократных встреч заграницей и в России, бывших ранее, перешло у Них, с течением времени, в то глубокое, чистое, святое чувство взаимной и преданной любви, которое было украшением Их примерной супружеской и семейной жизни и никогда и ничем не нарушалось вплоть до их мученической смерти. Здесь — в Кобурге Наследник-Цесаревич сделал принцессе Алисе официальное предложение о вступлении с Ним в брак, которое принцессой было принято.

Из Кобурга Наследник Русского Престола вернулся в Петербург официальным женихом. Вскоре после этого у Императора Александра 3-го появились признаки той роковой болезни, которая свела Его в могилу. В связи с этим Царская Семья, по предписанию врачей переехала на жительство в Ливадию, куда за десять дней до смерти Имп. Александра 3-го прибыла Невеста Его Сына. Находясь в безнадежном состоянии, сильно ослабленный болезнью, несмотря на протесты врачей и Семьи, желая оказать внимание Невесте своего Сына, Император Александр 3-ий, встав с кровати, встретил принцессу сидя в кресле, одетый в полную парадную форму и тут же благословил, коленопреклоненных у его ног Жениха и Невесту.

20 октября — 2 ноября 1894 г. Император Александр 3-ий в Бозе почил. На следующий день на трон вступил Император Николай 2-ой.

14-26 ноября 1894 г. — в день рождения вдовствующей Императрицы Марии Федоровны — в атмосфере грусти и в скромной обстановке, в присутствии лишь ближайших Членов Семьи, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский совершил в церкви Зимнего дворца таинство венчания Императора Николая Александровича и Принцессы Алисы, принявшей перед этим Св. Православие.

Ввиду траура коронация Государя Николая 2-го была отложена на 1896 г. О своем намерении короноваться Государь объявил следующими словами своего Манифеста:

Божиею Милостью, Мы, Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

При помощи Божией, вознамерились Мы, в Мае месяце сего года, в Первопрестольном граде Москве, по примеру Благочестивых Государей Предков Наших, возложить на Себя Корону и восприять, по установленному чину, Святое Миропомазание, приобщив к сему и Любезную Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Федоровну.

Призываем всех верных наших подданных, в предстоящий торжественный день Коронования, разделить Нашу радость и вместе с Нами вознести горячую молитву Подателю всех благ, да излиет на Нас Дары Духа Своего Святого, да укрепит Он Державу Нашу и да направит Он Нас по стопам Незабвенного Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для Нас навсегда светлым примером.

Дан в Санкт-Петербурге, в 1-ый день Января в лето от Рождества Христова Тысяча Восемьсот Девяносто Шестое, Царствования же Нашего во второе.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: „НИКОЛАЙ".

6-18 мая 1896 г. юная Царская Чета прибыла в Москву на Брестский вокзал, откуда направилась в Петровский дворец. По всему пути Её следования, несмотря на дождь, густые массы народа радостно Ее приветствовали.

В Петровском Дворце Их Величества, пребывая в полном уединении, говели и причащались Св. Таинств. 9-21 мая состоялся торжественный Въезд Их Величеств в Москву. По дороге в Кремль Царский кортеж остановился у Иверской часовни, где Их Величества приложились к чудотворной иконе Иверской Божией Матери.

На коронационные торжества со всех концов мира прибыли в Москву многочисленные иностранные посольства. Среди возглавителей этих посольств находились: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев и шестнадцать принцев и принцесс. 14-26 мая совершилось Священное Коронование Их Вели-

Государь Император и Государыня Императрица в Царском Селе.

честв и Миропомазание. После Св. Миропомазания Государь входит в алтарь, где перед Св. Трапезой Он приобщается Св. Тайн, по „чину царскому", как Священнослужители, т. е. особо Тела и особо Крови Христовой. Государыня приобщается у Царских Врат, обычным порядком. После окончания службы Божией в Успенском соборе, где происходило Св. Коронование, Их Величества в сопровождении вдовствующей Императрицы-Матери направились в Архангельский и Благовещенский соборы, где приложились к мощам Св. Угодников. Вслед за тем Их Величества, увенчанные Коронами, взошли на Красное Крыльцо и троекратным поясным поклоном приветствовали, заполнивший всю площадь, народ. Привет Царственной Четы был встречен народом громовым восторженным „ура" и несмолкаемым пением национального гимна.

Венчание Их Величеств было омрачено смертью Отца Государя, Венчание Государя на Царство было омрачено катастрофой на Ходынском поле, происшедшей по недосмотру и нерадению московской администрации. В коронационных торжествах, кроме миллионного населения Москвы, приняли участие и сотни тысяч крестьян пришедших в Москву из ближних и дальних её окрестностей. На Ходынском поле было приготовлено для этой массы людей угощение и раздача царских подарков-сувениров и сладостей. Администрация не учла многолюдности толпы и недисциплинированности на-

рода. В происшедшей давке было задавлено несколько сот человек и больше тысячи людей потерпело повреждения. Когда об этом доложили Государю, Он был потрясен до глубины души, по лицу Его потекли слезы и все последующие дни выражение глубокой печали лежало на Его прекрасном лице. Царственная Чета поспешила в госпитали Москвы, где навещала пострадавших. Государь отдал распоряжение, чтобы похороны жертв ходынской катострофы были совершены за Его собственный счет; каждый покойник должен был быть похоронен в отдельной могиле. Независимо от этого каждой пострадавшей семье было выдано из собственных средств Государя вознаграждение в одну тысячу рублей.

Первые 10 лет супружества Царской Четы были самыми счастливыми годами в Их личной семейной жизни. В ноябре 1895 г. родился Их первый ребенок — Вел. Княжня Ольга Николаевна, в июне 1897 г. — Татиана Николаевна, в 1899 г. в мае — Мария Николаевна, в июне 1901 г. — Анастасия Николаевна. 30-го июля 1904 г., к великой радости Родителей, у Них рождается первый ребенок мужеского пола, долгожданный Наследник-Цесаревич и Великий Кн. Алексей Николаевич. В это время Россия находилась в войне с Японией, и Государь спешит поделиться своей радостью с Дальневосточной армией, которая вся — в полном своем составе, представленная крестным отцем родившегося Наследника — В. Князем Алексеем Александровичем, Становится Его восприемницей. Рождение Наследника, как и перед тем Коронация Государя Николая Александровича, сопровождается Его Манифестом, предоставляющим всему населению России широкие общие льготы.

Но злой рок продолжает беспощадно преследовать Русскую Царскую Чету; великая радость Родителей, вызванная рождением Царевича Алексея, вскоре омрачается великой печалью, которая превращается в ту тяжелую душевную драму, которую Они будут таить в глубинах своих душ скрытой от постороннего взгляда, но постоянно ими самими переживаемой — вплоть до конца Их земной жизни.

Через несколько дней после своего рождения у Наследника делается кровотечение; все попытки врачей остановить его остаются тщетными; — через некоторое время оно са-

Наследник Цесаревич
в форме Лб-Гв. Московского полка

мо по себе прекращается. Когда же ребенок подростает настолько, что начинает самостоятельно ползать, и у него на теле, в результате даже только лишь резкого прикосновения к твердым предметам появляются синяки-признак внутреннего кровоизлияния, сопровождающегося опухолью суставов, высокой температурой и мучительными болями, врачи определяют, что Наследник болен гемофилией, — болезнью, при которой самое незначительное повреждение

кожного покрова, даже в виде незначительной царапины, сопровождается сильным кровотечением, могущим вызвать смерть. Болезнь эта передается по наследству исключительно особями женского пола и исключительно детям мужеского пола. Передатчицей этой болезни оказалась Государыня-Мученица Александра Федоровна, унаследовавшая эту биологическую особенность своего организма от своей бабушки и воспитательницы — английской королевы Виктории, младший сын которой принц Леопольд оказался гемофиликом, к удивлению его ничего не подозревавшей матери. Две из её пяти дочерей оказались передатчицами этой болезни, равно, как в следующем поколении передатчицами оказались две её внучки — Императрица Российская и королева испанская. Для исследования болезни Наследника и её лечения Царская Супружеская Чета приглашает целый ряд светил медицины — своих и заграничных; врачи подтверждают диагноз, но остаются совершенно беспомощными во время припадков болезни (никаких средств и лекарств для лечения болезни, как не было тогда, нет и теперь). С этого времени Царственные Родители погружаются в пучину глубокого постоянного горя и пребывают в постоянной тревоге за жизнь Их ребенка; к этим чувствам невольно примешивается чувство, как бы своей виновности перед Сыном в невольной передаче Ему наследственного недуга. Особенно остро переживает это Мученица-Мать.

Горячая вера в Бога в Его неисчерпаемую милость, поддерживает в Их страдающих душах надежду на совершение чуда исцеления Их Сына.

6-19-го января 1905 г., в день праздника Богоявления, у проруби на Неве, вблизи Зимнего Дворца, совершалось в Высочайшем Присутствии освящение воды. После церковной службы, во время орудийного салюта, по крышам павильона, в котором находился Государь, защелкали картечи, и в тоже время послышался звон разбитых стекол в окнах дворца. Одна из картечей упала на пол в зале дворца вблизи стоявшей у окна Императрицы Александры Федоровны. Оказалось, что одно из орудий Лейб-Гвардии 1-ой конной Его Величества батареи было заряжено некиим вольноопределяющимся из студентов боевым зарядом. Государь не дрогнул.

Его Императорское Высочество
Наследник Цесаревич и Великий Князь
Алексей Николаевич

Вообще неустрашимость и невозмутимое спокойствие Царя-Мученика были отличительными чертами Его мужественного характера. К этому случаю Государь отнесся очень снисходительно и к виновным были применены лишь дисциплинарные наказания. Командир батареи полк. Давыдов, с которым Государь вместе служил в той же батарее, отбывая ценз в артиллерии, был переведен на такую же должность в армейской артиллерии. В своих лживых начиненных чванством и злобой мемуарах, гр. С. Ю. Витте следующим образом описывает этот случай: „6-го января, во время традиционной

процессии Крещения, когда Его Величество со всем духовенством и блестящей свитой вошел в беседку присутствовать на освящении воды митрополитом и когда, после священного акта, традиционно с Петропавловской крепости, находящейся против беседки, на другой стороне Невы, начали стрелять орудия, то оказалось, что одно из орудий было заряжено не холостым зарядом, а боевым, хотя и весьма устарелым, тем не менее, если бы этот снаряд попал в беседку, то он мог произвести большую катастрофу.

Из расследования потом оказалось, что это был простой промах, простая случайность, и Государь Император отнесся к лицам, допустившим этот промах, эту случайность, крайне милостиво, как вообще Государь всегда относится к военным, — к этому сословию Его Величество особенно милостив, особливо добр.

Тем не менее, случай этот во многих слоях общества трактовался, как покушение, если не на царскую жизнь, то на царское спокойствие".

Ко времени рождения Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, в высшем Петроградском обществе стала распространяться слава о сибирском неграмотном крестьянине Григории Ефимовиче Распутине, как о благочестивом старце и чудесном целителе болезней. Особенно способствовало этому то обстоятельство, что Григорий Распутин сделался завсегдатаем дворцов Великих Князей-братьев Николая Николаевича и Петра Николаевича, женатых на родных сестрах Великих Княгинях Анастасии и Милице Николаевнах — дочерях черногорского Короля Николы I-го.

Узнав о безнадежности болезни Наследника и о той душевной драме, которую в связи с этим мучительно переживали Его Родители, Великие Княгини поспешили сообщить Государыне и Государю о чудодейственной целительной силе Распутина и стали горячо уговаривать Их призвать Распутина для лечениях Их безнадежно больного Сына. Считая своим долгом перед больным Сыном использование всякой представлявшейся Им возможности Его лечения, Их Величества дали свое согласие, и 1-14 ноября 1905 г. супруга Великого Князя Петра Николаевича-Милица Николаевна лично привезла Распутина во дворец. Распутин был приведен к

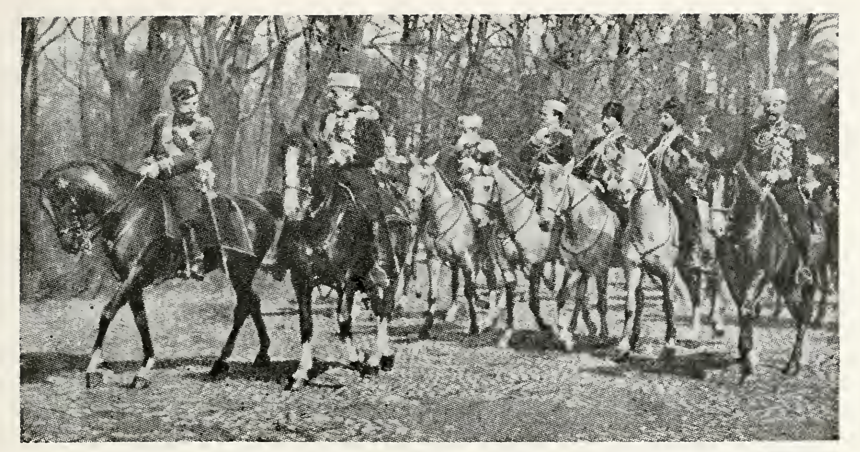
ложу больного Наследника, стал шептать молитвы; постепенно ребенок стал успокаиваться и через некоторое время заснул совершенно спокойным сном. У проснувшегося, после долгого спокойного сна, младенца на лице появился румянец, кровотечения не было обнаружено и Он стал постепенно поправляться.

О необъяснимой сверхестественной силе, которой обладал Распутин имеются тысячи свидетельств. Его появление у ложа больного Наследника неизменно вызывало быстрое прекращение кровотечения, больной, как правило, засыпал а когда Он просыпался, всех, окружавших Его, поражала та явная резкая перемена к лучшему в состоянии его здоровья, которая наступала после посещения Его Распутиным: боли и жар прекращались, на изнеможенном бледно-желтом лице появлялся румянец жизни и наступало постепенное восстановление сил. Совершенно беспомощные в лечении болезни, врачи только разводили в недоумении руками. Целительный дар Распутина — вероятно гипнотизм, подтверждают все лица, бизко соприкосавшиеся с Царской Семьей, в том числе и врачи, под постоянным наблюдением которых находился Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Об этом утверждает в своих воспоминаниях, неоднократно присутствовавшая во время сеансов лечения Наследника Распутиным, Великая Княгиня Ольга Александровна, младшая, из сестер Царя-Мученика, лейб-медик доктор Е. С. Боткин, воспитатель Наследника Пьер Жильяр, постоянно жившая во дворце Анна Александровна Вырубова и множество других лиц. Оценка Распутина, как целителя, у разных лиц была разной: одни приписывали это его глубокой вере, другие объясняли тем, что он обладал способностью гипнотизировать, третьи считали его ловким шарлатаном; но все в один голос свидетельствовали о том, что с появлением Распутина у ложа больного Наследника, припадок гемофилии, не поддававшийся лечению врачей, прекращался и в состоянии Его здоровья наступал резкий поворот к лучшему.

В 1915-ом году, будучи в домовой церкви на Кирочной улице в Петрограде, прихожанами которой были исключительно представители высшего петроградского общества, я был поражен увидев среди молящихся крестьянина с длин-

ными волосами, разделенными посередине головы прямым пробором, с длинной бородой, в высоких сапогах, в шароварах, в косоворотке с русскими вышивками навыпуск, перепоясаной домотканным узорчатым поясом. Когда наши взгляды встретились, я был поражен выражением глаз этого человека, которые, казалось мне, проникали во все тайники моей души, светились каким-то огнем, который сверлил меня насквозь. На мой вопрос: „Кто этот человек?" — я получил ответ, что это Распутин. Это была моя единственная мимолетная встреча с этим таинственным сибиряком, впечатление от которой сохранилось у меня на все жизнь.

Приглашение Распутина к больному Сыну было частным делом Его Родителей. Последующие его появления у ложа Больного оправдывались неизменно прекращением кровоизлияния и мучительных болей, от которых маленький Наследник Престола невыносимо страдал и происходило это, повторяю, при полном бессилии врачей, под постоянным наблюдением которых Наследник находился. Поэтому, вполне естественным было чувство глубокой благодарности у добрых и благородных Родителей к целителю Их страдальца-Сына, смерть которого можно было ожидать от каждого очередного припадка болезни. Неестественным, неблагородным и жестоким было поведение некоторых лиц, принадлежавших к высшему обществу и административным и политическим кругам, которые, узнав о близости неграмотного сибирского мужика к Царской Семье, решили эксплоатировать его для своих личных, эгоистических, грязных целей. Распутина начали систематически развращать, его стали обхаживать, перед ним стали пресмыкаться. Первоначальная скромность сибирского неграмотного крестьянина, который сам себе не отдавал отчета в той необыкновенной таинственной силе, которая в нем таилась, стала исчезать. Окруженный роскошью и почетом заискивающих перед ним бар, неграмотный, но смекалистый, сибирский мужик не брезгал отношениями с ними и вытекающими из них удовольствиями и выгодами. К нему стали обращаться с просьбами, ходатайствовать о разных милостях и назначениях у высокопоставленных лиц. В конце-концов, усилиями этих лиц, Распутин был перенесен от постели больного Наследника на политическую арену. Эти гос-

Государь Император и В. Кн. Владимир Александрович со свитой.

пода, забыв о самых элементарных правилах морали и собственном достоинстве, разделились на два враждующих лагеря: распутинцев и его противников. Распутин, под натиском на него знатных просителей, начал досаждать советами и просьбами Государю. За вмешательство не в свои дела, Распутин, по приказанию Государя, был дважды выслан в свою деревню — Покровское. Но всякий раз, когда жизни Наследника угрожала смерть в связи с очередным приступом болезни, а врачи по прежнему оставались бессильными, Распутин срочно вызывался для лечения больного мальчика.

Современная медицина широко пользуется гипнотизмом для лечения различных болезней и даже применяет его, как анастезирующее средство при некоторых операциях. Сегодня имеется обширная литература по гемофилии, среди которой имеются научные труды крупных ученых-специалистов по гемофилии, которые утверждают, что под влиянием гипноза на нервную систему пациентов больных гемофилией, у последних происходит сужение кровеносных сосудов, вследствие чего кровоизлияние прекращается.

Каждое новое появление Распутина в столице неизменно сопровождалось возобновлением старых и появлением новых интриг. Из интимной переписки Государя Императора с Государыней Императрицей явствует, что когда Госуда-

рыня сообщала Государю о советах или просьбах Распутина, Государь в своих ответных письмах неоднократно отвечал лаконической фразой решительного отказа: „Наш друг в этих делах ничего не понимает" или: „Наш друг дает весьма странные советы". Иногда, в очень редких случаях, эти советы или просьбы Распутина, независимо от него, совпадали с собственными пожеланиями Государя. Так эксплоатировалось аморальными и жестокосердными людьми — грубо и беззастенчиво — самое большое несчастье в жизни Царской Семьи, а из Распутина создавалась в умах некомпетентных несведующих людей, какая-то фантастическая политическая величина, имевшая неограниченное влияние на весь ход государственных дел России. Клевета же делала свое дело, и в конце-концов из Распутина был создан жупел, которым широко пользовались для своей пропаганды Государственная Дума, безответственные подрывные революционные элементы и немецкий генеральный штаб, имевший своих агентов и в России. Этот Распутинский фантом был окончательно зафиксирован его убийством — ненужным, гнусным и отвратительным преступлением, совершенным 16-29 декабря 1916 г., и был собственно говоря, первым толчком к дворцовому перевороту, немедленно превратившемуся, с падением единственного Государственного Авторитета, каким был Царь-Мученик для всего населения России, в тот „жестокий и бессмысленный бунт", который постепенно захватывал народные массы России на том основании, что народ пришел к заключению, „что, раз баре Царя сбросили, — теперь, все можно". Эту фразу можно было слышать по всей России, и стала она лейт-мотивом того отвратительного явления, обильно политого кровью лучших русских людей, которое Керенский и его соумышленники и сотрудники по уничтожению России называли „великим, бескровным февралем".

Инициатором убийства Распутина был князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон, который года за 2-3 перед этим женился на родной племяннице Царя-Мученика — княжне Ирине Александровне, дочери младшей сестры Государя Великой Княгини Ксении Александровны и Ее супруга Великого Князя Александра Михайловича. Юсупов был одним из самых богатых и красивых людей России.

Внешний облик Юсупова состоял из контрастов: его женственной красоте и женственным манерам противоречило жестокое холодное выражение его больших голубых глаз, отражавших беззастенчивость и жестокость его души. До девятилетнего возраста он воспитывался девочкой, носил длинные волосы, и мать, обожавшая свою „дочь", наряжала его в неизменно розового цвета платьица. Окончательное воспитание и образование кн. Юсупов получил в Англии — в Оксфордском университете, где он усвоил не только английские вкусы и привычки, но и английские взгляды на свою родину-Россию.

19-го ноября 1916 г. „обожатель" Государя, видный монархический деятель крайне правого фланга, если не ошибаюсь, в то время председатель „Союза Русского Народа", член Госуд. Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич, в унисон со штурмовой речью своего партийного и личного врага — проф. П. Н. Милюкова, лидера партии конституционных демократов, обвинившего правительство и Государыню в глупости и в измене, произнес тоже погромную речь направленную против правительства. На следующий день ему позвонил по телефону кн. Юсупов, которого он до этого никогда не встречал, прося у него свидания. На следующий

день — 21-го ноября, кн. Юсупов приехал к Пуришкевичу и предложил ему принять участие в задуманном им убийстве Распутина, на что Пуришкевич немедленно согласился. Уже перед этим, Юсупов втянул в заговор Великого Князя Димитрия Павловича, которому в этом предприятии сопутствовал некий гвардейский поручик С. Пуришкевич же втянул в заговор непосредственно ему подчиненного врача его санитарного поезда доктора С. С. Лазаверта, с которым он был „на ты". По заранее выработанному плану действий, Распутин был приглашен под неблаговидным предлогом свести его с одной дамой из высших сфер общества. Свидание было назначено в ночь с 16-го на 17-ое декабря 1916 г. в известном всему Петрограду роскошном дворце кн. Юсупова на Мойке. К заговору был привлечен и член конституционной демократической партии будущий министр Временного правительства — масон Василий Алексеевич Маклаков, который благословил заговор, но от личного участия в убийстве Распутина уклонился. Было решено Распутина отравить и заговорщики были снабжены доктором Лазавертом большой дозой цианистого калия. К приезду Распутина во дворец были приготовлены отравленое вино и отравленные пирожные. Распутин был привезен и началось угощение. Распутин пил отравленное вино и закусывал его отравлеными пирожными, яд на Распутина никакого действия не производил, и между ним и его отравителем продолжалась вялая, искусственно поддерживавшаяся, находившимся в ожидании мгновенной смерти Распутина, кн. Юсуповым беседа. Прошло около получаса, никаких признаков отравления не было заметно, тогда, недоумевающий Юсупов поднялся в свой кабинет находившийся в верхнем помещении дворца, где находились все остальные, скрытые от Распутина, заговорщики. После короткого совещания было решено застрелить Распутина и кн. Юсупов, спрятав в карман револьвер, спустился вниз и, подведя Распутина к Распятию, сказал ему: „Григорий Ефимович, Вам пора замаливать Ваши грехи". Когда же Распутин стал перед художественно сделанным из слоновой кости изображением распятого Христа, Юсупов выстрелил в него — в спину, в область сердца. Распутин упал, но следов крови не было. Через некоторое время Юсупов нагнулся, чтобы пощупать пульс „мертвого" Распутина, и в тоже время, Распутин,

Их Имп. Выс. Вел. Кн. Татьяна Николаевна (в форме 8 уланского Вознесенского п.) и Вел. Кн. Ольга Николаевна (в форме 3 гусарского Елисаветградского п.)

поднявшись на ноги, со словами: „Феликс, Феликс!", — схватил его за горло. С трудом вырвавшийся из рук Распутина, обезумевший от страха кн. Юсупов бросился удирать наверх, к заговорщикам. Взбежав на верхнюю площадку он обернулся и увидел, что Распутин, шатающейся походкой, направляется к выходным дверям. На дикий крик Юсупова: „Распутин удирает!", — в погоню за ним бросился Пуришкевич. Последняя сцена разыгралась уже снаружи, во дворе дворца, где Пуришкевич открыл по Распутину стрельбу: из четырех выстрелов — два попали в Распутина — одна пуля в спину, другая в голову; Распутин упал у выходных ворот.

К лежащему Распутину подбежал с двухфунтовой каучуковой гирей кн. Юсупов и стал бить его этим гимнастическим прибором по голове и в висок. С трудом удалось присутствующим оттянуть от бездаханного тела Распутина обезумевшего кн. Юсупова. После этого тело Распутина было погружено в автомобиль и сброшено с моста в Неву — в прорубь. Утром 17-го декабря Пуришкевич послал находившемуся в Москве упомянутому раньше будущему министру Временного правительства, В. А. Маклакову телеграмму с извещением, что Распутин убит. В своих клеветнических воспоминаниях, в которых Пуришкевич старается себя обелить и очернить целый ряд неповинных лиц, в том числе обоих Императриц, Государя и т. д., о посылке им Маклакову телеграфного донесения об убийстве Распутина он сообщает в следующих словах: „Еще не было половины девятого в день 17-го декабря, когда, кто бы сказал, свежие и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы с доктором Лазавертом, расставив дневальных санитаров у вагонов, стали поджидать думских гостей, они явились в начале десятого с А. И. Шингаревым (будущим министром Временного Правительства, примечание мое. Н. О.), как врачом, во главе, и детальнейший осмотр поезда длился почти до полудня, при чем оба мы давали гостям все нужные разъяснения, характеризуя работу наших отрядов.

В начале первого, члены Государственной Думы уехали, а я, сев в автомобиль, заехал к матери попрощаться, в Государственную Думу послать телеграмму в Москву В. Маклакову: „Когда приезжаете?" обозначавшую, как было условлено, что Распутин убит". Почему так важно было послать врагу существовавшего в России режима телеграмму об убийстве Распутина? Не был ли он инспиратором и душой заговора? Маклаков это отрицает. Однако, если принять умственную ограниченность Пуришкевича и других участников заговора, эта возможность далеко не исключена. Весьма сумбурное сочинение Пуришкевича, которое он называет своим дневником, полно всяких фантастических измышлений, в которых он старается оправдать себя и потому обвиняет режим и целый ряд лиц из политических и высших сфер. Распутина Пуришкевич, до дня его убийства, никогда не

Наследник Цесаревич в Ливадии

встречал, и, надо полагать, что его решение на самоотверженное участие в убийстве Распутина, было сделано под влиянием кн. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона, недавно всю эту позорную историю, из каких то коммерческих соображений, повторившего на холливудском процессе. Участие Пуришкевича в убийстве Распутина, надо полагать, было обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых Пуришкевич сам пал жертвой пропаганды немецких и революционных кругов, во-вторых Пуришкевич искренне жаждал славы и популярности; мечтал о министерском портфеле, представлял себя в роли кн. Пожарского. Поэтому, вполне естественно, что пожалованный ему Государем чин действительного статского советника и орден Св. Станислава 1-ой степени его не удовлетворяли; отказ же Царя-Мученика следовать его советам он счел для себя оскорбительным и потому в

своем сочинении он показал режиму свои „оскорбленные"... ослиные копыта. Поэтому, с ниже приведенным мнением Маклакова о „дневнике" Пуришкевича, нельзя не согласиться.

Дневник Пуришкевича был издан в конце 1918-го года на юге России. В 1923 г., некий псевдоним Я. Е. П. переиздал его. Перед напечатанием „дневника" Пуришкевича Яков Евгеньевич П. обратился к Маклакову с письмом прося его, как лицо хорошо знакомое с делом об убийстве Распутина, как он выразился в этом письме: „...дополнить эту страничку истории". В ответ на это предложение В. А. Маклаков написал ему в свою очередь письмо, которое и было помещено в виде предисловия к переизданному Яковом Евгеньевичем П. сочинении Пуришкевича. Цитирую две выписки из этого письма В. А. Маклакова: „Если мы будем искать в нем ФАКТИЧЕСКОЙ ТОЧНОСТИ, столь естественной для дневника, то наверное впадем в ошибку. Дневник Пуришкевича — вовсе не дневник; это только литературная форма, которую он избрал для своих воспоминаний. Что это так, едва ли стоит доказывать; само по себе невероятно, чтобы в этой суете, в которой проходило время перед убийством, Пуришкевич мог найти досуг, чтобы вести дневник, особенно в такой форме, т. е. не в виде простой записи фактов, а в виде рассказа с лирическими отступлениями, в велеречивом и декламаторском стиле. Самый этот стиль доказывает, что перед нами не дневник, а „литература". Что это не дневник, я убеждаюсь еще и потому, что нахожу в нем такие неточности, которые естественны и неизбежны в воспоминаниях, но были бы необъяснимы для дневника. Я мог констатировать их почти во всех случаях, где мог их лично проверить..." и далее: „Но в рассказах современников, а тем более участников, заключается обыкновенно еще та условная правда, которую принято называть „исторической". Эти рассказы ценны не только правдой, но и своими заблуждениями; даже сознательная неправда может быть характерна и способствовать пониманию эпохи и ее настроения. Дневник Пуришкевича не может не быть интересен и с этой точки зрения, но только с одной оговоркой; он рельефно и ярко изображает не столько эпоху, сколько его собственную личность. Для

Военный совет в Ставке 14 апреля 1916 г.

суждения об эпохе и людях нельзя полагаться на его отзывы и суждения; многие из них явно вздорны: Пуришкевич был человек и страстный, и пристрастный; ему не было свойственно чувство ни справедливости, ни терпимости; к тому же его суждения, и самые основные, часто менялись".

Пуришкевич, как В. В. Шульгин, принадлежали к числу, так называемых, обожателей Государя Императора, о которых Царь-Мученик, которого Пуришкевич в своем „литературном произведении" представил ничего не знающим о том, что творится не только в России, но и в Его, Государя, ближайшем окружении, оказывается прекрасно разбирался в людях и неоднократно говорил: „Больше всего я боюсь своих обожателей; — обязательно подведут". И эти пророческие слова Царя-Мученика полностью оправдались в отношении Пуришкевича и Шульгина; — оба они стали на путь революции и отличались от своих коллег слева, тем, что они делали самый худший вид революции — революцию справа.

Участники убийства Распутина, за совершенное ими преступление, никакого наказания не понесли, за исключением Вел. Князя Димитрия Павловича, который был отпра-

влен в русский отряд, находившийся в Персии, что спасло ему жизнь, и Князя Юсупова, который был сослан в свое имение.

Пуришкевич, после прихода к власти большевиков, был ими арестован и заключен в пересыльную каторжную тюрьму „Кресты" в Петрограде, где он был на привилегированном положении, исполняя обязанности истопника. 1-го мая 1918 г.Пуришкевич был большевиками амнистирован и перебрался на юг России в расположение Белой Армии и умер в Новороссийске от сыпного тифа в 1920 г, незадолго до оставления его белыми войсками.

Кн. Юсупов благополучно перебрался за границу, жил в Париже, где он содержал ночное увесилительное заведение, пользовавшееся весьма сомнительной славой, где он хвастливо рассказывал посетителям о своем геройском поведении при убийстве Распутина, писал свои „литературные сочинения", напр. „Распятие", вел удачные и неудачные судебные процессы и во время „НЭП-а" не брезгал вступать в коммерческие сделки с советчиками, благодаря чему, указав им место, где были спрятаны Юсуповские фамильные драгоценности, половину их ему удалось, таким образом, получить из окровавленных рук палачей русского народа, впрочем... у самого Юсупова руки были тоже в крови.

Труп Распутина, насколько мне помнится, на второй день после его убийства, был извлечен со дна Невы. Судебно-медицинская экспертиза, обнаружила, что легкие Распутина были наполнены водой, что означало, что в прорубь он был брошен еще живым и умер от утопления. В желудке его было обнаружено присутствие цианистого калия в количестве достаточном для того, чтобы мгновенно отравить 26 лошадей. Живучесть его была потрясающей.

Однако, нельзя не отметить еще и того, что, кроме его способностей лечить болезни и сверхестественной, необъяснимой живучести, он обладал еще и даром предвидения. Он неоднократно предсказывал, что с его смертью царствование Династии Романовых прекратится; но были и другие его предсказания. Об одном из его предсказаний, оправдавшемся во время путешествия Царской Семьи из Царского Села в ссылку в Тобольск, весьма критически относившийся

Государь Император в Ставке.

к Распутину, Пьер Жильяр рассказывает следующими словами записи в своем дневнике: „Выехав 14-го августа в 6 часов утра, 17-го вечером мы прибыли в Тюмень — на станцию железной дороги наиболее приближенной к Тобольску. Через несколько часов после этого мы грузились на пароход „Русь". На другой день мы плыли мимо деревни-месторождения Распутина, и Семья (Царская Семья, примечание мое. Н. О.), собравшаяся на мостике, могла созерцать дом „старца", который ярко выделялся посреди изб. Это событие небыло для них неожиданностью, так как Распутин это предсказал и это стечение обстоятельств, казалось, еще раз подтверждало его пророческие слова".

За десять дней до своего убийства Григорий Распутин каракулями написал Государю безграмотное письмо, в котором он прощался с Царской Семьей, предсказывая, что он скоро будет убит и что он наверное знает, что новый 1917 год (по старому стилю, прим. мое. Н. О.) он уже встречать не будет. В дальнейшем он сообщал в этом своем письме о том, что, если в его убийстве примут участие Члены Императорской Фамилии, то через два года на территории России ни

Государь Император в Ставке.

одного из Членов Императорской Фамилии в живых не останется. Это последнее предсказание Распутина, независимо от того, какое название ему дать: — „пророчества" или „совпадения обстоятельств", — оправдалось полностью; — в 1919 г. большевиками был убит находившийся в заключении в Петропавловской крепости в Петрограде Вел. Князь Николай Михаилович — последний из оставшихся еще в живых на территории России Членов Императорской Фамилии.

3-го марта 1918 г. в г. Брест-Литовске большевистской делегацией, возглавляемой евреями Адольфом Иоффе и Лейбой Бронштейном (Троцким) был подписан мирный договор с Германией. В этот унизительный, позорный для России договор было включено поставленное немцами условие о том, что Государь и Государыня должны быть доставлены в Германию целыми и невредимыми. Большевики дали немцам обещание исполнить это требование в точности. Через

некоторое время, после подписания договора, в Москву прибыл немецкий посол — генерал граф Мирбах, который стал настаивать на исполнении этого пункта мирного договора. Уступая его настойчивым требованиям, большевики дают ему обещание доставить Царскую Семью в Москву. Немцам это было крайне необходимо, так как германский Император Вильгельм Второй делал все свои политические расчеты на спасении жизни Царской Семье, полагая, что спасенный им Император Николай Второй будет посажен немецкими штыками на русский Престол и, в благодарность за это, станет союзником Германии. На подобных эфемерных предположениях основывалась вся внешняя коварная политика Императора Вильгельма 2-го. Но, коварные планы Имп. Вильгельма и на этот раз рушатся благодаря более тонкому коварству проявленному Председателем Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских, Солдатских и Казачьих Депутатов, иначе говоря Президентом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, как тогда большевиками официально именовалась Россия, — евреем Янкелем Свердловым.

Обещая гр. Мирбаху привести Царскую Семью в Москву, большевики в тайне решают убить ее „по дороге". Для, будто бы, предполагаемого перевоза Царской Семьи в Москву, Янкель Свердлов официально командирует в Тобольск, в сопровождении небольшого отряда, комиссара Яковлева, снабженного особыми полномочиями. Непосвященный большевистской головкой в ее план убийства Царской Семьи „по дороге", комиссар Яковлев искренно верит в правдивость своего поручения. Он не знает, что, одновременно с командировкой его, Яковлева, в Тобольск, Янкель Свердлов дает Председателю Уральского Областного Комитета Вейсбарту (Белобородову) инструкцию „самовольно" задержать Царскую Семью в Екатеринбурге и предать Ее там убийству.

22-го апреля 1918 г. Яковлев со своим небольшим отрядом прибывает в г. Тобольск. 26-го апреля 1918 г. Государь, Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна, в сопровождении некоторых из своих соузников, конвоируемые Яковлевым, покидают Тобольск. Зная из печати и других источников о чрезвычайной враждебности Вейсбарта-Бело-

бородова и возглавляемого им совета по отношению к Царской Семье, опасаясь, что этот совет задержит Царственных узников в Екатеринбурге, Яковлев решает ехать в Москву окружным путем — через Омск, Челябинск, Уфу и Самару. Как только поезд с Узниками тронулся со станции Тюмень, Уральский Областной Совет получает оттуда донесение, что поезд движется в противоположном направлении. Собравшийся на экстренное заседание, Уральский Областной Совет шлет Омскому Совету распоряжение задержать поезд и одновременно объявляет комиссара Яковлева предателем революции и вне закона. В 60-ти верстах от Омска — на станции Куломзино — остановленный поезд окружается отрядом красной гвардии. Предъявленные Яковлевым удостоверение об его особых полномочиях от Центрального Исполнительного Комитета дела не меняет, и Яковлев, на отцепленном от поезда паровозе, спешит в Омск. Омский Совет требованиям Яковлева пропустить поезд не уступает. Тогда Яковлев соединяется прямым проводом с находящимся в Москве Я. Свердловым, который, в связи с „сложившейся" обстановкой приказывает ему передать узников Уральскому Областному Совету. Таким образом, уже тогда решается ужасная участь Царской Семьи, освобождение которой большевики не хотят допустить.

Привожу ниже несколько выдержек из дневника Пьера Жильяра, иллюстрирующих переживания Царской Семьи и Ее соузников, как в период времени, непосредственно предшествовавший Ее переезду в Екетеринбург, так и во время самого переезда.

„Понедельник 25-го февраля. Полк. Кобылинский получил телеграмму извещавшую его, что начиная с 1-го марта „Николай Романов должен получать солдатский паек, что каждый член семьи будет получать 600 рублей в месяц, взятых с процентов из собственного капитала". Нужно будет содержать весь дом на 4200 рублей в месяц, раз Семья состоит из 7-ми человек. (К этому времени фактическая стоимость рубля не превышала одной пятой его номинальной стоимости).

Вторник 26 февраля. Ее Величество просит меня помочь Ей в счетоводстве и составить бюджет Семьи. У Неё сохра-

Свердловск. Передача Романовых Урал-совету 30/IV 1918

Репродукция с советской картины, находящейся в музее Екатеринбурга и случайно вывезенной одной женщиной за границу

нилась некоторая сумма денег, которую Она съэкономила на своей одежде.

Среда 27-го февраля. Государь объявляет нам с юмором, что, так как теперь все организуют комитеты, то Он также решил назначить комитет для ведения дел коммуны. Она будет состоять из ген. Татищева, князя Долгорукого и меня. Сегодня после полудня мы заседали и пришли к решению, что необходимо сократить личный состав. Сердце у нас сжимается, так как нужно будет уволить 10 человек прислуги, из коих многие имеют свои семьи в Тобольске. Когда мы докладываем об этом Их Величествам, то мы видим какое огорчение Они переживают, сама преданность слуг, в этом случае, должна уменьшить нужду.

Понедельник 4-го марта, Солдатский комитет постановил разрушить ледяную горку, которую мы соорудили (в начале зимы — для Детей, прим. мое. Н. О.), под тем предлогом, что Их Величества взошли на нее, чтобы отсюда видеть

отъезд солдат 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Каждый день новые докучливые ограничения делаются по отношению к Членам Семьи и окружения. Вот, уже давно, как мы не можем выходить иначе, как в сопровождении часового; по всей вероятности, что нас скоро лишат и этой последней льготы.

Вторник 5-го марта. Вчера солдаты, как преступники (они отлично сознавали, что они делают подлость), разрушили кирками ледяную горку. Дети опечалены.

Пятница 15-го марта. Жители города будучи осведомлены о положении в котором мы очутились, разными способами снабжают нас яйцами, сладостями и печеньем.

Понедельник 18-го марта. Семья, по обыкновению, будет говеть на этой первой неделе поста. Службы совершаются утром и вечером. Так как певчие больше не могут приходить, Императрица и Великие Княжны поют вместе с диаконом.

Среда 19-го марта. После завтрака обсуждали недавно подписаный в Брест-Литовске мир. Государь с глубокой грустью высказался по этому поводу: — „Это такой стыд для России и это равнозначно самоубийству. Я никогда бы не поверил что Император Вильгельм и немецкое правительство могли бы пасть так низко, чтобы пожимать руки этим негодяям, которые изменили своей родине. Но, я уверен, что это не принесет им счастья; это не спасет их от разгрома!" — Несколько позже, когда кн. Долгорукий сказал, что в газетах говорится о статье в договоре, по которой немцы требуют передать им Царскую Семью в полной сохранности, Император воскликнул: „Если это не попытка опозорить меня, то это оскорбление, которое мне наносят!"

Государыня добавила тихим голосом: — После всего зла, которое они сделали Государю, я предпочитаю погибнуть в России, нежели быть спасеной немцами. —

Пятница 22-го марта. В 9 часов 15 минут, после всенощной все исповедались: Дети, прислуга, свита и в конце Их Величества.

Суббота 23-го марта. Сегодня в 7 часов с половиной мы отправились в церковь и причащались Св. Таинств.

Государь Император в Екатеринбурге

Вторник 26-го марта. Из Омска прибыл отряд из 100 человек красногвардейцев; это первые красные солдаты прибывшие в Тобольск.

Вторник, 9-го апреля. Большевистский комиссар прибывший из Омска вместе с отрядом, потребовал, чтобы его допустили осмотреть дом. Солдаты нашей охраны отказались его впустить. Полковник Кобылинский очень обеспокоен, т. к. он опасается столкновения. Приняты меры предосторожности: патрули и парные часовые. Мы проводим беспокойную ночь.

Среда 10-го апреля. Общее собрание нашей охраны, на котором большевистский комиссар предъявляет свои полномочия. Он имеет право расстрелять, в 24 часа без суда, всякого, кто будет противиться его приказам. Его впускают в дом.

Пятница, 12-го апреля. Алексей Николаевич остается в постели, так как со вчерашнего дня Он страдает от сильнейших болей в паху, как последствие от усилия. Он так хорошо

себя чувствовал эту зиму. Только бы не было ничего серьезного.

Один из солдат нашего отряда, который был послан в Москву, — сегодня вернулся и вручил полковнику Кобылинскому бумагу от Центрального Исполнительного Комитета Партии Большевиков, с приказом подвергнуть нас еще более строгому режиму. Ген. Татищев, кн. Долгорукий и графиня Гендрикова, должны быть переведены в наш дом и находиться под стражей. Сообщают также об ожидающемся приезде комиссара с особыми полномочиями, который привезет с собой отряд.

Суббота, 13 апреля. Все те, кто жили в доме Корнилова: графиня Гендрикова, барышня Шнейдер, ген. Татищев, кн. Долгорукий и мистер Гиббс (мой коллега мистер Гиббс присоединился к нам в Тобольске. Он, как и я, сопровождал Царскую семью в Екатеринбург), переезжают к нам. Лишь доктор Боткин и Деревенько оставлены на свободе. Страдания Алексея Николаевича увеличились.

Понедельник, 15 апреля. Алексей Николаевич очень страдал вчера и сегодня. Это один из тяжелых припадков гемофилии.

Среда, 16-го апреля. Полковник Кобылинский, караульный офицер и несколько солдат произвели в доме обыск. От Государя отобрали кинжал, который Он носил с черкеской.

Понедельник 22-го апреля. Сегодня из Москвы прибыл с небольшим отрядом комиссар Яковлев. Он предъявил свои документы солдатскому комитету и полк. Кобылинскому. Вечером я пил чай у Их Величеств. Все обеспокоены, напуганы... В приезде комиссара чувствуется неопределенная, но действительная угроза.

Вторник, 23 апреля. В 11 часов приходит комиссар Яковлев. Он осматривает весь дом, потом идет к Императору и вместе с Ним заходит к лежащему в кровати Алексею Николаевичу. Не имея возможности повидать Государыню, которая не была готова, он возвращается несколько позже со своим заместителем и вторично заходит к Алексею Николаевичу (он хотел, чтобы его помощник лично убедился в бо-

Лейб-медик д-р Е. С. Боткин

лезни ребенка). Выходя, он справился у коменданта много ли у нас имеется багажа. Касается ли это отъезда?

Среда, 24 апреля. Все мы очень перепуганы. У нас чувство, что все нас забыли, что мы предоставлены самим себе, на милость и немилость этого человека. Возможно ли, чтобы никто не попытался сделать даже малейшую попытку спасти Царскую Семью? Где же все те, кто остался верен Императору? Почему они запаздывают?

Четверг, 25 апреля. Около трех часов, когда я проходил по коридору, я встретил двух рыдающих слуг. Они говорят мне, что Яковлев объявил Государю, что он Его увезет. Что же происходит? Я не смею войти без зова и иду к себе. Вскоре Татьяна Николаевна стучится в мою дверь. Она вся в слезах и сообщает мне, что Ее Величество просит меня прийти. Я следую за ней. Императрица одна, очень взволнована. Она сообщает мне, что Яковлев был прислан из Москвы, чтобы увезти Императора и что отъезд назначен сегодня ночью.

— Комиссар уверяет, что никакого вреда Государю не будет причинено, и, если кто-нибудь пожелает Его сопровождать, он не будет этому препятствовать. Я не могу допустить, чтобы Император ехал один. Его хотят удалить от Его Семьи, как тогда... (Императрица намекает на отречение Государя). Они хотят заставить Его сделать нечто пло-

хое, вызвав у Него опасение за жизнь Его близких... Император им необходим, они прекрасно понимают, что только Он один представляет Россию... Вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть при Нем в этом испытании... Но, маленький еще болен. Если произойдет осложнение... Боже мой! Какое страшное мученье!... Это первый раз в моей жизни, что я не знаю, что мне делать; я всегда чувствовала вдохновение перед тем, как принять какое-нибудь решение... А теперь я не знаю, что мне делать... Но, Господь не разрешит этот отъезд, он не может осуществиться, он не должен состояться... Я уверена, что сегодня ночью тронется лед... (во время ледохода в течение нескольких дней река бывает недоступна для судоходства, нужно было ждать несколько дней для возобновления судоходства).

В этот момент вмешивается Татьяна Николаевна: — Но, мама, если отец неизбежно должен ехать, нужно все-таки что-нибудь решить. —

Я поддержал Татьяну Николаевну, сказав, что Алексей Николаевич чувствует себя лучше и что мы будем хорошо за ним ухаживать.

Чувствовалось, как сомнения раздирали душу Ее Величества, Она шагала туда и назад по комнате, Она продолжала говорить, но больше сама с собою, нежели с нами. Наконец, Она подошла ко мне и сказала: — Да, так лучше; я поеду с Государем, я поручаю Вам Алексея!.. —

Спустя мгновение вошел Император; Императрица двинулась Ему на встречу: — Решено я поеду с тобой и Мария будет нас сопровождать. —

Император ответил: — Хорошо, раз ты это желаешь. —

Я возвратился к себе, и весь день прошел в приготовлениях. Кн. Долгорукий и доктор Боткин будут сопровождать Их Величества, также, как Чемодуров (камердинер Государя), Анна Демидова (горничная Государыни) и Седнев (лакей Великих Княжен). Было решено, что 8 офицеров и солдат охраны поедут вместе с ними.

Все время после полудня Семья провела у кровати Алексея Николаевича.

Вечером, в десять часов с половиной, мы подымаемся пить чай. Императрица сидит на диване, две Ее Дочери си-

На первом плане слева направо: Гофлектриса Е. А. Шнейдер и Фрейлина графиня А. В. Гендрикова; на втором плане: Ген.-Ад. И. Л. Татищев, П. Жильяр, Гофмаршал князь В. А. Долгоруков. Снимок сделан в Тобольске в сентябре 1917 г. (фотография из книги г. Жильяра)

дят по обеим Ее сторонам. Они так много плакали, что лица у них распухли. Каждый из нас старается скрыть свои мучения и казаться спокойным. Мы сознаем, что если один из нас поддастся, все остальные последуют ему.

Император и Императрица серьезны, сосредоточены. Чувствуется, что Они готовы на любую жертву, включая Их собственную жизнь, если Господь, пути которого неисповедимы, потребует это для блага Отечества. Никогда Они не высказали нам столько доброты и заботы, как в этот вечер.

Их спокойствие, невозмутимость, Их чудотворная вера воспринимались нами.

В одиннадцать часов с половиной слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна прощают-

ся с ними. Государь целует всех мужчин, Государыня женщин. Все плачут. Их Величества уходят; мы все идем вниз — в мою комнату.

В три с половиною часа во двор въезжают повозки. Это все ужасные тарантасы (крестьянские повозки состоящие из большой сделанной из лозы корзины, положенной на двух длинных жердях, заменяющих рессоры, без сиденья), в которых сидеть и лежать можно на самом дне. Только одна повозка имеет покрышку. Мы находим на заднем дворе немного соломы, которую мы расстилаем на дне повозок. В повозку Государыни мы кладем матрац.

В четыре часа мы подымаемся в комнаты Их Величеств, Которые в это время выходят от Алексея Николаевича. Государь, Государыня и Мария Николаевна с нами прощаются. Государыня и Великая Княжна в слезах. Государь спокоен и говорит каждому из нас ободряющие слова; Он нас целует. Прощаясь со мной, Государыня просит меня не провожать и остаться при Алексее Николаевиче.

Я вхожу к ребенку, который плачет в своей кровати.

Через несколько минут мы слышим стук колес отъезжающих повозок. Великие Княжны, возвращаясь к себе, рыдают, проходя мимо дверей комнаты Их Брата...

Суббота, 27 апреля. Возница, который отвозил Императрицу к первой остановке, приносит записку от Марии Николаевны: на дорогах распутица, условия путешествия ужасны.

Как сможет Государыня перенести это путешествие? Какой страх испытываем за Них.

Воскресенье, 28-го апреля. Полковник Кобылинский получил телеграмму, извещающую, что все благополучно прибыли в Тюмень в субботу вечером, в 9 часов с половиною.

В большом зале поместили походную церковь, священник сможет служить обедню, так как имеется освященный Алтарь.

Вечером приходит вторая телеграмма из Тюмени: „Путешествуем в хороших условиях. Как здоровье маленького? Да будет Господь с вами”.

Понедельник, 29 апреля. Дети получили из Тюмени письмо от Императрицы. Путешествие было утомительное. При

переезде ручьев вода доходила лошадям до брюха. Несколько раз ломались колеса.

Среда, 1 мая. Алексей Николаевич встал. Нагорный занес Его к Его креслу на колесах, Его вывозили на солнце.

Четверг, 2 мая. До сих пор никаких известий — с тех пор, как Они покинули Тюмень. Где-же Они? Они могли уже во вторник приехать в Москву.

Пятница, 3-го мая. Полковник Кобылинский получил телеграмму, что Путешественники задержаны в Екатеринбурге. Что произошло?

Суббота, 4 мая. Грустный канун Пасхи. Все подавлены.

Воскресенье, 5 мая. Пасха. До сих пор никаких известий.

Вторник, 7 мая. Дети наконец получили письмо из Екатеринбурга, сообщающее что все здоровы, но ни одного слова почему произошла задержка в Екатеринбурге. Сколько опасений проскальзывает между строк.

Среда, 8-го мая. Офицеры и солдаты нашей охраны, которые сопровождали Их Величества, вернулись из Екатеринбурга. Они рассказывают, что поезд Императора, по прибытии в Екатеринбург, был окружен красногвардейцами, и что Император, Императрица и Мария Николаевна, заключены в доме Ипатьева, что князь Долгорукий находится в тюрьме; и, что они сами были освобождены лишь после двухдневного ареста.

Суббота, 11 мая. Полковник Кобылинский устранен, и мы подчинены Тобольскому Совету.

Пятница, 17 мая. Солдаты нашей охраны заменены красногвардейцами прибывшими с комиссаром Родионовым, который приехал за нами. Генерал Татищев и я считаем нашим долгом задержать наш отъезд возможно дольше; но Великие Княжны стремятся возможно скорее соединиться со своими Родителями, и мы не считаем себя вправе противиться Их страстному желанию.

Суббота, 18-го мая. Всенощная. Священник и инокини были раздеты донага и обысканы по приказанию комиссара.

Воскресенье 19 мая. (6 мая старого стиля). День рождения Государя... Наш отезд назначен на завтра. Комиссар отказался впустить священника, он запретил Великим Княжнам закрывать их дверь на ночь. В 11 часов с половиною мы по-

кидаем дом и грузимся на „Русь". Это тот же самый пароход, который привез Их Величества и нас 8 месяцев тому назад. Баронесса Буксгевден, которой разрешили ехать вместе с нами, присоединилась к нам. В 5 часов мы покидаем Тобольск. Комиссар Родионов запирает Алексея Николаевича в Его каюте вместе с Нагорным. Мы протестуем; — ребенок болен и доктор должен иметь возможность входа к Нему в любое время.

Среда, 22 мая. Сегодня утром мы прибыли в Тюмень. Прибыв 22 мая в Тюмень, мы немедленно были отправлены под сильнейшим конвоем к специальному поезду, который должен везти нас в Екатеринбург. В то время, когда я собирался войти в вагон вместе с моим учеником, я был отстранен от него и загнан в вагон 4-го класса, который, как и все прочие вагоны, охранялся часовыми. Ночью мы прибыли в Екатеринбург, поезд был остановлен вдали от города. Около 9 часов утра (23-го мая) появилось несколько извозчичьих повозок, которые выстроили вдоль поезда, и я увидел четырех мужчин направлявшихся к вагону детей.

Прошло несколько минут, и мимо окон моего вагона прошел преданный Алексею Николаевичу Нагорный, неся маленкого больного на руках; за ними шествовали Великие Княжны, неся чемоданы и мелкие предметы. Я хотел выйти, но часовой грубо отпихнул меня обратно в вагон.

Я вернулся к окну: последней шла Татьяна Николаевна, неся свою собачку и с трудом волоча тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь и я видел, как Она на каждом шагу увязала в грязи. Нагорный поспешил к Ней на помощь; он был грубо отброшен одним из комиссаров... через несколько минут извозчики тронулись, увозя детей в сторону города.

Как мог я предположить, что мне не суждено более увидеть Тех, возле которых я провел столько лет! Я был уверен, что за нами вернутся и что вскоре мы снова будем вместе. Между тем проходили часы. Наш поезд был введен на станцию и я видел, как вели под конвоем ген. Татищева, графиню Гендрикову и барышню Шнейдер. Несколько позже наступила очередь Волкова — лакея Государыни, Харитонова — главного повара, лакея Трупа и маленького Леонида Седнева — четырнадцатилетнего поваренка.

За исключением Волкова, которому удалось бежать, и маленького Седнева, которого пощадили, никто из перечисленных не вышел из рук большевиков.

Мы все ждали. Что происходило? Почему не приходил наш черед быть взятыми? Мы строили всякие предположения, когда, около 5 часов, комиссар Родионов, который приезжал за нами в Тобольск, вошел в наш вагон и объявил нам, „что в нас больше не нуждались" и что „мы свободны".

„Свободны! Как, нас разлучали с Ними. Тогда все кончено!"

25-го июля 1918 г. Екатеринбург был взят с бою белыми войсками. На улицах города висели расклееные 20-го июля сообщения Уральского Областного Комитета извещавшие, что: „смертный приговор, вынесенный бывшему Царю Николаю Романову, был приведен в исполнение в ночь с 16-го на 17-ое июля, что Царица и Дети были эвакуированы и находятся в безопасном месте". Военное командование выставило вокруг дома купца Ипатьева часовых. На стенах комнаты подвального этажа этого дома виднелось множество следов от пуль и ударов штыками, были и следы от замытых кровавых пятен. Весь вид комнаты свидетельствовал о том, что здесь были совершены убийства нескольких людей. В комнатах верхнего этажа, где помещались Царственные Узники, царил хаотический беспорядок. На полу лежали кучки пепла вынутого из печей. В них было найдено множество полуобуглившихся предметов: зубные щетки, пуговцы, шпильки для волос, ручка от щетки из слоновой кости принадлежавшей Государыне с Ее Инициалами „А. Ф." и т .д.

Верховным Правителем России, адмиралом Александром Васильевичем Колчаком, было отдано распоряжение о производстве следствия для выяснения судьбы исчезнувшей Царской Семьи. Ведение следствия первоначально было поручено члену Екатеринбургского Окружного Суда, Ивану Александровичу Сергееву. С первых же шагов начатого расследования Сергеев пришел к заключению, что все Члены Царской Семьи были убиты, но никаких следов местонахождения Их Останков не было. В январе 1919-го года армирал Колчак поручил генералу Дидерихсу привезти ему из Екатеринбурга следственный материал и все найденные предме-

ты. Ознакомившись с материалом, адмирал Колчак поручил дальнейшее ведение следствия следователю по особо важным делам Омского Окружного Суда, Николаю Алексеевичу Соколову, назначение которого состоялось 7-го февраля 1919 г. распоряжением министра Старанкевича.

Следствием были допрошены сотни свидетелей, среди них были и специально оставленные большевиками их агенты, с целью направлять следствие на ложный путь, что очень тормозило его работу. В деле убийства Царской Семьи очень важными были показания красногвардейцев из охраны „дома особого назначения" Анатолия Якимова и Филиппа Проскурова, захваченных в плен белыми частями. Первый из них присутствовал при убийстве, второй, хотя и не присутствовал при этом, но знал все подробности и обстоятельства убийства от лиц участвовавших в нем непосредственно. Наконец, в феврале 1919 г. в г. Перми был взят в плен один из главных убийц Царской Семьи — комиссар Екатеринбургской „Чрезвычайки" бывший каторжник Павел Медведев, который хотя и подтвердил все обстоятельства убийства Царской Семьи, однако утверждал, что ему неизвестно, что большевики сделали с телами Узников. Тела были найдены благодаря показаниям крестьян деревни Коптяки. Следствием было обнаружено и множество документов, непосредственно относившихся к убийству Царской Семьи. Среди этих документов находились оригиналы требований на серную кислоту и бензин, подписанные комиссаром Войковым, евреем-аптекарем из г. Керчи, и лента телеграммы посланной Вейсбартом-Белобородовым, из Екатеринбурга в Москву, Янкелю Свердлову. Весь собранный Н. А. Соколовым материал, был им классифицирован, сфотографирован, вывезен за границу. Впоследствии весь этот материал был Соколовым опубликован в его документальной книге „Убийство Царской Семьи" (Париж, 1921 г.). Из содержания этой книги выявляется правдивая мрачная картина последних дней жизни Узников Ипатьевского дома, жуткие подробности Их смерти и вся подоплека совершенного большевиками гнусного преступления. Прологом к нему являются дипломатические переговоры, которые ведутся между советскими преступным заправилами и германским правительством,

поставившим своей тайной целью, но разгаданой их большевистскими контрагентами, восстановление в России монархии в пользу Императора или Наследника Престола, при условии признания Ими Брест-Литовского договора, заключенного Германией с большевиками. По мнению следователя по особо важным делам А. Н. Соколова, этот план не осуществился лишь благодаря сопротивлению Императора Николая II-го категорически отказавшегося от какого-либо компромисса и ставшего потому жертвой своей непоколебимой верности России и данному Им ее союзникам слову. В этот период времени большевики очень считались с Германией, войска которой заняли почти всю Прибалтику и дошли до Пскова на севере, в то время, как на юге России они заняли всю Малороссию, включая Киев, Харьков, и Ростов на Дону и демаркационная линия между немецкими и советскими оккупантами проходила по рубежу между тогдашними Черниговской и Орловской губерниями.

В половине апреля 1918 г. Янкель Свердлов, председатель Центрального Исполнительного Комитета в Москве, как бы уступая требованиям германского посла графа Мирбаха, командирует в Тобольск для перевезения Царской Семьи в Москву или Петроград комиссара Яковлева. Как показало следствие, Яковлев встречает, неожиданно для него, сопротивление Уральского Областного Комитета в Екатеринбурге, которое он старается преодолеть. Янкель Свердлов, который, с ведома всей советской головки, ведет двойную игру, притворяется, что он подчиняется требованиям графа Мирбаха, в действительности же тайно уговаривается с Екатеринбургскими комиссарами воспрепятствовать Царю-Мученику вырваться из их рук. Об этом свидетельствует тот факт, что одновременно с командировкой в Тобольск комиссара Яковлева, в Екатеринбурге в спешном порядке выселяется из своего дома купец Ипатьев, дом этот в два дня обносится крепкой сплошной изгородью из толщенных досок, высота которой достигает до верхов окон второго этажа и получает название „дома особого назначения". В эту, заранее приготовленную для Царственных Узников, тюрьму, 17-30 апреля 1918 г., по прибытии привезшего Их в Екатеринбург поезда, немедленно были заточены: Государь, Государыня, Великая Княжна

Мария Николаевна, доктор Боткин и трое слуг: Анна Демидова, горничная Государыни; Чемодуров, камердинер Государя; и старший Седнев лакей Великих Княжен.

Вначале состав охраны этого дома состоял из случайно набранных людей, в большинстве случаев бывших солдат.

Состав охраны постоянно менялся. Позже, состав ее состоял исключительно из распропагандированных большевиками, рабочих Сисерского завода и фабрики братьев Злоказовых, явившихся добровольно сторожить „Николая Кровавого". Эта охрана была непосредственно подчинена комиссару Авдееву, коменданту „дома особого назначения". Авдеев, бывший уголовный преступник-каторжник, был алкоголиком, подверженным самым грубым инстинктам. Его главным ежедневным занятием было изобретательство, совместно со своими подчиненными, всё новых издевательств над Мучениками, отданными во власть этих подлых, низких и грубых существ, потерявших человеческий облик. 23-го мая, сейчас же после своего прибытия в Екатеринбург, Наследник Цесаревич и Его три Сестры, под конвоем были отправлены в дом Ипатьева. Соединение всей Семьи, несмотря на тяготевшую над Их жизнью угрозу и беспросветность Их тягостного положения, было последним радостным событием в Их страдальческой жизни. Через несколько часов в „дом особого назначения" были приведены: повар Харитонов, старик-лакей Труп и мальчик Леонид Седнев. Генерал-адъютант Татищев, графиня Гендрикова, барышня Шнейдер и лакей Государыни Волков были, непосредственно после своего прибытия в Екатеринбург, отведены в тюрьму.

24-го мая заболевшего Чемодурова отправили в тюремную больницу, что чудесно спасло ему жизнь, так как о нем забыли. Несколько дней спустя в тюрьму были отправлены — дядька Наследника — матрос Нагорный и старший Седнев, которые не могли скрыть своего негодования и открыто протестовали, увидев, как чекисты завладевали маленькой золотой цепочкой с образками, которая висела у изголовья кровати больного Наследника. Число лиц, желавших разделить заключение Царской Семьи, ее главным тюремщиком, во время правления Временного Правительства, — тов. Керенским, уже с самого начала, было ограничено до минимума. После

того, как власть перешла в руки большевиков, под их давлением число это стало быстро уменьшаться: 10 человек прислуги были уволены из-за недостатка средств еще в Тобольске. До самого конца с Царской Семьей оставались лишь четыре человека: доктор Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Труп. Большой поддержкой для Царской Семьи было присуствие доктора Боткина, который прилагал все усилия, чтобы защитить Ее Членов от безобразных издевательств и грубостей тюремщиков и окружал Их своими заботами. В состояни здоровья Наследника, после утомительного переезда, лишений и волнений, которым постоянно был подвержен Мальчик, наступило сильное ухудшение, и большую часть дня Он оставался прикованным к своему ложу. Когда заключенных выпускали на прогулку, Государь выносил Сына в сад.

Царская Семья и слуги обедали вместе с чекистами, которые, как и люди охраны, когда им только заблагорассудится, входили в комнаты Царской Семьи. Большею частью они бывали пьяными и их грубостям и издевательствам не было границ.Глубокая, безграничная Вера Царственных Мучеников, Их безропотная покорность воле Божией, незлобливость и смирение давали Им силы твердо переносить все страдания. Они уже чувствовали себя по той стороне бытия и, с молитвой в душе и на устах, готовились к своему переходу в жизнь вечную. Государыня и Великие Княжны, пребывая в этом чекистском аду, постоянно пели молитвы, вызывая у своих тюремщиков невольное смущение. Пораженные Их простотой, мягкостью, человеколюбием и смирением, и эти, потерявшие человеческий образ, тюремщики были Ими покорены. Их первоначальная озверелость сменилась глубоким сочувствием к заключенным. Под влиянием Их христианской твердости и величия Их душ, даже закоренелый преступник-каторжник Авдеев осознал свое собственное ничтожество и подлость. „Дом особого назначения" был ничем иным, как отделением „Чеки" — того всемогущего учреждения, на котором держалась тогда и продолжает держаться ныне советская власть. Екатеринбургская „Чека", как и всякая другая „Чека" в провинции, непосредственно подчинялась главному ее правлению — Всероссийской Чрезвычайной Коммиссии

(В. Ч. К.) находившейся в Москве и подчиненной кровавейшему из палачей российского народа, поляку Феликсу Дзержинскому.

Уральский Областной Совет состоял приблизительно из 30 членов. Председателем его был Белобородов (Вейсбарт). Президиум его представлял собой Исполнительный Комитет этого совета, в состав которого входили: председатель-еврей Вейсбарт (Белобородов) и члены: Шая Голощекин и Войков-евреи, Сафаров-татарин и Сыромолотов-каторжник. Наиболее влиятельными членами екатеринбургской „Чеки" были евреи: Янкель Юровский, Шая Голощекин и Войков; Авдеев был подчинен им и другим комиссарам, членам Президиума „Чека". Так выглядели большевистские учреждения г. Екатеринбурга и их представители непосредственно выполнявшие порученное им советской головкой истребление Царской Семьи.

Представители этих учреждений не могли не заметить наступившей резкой перемены в чувствах тюремщиков по отношению к Царственным Узникам. Эта перемена стала известна и в Москве, вызвав там серьезные опасения. В связи с этим, Свердлов вызвал в Москву коммиссара Шаю Голощекина. 4-го июля 1918 г. Вейсбарт-Белобородов послал в Москву Янкелю Свердлову и Шае Голощекину телеграмму следующего содержания: „Сыромолотов выехал в Москву для организации дела, согласно указаниям из Центра. Напрасные опасения. Авдеев отстранен. Мошкин (помощник Авдеева, примечание мое. Н. О.) арестован. На место Авдеева назначен Юровский. Внутренняя охрана заменена другими. Белобородов". В этот день Авдеев и Мошкин были арестованы комиссарами Янкелем Юровским и его помощником Никулиным. Юровский привел с собой десять человек отборных палачей Екатеринбургской „Чеки", которые заняли все внутрение посты в доме Ипатьева. Смененная ими охрана, состоявшая из русских рабочих, была переведена в соседний дом Попова и занимала лишь наружные посты. В это время план убийства всех Членов Царской Фамилии был окончательно разработан Янкелем Свердловым и утвержден Лениным и другими членами Советского Правительства.

Командированный в Москву, для организации дела согласно с указаниями из Центра, Сыромолотов, вместе с

Голощекиным, вернулся в Екатеринбург, привезя с собой инструкции полученные лично от Свердлова. Одновременно Юровский начинает разъезжать верхом в окрестностях Екатеринбурга в поисках укромного места, где должно будет произойти бесследное исчезновение тел Русского Православного Царя, Его Семьи и Соузников. Для этого им была облюбована поляна в лесу, вблизи заброшенной шахты, недалеко от деревни Коптяки, находящейся в 20 верстах на северо-запад от г. Екатеринбурга.

В воскресенье,14-го июля, Царская Семья и Ее Соузники присуствуют на последнем богослужении, которое совершает священник о. Иоанн Сторожев, — последний человек из вне, который видит Царскую Семью еще живой. На другой день, 15-го июля, Юровский отдает распоряжение о переводе 14-тилетнего Леонида Седнева в дом Попова, в котором помещается внешняя охрана „дома особого назначения", состоящая из русских рабочих, подчиненная комиссару-чекисту Павлу Медведеву, пользовавшемуся полным доверием Янкеля Юровского.

16-го июля, в 7 часов вечера, Юровский отдает Павлу Медведеву приказ — принести ему 12 револьверов системы „Наган", входивших как добавочное вооружение отряда из русских рабочих. Когда Медведев приносит наганы Юровскому, последний сообщает ему, что сегодня ночью вся Царская Семья будет умерщвлена, одновременно он приказывает Медведеву сообщить об этом — позднее — русской охране. Около 10 часов вечера Медведев сообщает об этом своим подчиненным.

Через несколько минут, по прошествии 12-ти часов ночи, Юровский входит в комнаты Царской Семьи и лиц разделяющих с Ней заключение и приказывает Им одеться, чтобы следовать за ним. Как причину он выставляет, будто бы, происходящее в Екатеринбурге восстание, поясняя при этом, что в помещении полуподвального этажа дома они будут находится в большей безопасности. Перед этим Юровский посещает Наследника Цесаревича и справляется о Его здоровье. Такое поведение Юровского свидетельствует о том, как он озабочен, чтобы не вызвать никаких подозрений у своих Жертв, — чтобы убийство Их прошло бы в возможно

наиболее спокойной обстановке. Вскоре все готовы и, захватив с собой некоторые мелкие вещи и подушки, спускаются по внутренней лестнице, выходят во двор и оттуда направляются в комнату подвального этажа. Во главе шествия идут Юровский и Никулин, за ними следует Государь, который несет на руках больного Наследника, за Ним следуют: Государыня, Великие Княжны, доктор Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Труп. Здесь происходит довольно долгая остановка, во время которой, вышедший Юровский дает последние распоряжения убийцам, распределяет между ними Жертвы, при чем себе он выбирает Государя и Наследника. В ожидании дальнейших событий, Узники просят, чтобы Им принесли стулья. Им приносят три стула. Больной Наследник, который не может стоять на ногах, садится на стул посередине комнаты. Государь садится влево от Него, доктор Боткин становится справа от Него, несколько сзади. Государыня садится возле стены — вправо от двери, через которую Они вошли — недалеко от окна. Сзади нее стоит Великая Княжна Татьяна Николаевна. В углу комнаты, с той же стороны, стоит Анна Демидова, в руках она держит две подушки. Великие Княжны Ольга, Мария и Анастасия стоят прислонившись к задней стене, справа от Них — в углу, стоят Харитонов и старик Труп. Ожидание затягивается....

Неожиданно в комнату входит Юровский, в сопровождении семи человек, бывших германо-австрийских военнопленных и трех своих друзей-каторжников, уголовных преступников, выпущенных на свободу Керенским, Ермакова, Ваганова и Медведева — палачей местной „Чрезвычайки". Юровский приближается к Государю и говорит: „Ваши хотели Вас спасти, но им это не удалось, и мы принуждены Вас убить". Не расслышав, что сказал Юровский, Государь спрашивает: „Что?" „А, вот, что!", — отвечает Янкель Юровский и стреляет одновременно в Государя в упор. Государь падает убитый наповал. Выстрел Юровского служит сигналом к общей пальбе. Смерть большинства Узников наступает почти мгновенно, но не всех. Лежащий на полу, рядом с Отцом, Алексей Николаевич ощупывает рукой шинель Отца и издает стон. Один из палачей ударяет Его ногой в висок, после чего Юровский приставляет дуло своего револьвера к уху

Наследника и дважды стреляет в него. Анастасия Николаевна только ранена и начинает кричать. Убийцы добивают ее штыками. Анна Демидова, благодаря подушкам, которыми она прикрыта, остается невредимой. Она мечется из угла в угол, пока не падает мертвой под ударами убийц.

После убийства, комиссары снимают с Жертв драгоценности, а тела относят и укладывают на грузовик, который стоит возле ворот — между первой и второй досчатой стеной окружающей „дом особого назначения". Затем грузовик направляется, через погруженный в сон город, в сторону леса; — никакого восстания в городе не происходит. Для предосторожности, на некотором расстоянии впереди грузовика, верхом на лошади едет комиссар Ваганов. Недалеко от поляны, где должно произойти „бесследное" исчезновение останков Царской Семьи и Их Соузников, Ваганов замечает двигающуюся навстречу, по дороге из деревни Коптяков, крестьянскую телегу. В телеге находится крестьянка, ее сын и его жена — все из деревни Коптяки; они направляются в Екатеринбург для продажи наловленной ими рыбы. Подъехавший к телеге Ваганов приказывает им немедленно повернуть и направиться обратно в деревню; под страхом смерти, он запрещает им оборачиваться и смотреть назад. Чтобы быть уверенным, что приказание его будет исполнено в точности, Ваганов, часть пути сопровождает мчащуюся во весь опор телегу, скача рядом с ней. Однако, крестьяне успели заметить в предутреннем рассвете контуры далекого грузовика и, по прибытии в деревню, рассказывают о происшествии своим односельчанам. Заинтересованные рассказом, крестьяне отправляются на разведку и натыкаются на цепь часовых расставленных в лесу.

Между тем, прибывший на поляну грузовик останавливается, тела выбрасывают и начинают раздевать, при этом чекисты находят множество драгоценностей, которые Великие Княжны носили спрятанными под своими платьями или зашитыми в них. Комиссары жадно набрасываются на добычу и в лихорадочной поспешности роняют некоторые из них на землю, где они затаптываются ногами. После этого тела рубят на куски и укладывают на больших кострах, предварительно полив их бензином. Остатки тел не сгоревших в

огне поливаются серной кислотой. В течение трех дней и ночей чекисты работают над уничтожением Останков их жертв. По требованиям, подписанным комиссаром Войковым, следствием установлено, что на поляну было доставлено 175 килограммов серной кислоты и 300 литров бензина. 20-го июля убийцы уничтожают следы костров, зола и пепел выбрасываются в колодезь шахты или рассеиваются вдали от поляны. Главный эксперт и руководитель по уничтожению Останков, комиссар Войков, остается совершенной „работой" доволен и в восторге восклицает: „Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали!"

Непосредственно после совершения злодеяния, главный исполнитель его — Янкель Юровский отдает Павлу Медведеву приказ: „Сохрани наружные посты, а то еще народ восстанет!" Во исполнение этого приказа, в последующие дни на наружных постах вокруг дома Ипатьева продолжают стоять часовые, как будто внутри дома ничего не произошло.

Организаторы убийства — члены Советского Правительства отдавали себе отчет в том, что совершить это отвратительное и позорное преступление могут лишь потерявшие совесть хорошо оплоченные палачи. Этими палачами оказались Янкель Юровский-еврей, ставший им не только наживы ради, но и по убеждению, Медведев, Никулин, Ермаков и Ваганов — уголовные преступники из каторжан, выпущенных на свободу тов. Керенским, и 5 человек бывших военнопленных австро-венгерской и германской армий, личности которых не были в точности установлены. По мнению судебного следователя Соколова, их иностранные фамилии не указывали на их латышское происхождение, хотя латыши в то время представляли наибольший контингент палачей в „чрезвычайках".

25-го июля 1918 г. пермская газета печатает следующие официальные сообщения советских палачей: „Постановление Президиума Уральского Областного Совета Рабочих, Крестьянских и Красногвардейских Депутатов: Принимая во внимание, что чехословацкие банды угрожают столице красного Урала Екатеринбургу, принимая во внимание, что коронованый палач может избежать народного суда (только, что раскрыт заговор белогвардейцев, целью которого было

похищение всей семьи Романовых), Президиум Областного Комитета, во исполнение воли народа, решил: бывшего Царя Николая Романова, виновного перед народом в бесконечных кровавых преступлениях, расстрелять.

Решение Президиума Областного Совета было приведено в исполнение в ночь с 16-го на 17-ое июля.

Президиум Уральского Областного Совета Рабочих, Крестьян и Красногвардейцев".

Решение. Президиум Центрального Исполнительного Комитета от 18-го июля с. г. Центральный Испольнительный Комитет Совета Рабочих, Крестьянских, Красногвардейских и Рабочих Депутатов, в лице своего председателя, одобряет действия Президиума Уральского Комитета. Я. Свердлов".

В этих сообщениях о судьбе остальных Членов Царской Семьи и их Соузников нет ни одного слова. Казалось, что концы преступления канули в воду.

Но, вот, приходят крестьяне из деревни — Коптяки, они заявляют, что в ночь с 16-го на 17-ое июля большевики расположились вблизи их деревни на просеке лесного урочища „Четыре брата", что они развели там большой костер и оставались на просеке в течение нескольких дней. Крестьяне принесли некоторые предметы, которые они нашли там — возле заброшенной шахты. Несколько офицеров отправляются в указанное месте и находят там еще и другие предметы, которые, как и предметы принесенные крестьянами, опознаются лицами, близко знавшими Царскую Семью, как вещи принадлежащие Ей. Одновременно возле шахты обнаружены следы большого костра. Весной 1919-го года судебный следователь Соколов, как только растаял снег и земля обсохла, переносит следствие на просеку урочища „Четыре брата". Каждый дюйм земли осматривается, исследуется, земля поляны и шахты просеивается, и следствие обнаруживает сотни новых предметов, которые опознаются. Среди этих предметов находят: пряжку от пояса Государя, остатки Его фуражки, маленькую портативную рамку, в которой Государь всегда носил при себе, фотографию Государыни и другие предметы.

Любимые сережки Государыни, одна из которых сломана, куски Ее платья, стекло из Ее очков, опознанное по своей

особой необыкновенной форме и другие предметы.

Пряжка от пояса Наследника, пуговицы и куски Его шинели и другие предметы.

Большое количество вещей принадлежащих Великим Княжнам, кусочки Их ожерелий, обуви, пуговиц, крючков, кнопок и т. д.

Шесть металлических застежек от корсетов (Государыни, четырех Великих Княжен и Анны Демидовой).

Челюсть доктора Боткина, остатки его очков, пуговцы его платья.

Кости и куски обугленных костей частично разрушенных серной кислотой со следами зазубрин от острых предметов и пил, револьверные пули, из числа застрявших в телах и большое количество расплавленного олова этих пуль. Всего было найдено 460 вещественных доказательств, начиная с драгоценностей и кончая трупом собачки наследника „Джой", который был вывезен вместе с Останками Мучеников.

Еврей-комиссар Войков ошибался; мир узнал во всех подробностях, что они с Ними сделали: ночью с 16-го на 17-ое июля 1918 г. они — презренные убийцы возвели на вершину Голгофы Помазанника Божьего, христианнейшего, подлинно народного Правителя, мужественного, добрейшего и кроткого сердцем Православного Русского Царя Николая II-го Александровича. Бестрепетно взошел Он на ее вершину, предводительствуя Своей Святой Семье и Великомученикам Соузникам, неся на своих руках к подножию Трона Всевышнего своего больного, горячо и нежно любимого отрока-Сына. На вершине Голгофы простирал к Ним свои руки скорбный Христос...

И сбылись неоднократно высказанные Царем-Мучеником слова: „Я имею больше чем предчувствие — полную уверенность, что я предопределен ужасным испытаниям И НЕ ПОЛУЧУ НАГРАДЫ ЗДЕСЬ — НА ЗЕМЛЕ". Об этих знаменательных словах Царя-Мученика повествует в своих мемуарах также и бывший долголетний посол Франции в России, Морис Палеолог.

Непоколебимо верным своему долгу Царь-Мученик оставался на протяжениии всей своей жизни и до последнего своего издыхания. „Он скорее пожертвует жизнью, чем из-

менит Своему слову", — свидетельствует о Царе-Мученике Морис Палеолог.

Царь-Мученик безгранично был предан воле Божией и всем своим сердцем любил горячо и был предан России. Даже в трагический момент своего вынужденного отречения Он думал, прежде всего о ней, о российском народе, что было так просто и искренне выражено Им следующими словами: „Быть может, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию? Я буду этой жертвой. Да совершится воля Господня"... „Для России, для ее счастья Я готов отдать и трон, и жизнь".

„Государь был одарен замечательными личными качествами, — пишет Жильяр, — Он был воплощением самых благородных и лучших чувств русской души. Он подчинился своей судьбе и покорно принял сверхчеловеческий труд, порученный Ему Богом. Всеми силами своей души Он любил свой народ и свое отечество. Особенно горячо любил Государь простонародье и русского крестьянина, к улучшению жизни которого Государь стремился всей душой. История отдаст ему должное".

Но коварные убийцы и, пошедшие с ними рука об руку, преступные клеветники, прилагают все усилия к тому, чтобы создать свою лживую историю, которая замученному ими Царю должного не отдает. Они — слуги Антихриста — стараются представить грядущим поколениям Святой Облик замученного ими Царя в самых мрачных красках. Они, преступники против Бога и человечества, погрязшие по горло в крови русского народа, с присущим им цинизмом, осмеливаются именовать добрейшего, христианнейшего православного Русского Царя Николая II-го Александровича „кровавым".

После совершения ими злодеяния, убийцы в своих лживых официальных сообщениях стараются придать этому злодеянию вид некоей законности; — как бы исполнение приговора некоего суда. Но ни следствия, ни суда над Царем-Мучеником назначено не было. Да, если и была бы сделана ими попытка инсценировки суда, то разве могли бы эти безбожные преступники, организовавшие в России, под названием „Советского Правительства", интернациональную, рабовла-

дельческую, кровавую диктатуру, представлять собой Правосудие?

Во имя какого правосудия скрыли они от русского народа совершенное ими злодейское убийство Мучеников: больной Царицы Александры Федоровны, тяжело больного Наследника Алексея Николаевича, не достигшего полных 14-ти лет жизни, Великих Княжен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии Николаевных, из коих старшей было 22 года, а младшей — 17 лет, горничной Анны Демидовой, доктора Евгения Сергеевича Боткина, повара Харитонова и старика лакея Труппа? Об этом „правосудии" красноречиво свидетельствует зашифрованная телеграмма, посланная 17-го июля 1918-го года Вейсбартом-Белобородовым секретарю Совета Народных Комиссаров в Кремль — в Москву: „Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов".

Для полного представления о советском „правосудии", необходимо указать на состоявшийся в сентябре 1919 г. в г. Перми процесс 28 членов партии социал-революционеров, обвиненных советским правительством в самовольном убийстве Царской Семьи на пути Ее следования в „безопасное место" (!).

В своих лживых официальных сообщениях, о совершенном ими гнусном убийстве Царя-Мученика, советские вожди указывают, что было оно совершено „во исполнение воли народа", не указывая при этом имени этого народа. Встает вопрос: „во исполнение воли какого народа?" Того ли, который боролся с советской властью на полях гражданской войны и во время бесчисленных восстаний рабочих, крестьян, матросов и красноармейцев? Или в рядах противосоветских армий и формирований во время Второй Мировой войны? Или в рядах тех российских людей, которые поныне ведут непрекращающуюся пятидесятилетнюю борьбу против международных поработителей их родины? Или, быть может, „во исполнение воли" тех 100 миллионов российских людей безжалостно и жестоко уничтоженных советской властью во время гражданской войны, во время небывалых в истории мира искусственно созданных советскими палачами голод-

ных 1921-1922 и 1932-1933 лет, унесших около 30 миллионов человеческих жертв; во время принудительной коллективизации, на стройках, в концентрационных и принудительного труда лагерях, во время завоевательных войн, в застенках „Чеки", НКВД, МВД и МГБ? Или „во исполнении воли" тех русских людей, о которых Пьер Жильяр повествует в своей книге следующими словами: „Мне часто приходилось видеть людей, встречавшихся на пути нашего шествия в Церковь или обратно, которые, при виде Царской Семьи, крестились и становились на колени. В подавляющем своем большинстве жители города Тобольска были глубоко преданы Царской Семье, и наши охранники должны были принимать решительные меры против людей, останавливавшихся под окнами нашего дома, снимавших шапки и крестившихся, проходя мимо него. Или, быть может, это убийство было совершенно „во исполнение воли" крестьян-белоруссов, Гродненской губернии, отданной большевиками Польше, по Рижскому Договору, которых я имел возможность видеть ежегодно на, непопулярных у польских властей панихидах по убиенной Царской Семье, вплоть до занятия этой части Польши большевиками в 1939-ом году? Как сейчас, вижу эту крестьянскую массу, тесно наполняющую внутренность монументального храма, вмещающего около 1000 человек и весь обширный двор вокруг него, стоящую на коленях, усердно молящуюся и рыдающую, пришедшую на панихиду, без всякого особого приглашения, а по влечению своего сердца из деревень, отдаленных даже до 20 километров. Было ли это, вопиющее к Богу, преступление совершенно „во исполнение воли" населения казачьих областей, южно-русских и поволжских губерний и Сибири, которое, несмотря на грозящую ему „высшую меру наказания", прятало портреты Царственных Мучеников и, с приходом частей Белой Армии, обратно вешало их в красном углу — под образами? Нет! История, со всей очевидностью свидетельствует о том, что убийства Царской Семьи, Членов Императорской Фамилии и Их слуг, обоего пола, были совершены... вопреки воли российского народа.

Втайне задуманный интернациональной волей, заранее разработанный ею до мельчайших подробностей, план убий-

ства, тщательная подготовка к его выполнению, хладнокровная, беспощадная расправа убийц с жертвами, дикая жестокость, которой она сопровождалась, в своей совокупности, со всей очевидностью свидетельствует о том, что убийство это, совершенное в подвале ипатьевского дома, было актом жгучей мести Помазаннику Божьему — Христианнейшему Православному Царю, Его Благоверной Христианнейшей Семье и всему Православному Русскому Царству, со стороны фанатиков-изуверов.

Тайна которой убийство было окутано, меры предосторожности, которые были убийцами предприняты, тщательное скрытие ими следов своего преступления, уничтожение Останков Жертв и лживые сообщения убийц, непреложно свидетельствуют о том, что это потрясающее, ужасное, вопиющее к Богу преступление было совершено в строгой тайне от русского народа, и, что именно он — русский народ, не должен был об этом знать.

Часть 2-ая.

ГОСУДАРЬ-ХРИСТИАНИН

> Ибо для меня жизнь — Христос и смерть приобретение.
> (Ап. Павел: Послание к Филиппийцам, гл. 1, стих 21).

Эти слова Св. Апостола целиком относятся и к Праведному Русскому Царю-Мученику Николаю 2-ому. Душа Его была захвачена мистицизмом; — в ней жил Бог. Отсюда происходила Его глубокая убежденность в своем священном призвании к правлению Царством, вверенным Его попечению, как Помазаннику Божьему, самим Богом. Отсюда происходила Его пламенная вера в Бога и Его непоколебимая преданность Христу-Спасителю и Его заповедям. Из Его насыщенной Светом Христовым души проистекали все ее качества: любовь к Богу, человеколюбие, смирение, простота, незлобливость, чувство долга.

Об усердии и пламенности молитвы Царя-Мученика рассказывал мне, тогда еще отроку, духовник и друг трех поколений нашей семьи, замечательный по своим духовным ка-

чествам и строгой, праведной жизни, старец-митрофоный протоиерей отец Наум Мезецкий, бывший с начала этого столетия вплоть до эвакуации Варшавы в 1915 году, настоятелем церкви в летнем дворце в Лазенках. Помню, как, однажды, после исповеди, когда мы остались с ним в церкви дворца лишь вдвоем, указывая мне на коврики лежавшие на полу, о. Наум сказал: „Вот, здесь, на этом месте, стоя на коленях, молились Государь Император и Государыня Императрица. Они молились так ревностно, так проникновенно, что, глядя на Них, мне казалось, что души Их, оставив всякое земное попечение, вознеслись туда — одновременно он поднял руку вверх — на небо. О, если бы Господь, дал бы и тебе такую силу веры! И, вот, смотри! Эту мою — недостойного иерея руку, смиренно целовал Самодержец всея России; при этих словах о. Наум простер вперед свою руку, показывая ее мне. Позднее — в 1930-х годах, тоже самое рассказывал мне член Варшавско-Холмской Духовной Консистории Православной Церкви в Польше — протоиерей о. Александр Субботин. Православный Русский Царь-Самодержец целовал руку каждому священнику; в этом сказывалось и Его смирение и Его уважение к сану священнослужителя.

Государь молился и за своих врагов и прощал им обиды. Об этом имеются записи Пьера Жильяра: „13-го апреля, Страстная Пятница. Вечером вся Семья исповедуется. Суббота, 14-го апреля. В 9 часов 30 м. утра обедня и Святое Причастие. Вечером, в 11 часов с половиной, все собираются в церкви к Заутрене. Полковник Коровиченко, комендант охраны и личный друг Керенского, и три офицера охраны также присутствуют. Служба длится до 2-х часов, все направляются в библиотеку для обмена пасхальными поздравлениями. Император, по русскому обычаю, целует всех присуствующих, в том числе коменданта дворца и офицера охраны караула, который при нем остался. Эти два человека не могут совладать с волнением, которое в них вызывает этот чистосердечный поступок. Воскресенье, 15-го апреля. Пасха. Мы с Алексеем Николаевичем первый раз выходим на террасу перед дворцом. Чудный весенний день. Вечером в 7 часов богослужение наверху, в апартаментах детей. Нас около 15 человек. Я замечаю, что Государь усердно крестится в то время, когда

священник читает молитву с поминовением Временного Правительства".

В Бозе почивший благочестивый и всесторонне высокообразованный Блаженный Митрополит Антоний (Храповицкий) — основатель Русской Церкви Заграницей, был одним из немногих современников Царя-Мученика, хорошо Его понимавших и отдававших Ему должное. В своем слове, сказанном им в житомирском кафедральном соборе 21-го октября 1905 г., через четыре дня после Манифеста 17-го октября, установившего народное представительство и в области государственного управления России, Владыка Антоний в следующих словах охарактеризовал Государя и тогдашнее моральное и политическое состояние русских людей: „Сегодня окончился одиннадцатый год царствования нашего монарха, и настает двенадцатый год с несколько изменившимися условиями, обозначенными в последнем манифесте. Оглянитесь же, русские люди, на сей закончившийся первый период царствования нашего Государя, оглянитесь на себя насколько вы за это время оправдали данную вами перед Крестом и Евангелием присягу, и ныне, когда густая тьма бессовестной лжи и разнузданного себялюбия обложила небосклон нашей жизни, воззрите мысленно на Того, Кому так мало вы подражаете в добродетели и Кому столь неблагодарными оказались многие. Наш Государь вступил на отеческий престол в юном возрасте, но оказался мудр перед искушением власти. Большею частью цари и другие высокие начальники, достигая власти, стараются о том, чтобы сразу выдвинуть перед глазами всех свою личность в противовес личности предшественника, чтобы показать ожидаемые преимущества своего управления сравнительно с предшественником... Подобные приемы действий особенно свойственны Государям молодым, как это было при первых царствованиях в народе библейском. Не так, совсем не так поступил наш, тогда еще юный Государь, сделавшись властителем величайшего в мире царства. Он обещал следовать во всем примеру и указанию своего в Бозе почившего родителя и постоянно ссылался на его авторитет. Он сохранил при себе его советников и не только не старался о том, чтобы выдвигать самолюбие, свою личность, но, напротив постоянно смирялся пред своим Оте-

Их И. В. Государь Император и Государыня Императрица

чеством, исповедывая свою сердечную привязанность к старинной Москве и первый из Русских Императоров не усрамился распространять свои изображения в старинной одежде.

Смирение это первая заповедь Евангелия, это первая ступень из десяти блаженств, через которые открывается нам Господень рай, — сколь редкая, сколь ценная эта добродетель в наш горделивый, изолгавшийся век. И если мы справедливо ценим ее так высоко среди простых смертных, то как она вожделенна в могущественнейшем Императоре. Учись же, русский народ, у своего Царя этой великой мудрости быть смиренным... Как же сохранить в себе дух смиреномудрия? Как сохранил его в себе наш Государь? Хранить такой

дух может лишь тот, кто боится Бога, кто всем сердцем верит во Христа, кто благоговеет перед святыми угодниками. И сему учитесь у своего Царя, русские люди.

Наш Государь начал царствовать в сегодняшний день 21-го октября, причастившись в храме Св. Таинств Тела и Крови Христовых. Вторично причастился Он Божественных Таинств через три недели, в день своего бракосочетания. Сие необычно земным царям, которые, хотя и стараются всегда показать, что они не чужды веры, весьма опасаются прослыть слишком благочестивыми... Такая раздвоенность совершенно чужда нашему Монарху: Слава Божия являлась главным направляющим началом Его деятельности. Ревнуя о прославлении святых угодников с тем же бескорыстным упованием, с каким относится к ним народное сердце, Он с радостью разрешил открытие мощей св. Феодосия Черниговского в год своей коронации, а затем приложил страния к тому, чтобы провозглашена была Церковью святость другого угодника Божия — преп. Серафима Саровского. Но и на сем не успокоилось сердце Царево: оно повлекло Его с Царицей Супругой и Царицей Матерью в далекую Саровскую пустынь и побудило Его собственными руками поднять священный гроб Чудотворца и вместе со своим народом, собравшимся сюда, в количестве трехсот тысяч, проливать слезы умиления, открывать свою совесть духовнику и причащаться Св. Таинств у одной чаши с простолюдином.

Слышал ли ты что-либо подобное, о русский народ, за последнее столетие и более? Часто ли встречал такую силу веры среди людей знатных и богатых и укажешь ли мне во всей вселенной нечто подобное в жизни царей, именующих себя христианскими? Учись же у своего Царя вере, умилению и молитве. Искреннее благочестие остается не полным, если не украшается любовью и состраданием к ближним. И сию любовь наш Государь проявил в первые же месяцы по своем воцарении, когда, по примеру всероссийского праведника отца Иоанна Кронштадтского, начал повсюду учреждать дома трудолюбия для бедных, ибо в этом нуждается городская беднота".

В 1914 г., при прославлении праведного Симеона Верхотурского, прот. отец Иоанн Сторожев, совершивший 1-14 июля 1918 г. последнюю обедницу и преподавший Царственным Мученикам последнее в Их жизни пастырское благословение, в следующих словах описал присуствовавшим благочестие Царя-Мученика: „Какое, братие, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть, что Державный Вождь Народа Русского, коему вверены Богом судьбы отечества нашего, в основу всего в своем царстве полагает, не иное что, как благочестие, самолично подавая пример глубокого, чисто древле-русского благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святынь русских, заботы и усердия к прославлению памяти великих подвижников святой благоугодной жизни".

19-го июня 1949 г. в храме-памятнике, сооруженном в г. Брюсселе для увековечения памяти Царя-Мученика Николая 2-го, выдающийся святитель Русской Православной Церкви и Её Первоиерарх За Рубежом — в Бозе почивший Блаженный Митрополит Анастасий, инок аскетического образа жизни, молитвенник пламенный за русский народ, всесторонне образованный и обладавший большой эрудицией, в своем прекрасном по содержанию и по форме слове, в следующих словах описал евангельские добродетели убиенного Государя: „Это был подлинно Царь Православный, в котором воплотились многие евангельские добродетели и прежде всего те, за которые ублажает Христос Спаситель своих последователей в Нагорной проповеди.

Во главе их поставлена нищета духовная, т. е. смирение сердца, которым наш самодержавный Царь обладал в такой степени, как никто другой из венценосцев. Она возносит Его на высоту и делает Его достойным уже не земного, а вечного Царства Небесного. Родившись в день ветхозаветного страдальца Иова, Государь должен был испить чашу тяжких, горьких страданий. Они проходят через всё Его царствование и достигают высшего предела в конце Его жизни.

Он плакал горькими незримыми слезами не столько о своей участи и несчастной судьбе своей Семьи, сколько о непонимании Его лучших благородных стремлений и особенно об ослеплении своего народа, отрекшегося от своего Царя, от своей истории и частью от самой своей веры.

Он не нашел уже утешения на земле, как некогда Иов и за то обретает его сторицею в блаженном Царстве Христовом.

Кротость Его смиренного сердца известна всем, и если кроткие наследят землю, то и Он унаследует землю благих и посажен будет на престоле, который не поколеблется вовеки.

Его возвышенная душа никогда не переставала алкать и жаждать правды, за которую Он положил душу свою — и Он насытится ею там, где правда будет царствовать вовеки.

Милосердие — сердце милующее, готовое обнять всех, — это лучшее украшение монархов, — составляют самую сердцевину Его души. Через эту добродетель Он сам обретает помилование у Бога. Чистота сердца, которую Он хранил до последнего издыхания, сделает Его достойным открытыми очами взирать на славу Божию, а любовь и мир, какие Он распространял вокруг себя, как духовный воздух, и к которым Он призвал все народы тотчас же по вступлении на царство, — приобщают Его к сонму истинных сынов Божиих, наряду с прочими миротворцами.

Наконец, кто больше Его претерпел незаслуженных поношений, гонений, унижений, клеветы и поруганий, постигших Его только за то, что Он хотел быть христианом не по имени только, но и в самой жизни показать себя исполнителем заповедей Христовых, положенных Им в самое основание своего царствования. Тернии клеветы и лживых обвинений сплетаются в скорбный венец вокруг Его чела даже теперь, когда Он отошел от этого мира и предстал на суд Божий. Но чем больше суждено было Ему пострадать за правду в этом мире, тем большая награда ожидает Его в грядущей жизни"...

„...Когда гнев Божий возгремел над Русскою Землею и власть тьмы водворилась в Ней, дыша неистовою злобой против всего, что пыталось стать на её пути, тогда лучшие русские люди принесли себя в жертву во искупление Отечества. Господь потребовал прежде всего такой жертвы от Государя, как первого сына и верховного вождя России — и Он безропотно принес ее вместе со всею своею семьею, которую справедливо можно назвать его „домашнею церковью". Государь мужественно взошел на свою Голгофу и в

кроткой покорности воле Божией вкусил мученическую смерть, оставив после себя в наследие ничем не омраченное монархическое начало, как драгоценный залог, полученный Им от своих Царственных Предков..."

Протопресвитер отец М. Польский в своей книге „Новые Мученики Российские" пишет: „Государь был умучен от маловерного, неверного и отступнического общества русских людей, ставших чуждыми принципам Святой Руси, умучен, как хранитель этих принципов. Он умучен, как слуга Божий, ограниченный в своей воле и власти только законом Божиим, законом правды и любви, которым и служил до смерти. За верность своей присяге, клятвенному обещанию, данному при восшествии на престол. За веру в святость своего миропомазания на царство и в свою ответственность перед Богом. За благочестие и за свидетельство Христовой Истины своей жизнью, благодаря чему Он стал чужд окружавшему Его развращенному обществу. За правду русской жизни и культуры, дух которой в Православии...."

Только под влиянием горячих и непреклонных убеждений Царя-Мученика, Его невеста-лютеранка согласилась приобщиться к Св. Православию. Только познав в глубинах души своего Супруга источник пламенной веры и горячей любви к своему народу и под влиянием их, немецкая принцеса превращается в пламенную исповедницу Св. Православия, в ту, любящую русский народ и преданную ему до самозабвения, подлинно-русскую Царицу Александру Федоровну, какой знали Её все близко стоявшие к ней люди, и о чем так ярко свидетельствует Ее неутомимая широкая благотворительная и милосердная деятельность на протяжении всей Ее многострадальной жизни и письма из Тобольска, проникнутые горячей верой, покорностью воле Божией и всепрощающей любовью к русскому народу. Вот, о чем пишет в них Царица Мученица: „Чем больше здесь страдания, тем ярче будет на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут" (21 окт. 1917 г.)".

„Дух у всех семи бодр. Господь так близок, чувствуешь Его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которые раньше убили бы. Мирно на душе, хотя страдаешь сильно за Родину" (9 дек.).

„Не надо так мрачно смотреть — голову наверх — бодрее всем в глаза смотреть. — Никогда надежду не терять — непоколебимо верить, что пройдет этот кошмар" — „Какая я старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка и люблю мою родину, несмотря на все ужасы и согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господи, смилуйся и спаси Россию". (10 дек.).

„Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо, непоколебимо верю, что Он все спасет, Он один это может. Странность в русском характере — человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется бесхарактерность" (9 янв. 1918 г.).

...Но что время? Ничего, жизнь — суета, все готовимся в царство небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол человека стережет на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть на страже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попущение — все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло. А ты принимай без ропота: Он и пошлет ангела-хранителя, утешителя своего. Никогда мы не одни, Он — Вездесущий, Всезнающий, Сама любовь. Как Ему не верить" (2-15 марта 1918 г.).

„Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече небесного жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас: как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он невинный, безгрешный вольно страдал. Искупаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови пятна, загрязнившие наши души" (13-26 марта).

„Когда совсем затоптаны ногами, тогда Он Родину подымет. Не знаю как, но горячо этому верю. И будем непрестанно за Родину молиться. Господь Иисус Христос, помилуй меня, грешную, и спаси Россию" (19 марта).

„Атмосфера электрическая кругом, чувствуется гроза, но Господь милостив и охранит от всякого зла"

„Хотя гроза приближается — на душе мирно — всё по воле Божией. Он всё к лучшему делает. Только на Него уповать. Слава Ему, что маленькому (Наследнику, прим. мое. Н. О.) легче". (8-21 апреля 1918 г.).

„Святая Русь, во всей ее духовной силе и красоте, выявляется в замечательных строках Той, которая подвергалась такой клевете и поношению, даже некоторыми членами императорского дома, пренебрегшими нарочитой присягой ими даваемой, — пишет Н. Д. Тальберг — в своей книге „Святая Русь". — Пламенной верой, силой древнего христианства, величием благороднейшей души преисполнены письма узницы революционеров, Царицы Александры Федоровны".

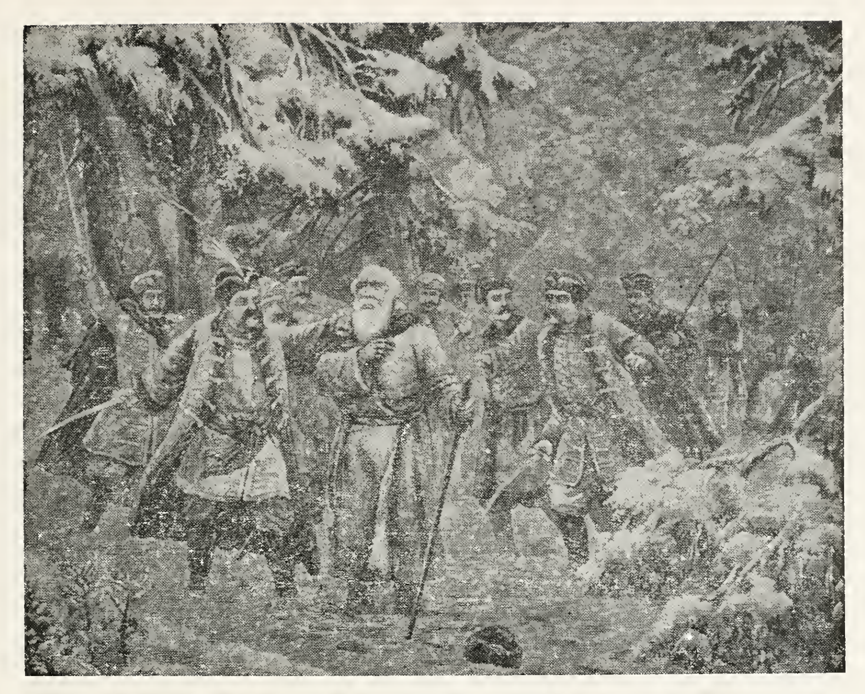
Генерал М. К. Дидерихс рассказывает, как, после занятия Екатеринбурга белыми войсками, в каретнике во дворе дома Ипатьева был обнаружен перерытый убийцами сундук с книгами Царской Семьи. В одной из английских книг принадлежавших Великой Княжне Ольге Николаевне было обнаружено, записанное рукой Царицы-Мученицы следующее стихотворение, которое по предположению ген. Дидерихса было сочинено тоже Ею:

„Молитва".

**Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог всесильный,
Благослови молитвой нас**

И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у предверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов —
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов".

О доброте души и человеколюбии Царя-Мученика имеется много свидетельств, и перечислить их все невозможно. Но некоторые из них нельзя не привести. В своей книге „Отечественная быль" Н. Д. Тальберг передает в следующих словах рассказанное ему генералом П. П. Орловым: „Будучи, как флигель-адъютант, на дежурстве во дворце в Царском Селе или в Петргофе (точно не помню), он, в поздний час, вынужден был принять молодую женщину, упорно настаивавшую на свидании с ним. Волнуясь, сквозь слезы, она сообщила ему, что через несколько часов предстоит казнь ее жениха, которого судил военный суд вместе с несколькими революционерами. По ее словам, молодой человек только случайно оказался связанным с группой террористов и ни в чем не виноват. Она умоляла испросить у Государя повеление о приостановке его казни. Орлов знал, что Государь удалился уже в спальню и, возможно спит. Все же искренность ее горячей мольбы побудила Орлова постараться исполнить ее просьбу. Спрошенный им камердинер ответил, что Государь ложится спать. Орлов просил осведомить Царя о необходимости сделать Ему доклад по неотложному делу. Через короткое время Государь вышел в домашнем костюме и спросил: „Что случилось, Орлов?" Выслушав доклад, Он поблагодарил Орлова, не побоявшегося побеспокоить Его по такому важному делу и приказал передать немедленно по телефону коменданту Петропавловской крепости Высочайшее повеление о приостановке казни молодого человека. На следующий день Государь отдал распоряжение выяснить обстоятельно степень виновности последнего. Обнаружена была в отношении его судебная ошибка. Он был освобожден, и через год Орлов случайно встретил в Крыму счастливую супружескую пару". Этот эпизод тоже передает в своей книге „Николай и Александра" американский писатель Роберт К. Месси, добавляя к рассказанному Н. Д. Тальбергом подробности о том, что молодая женщина, узнав об исполнении ее прось-

Смерть Сусанина за Царя

бы Государем, в порыве благодарности и радости сказала, что она всю свою жизнь будет ежедневно молиться за Него. На другой день утром Орлов рассказал об этом Государю, который, выслушав Орлова, сказал ему: „Я Вам очень благодарен, Орлов, так как своим вчерашним докладом Вы сделали счастливыми двух людей: „ее и меня".

В октябре 1915 г. Государь, в сопровождении Наследника, начал объезд фронта. В следующих словах П. Жильяр, неизменно сопровождавший своего Ученика, описывает свои переживания и виденное им на одном из участков этого Фронта. „24-го окт., — пишет Жильяр, — мы отправились на фронт. На следующий день мы прибыли в Бердичев, где к нашему поезду присоединился командующий войсками юго-западного фронта — ген.-адъютант Н. И. Иванов. Через несколько часов мы прибыли в Ровно, где находился Штаб ген.-адъютанта Брусилова. Мы тотчас же сели в автомобили, так как нам нужно было сделать более 20 километров.

Эскадрилья аэропланов сопровождала нас до места смотра. Государь и Наследник обошли фронт всех частей. После этого, Государь вызвал из строя офицеров и солдат представленных к знакам отличия св. Георгия и собственноручно приколол им таковые. Когда смотр и награждение окончились, наступила ночь. Узнав на обратном пути от ген. Иванова, что недалеко от этого места находился перевязочный пункт, Государь тотчас же решил его навестить. Мы направились в густой лес и вскоре заметили маленькую постройку слабо освещенную факелами. Государь, в сопровождении Наследника, вошел в дом, обошел каждого раненого и с присущей Ему добротой, вступал в разговор не минуя никого. Его неожиданный приезд в столь поздний час в непосредственную близость к фронту вызвал удивление, которое отражалось на лицах солдат. Один из солдат, который только что пришел в себя после перевязки, своей единственной рукой начал ощупывать одежду Царя, чтобы убедиться, что возле него действительно находился Царь, а не призрак".

В своей книге „Светлой памяти Императора Великомученика Николая 2-го" (Париж 1933 г.) флигель-адъютант В. В. Свечин, со времени еще совместной службы с Государем, в Л.-Гв. Преображенском Полку хорошо и близко Его знавший, описывает посещение Царем-Мучеником лазаретов в Москве, куда Государь прибыл по дороге в Петроград, после посещения Кавказского фронта, где Он приветствовал доблестные войска, только что одержавшие блестящую победу над турками при Саракамыше. Сопровождавший Государя при Его посещениях лазаретов В. В. Свечин сообщает: „Сопровождая, таким образом, Его Величество в Его поездках по лазаретам, я имел неоднократно случай наблюдать, какое глубокое впечатление производил на Него вид тяжело раненых, ампутированных, ослепших и изуродованных, еще так недавно вполне здоровых людей, принесенных в жертву Молоху войны, столь всегда противной сердцу Государя.

Впечатление это бывало настолько сильно, что, несмотря на присущие Государю выдержку и самообладание, Он иногда не был в силах скрыть своего душевного волнения.

И надо было видеть Его глаза, когда, переходя от койки к койке, Он склонялся над несчастными страдальцами и за-

ботливо расспрашивал о их ранениях и сражениях, где они были ранены, интересовался какой они части, какой губернии, есть ли семья и т. д.

Я, который знал Его глаза и столько лет уже ими постоянно любовался и, казалось, вполне их изучил, я, всякий раз в лазаретах, поражался их новой скорбной красотой.

Не могу выразить словами сколько было в них сострадания и любви к ближнему.

Всегда прекрасные, но обыкновенно не легко проницаемые, они были, в это жестокое время, истинным отражением Его благочестивой христианской души и в них не трудно было разглядеть какие сокровенные струны затронула навязанная Ему ужасная война и понять какой искренней и великой печалью звучали эти невидимые струны...

В день своего отбытия в Петроград, Государь Император повелел мне остаться еще несколько дней в Москве, дабы объехать неосмотренные лазареты и, в первую голову, побывать в том, который Его Величество посетил перед самым отъездом.

— Мне пришлось сейчас торопиться, сказал Государь, и Я опасаюсь как бы кого не обидел, обойдя тяжело раненых и наградив, случайно, менее достойных... Поезжайте и проверьте и, если такие случаи обнаружите, то исправьте мой грех и обласкайте, от Моего имени, обойденных. —

Эти простые слова русского Императора, запечатлевшиеся в моем сердце, как решительно рассеивают они возведенную врагами и недоброжелателями на Него клевету о присущем Ему, будто бы, бессердечье и безразличном отношении к участи и страданиям Своих подданных!

Далее флигель-адъютант В. В. Свечин рассказывает, как он обнаружил одного такого „обойденного" Государем солдата.

„Подойдя к контуженному, — рассказывает В. В. Свечин, я увидел одно из тех хороших, открытых, привлекательных простонародных лиц, которые особенно часто встречаются среди жителей Полтавской, Черниговской и других малороссийских губерний, всегда дававших прекрасных солдат.

Он был бледен, как полотно его рубашки, и худ до чрезвычайности; впавшие глаза казались погасшими, губы были совершенно белы.

Несчастный был контужен в спинной хребет и страдал невероятно. По мнению врача — на выздоровление он имел очень мало шансов...”

Фамилия этого солдата была Сиволенко. Далее В. В. Свечин повествует о том, как он наградил Сиволенку и какой между ними произошел по этому поводу разговор:

„...Глубоко расстроганный таким невероятным смирением, я приколол к его рубахе Георгиевскую медаль и сказал, что передаю ему, от имени Государя Императора, особо сердечное спасибо за службу и за тот геройский дух, который он сохранил среди страданий.

—...Покорнейше благодарю, Ваше Высокоблагородие, — начал он, но засим, видимо от волнения и под влиянием сильных болей, забывая обычные уставные формулы, он продолжал, пересыпая русскую речь малороссийскими словами, просто, душевно, — премного благодарны Государю Императору за Их милость... Нам тут хорошо — уход, что за господами... А Они, Государь-то, и так нас наградили, що нас грешных посетили... Ваше Высокоблагородие, — продолжал он, все более и более волнуясь, — у Государя такие глаза, що в жисть не бачил — до смерти не забуду. Люди говорили, що Ему до нас дила нет... Теперь я знаю — то злодеи, хуже немца — всё брешут... Уж мене теперь сего не скажут... Коли Бог даст, выдужаю — убью всякого, хто скажет що такое подобное...

— Я видел Его глаза и знаю теперь правду. В них слезы были, вот те Христос, сам видел. Сказать — не поверят: Царь, Император Рассийский, да плаче... Смотрил на нас искалеченных и плакал... Знать жалел. Видно правду в полку учили, когда сказывали, що мы для Него, як дити. Как есть отец по детям и плаче...

— Ваше Высокоблагородие, — помирать буду, не забуду Его глаз...”

Вернувшись в Петроград, В. В. Свечин сделал доклад Государю, но, зная о скромности Государя, о Его нелюбви обнаруживать свои душевные переживания, Свечин о сказанном Сиволенкой о глазах Государя и виденным им Его слезах умолчал.

„...По повелению Государя, престарелым родителям героя-страдальца было послано в деревню денежное пособие.

Кроме того, Начальнику Московского Военного Округа было указано периодически сообщать о состоянии его здоровья Военно-Походной Канцелярии, для доклада Его Величеству.

Два с небольшим месяца спустя, на одном из моих дежурств, Государь, как только меня увидел, сказал:

„Вчера я получил известие о смерти Сиволенки. Командующий войсками доносит, что он, последнее время, безумно страдал.

При таких условиях, это, конечно, к лучшему, но Мне очень жаль, что Я его не увижу... Я надеялся, что он поправится и хотел обеспечить ему тихую и спокойную жизнь..."

В. И. Мамонтов, очень долго бывший главноуправляющим Канцелярией по принятию прошении на Высочайшее имя приносимых, и по роду своей службы бывший очень близко к Государю, характеризует Государя следующими словами: „С врожденным и сильно развитым чувством справедливости, — пишет в своих воспоминаниях Мамонтов, — добрый, слишком к сожалению добрый, гуманный, — Он с величайшей готовностью шел на встречу предлагавшимся Ему канцелярией мерам восстановления попранных прав и смягчению суровых велений закона, когда изъятие из него не нарушало ничьих интересов и вызывалось требованиями высшей справедливости. Я не говорю уже об оказании Им широкой помощи впавшим в нужду — доброта Его в таких случаях не имела предела и только недостаток средств заставлял Его с сожалением отказывать".

Царь-Мученик был подлинно Православным Царем-борцем за христианские идеалы, подвижником в своем царском служении российскому народу. Правление Россией было у него неотъемлемо от Его религиозного убеждения, как Помазанника Божьего.

В этой своей религиозной убежденности черпал Он силы для управления бурлившей страной, продолжавшемся более 22-х лет.

Несмотря на самые мрачные предзнаменования и предчувствия, Он никогда не терял своего христианского опти-

мизма. Подлинно христианское смирение было отличительной чертой Его праведной души; Он никогда не предавался унынию, какие бы скорби и печали ни встречались на Его жизненном пути.

Свой жизненный путь Он прошел ровной и твердой поступью — с именем Божьим на устах и с образом Христа в своем сердце.

Часть 3-ья

Государь-Правитель

„Не самодержавие я защищаю, а Россию".
Император Николай 2-ой.

21-го октября 1894 г., на пятидесятом году жизни, в Бозе почил великан-Царь Миротворец Александр 3-ий, подточенный неожиданно подкравшейся болезнью.

Под этой датой Царь-Мученик Николай 2-ой сделал в своем дневнике следующую краткую запись: „Государь умер. Боже, что будет с Россией"! Это был вопль царской души к Богу. Об этом сокровенном вопле Царя мир узнал случайно от Его и России врагов, похитивших и опубликовавших царский дневник, писанный не для огласки.

Этот вопль наглядно указывает на то, что центром, устремленного на Добро, духовного взгляда Царя была Россия, у которой — Он это хорошо знал — нет друзей из вне и есть много врагов внутри.

В этом вопле звучало осознанное Им понимание того тяжкого бремени, ложившегося на Его плечи, каким являлось управление разнородной по своему составу, идейно разъединенной, бурлившей, огромной страной, в которой никогда не заходило солнце. В Его сознании глубоко были внедрены все затруднения и проблемы политического, экономического и хозяйственного характера, которые Он унаследовал вместе со своим Царством. Он хорошо понимал, что все это и те нестроения, которые начались за 100 лет до Него, отныне придется разрешать Ему; — только Ему одному...

И в этом Его вопле звучал, вопрос: „Справлюсь ли я?"

Этот самый вопрос, Он, умудренный 22-ухлетним правлением Россией, задал представителям Временного правительства — монархистам Гучкову и Шульгину, когда они требовали от Него, плененного собственным генерал-адъютантом Рузским в Пскове, отречения от Престола: „Справитесь ли Вы?" И эти бессовестные, преступные политические слюнтяи, не имевшие ни Его знаний, ни опыта, не задумываясь, ответили: „Справимся!" Как они справились, об этом знаем мы — русские, знает весь мир и непреложно свидетельствует история.

Но, в этом вопле Царя, перед вступлением на Трон звучала, и звучала громче всего, Его покорность воле Божией. В ней представлялся акт, величайшей, по учению христианской церкви, жертвы любви, акт величайшего послушания — изъявление готовности, ради искупления грехов русского народа, принять на себя страдания.

Вслед затем прозвучали слова Манифеста о вступлении на Престол: „Божией Милостью, Мы, Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский...", и началось самое гуманное, самое благодатное, полное реформ и жертвенного служения российскому народу царствование Царя-Мученика Николая 2-го Александровича, продолжавшееся 22 года, 4 месяца и 13 дней, приведшее Россию на небывалую до того высоту её экономического и хозяйственного развития, благополучия, благоденствия и неповторимой подлинной свободы российского народа.

В основу своего правления Царем-Мучеником было положено: сохранение принципов государственного строя, укрепление Церкви; дарование благоразумных, основанных на христианской морали свобод; выполнение исторических задач, стоявших перед российским народом; сохранение великодержавного авторитета Империи; повышение общего благосостояния населения путем широких хозяйственных и экономических преобразований; освоения просторов Российской Империи; повышение уровня образования и патриотического воспитания юношества и ведение миролюбивой внешней политики.

28-го января 1897 г. по Высочайшему повелению была произведена Первая Общая Всероссийская Перепись населе-

ния, давшая подробную картину состояния России. По данным этой переписи население Империи достигло цифры в 128 миллионов 239 тысяч. Общая площадь огромной империи, растянувшейся на двух материках (½ Европы и 1/3 Азии), — от Балтийского моря до Тихого океана с запада на восток и от Северного Ледовитого океана до границ Турции, Индии и Китая — с севера на юг, была равной 1/6 части всего земного шара и составляла 19.179.000 квадр. верст или около 8. 320.000 кв. миль. В административном порядке она была разделена на 97 губерний и областей, разделенных в свою очередь на 816 уездов.

Гениальный русский ученый Димитрий Иванович Менделеев, бывший не только химиком, но и экономистом и государственным деятелем, в своем замечательном труде „К познанию России", изданном, незадолго до его смерти, в 1906 г., дает подробную картину российского благополучия. Основываясь на статистических данных Всероссийской Переписи 1897 г. и на данных Статистического Комитета, приведенных им в своем отчете: „Движение населения Европейской России в 1897 г.", опубликованном в 1900 г., Менделеев подчеркивает, что в 1897 г.: „Рождаемость составляет 4,95%, смертность — 3,14% а естественный прирост населения 1,81%".

„Считаю очень не излишним, — пишет Менделеев, — обратить внимание на то, что такого естественного прироста, какой найден для 1897 г. в Европейской России (1,81%), ни для одной страны до сих пор неизвестно". Сравнивая статистические данные России с данными Соед. Штатов и Аргентины, Менделеев указывает, что прирост населения этих стран больше потому, что он состоит из естественного прироста, увеличенного иммиграцией населения из других стран. Одновременно он указывает на самую благополучную в этом отношении страну — Германию, где годовой прирост населения составляет 1,5%. Далее он приводит статистику Ирландии, где происходит явная убыль населения. „Согласно статистическим данным для Ирландии, — пишет Менделеев, — в Ирландии в 1871 г. жило 5,4 милл., в 1886 г. — 5,2 милл., в 1896 г. — 4,7 милл., в 1901 г. — только 4,46 миллионов".

В добавление к сведениям проф. Менделеева, считаю нужным указать, что, по статистическим данным Ирландии за 1966 г., численность населения ее выражалась цифрой в 2.880.752 человека. Убитый Президент Соед. Штатов Джон Кеннеди, ирландец по отцу, во время посещения им городка, откуда происходил его отец, в произнесенной им там, обращенной к компатриотам своего отца, речи, сказал, между прочим, следующее: „В настоящее время в Соед. Штатах живет больше ирландцев нежели в самой Ирландии". Ни для кого не секрет, что бегство ирландцев заграницу происходит благодаря тому давлению со стороны демократического английского правительства, при котором экономическое, политическое и религиозное существование ирландцев сделалось для них совершенно невозможным.

Далее Менделеев указывает в своей книге, что существуют страны, в которых население постепенно вымирает. Такой страной после Великой революции, развращенная её революционной философией и падением нравственности, стала Франция, население которой перед 1-ой Мировой войной систематически уменьшалось. И после Первой мировой войны, несмотря на присоединение к ней Элзас-Лотарингии, тенденция к вымиранию у французов продолжалась; — так, в 1935 г., согласно статистическим данным, смертность во Франции превысила рождаемость на 26.476 человек.

Знала ли обо всем этом увлеченная западными идеями русская интеллигенция? Знают ли об этом русские интеллигенты, из числа хулителей Царя и Царской России, очутившиеся после революции на положении беженцев заграницей?

В упомянутом своем труде, Менделеев вычисляет, что, если из „предосторожности взять для прироста населения России 1,5%, вместо 1,81%, то в 1950 г. оно будет составлять 282,7 милл"...

Общая численность населения России по статистическим данным за 1914 год составляла 182,5 милл.

По советской статистике общая численность населения Советского Союза составляла в 1967 г. цифру в 235 миллионов, тогда как, по вычислениям Менделеева, она должна была бы достигнуть цифры в 360 миллионов, как минимум.

Вот этот „дефицит" в населении России, равный 125 миллионам людей, представляет собой тот подлинный итог, во что обошлась российскому народу революция и „дости жения" Советской власти.

По советской статистике прирост населения за 1967 год составляет 1,11 . Есть над чем задуматься каждому!

Разбирая данные статистики 1897 г. Менделеев сообщает, что в 49-ой ее статье: „Перечислены лица, не заявившие о способах, которыми они живут; или заключенные за свои проступки, или занятые неопределенными и сомнительными видами промысла, например, проституцией. Общее число таких лиц, равное 851.000, все же в России сравнительно невелико по отношению к тому, что известно для других стран. А тут-то и содержится истинный пролетариат или настоящее бедствие человечества". По изысканиям Менделеева, 90% лиц, занимавшихся проституцией были еврейского или латышского происхождения; по крайней мере так показывали результаты переписи. В добавление к вышеизложенному, — нельзя не обратить внимание русских людей, какой категорией граждан была представлена диктатура пролетариата.

„В России ежегодно, — сообщает Менделеев, — прибывает 2.000.000 жителей, т. е. в каждую минуту дня и ночи общее число рождающихся в России превышает число умирающих на 4 человека".

В дальнейшем великий русский ученый и патриот обращает внимание российской общественности на рост населения, которое к 2.000-му году должно достигнуть 600.000.000 душ. Исходя из этого Менделеев приходит к выводу, что для обеспечения и увеличения благополучия населения необходимо увеличить рост отечественной промышленности, заняться землеустроением, поднять производительность сельского хозяйства и труда вообще. На основании же результатов переписи и данных о движении населения, он приходит к твердому выводу о том, что вопрос этот Императорским Правительством правильно понимается и трактуется, о чем свидетельствует более быстрый рост городского населения за счет сельского и рост крестьянского землевладения.

Касаясь нашей промышленности, Менделеев указывает на то, что наша бумаго-прядильная промышленность завоевала, вне всякой конкуренции, все рынки Азии. Он указывает на то, что экспорт, прекрасных по качеству и очень дешевых бумагопрядильных изделий, как ситцы, кумач, сатинет „чертова кожа" и т. д., совершенно вытеснили такие же товары английской промышленности в Китае и других азиатских странах, включая Индию, бывшую тогда английской колонией.

Экспорт заграницу сахара, табака, папирос, водочных изделий, икры, рыбных и других консервов достигает внушительных размеров.

„Всякий русский, ездивший заграницу, — пишет Менделеев, — знает, что в России конфектные изделия всякого рода, начиная от простых карамелей и варенья до конфект высшего сорта, не только лучше, чем где бы то ни было, но и дешевле".

Со своей стороны я не могу не указать, и уверен, что каждый, живший в Императорской России, это подтвердит, что таких лимонадов, какие там выделывались, по своему качеству и вкусу, нигде заграницей не было и нет и сейчас; особенно в этом отношении выделялись московские: „фруктовые воды" Ланина и „Ситро" и „Клюквенный" Калинкина.

Наши консервы Прохорова, выделывавшие малороссийский борщ, судака в майонезе, жаренных куропаток и тетеревов, сладкий горошек и т. д., и т. д., фруктовые консервы, особенно фабрики Магомета Омар Оглы в Темир Хан Шуре, наши рыбные консервы: шпроты, кильки, бычки, скумбрия, наши балыки, сиги, семга были и, хоть в прошлом, до сих пор остались вне конкуренции, также, как разные виды икры, папирос, табака и водки.

Статистика за 20 лет царствования Царя-Мученика дает следующие сведения

	В 1894 г.	в 1914 г.
Населения	122.000.0я0 чел.	182.500.000 чел.
Крестьянское землевладение	132.000.000 дес.	240.000.000 дес.
Урожайность хлебов	2.500.000.000 пул.	4.500.000.000 пуд.
Срерний урожай с десятины	38 пуд.	58 пуд.
Добыча нефти	294.000.000 пул.	600.000.000 пуд.
Добыча железной руды	140.000.000 пуд.	500.000.000 пуд.
Добыча каменного угля	466.000.000 пуд.	2.200.000.000 пуд.

Добыча меди	395.000 пуд.	1.800.000 пуд.
Добыча марганца	12.000.000 пуд.	55.000.000 пуд.
Добыча соли	85.000.000 пуд.	121.000.000 пуд.
Добыча золота	2.576 пуд.	3.674 пуд.
Добыча платины		450 пуд.
Выплавка железа, стали и чугуна	143.000.000 пуд.	600.000.000 пуд.
Продукция сахара	30.000.000 пуд.	120.000.000 пуд.

Развитие промышленности в России шло гигантскими шагами, — в 1914 г. насчитывалось около 14.000 крупных фабрик и заводов, на которых работало уже около 2.500.000 рабочих производивших товаров общей стоимостью около 5 миллиардов золотых рублей.

Согласно статистическим данным в 1914 г. в России имелось 150.000 промышленных и 900.000 торговых предприятий с оборотом в 27.000.000.000 золотых рублей в год. Кроме того была развита кустарная промышленность, в которой принимало участие несколько миллионов, главных образом, малоземельных крестьян, занимавшихся этим промыслом (большей частью в северной России), как подспорьем к сельскому хозяйству. Кустари выделывали ножи, ножницы, обувь, валенки, гончарные изделия, мебель, игрушки и много художественных изделий из слоновой кости, серебра, дерева, эмали и посуду. В Москве имелся большой музей кустарного искусства, где можно было приобрести любые кустарные изделия. Владимирская губерния славилась иконописью, Кавказ оружием и всякими украшениями, Бухара, Хива и Туркестан коврами, Великороссия и Малороссия вышивками, Белоруссия сукнами и тончайшим полотном, Ярославская губ. — валенками и полушубками, Архангельская губ. и север России пимами и дохами. и т. д.

В России устраивалось ежегодно 30.000 ярмарок, из которых наиболее славились международные ярмарки в Нижнем-Новгороде.

Царь-Мученик был разумным русским патриотом и всячески покровительствовал отечественной культуре, промышленности, сельскому хозяйству росту государственных и частных финансов.

Любовь Царя-Мученика к простому народу не была абстрактной: Он стремился систематически к улучшению его быта и благополучия; целый ряд законодательств и реформ, проведенных на их основании, свидетельствуют об этом.

Особенно ярко это сказалось в Его реформах, касавшихся землеустроения крестьян. Стремление Царя-Мученика к улучшению быта крестьян, можно сказать, было врожденным и по мере понимания Им глубже государственных задач России возростало. Он хорошо понимал то, что не понимали теоретики социализма, выставившие демагогический лозунг „вся земля крестьянам". Царь-Мученик ясно сознавал, что раздел всей земли поровну был утопичен и неминуемо привел бы сельско-хозяйственную продукцию страны в катастрофическое состояние, в ближайшие же десятилетия. Говорить о раздале сельскохозяйственных угодий могли лишь безграмотные люди и безответственные демагоги. В 1914-ом году на всей площади России в 19.179.000 кв. верст, что равнялось 1.997,799.714 десятинам, проживало 182,5 миллиона жителей. Если разделить поровну всю площадь России, то в среднем выходило бы 10,95 десятины на одну душу. Но в общее число этих десятин входили площади занятые: населенными пунктами, железными и другими дорогами, озерами, реками, болотами, горами и огромнейшими пространствами солончаков, пустынь, тундр и лесов. Государь хорошо сознавал, что это были „бессмысленные мечтания", и что нужны были коренные реформы для улучшения продукции сельского хозяйства, как в частновладельческом понимании, так и в общегосударственном масштабе. Для этого прежде всего требовалось уничтожение общинного владения и черезполосицы. Убежденность Государя о необходимости проведения такой реформы, разделяли величайшие умы России, проф. Менделеев, ген.-адъютант Н. Н. Обручев, проф. Н. Х. Бунге, проф. Д. И. Пестржецкий, министры Димитрий Сергеевич Сипягин и Петр Аркадьевич Столыпин, начавший проводить эту реформу в жизнь.

Интересно отметить, что по этому поводу пишет в своих мемуарах С. Ю. Витте. Упоминая о мнении по этому вопросу существовавшем у ген.-ад. Н. Н. Обручева, Витте сообщает: „Упомянув о Н. Н. Обручеве не могу не сказать, что он систематически проповедывал обратить внимание на крестьянство. Многократно об этом докладывал Государю". Говоря о себе, он пишет: „Должен сказать, что, с одной стороны, я еще не вполне изучил крестьянский вопрос относительно

преимуществ того или другого способа крестьянского владения землей не установил себе окончательного воззрения". И далее — „Таким образом, я не высказался ни за общину, ни за личное владение, а находил, что было бы благоразумнее, пока не будет выяснен и разобран крестьянский вопрос, во всей его совокупности, действие статьи о выделении приостановить". Как мы видим землеустроительные реформы были задержаны не без влиятельного участия в этом Витте, которому это не помешало впоследствии — в конце своих воспоминаний — упрекать Государя и Правительство в запоздалом проведении этих реформ. Такого рода казуистика очень характерна для Витте и неоднократно повторяется в его книге „Воспоминания". В тот день, когда этот вопрос разбирался в Специальном Заседании Государственного Совета, Витте имел по этому вопросу долгую беседу с Царем-Мучеником, тогда еще Наследником Престола, которая произошла во время поездки Наследника Цесаревича, совместно с Витте, из Гатчины в С. Петербург для присутствия на заседании Государственного Совета. „Как подал свой голос Цесаревич, — пишет Витте, — я не знаю. Но едучи с Цесаречем я имел случай говорить с Ним довольно долго о крестьянском вопросе, я тогда заметил, что Его Высочество, со свойственной Ему сердечностью и благожелательностью, относился в высокой степени милостиво к крестьянским интересам и считал их первенствующими". Все реформы царствования Императора Николая 2-го полностью подтвердили тогдашнее мнение Витте, хотя в своих воспоминениях он свое мнение меняет чаще, чем перчатки.

Едва ли стоит упоминать о том, что, в результате совершеной резолюции, все имения помещиков не только не били разделены среди крестьян, но были в том же виде и в той же площади переименованы в советские хозяйства — „Совхозы", в то время, как крестьяне потеряли свою собственность, как частновладельческую, так и общинную.

Не то было при Императорском Правительстве, произведшем по инициативе Царя-Мученика целый ряд реформ направленных на улучшение быта крестьян. Русский выдающийся ученый-специалист по сельскому хозяйству Д. И. Пестржецкий в своей книге „Около земли" (Берлин. 1922 г.)

сообщает, что в 1905 г. было произведено поземельное обследование-перепись. „С 1906 г. — пишет проф. Пестржецкий, — обеспечение малоземельных и безземельных крестьян составило предмет особой заботливости Правительства. Таким крестьянам видавались из Крестьянского банка ссуды в 100% оценки. При переселении земли они пользовались особыми преимуществами. Поземельния Землеустроительная Комиссия и Переселенческое Управление выдавало таким крестьянам ссуды и пособия на обзаведение хозяйством, возведение построек, покупку живого и мертвого инвентаря". Перевоз переселенцев производился за счет казны. „С 1906 г. — сообщает Пестржецкий, — началось усиленное переселение крестьян в Сибирь. Переселявшиеся дворы продавали обычно свои хозяйства односельчанам. С начала 1906 г., до начала мировой войны, переселилось из Европейской России в Сибирь 3.460.169 душ мужского пола".

Этим переселенцам сообщает проф. Пестржецкий: „Отводилось даром по 15 десятин на душу казенной или кабинетской земли, т. е. в общей сложности было отведено 51.902.503 десятины удобной земли, не считая земель неудобных и долевого значения".

По указам 1906 г., все незааженные лесом казенные и удельные земли Европ. России были переданы крестьянам. Кабинетские и удельные земли, оставшиеся к 1-му янв. 1917 г. составляли исключительно лесную площадь и ничтожное количество высших культур. За время с 1906 г. по 1917 г., по вычислениям Пестржецкого, только в Европейской России крестьянам было распродано 6.000.000 десятин казенной земли и 1.868.224 десятины удельной земли. Землю же эту приобрели исключительно малоземельные крестьяне. Кроме того при посредстве Крестьянского банка ими было приобретено в рассрочку на 50 лет из 2% годовых около 15 миллионов десятин дворянской, купеческой и мещанской земли и без участия Крестьянского банка — около 25 миллионов десятин. „На 1-ое января 1917 г. — сообщает проф. Пестржецкий, по исчислениям произведенным мною с А. Н. Тройницкий, на основании данных Министерства Земледелия, Крестьянского банка и „Движения земельной собственности по данным Старших Нотариусов", количество крестьянской земли только в Европейской России превысило 188 миллио-

нов десятин против 42,5 миллионов дворянских земель, половину которых составляли леса.

В Азиатской России под переселение крестьян отводились земли исключительно пригодные для сельского хозяйства и в полосе, климат которой был наиболее мягкий и здоровый. Так указом от 16-го сентября 1906 г. Царь Мученик приказал передать Переселенческому Управлению для устройства малоземельных и безземельных крестьян Европейской России все удобные для сельского хозяйства земли Алтайского округа, в том числе 25 миллионов десятин принадлежаших лично Царю-Мученику.

Россия к 1917-му году была совершенно крестьянской страной, в большей степени чем какая-либо из европейских стран. Накануне революции крестьянам принадлежала вся пахатная площадь земли в Азиатской России и 80% её в Европейской России.

9-го ноября 1906 г. Царем-Мучеником был издан закон о свободном выходе крестьян из общин и об установлении личной крестьянской собственности на землю — личной, а не семейной. По этому закону крестьяне могли выходить на хутора, дробление которых в будущем запрещалось. Для проведения этой реформы никаких насильственных мер не предпринималось; — проведение ее обуславливалось постановлением, т. е. согласием всей общины. Непонимание крестьянами выгоды этого закона сильно тормозило дело землеустроения. Над проведением Землеустроительной реформы работало 5.000 казенных землемеров. К 1914 году было подготовлено к выходу на хутора 2.862.000 крестьянских дворов с 25.728.000 десятин земли, вышло 2.040.000 дворов с общей площадью около 18.000.000 десятин. Обследование хуторских хозяйств, произведенное в 1911 г., выяснило, что урожайность у хуторян, по сравнению с общинниками, в среднем увеличилась на 16%, но, что особенно важно, посевная площадь их владений увеличилась на 60%.

Улучшение сельского-хозяйства, иначе говоря, улучшение быта и экономического благосостояния 75% всего населения России было постоянной заботой Царя-Мученика. Одновременно с реформами по землеустроению, очень много было сделано для улучшения сельского хозяйства и для под-

нятия сельскохозяйственной продукции. Количество начальных, средних и высших сельскохозяйственных учебных заведений быстро росло. Была создана прекрасная сельскохозяйственная пресса, среди которой особенно выделялись еженедельники: „Прогрессивное садоводство и огородничество", „Сельский хозяин" и „Хуторянин" (ежемесячник), имевшие большой тираж и дававшие подписчикам в виде приложений к ним множество книг по самым разнообразным отраслям сельского хозяйства. Русская сельскохозяйственная литература была очень обширной, очень ценной по своему содержанию и прекрасно изданной. Такие труды, как „Книга о лошади" кн. Урусова, „Огородничество" агронома Шредера и целый ряд книг агронома Кичунова, не имели себе равных во всем мире. В России было выведено много сортов плодовых деревьев, овощей, ягод и злаков. На этом поприще особенно много достиг известный русский ученый — помолог Мичурин. Туркестанские и кавказские персики, виноград, абрикосы, груши и сливы были лучшими в мире. Черноморский чернослив вытеснил в последние годы перед революцией знаменитый французский чернослив. Росло виноделие; русские крымские и кавказские вина, донское шампанское, удельное „Абрау-Дюрсо", если не превосходили, то и не уступали по своему качеству французским. Выводились новые породы скота и лошадей. Среди последних особенно выделялись по своим превосходным качествам: рысаки Хреновского гос. завода и завода графа Орлова, текинская — замечательно красивая и ценная порода лошади, исключительно выносливая сибирская, незаменимая в горах кабардинская, воронежские тяжеловозы „Битюги" и прекрасная Донская горбоносая-кавалерийская лошадь, дававшая самый большой контингент строевых лошадей для службы в армии.

Императорским Правительством по всей стране была создана сеть агрономических и ветеринарных и сельскохозяйственных испытательных пунктов. Устраивались сельскохозяйственные выставки. На выставке в Киеве в 1912 г. отделом коврового цветоводства были созданы две ковровые клумбы из низкорослых растений и цветов, представлявшие художественно воспроизведенные портреты Императора Александра I-го и Льва Толстого.

По обследованиям проф. Д. И. Менделеева климат России из всех стран Европы был наименее благоприятным для сельского хозяйства. Особенно страдало сельское хозяйство от засух, когда под влиянием дувшего из юго-восточных пустынь Азии ветра, так называемого „суховея", весь урожай Поволжья, юго-востока и юга России сгорал на корню. Такие засухи происходили иногда в течение трех лет подряд.

„До революции, — пишет проф. Пестржецкий, — в 46 губерниях Европейской России было 84 тысячи хлебозапасных общественно-крестьянских магазина. В этих магазинах оказалось натуральных запасов хлеба и овса: на 1.1.1891 г. — 94.430.410 пудов, на 1. января 1900 г. — 110.590.738 п., на 1-ое января 1907 г. — 38.847.000 пудов озимого и 178.000 четвертей ярового хлеба. На 1-ое января 1917 г. хлеба в хлебозапасных магазинах было: ржи, пшеницы и ячменя — 190.456.411 пудов и овса — 27.356.453 п. В эти цифры входит только хлеб бывший в наличности, в закромах продовольственных магазинов. Сверх того, огромное количество было за отдельными крестьянами в ссудах".

В 14-ой — последней главе своей книги проф. Пестржецкий делает выводы и приводит некоторые статистические данные. Так, например, средний размер крестьянского землевладения на 1-ое янв. 1917 г. составлял 14 десятин на двор. „Средние размеры крестьянского землевладения в России — пишет Петржецкий, — превышают средние размеры землевладения вообще где бы то ни было в Европе. В Германии, например, средний размер землевладения вообще 5,8 гектара, в других странах Европы еще меньше".

По статистическим сведениям за 1912 г. в Российской Империи состояло: 35.300.000 лошадей, на втором месте были С. Штаты, имевшие 23.015.902 лошади, крупного рогатого скота 51.900.000; второе место после С. Штатов, имевших 63.682.648 штук; овец — 84.500.000 шт., второе место в мировой продукции, после Австралии, имевшей — 85.057.402 головы; свиней 16.000.000 голов — третье место: 1-ое Соед. Штаты — 59.473.636 голов и 2-ое Германия — 21.923.707 голов.

Царская Россия была житницей Европы. „В среднем за 1909-1913 г.г., — сообщает проф. Пестржецкий, — продукция

зерна в России составляла в год 75.114.895 тонн (или 4.669.992.690 пудов). Во всех остальных странах Старого и Нового Света, вместе с рисом, собиралось 360.879.000 тонн (или 22.314.980.000 пудов). Таким образом зерновая продукция России составляла 21% продукции всего мира. Наряду с Россией наиболее крупными производителями зерна были: Соед. Штаты — 108 миллионов тонн, Германия 27 милл., Австро-Венгерия — 22 милл.. Франция — 16 милл., Канада — 12 милл. тонн".

По данным проф. Пестржецкого в 1910 г. вывоз зерна и муки составлял 848.823.000 пудов, а одругих семян — 50.908.000 пудов, т. е. почти 1.000.000.000 пудов. Россия вывозила больше зерна, муки и семян, чем Соед. Штаты и Аргентина совместо.

В России очень было развито мукомольное дело и производилось 10 сортов муки, в то время, когда в Европе производилось только 4 сорта.

Одновременно с ростом обыкновенных сельско-хозяйственных чультур, в России быстро росла и продукция специальных и высших культур. По сравнению с 1894 г., общая площадь плантаций сахарной свекловицы возросла с 289.000 до 729.000 десятин; за тот же период времени площадь хлопковых плантаций возросла с 150.000 десятин на 675.000 десятин в 1914 г. Табаку производилось 7.000.000 пудов. Ввоз русского льна в Европу составлял 2/3 общего ввоза. Ввоз зерна составлял 35% пшеницы, 94% ячменя и 80% овса общего ввоза. Россия доставляла в Европу 3,5 миллиарда яиц. Улов и заготовка рыбы в 1914 г. составляли 142 миллиона пудов. Продукция сахара стояла в Европе на первом месте, текстильная промышленность на четвертом в мире — после Англии, Германии и Соед. Штатов. Заводились собственные плантации риса и чая.

Совершенные в царствовании Царя-Мученика колоссальные сооружения в огромной мере способствовали развитию отечественного сельского хозяйства, промышленности и торговли. За этот период времени Россией было построено и оборудовано пять крупных портов: Александра III-го в Ревеле, Дальний на Ляодунском полуострове, Мурманск и Романов на Ледовитом океане и Новороссийск на Черном море.

В Новороссийске был сооружен второй в мире по емкости после чикагского, элеватор-зернохранилище с механическим оборудованием для приема, очистки, сушки и погрузки зерна на пароходы. Из Баку в Батум был проведен нефтепровод длинной в 750 верст. Все эти постройки производились исключительно русскими фирмами, из русского строительного материала, под наблюдением русских инженеров и при помощи русских техников и рабочих. В 1897 г. была закончена постройка, начатой в 1893 г. транссибирской железной дороги — „Великий Сибирский путь" общей длиной около 9.375 верст. Дорога эта была проложена через девственную тайгу, через болота и топи, через горы, через реки. Общая длина пробитых туннелей составляла 300 верст, было построено около 1.000 мостов разной величины. Дорога пересекла с запада на восток весь азиатский материк и соединила Европейскую Россию с Тихим океаном во Владивостоке. Вся эта колоссальная постройка была выполнена в рекордный срок исключительно русскими силами, т. е. русскими инженерами, водолазами, техниками рабочими и исключительно из русского материала, — начиная от ферм для мостов и кончая рельсами, шпалами и костылями. В 1902-ом году по этой дороге было открыто прямое сообщение — Париж-Берлин, Варшава, Москва, Владивосток и обратно. Культурное, хозяйственно-экономическое и стратегическое значение этой дороги было огромным.

Менее чем в полуторагодовой срок, начатая во время войны в 1914 г. и конченая в 1916 г., была построена Мурманская железная дорога длиною в 2 тыс. верст, включая все необходимые сооружения.

В 1894 г. в России имелось 31.812 верст жел. дорог, в 1917 г. — 74.000 верст и было приступлено к постройке другой грандиозной, уже провешенной, дороги — Туркестанско-Сибирской, сооружение которой было закончено уже советской властью. Для сравнения привожу данные о длине железных дорог в 1939 году: Франция имела 26.116 километров, Германия — 36.271 километров, или 33.993 версты.

2-го января 1897 г., под личным председательством Царя-Мученика, состоялось заседание финансового Комитета. На этом заседании было постановлено немедленно приступить

к проведению давно подготовлявшейся денежной реформы, — введения металлического обращения, основанного на золоте. Эта реформа подготовлялась министрами финансов: проф. и крупным ученым Н. Х. Бунге, преподававшем Государю-Мученику, в бытность Его Наследником, финансовые науки и политическую экономию, и проф. Вышнеградским. Проведение этой реформы в жизнь выпало на долю тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте. „Все это, — пишет Витте в своих воспоминаниях, — было совершено мною и приведено в исполнение совершенно против течения; я имел за собою доверие Его Величества и благодаря Его твердости и поддержке мне удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна из реформ, которая несомненно будет служить украшением царствования Императора Николая 2-го.

Против этой реформы была вся мыслящая Россия: во 1-х, по невежеству в этом деле, во 2-х, по привычке, и в 3-х по личному, хотя и мнимому интересу некоторых классов населения".

„Наконец, — пишет далее Витте, — против этой реформы в том виде, в каком я ее проводил, т. е. реформы, основанной исключительно на золоте, иначе говоря, — реформы денежного обращения, основанной на монометаллизме, — были многие из весьма компетентных и достойных финансистов..."

Единственный человек, который преодолел все эти затруднения, был Царь.

„Из изложенного краткого очерка, — пишет Витте, — видно, что в сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это — доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно Императору Николаю 2-ому".

Начавшееся частичное, по инициативе Императора Александра 3-го, введение винной монополии, в царствование Имп. Николая 2-го было закончено и в 1903 г. винная монополия была введена во всей России.

Народное образование, патриотическое воспитание и развитие спорта были предметами неустанной заботы Царя-Мученика.

В 1894 г. в средних учебных заведениях обучалось 224.179 человек, в 1914 г. — 733.387, в начальных школах Европейской России только в 1894 г. обучалось 3.275.362 ученика, в 1914 г. — 6.416.247. В высших учебных заведениях России, за исключением женских, военных и духовных, в 1914 г. обучалось 40.000 человек. По числу женщин обучавшихся в высших учебных заведениях Россия стояла на 1-ом месте в мире. Образовательный курс в России стоял очень высоко, как нигде в мире.

Народное образование в России в Царствование Императора Николая 2-го быстро развивалось. Бюджет народного образования с 40.000.000 рублей в 1894 г. достиг 400.000.000 рублей в 1914 г.. Плата за правоучение в русских университетах, по сравнению с заграничной, была исключительно низкой, — 50 (пятьдесят) рублей в год. Студенты из крестьянских, рабочих и незажиточных семей освобождались от платы за учение и были стипендиантами. Высшее образование в России не было привиллегией исключительно богатого класса, как это было заграницей. Императорское правительство всячески покровительствовало студентам и ученикам средних учебных заведений. Обследование положения студентов Московского университета выяснило, что из 4017 студентов, обучавшихся в 1899-1900 учебном году, 1957 были совершенно освобождены от платы за учение, кроме того 874 студента получали стипендии. Тоже самое было и в других университетах и в средних учебных заведениях, где приблизительно 50% освобождалось от платы. Обучение же в начальных школах было бесплатным. Студенты и учащиеся средних учебных заведений (в старших классах) имели возможность зарабатывать интеллигентным трудом, главным образом, уроками или в качестве репетиторов, или гувернеров. В Императорской России никогда не было такого положения, чтобы студент или ученик среднего учебного заведения работал на фабрике, подметал улицы, рубил двора или работал чернорабочим на постройках.

В 11-ой книге „Вестника Европы" за 1913 г. бывший лидер фракции трудовиков в 1-ой Гос. Думе И. Жилкин писал: „Снова более и более выпукло выступает одна знаменательная черта — стихийно растет дело народного образо-

вания. Неслышно, почти неуследимо (главным образом, потому что на поверхности громыхают события, сегодня волнующие нас досадой, раздражением, ожиданием, а завтра сменяющиеся такими же скучными и дутыми явлениями и быстро забываемые) совершается громадный факт: Россия из безграмотной становится грамотной... Вся почва громадной российской равнины как бы расступилась и приняла в себя семена образования — и сразу на всем пространстве зазеленела, зашелестела молодая поросль".

В 1906 г. Государственной Думой и Государственным Советом был принят законопроект министра народного просвещения П. М. Кауфмана-Туркестанского, утвержденный Царем-Мучеником, о введении в России всеобщего образования. Эта реформа в области народного образования должна была, быть законченной в 1922 году и требовала увеличение контингента учителей на 171.918 чел. В связи с этим в России ежегодно строилось 10.000 начальных школ и открывалось 60 средных учебных заведений.

В Царствование Императора Николая 2-го в России повсеместно были организованы „Потешные дружины", имевшие большое воспитательное значение, носившие специальную форму, главным образом древне-русскую-стрелецкую, обучавшиеся военному строю и военной дисциплине. Уже в 1911 г. на Марсовом поле в Петербурге, Государь произвел смотр 10.000 потешных.

В 1909 г. в Царском Селе была основана первая дружина русских разведчиков (скаутов), в которую был зачислен Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

В это Царствование было много сделано в деле призрения сирот. Все доходы от акциза на игральные карты шли исключительно на содержание женских сиротских приютов.

В царствование Имп. Николая 2-го, как и в тогдашних Соед. Штатах, подоходного налога не существовало. Вообще налоговое обложение в России было самое низкое по сравнению с другими великими державами Европы. По статистическим данным за 1912-ый год:

Налоги (в рублях) на одну душу населения составляли

Прямые:		Косвенные:	
в России	3,11	в России	5,98
в Австрии	10,19	в Германии	9,64
во Франции	12,35	в Австрии	11,28
в Германии	12,97	в Англии	13,86
в Англии	26,75	во Франции	16.00

Несмотря на это государственные доходы России с 1.410.000.000 золотых рублей в 1897 г. возросли до 3.417.000.000 зол. рубл. в 1913-ом году.

Золотой запас Государственного банка с 300.000.000 рублей в 1894 г. возрос до 1.600.000.000 р. в 1914 г. Сумма Государственного бюджета с 950.000.000 з. рубл. в 1[illegible] г. возросла до 3.500.000.000 з. рубл. в 1914 г. За все это время государственный бюджет Российской Империи не знал дефицита.

Государь Император покровительствовал отечественному капиталовложению и был непреклонным противником иностранного. Государь отлично понимал, какое отрицательное влияние может иметь иностранный капитал на внешнюю и внутреннюю политику России и на ее национальное экономическое развитие. На эту особенность Государя Витте неоднократно сетует в своих воспоминаниях. „Мне представляется, — пишет Витте в одном месте, — что это несочувствие происходило прямо от того, что Государь Император — близко не знакомый ни с финансовой историей, ни с финансовой наукой — боялся того, чтобы посредством этого пути не внести в Россию значительного влияния иностранцев". Более образованный чем Витте, обладающий большим государственным умом, которого у Витте не было, и более дальновидный, чем это предлагал Витте, Государь твердо знал, что завоевательские аппетиты международных империалистов удовлетворялись не столько пушками и генералами сколько финансистами и их золотом.

И несмотря на ограничения для иностранных капиталов, экономическое благополучие России и в частности ее промышленность быстро росли. „С конца 19 века — пишет Ленин, — промышленное развитие России происходило быстрее, чем в любой другой стране".

Вместе с тем Россия не была страной классического капитализма. Все железные дороги, за исключением небольших: Московско-Рязанско-Казанской, Владикавказской и еще одной, кажется, Юго-западной — принадлежали Государству, да и те с течением времени должны были перейти по уговору Государству, почта и телеграф были государственными, как и большинство путей сообщений; все военные суда строились на государственных верфях в Николаевске Херсонском, в Ревеле, Петрограде; все заводы выделывавшие оружие принадлежали государству — Златоустовский, Ижевский, Вятский, Тульский, Балтийский, Сестрорецкий и т. д., государство владело золотыми россыпями и рудниками, лесами, конскими заводами и другими предприятиями и паровозо и вагоностроительными заводами; наши сормовские паровозы были лучшими в Европе и не уступали по своим качествам — американским.

В России очень поощрялась кооперация и в этом отношении Россия, пожалуй, тоже стояла на первом месте в мире. В 1914 г. в России было 45.000 кооперативных сберегательных касс и вероятно около 30.000 лавок.

Интересы рабочих защищались специальным законодательством. В царствование Имп. Александра 3-го были учреждены должности фабричных инспекторов, обязанностью которых было следить за исправностью машин на фабриках и заводах и за принятием предохранительных мер и защитительных сооружений при станках для предохранения рабочих от несчастных случаев. Были введены обязательные рассчетные книжки, в которых вписывались часы работы и заработки, была запрещена работа для малолетних, подростки от 14 до 16 лет не могли работать больше 8 час., для мужчин был установлен 11 часовой рабочий день в обыкновенные дни и 10 часовой в субботы и накануне праздников. Работа на фабриках в ночное время была запрещена женщинам и подросткам мужского пола до 17-ти лет. Законом от 2-го июня 1900 г. было введено вознаграждение рабочим потерпевшим от несчастных случаев; законом от 12-го декабря 1904 г. было введено государственное страхование рабочих, такого закона не существовало еще очень долго в Соед. Штатах. 4-го февраля 1906 г. были учреждены профессиональные со-

юзы рабочих. Профессиональный союз углекопов был организован в России раньше чем в Соед. Штатах. Сельскому и городскому населению земствами оказывалась бесплатная медицинская помощь и бесплатное лечение в больницах и госпиталях. Русский врач никогда не отказывал больному ни днем, ни ночью в приеме его у себя или в поездке на дом. В больницах и госпиталях больных принимали в любое время дня и ночи, независимо от того приехал ли он самостоятельно или по распоряжению врача; были ли у него счета в банке или он был совершенный бедняк и безработный. Первой страной в мире, учредившей Департамент Народного Здравоохранения была Россия.

Знала ли обо всем этом предреволюционная интеллигенция и полуинтеллигенция России, своей революционной деятельностью подрывавшая благополучие и само существование России? Знают ли об этом сегодняшние грамотные и полуграмотные поклонники завоеваний революции прозябающие заграницей и считающие себя квинтэссенцией русской государственной мысли?

Царь-Мученик внес живую струю в религиозную и церковную жизнь России. В Его царствование состоялись прославления: в 1896 г. — Святителя Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского; в 1897 г. — Свмуч. Исидора, пресвитера Юрьевского и совместно с ним 72-х его пасомых, утопленных в 1472 г. в р. Омовже римо-католиками за стойкое исповедание Православной веры; в 1903 г. — Преп. Серафима Саровского; в 1911 г. — Святителя Иосафа Белгородского; в 1913 г. — Свят. Ермогена-Патриарха Московского, умученного поляками; в 1914 г. — Свят. Питирима, епископа Тамбовского; в 1916 г. — Свят. Иоанна, митрополита Тобольского. В 1909 г. состоялось торжественное перенесение из Киево-Печерской Лавры в Полоцк мощей Преп. Ефросинии, княжны Полоцкой.

Усилилась миссионерская деятельность. В июле 1908 г. в Киеве состоялся Всероссийский Миссионерский Съезд, на котором обсуждались меры борьбы с проникшей в Россию из Соед. Штатов в 80-годах прошлого столетия иудействующей сектой „адвентистов седьмого дня". Эта секта возникла в немецких колониях Таврической губ. и к 1901 г. насчиты-

вала 137 общин с 13-ью проповедниками. Одновременно на съезде обсуждались средства борьбы с развивавшимся атеизмом и социализмом, как с глубоко материалистическими воззрениями. В 1909-1910 учебном году в курс преподаваемого в духовных семинариях нравственного богословия был введен особый отдел „разбора и опровержения социализма". Очень успешно работали наши православные миссии в Китае, в Японии и в Святой земле. При православной миссии в Иерусалиме было учреждено, существующее и поныне Императорское Палестинское Общество. Это общество благодаря притоку средств из России, в том числе сборов производившихся по распоряжению Св. Синода во всех церквах России в Неделю Ваий (Цветную), организовывало дешевый проезд паломников в Святую землю, принимало на себя все заботы о них в страннопримных домах и гостинницах, создало целый ряд врачебных заведений, в которых оказывалась помощь, как местному населению, так и паломникам. По отчету Общества за 1901/2 г. в одной только Иерусалимской больнице насчитывалось 10.733 больничных дня, а в пяти амбулаториях была подана врачебная помощь 110.000 пациентам с бесплатным отпуском лекарств. В 1903 г. имелись мужская и женская учительские семинарии, и кроме того в Палестине и Сирии имелось 87 русских православных школ при 10.225 учащихся и 417 учебного персонала.

Росло храмостроительство и редко в каком храме не имелось пожертвований, сделанных Мученниками — Царем и Царицей. В Царствование Императора Николая 2-го и главным образом на деньги им пожертвованные, были сооружены храмы в Нью Йорке, в Буэнос-Айрес, в Каннах, в Штуттгарте, в Карлсбаде, в Меране, в Вене, в Гамбурге (два) в Киссингене, в Герберсдорфе, во Флоренции, в Мариенбаде, в Бад Наугейме, в Бухаресте, в Ницце и Лейпциге. Было введено жалование и пенсии для духовенства. Росло книгопечатание церковных и религиозных книг. Расширялась церковная и религиозно-нравственная пресса. В каждой Епархии к концу царствования Императора Николая 2-го издавались „Епархиальные Ведомости". Число церковно-приходских школ, семинарий духовных и Епархиальных — закрытых средне учебных женских заведений для дочерей духовенства быстро

росло. К 1-му января 1917 г. Св. Православная Русская Церковь возглавлялась 4 Митрополитами и 64 Епархиальными Архиереями, при которых состояло 40 викарных Епископов. Число православных с 15 миллионов при Имп. Петре I-ом возросло до 115 и более миллионов к концу царствования Императора Николая 2-го. В 1908 г. в России имелось 51.413 церквей.

В 1901 г. был Высочайше учрежден Комитет попечительства о Русской иконописи, целью которого было изыскание мер к обеспечению развития русской иконописи. В 1913 г. в Москве на Варварке была устроена выставка древних икон. „Организованная в 1913 г. — пишет историк царствования Имп. Николая 2-го Ольденбург, — в Москве Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная в Чудовом монастыре, и выставка древне-русского искусства Императорско-Археологического Института, дали возможность широким русским кругам познакомиться с русским искусством 14-17 веков, которое так ценил Государь. Художественное значение русской иконописи впервые получило должную оценку. „Эти выставки (отмечал кадетский „Ежегодник Речи") — самое крупное событие в русской художественной жизни за последние годы". (С. С. Ольденбург „Царствование Императора Николая 2-го", т. 2-ой. Мюнхен 1949 г.).

Особое внимание Царем-Мучеником было обращено на Армию. Уровень образования в военно учебных заведениях был сильно повышен. Было обращено большое внимание на дело воспитания в кадетских корпусах и в военных училищах. В связи с этим обновлен воспитательский и учительский персонал. Были учреждены военно-педагогические курсы для будущих воспитателей кадетских корпусов. Деятельным помощником Государя в деле реорганизации военно-учебных заведлений был, назначенный в 1900 г. Главным Начальником Военно-Учебных Заведений, памятный и любимый всеми их питомцами — Великий Князь Константин Константинович, человек высокой культуры, благородной души и добрейшего сердца.

В первые же дни Своего Царствования, Царь-Мученик увеличил содержание и пенсии офицерам. Производство в чины обер-офицеров было установлено: из подпоручиков в

поручики через три года, в следующие чины — через четыре года. Было повышено жалование солдатам, было увеличено число и продолжительность их отпусков, было улучшено довольствие и отпуск постельных принадлежностей. Телесные наказания, существовавшие в России единственнно в штрафных солдатских батальонах, были отменены. Особенное внимание было обращено Государем на обеспечение дальнейшей судьбы сверх-срочных унтер-офицеров, которым после выслуги ими срока, были обеспечены места с соответствующим положением в других ведомствах. В армии была введена новая походная защитная форма и новое снаряжение; желая испытать на себе накладку и удобство такового Царь-Мученик 24-го октября 1909 г., одетый в форму рядового 16-го стрелкового Императора Александра III-го полка, при полном боевом снаряжении совершил двадцативерстный переход. По просьбе командира I-ой роты, из которой были доставлены винтовка и снаряжение, Государь собственноручно выполнил все графы ее, вписал свое Имя и Фамилию и в графе „На службе с": вписал: „16-го июня 1887 г.", а в графе „На правах: вписал:" (никаких) до гробовой доски". И эти слова „до гробовой доски" были искренним выражением того, как понимал Царь-Мученик исполнение своего царственного долга — служения горячо любимому им российскому народу.

Царем-Мучеником была совершена грандиозная по своим размерам работа государственного устроения. Благополучие России в Его Царствование очень быстро достигло небывалой до того высоты. Но, давалось это Ему нелегко, так как ни в одном слое общества не было ни понимания, ни сочувствия к великодержавной политике России. Исключение составлял небольшой процент людей в среде образованного общества. Даже среди многих из своих министров Царь-Мученик не встречал сочувствия, и нередко Ему приходилось преодолевать сопротивление некоторых из них в проведении своей политики и необходимых мероприятий.

В этом отношении особенно выделялся С. Ю. Витте, который, будучи исключительно поклонником какой-то своей собственной, иногда противоречивой политики, в основном был противником великодержавной политики России. Объ-

ективностью суждения он не отличался. Всякое проявление инициативы в деле государственного управления исходившее не от него, а от другого министра или государственного деятеля, решительно им отрицалось и подвергалось пристрастной и острой критике. Будучи в основном противником великодержавной национальной русской политики, которая с такой настойчивостью и неослабевающей силой воли проводилась в жизнь Царем-Мучеником, Витте в частности был противником крестьянского землеустроения, усиления нашей государственной обороны, развития нашей промышленности на здоровых основах — путей отечественного капиталовложения, которому он с упорством противоставлял привлечение иностранных капиталов, в особенности же иностранных еврейских капиталов, что неминуемо должно было бы привести к подчинению им всей хозяйственно-экономической жизни России и было бы сопряжено с жестокой эксплоатацией, как богатств, так и самого русского народа. Витте не отдавал себе отчета в том, что агрессивная империалистическая политика Запада проводилась не так пушками и генералами, как банкирами и их золотом. Не сочувствовал он и проведению в России принудительного всеобщего образования.

Будучи министром финансов, Витте был противником усиления нашей обороны и вооружений. Так, упоминая о Начальнике Объединенных Штабов — ген.-ад. Н. Н. Обручеве, Витте в своих воспоминаниях пишет: „К сожалению он впадал в то противоречие, что одновременно требовал различных облегчений для крестьянства и настаивал на все большем и большем увеличении военного бюджета и вообще расходов по обороне".

Бывший военный министр и Главнокомандующий Дальневосточной армией — ген.ад. А Н. Куропаткин указывает в своих записках, что на четырехлетний бюджет Военного Министерства (на 1899-1903 г.г.) в 455 милл. рублей, Витте ассигновал лишь 160 милл. рублей, обрезав его таким образом до 35%! В этом отношении государственная политика Витте ничем не отличалась от „деятеля" Н. П. Милюкова и других левых представителей Государственной Думы, которые всегда голосовали против нашего военного бюджета и потом

обвиняли Императорское Правительство, точно так же, как это делал Витте, в том, что оно к войне не было подготовлено.

В значительной мере ответственность за наши поражения во время Русско-Японской войны, наряду с неумелым руководством нашими войсками ген. Куропаткиным и некоторыми другими высшими начальниками, падает и на Витте. После занятия нами Порт-Артура, рядом с ним — на Квантунском полуострове, под личным руководством Витте был построен коммерческий порт Дальний, обошедшийся России в 20 милл. золотых рублей. Благодаря же экономии, проявленной Витте в области нашей военной обороны, крепость в Порт-Артуре не была построена, порт Дальний совершенно не был укреплен и, будучи с налета захвачен японцами, оказался прекрасной базой для армии ген. Ноги, осаждавшей Порт-Артур. Витте совершенно не хотел предвидеть войны с Японией и не хотел замечать предшествовавших ей событий, которые еще задолго до того начали нагромождаться на территории Китая, как раз в том самом месте, где лежали и наши насущные государственные интересы, обуславливавшиеся не только проведением Великого Сибирского Пути, но и нашим выходом к Великому океану в незамерзающей бухте. Огромная многомиллионная страна, какой была Россия, не имела свободного выхода в море: выход из Черного моря находился в руках Турции, выход из Балтийского моря — был в руках Дании и Скандинавских стран и в стратегическом отношении находился под контролем германского и английского флотов; наш единственный порт на Великом океане — Владивосток, большую часть года был покрыт льдами и потому был недоступен для судоходства, стратегически он находился под контролем Японии, полукруг островов которой его почти запирал.

В 1841 г. англичане захватывают Гонконг. В 1885 г. Франция аннексирует Индо-Китай (сегодняшние Лаос, Камбоджа и два Вьетнама). С 1882 г. начинается интенсивное политическое и финансовое влияние Японии в находившемся тогда под протекторатом Китая, Корейском королевстве, вызвавшем между Японией и Китаем целый ряд вооруженных столкновений, вылившихся в 1894 г. в войну, окончившуюся

полным поражением Китая и начавшуюся затоплением японцами большого каравана китайских судов без объявления войны. В результате военных действий, Япония захватила о. Формозу и весь Ляодунский полуостров, которые и были ей уступлены Китаем по Симоносекскому мирному договору. Таким образом, Япония переходила на материк. Россия же могла не позволить Японии укрепиться на Ляодунском полуострове. Россия, заручившись предварительно согласием Германии и Франции, поставила Японии ультиматум, в котором Японии предлагалось покинуть эту территорию, взамен за уплату ей Китаем контрибуции. Япония была вынуждена согласиться.

С 1895 г. Японская экспансия в Корее начинает быстро расти. Япония оккупирует своими войсками Корею, где поселяются десятки тысяч японских колонистов, где Япония устраивает дворцовые перевороты, проводит железные дороги, захватывает в свои руки почту и телеграф.

В 1896 г. Россия заключает с Китаем тайный военно-оборонительный союз против Японии и договор о постройке прямой ветви транссибирской жел. дороги: из Читы — по китайской территории, через Харбин, — во Владивосток. Через 36 лет Китай имел право выкупить эту, так называемую Восточно-Китайскую жел. дорогу, а через 80 лет она по договору переходила к нему бесплатно.

Презрительное и жестокое отношение японцев к корейцам вызывает в Корее волну восстаний. Корейский король обращается за помощью к России, вследствие чего в Корею посылаются русские финансовые советники и военные инструктора. В 1896 г. между Россией и Японией состоялось соглашение о разделе влияния в Корее.

В 1897 г. Германия без всякого повода захватывает Кио-Чао, Франция — бухту Гуань Чжо-вань, Португалия обосновывается в устьях реки Кантон — в Макао, Англия захватывает Вей-хай-вей и гоотвится занять Порт-Артур.

На фоне того хаотического состояния, в котором находится Китай, интересы России, находящейся на 1/3 азиатского материка, где лежит ее будущность, попадают под угрозу со стороны экспансии Японии и Европейских коло-

ниальных стран и сталкиваются с торговыми интересами Соед. Штатов.

15 марта 1898 г. Россия заключает с Китаем договор на аренду сроком на 25 лет Квантунской области с ее портами: Порт-Артур и Далиенван и дает разрешение на проведение Южно-маньчжурской ветви железной дороги через Мукден к Порт-Артуру.

Несмотря на то, что в дальнейшем Россия шла на все уступки по отношению к интересам Японии в Корее и в Маньчжурии и что Россия в Далиенване построила порт Дальний, объявленный коммерческим и свободным для судов всех государств мира, без взимания каких либо торговых пошлин и других торговых оплат (портофранко), конфликт с Японией назревал.

В 1902 г. Англия заключила военно-оборонительный союз с Японией. Приехавший в Соед. Штаты японский принц Фушима был принят там весьма приветливо и получил заверения в поддержке на том основании, что Соед. Штаты имеют общие с Японией не только коммерческие, но и политические интересы (!). Англией и Соед. Штатами была оказана Японии политическая поддержка и широкая экономическая и финансовая помощь. Кроме того, Японии было оказано деятельное участие в создании первоклассного современного флота. С моральной стороны политику Англии и Соед. Штатов на Дальнем Востоке, в ту эпоху, можно рассматривать по-разному, но последовавшие затем события в Пирль-Харборе, на Филиппинах, и в Гонконге, в Австралии и на просторах Великого океана, убедительно показывают, что дальновидной она не была. Еще больше это подтверждает, последовавший затем распад Великобритании, превратившуюся в маленькую Англию, политическое состояние современного Китая, корейские и вьетнамские войны и общий экономический кризис всего мира.

Мнение же Витте о том, что Русско-Японская война была вызвана русскими лесными концессиями в Корее — на пограничной реке Ялу, больше напоминает детский лепет, нежели мнение государственного деятеля.

Американский летописец русско-японской войны С. Гейлер о концессии отставного ротмистра Безобразова на р.

Ялу имел, повидимому, свое особое мнение, когда он писал: „Россия должна была найти свой собственный выход к свободным гаваням Печелийского залива, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и Великая Сибирская Империя осталась бы гигантским тупиком". То, что понимал американец Гейлер, не понимала русская „передовая" интеллигенция и шедший у нее на поводу государственный деятель Витте.

Несмотря на всю ненависть и предупреждение к Царскому режиму со стороны советских заправил, все же в Красном Архиве Красной Армии напечатана следующая оценка мнения Витте: „Нет более убогого взгляда на вопрос, чем взгляд буржуазных радикалов, сводивших всё дело к концессиям на Ялу. Концепция об авантюрах различных придворных клик является не только недостаточной, но и убогой". Это, как раз та самая концепция, которая была создана С. Ю. Витте в его воспоминаниях.

Во время японской войны, не без помощи Витте, мы потерпели ряд поражений, но войну мы не проиграли; — мы проиграли мир, так как не довели войну до конца.

В своей очень беспристрастной, правдиво написанной книге бывший доблестный Главнокомандующий Войсками Юге России ген. штаба генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин пишет: „1-го января 1905 г. пал Порт-Артур. Событие это, хотя и не было неожиданным, но тяжело отозвалось в армии и в стране. Комендант крепости, ген. Стессель, не был на высоте положения. Впоследствии он был присужден военным судом к смертной казни, замененной Государем 10-летним заключением в крепости. Душою обороны Порт-Артура был начальник его штаба, ген. Кондратенко, и, если бы его не сразил неприятельский снаряд, крепость продержалась бы, быть может, еще несколько недель. И только. Во всяком случае, гарнизон Порт-Артура выказал доблесть необычайную. На незаконченных и далеко несовершенных верках крепости гарнизон силою в 34 тысячи в течение 233 дней отбивал яростные атаки японцев, удерживал почти треть японской армии (4-5 дивизий Ноги, т. е. 70-80 тыс., не считая пополнений); потерял только убитыми и умершими 17 тыс., выведя из строя 110 тыс. японцев; при сдаче крепости

гарнизон насчитывал 13,5 тыс., из них много больных, в особенности цынгой и куриной слепотой. Порт-Артур — славная страница Маньчжурской компании".

„Могли ли маньчжурские армии вновь перейти в наступление и одержать победу над японцами?

Этот вопрос и тогда, и в течение ряда последующих лет волновал русскую общественность, в особенности военную, вызывал горячие споры в печати и на собраниях, но так и остался неразрешенным. Ибо человеческому интеллекту свойственна интуиция, но не провидение.

Обратимся к чисто объективным данным.

Ко времени заключения мира русские армии на Сипингайских позициях имели 446½ тыс. бойцов (под Мукденом — около 300 тыс.); распологались войска не в линию, как раньше, а эшелонировано в глубину, имея в резерве общем и армейских более половины своего состава, что предохраняло от случайностей и обещало большие активные возможности; фланги армии надежно прикрывались корпусами генералов Ренненкампфа и Мищенки; армия пополнила и омолодила свой состав и значительно усилилась технически гаубичными батареями, пулеметами (374 вместо 36), составом полевых железных дорог, беспроволочным телеграфом и т. д.; связь с Россией поддерживалась уже не тремя парами поездов, как в начале войны, а 12 парами. Наконец, дух маньчжурских армий не был сломлен, а эшелоны подкреплений шли к нам из России в бодром и веселом настроении.

Японская армия, стоявшая против нас, имела на 32% меньше бойцов. Страна была истощена. Среди пленных попадались старики и дети. Былого подъема в ней уже не наблюдалось. Тот факт, что, после нанесенного нам под Мукденом поражения, японцы в течение 6 месяцев не могли перейти вновь в наступление, свидетельствовал по меньшей мере об их неуверенности в своих силах.

Но ...войсками нашими командовали многие из тех начальников, которые вели их под Ляояном, на Шахе, под Сандепу и Мукденом. Послужил ли им на пользу кровавый опыт прошлого. Проявил ли бы штаб Линевича более твердости в отношении подчиненных генералов и более стратегического уменья, чем это было у Куропаткина? Эти вопросы

вставали перед нами и естественно у многих вызывали скептицизм.

Что касается лично меня, я, принимая во внимание все „за" и „против", не закрывая глаза на наши недочеты, на вопрос — „что ждало бы нас, если бы мы с Сипингайских позиций перешли в наступление?" — отвечал тогда, отвечаю и теперь: — Победа!

Россия отнюдь не была побеждена. Армия могла бороться дальше. Но... Петербург „устал" от войны более, чем армия. К тому же тревожные признаки надвигающейся революции, в виде участившихся террористических актов, аграрных беспорядков, волнений и забостовок, лишали его решимости и дерзания, приведя к заключению преждевременного мира".

Русская армия, которая в японскую войну проявила свою традиционную беззаветную жертвенность и героизм, для „прогрессивной" интеллигенции, весь прогресс которой фактически выражался в прогрессивном параличе ее национального самосознания, в униссон с Витте, рассматривалась как „привилегированное сословие". Принесенные ею на Алтарь Отечества жертвы не могли быть оценены по заслугам ни радикальным обществом, ни радикальным министром, и они не были оценены.

Наоборот, окрыленные нашими военными неудачами политиканы левого и либерального лагеря пришли к заключению, что настало время для достижения их заветной цели — захвата власти в свои руки. Начался мятеж — левая революция 1904-1905 г.г.

Ей предшествовало назначение Витте на пост председателя Кабинета Министров, которое состоялось 17 авг. 1903 г. и было вызвано увольнением его с поста министра финансов, так как дальнейшее его оставление на этом посту стало совершенно невозможным, в связи с его упорной систематической опозицией по всем статьям государственного бюджета, тормозившей все государственные начинания и нужды страны. Государь отлично знал все его недостатки, но ценил одновременно в нем его несомненные таланты: бюрократические и дипломатические способности, изворотливость и многолетний государственный опыт. Оставление Витте в составе

правительства обуславливалось еще и тем, что в это время был недостаток в лицах, способных к занятию министерских должностей; — П. А. Столыпин еще не был открыт.

Поставленный лицом к лицу с наступившей революцией, угрожавшей самому существованию России, Витте сразу и окончательно струсил и решил плыть по течению.

Революция и шедший у нее на поводу Витте и были теми двумя факторами, которые заставили Государя принять предложение Президента Соед. Штатов Теодора Рузвельта — начать мирные переговоры с Японией. Предложение о мире исходило от Японии, ввиду того затруднительного положения, в котором она очутилась благодаря начатой войне и из которого она вышла исключительно благодаря той революционной анархии, в которую наша просвещенная и полупросвещенная интеллигенция погрузила собственную свою родину в момент ее тяжелой борьбы с внешним врагом.

Министр иностранных дел граф Ламсдорф подал Государю в связи с этим докладную записку, в которой он указал на три основных пункта возможных требований Японии на мирной конференции; 1) — отказ от всякого влияния в Корее, 2) уплата контрибуции и 3) ограничение наших военных и морских сил на Дальнем Востоке. На докладной записке гр. Ламсдорфа Государь собственноручно написал: „Я готов кончить миром не Мною начатую войну, если предложенные условия будут отвечать достоинству Россия. Я не считаю нас побежденными, наши войска целы и Я верю в них.” В вопросе о Корее Государь написал: „в этом вопросе я согласен на уступки, — это не русская земля”. Относительно контрибуции Государь высказался следующими словами: „Россия никогда не платила контрибуций, и Я на это никогда не соглашусь”. Слово „не соглашусь” было Его Величеством три раза подчеркнуто. Относительно наших вооружений Государь выразил свое мнение следующими словами: „и это недопустимо, мы не разбиты, можем продолжать войну, если нас вынудят к тому неприемлемыми условиями”.

Нашу делегацию возглавил Витте, которому записка с резолюцией Государя и была вручена, как руководство для ведения переговоров.

Сперва японцы требовали уплаты им контрибуции, ограничения наших сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке и даже японского контроля над их составом. И хотя Витте, в посланной им Государю телеграмме, советовал Ему идти на уступки, Государь, одним словом своей ответной резолюции: „Никогда!", дал понять и Витте и японцам, что решение Его твердо. Не Витте, а именно Государь проявил непоколебимую твердость в отстаивании интересов России. После заключения мира, Царь-Мученик сказал В. Н. Коковцеву: „Я рад, что мир заключен и что Витте очевидно понял, что контрибуции Я ни в коем случае не уплачу, хотя бы мне пришлось воевать еще два года".

На революционное движения в России Япония, как и Германия в 1914-1917 г., тратила крупные средства. После войны, натиск левой и либеральной общественности на правительство усилился, в результате вся Россия оказалась охваченной революционным движением. Любимец либеральных кругов Витте, вместо принятия решительных шагов против крамолы, стал уверять Государя в необходимости дать народное представительство, после чего, по его мнению, революция должна была прекратиться. Желая избежать кровопролития, сама мысль о котором была противна Царю-Мученику, Он, в Манифесте от 18-го февраля (3-го марта) 1905 г. объявил о своем решении учредить законовещательную Государственную Думу. 6/19 авг. 1905 г. был издан манифест об учреждении Государственной Думы, волна революционного движения продолжала расти. Дарованная 27 авг. (9 сент.) 1905 г. университетам автономия превратила их в очаги революционного движения. 9/22 окт. 1905 г. граф Витте подал Государю докладную записку, в которой он настаивал на дальнейших уступках революционной общественности. 17/30 окт. 1905 г. Государь издал Манифест о преобразовании законосовещательной Думы в законодательную, с одновременным провозглашением свободы совести, слова, собраний и союзов. Революционные и либеральные круги, желание Царя-Мученика миролюбивым образом покончить с нестроениями приняли как явную слабость правительства, как победу революционного движения. Вакханалия беспорядков, террора и всеобщих забастовок была

ответом на миролюбивый, полный государственного понимания шаг со стороны Царского Правительства. Государь увидел, что никакие уступки не могут более остановить требования обнаглевших левых кругов общества, все более и более погружавших страну в пучину анархии. В своем письме к Императрице-Матери в Копенгаген Царь-Мученик в следующих словах описывает заседания Совета министров под Его председательством: „Говорят много, делают мало. Все боятся действовать смело; мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее"....

В результате Царь-Мученик берет в свои руки руль государственного корабля и, благодаря своей твердой решимости и непреклонной воле, в несколько месяцев восстановливает порядок. Левая подлинная революция была подавлена.

11/24 дек. 1905 г. издан был государственный закон о выборах в Госуд. Думу, вскоре после этого был преобразован в полувыборное учреждение Госуд. Совет, ставший таким образом верхней палатой русского парламента. По выборам в первую Думу большинство получила партия конституционных демократов — 190 мест, трудовики — 94, беспартийные, главным образом крестьяне, — 100, народные меньшинства — 70, несколько умеренных социалистов, и социал-демократы меньшевики — 17. Большевики, социал-революционеры и крайние правые выборы бойкотировали. 23 апр. (6 мая) граф Витте был уволен в отставку, — на его место было назначен И. Л. Горемыкин, вместо министра внутренних дел П. Н. Дурново, был назначен П. А. Столыпин. Первая Дума была открыта 27 апреля (10 мая) 1906 г.. Она представляла собой сборище горланов и демагогов; работа с ней правительства оказалась совершенно невозможной. 9 (22) июля 1906 г. Дума была распущена. 178 ее членов, главным образом, к. д. собрались в Выборге, где организовали вооруженное восстание. Лица подписавшие выборгское возвание были арестованы, судимы и присуждены к нескольким месяцам тюремного заключения. В июле того же года премьером был назначен П. А. Солыпин. Выборы во 2-ую Думу, открытую 20 февр. (5 марта) 1907 г., дали еще более левый состав ее. Огромное количество революционеров, заседавших в этой Думе было представлено полуинтеллигенцией, и получила

она прозвище „Думы народного невежества". Эта Дума отвергла аграрную реформу Столыпина, а социал-демократическая ее фракция явно подготовляла вооруженное восстание. На квартире рижеского соц.-демократа Озоля был произведен обыск и был обнаружен обличающий действия этой фракции материал, указывающий на подготовку к свержению существующего строя. Столыпин потребовал от Думы выдачи вожаков и согласия на их арест. Дума в требовании Столыпину отказала и 3 (16) июня была распущена. Страна отнеслось к новому избирательному закону спокойно, а к новой — 3-ьей Госуд. Думе, более работоспособной, доброжелательно. Она была предсталена 154 октябристами, 72 националистами и умеренно правыми, 92 кадетами и прогрессистами, 52 правыми социалистами, 18 социал-демократами, 14 трудовиками и рядом представителей мелких партий и групп. Государственный Совет оставался на прежнем положении и оказывал большое противодействие реформам Столыпина. Особенно противодействовал Столыпину в его начинаниях бывший членом Государственного Совета Витте, который не мог простить Столыпину, что он вывел страну на путь мирных реформ, переменив свои политические воззрения на гораздо более правые, чем у Столыпина. В своем письма от 12(25) января 1906 г. Государь писал о Витте: „Теперь он хочет всех вешать и расстреливать... никогда не видел такого хамелеона... почти никто ему больше не верит. Приостановленный революцией экономическо-хозяйственный рост государства, за последнее десятилетие Царствования Царя-Мученика пошел буквально гигантскими шагами". Дайте России 25 лет спокойной жизни и вы ее не узнаете", — говорил Столыпин. Враги русской государственности этого не желали. В 1914-ом году России была навязана Германией новая война. К моменту победоносного завершения этой войны, 4-ая Государственная Дума решила добиться того, что не удалось первым трем. В эти судьбоносные для России дни Дума стала требовать от Царя-Мученика парламентизма, т. е. передачи ей государственной власти, путем учреждения ответственного перед ней министерства. Насколько эта идея была дико антигосударственной можно судить потому, что парламенты таких стран, как Англия и Франция, отказались во время войны от многих своих привилегий, и премьеры

Англии — Давид Ллойд Джордж и Франции — Клемансо получили диктаторские полномочия. Демократические Соединенные Штаты Америки за все свое существование не знали, что такое ответственное министерство, и назначение и увольнение министров до сих пор зависит исключительно от воли президента Соед. Штатов.

В своем историческом труде „Очерки русской смуты" ген. Деникин сообщает о том, что ген. Алексеев, Начальник Штаба Государя, неоднократно советовал Государю согласиться на требования думского прогрессивного блока и дать ответственное министерство. Но, ген. Алексеев, будучи прекрасным Начальником Штаба и талантливым стратегом, не был политиком и, не имея опыта в управлении государством, не мог предвидеть то, что твердо знал Царь-Мученик, а именно, что в ответственное министерство войдет безответственная, политиканствующая преступная мразь, которой нужна была не великая Россия, а великие потрясения и удовлетворение своих личных вожделений, во вред Российской государственности, т. е. та самая, которая требовала ответственного министерства и составила из себя преступное и безответственное Временное правительство, которое в рекордный 7-месячный срок превратила великую Российскую Державу, уже выигравшую великую войну, в ничто, распоров ее по всем швам.

Долгом генералитета было неуклонное исполнение данной Царю и России присяги о верной службе, вместо того, чтобы, вопреки ей, пускаться в политические размышления и в стачки с политиканами.

В связи с событиями совершившимися в царствование Царя-Мученика, у многих современников этой эпохи, ровно как и у пришедшего им на смену поколения, возникли два кардинальных, связанных между собою вопроса: „нужна ли была российскому народу революция?" и „правильно ли поступал Царь-Мученик, защищая основы самодержавной власти?"

Все вышеизложенное мною со всей своей очевидностью свидетельствует о том, что революция, кроме ненужных вреда, страшных страданий, моря крови и рабства, ничего иного российскому народу не принесла; поэтому она не только не

была для него неизбежно необходимой, но, наоборот, была для него неизменено убийственной; и потому прав был Царь-Мученик, защищая самодержавную власть — единую оберегавшую общенародные интересы в целом, а не частные классовые или партийные эгоистические интересы, главным образом, возглавителей всевозможных клик, беспощадно разрушивших все то, ныне недосягаемо прекрасное, что было сущностью Императорской Самодержавной и Великодержавной России. Чтобы не быть голословным привожу мысли по этому вопросу, высказанные великими по духу и уму своему русскими людьми:

„Научись, Россия —, проповедывал Св. Иоанн Кронштадтский, — веровать в правящего судьбами мира Бога-Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры... Возстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда, чашу и — вам и России".

„Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению... Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты — безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония".

„Бедное Отечество, когда ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов".

В предисловии к своей книге умирающий великий русский ученый Д. И. Менделеев завещает русской интеллигенции: „Не революция нам нужна, а эволюция". —

„Поэтому я не могу не высказаться, — пишет далее Менделеев, — заметив, без всяких уступок и в явном противоречии с социалистами, коммунистами и всякими иными политиканствующими, — что суть дела, по мне, вовсе не в общественно-политических строях и передрягах, а в таком явном умножении народонаселения, которое уже не уклады-

вается в прежние сельско-хозяйственно-патриархальные рамки, создавшие Мальтусов, да требующие войн, революций и утопий. Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой „политики" яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского".

10 мая 1907 г. свою речь произнесенную в Гос. Думе П. А. Столыпин заканчивает следующими словами: „Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия".

В другой своей речи Столыпин говорит: „Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы для России — то завтра в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования вверг бы Россию в геену огненную".

„Конечно должны произойти великие перемены, — писал А. С. Пушкин; но не должно торопить времени, и без того довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества".

„Не приведи Бог, — писал Пушкин, — видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, которым и своя шейка — копейка, и чужая головушка-полушка".

„Всякое нарушение Самодержавия —, писал проф. П. И. Ковалевский, — немедленно влечет за собою подрыв благосостояния нации и крепости государства. Враги нашей родины, как внешние, так и внутренние, прекрасно знают это и всеми способами стараются извратить исторические факты нашего прошлого и подорвать, в глазах особенно легковерных русских, величие и значение этого принципа в нас самих".

„Либерализм, — писал известный русский философ К. Леонтьев, — как медленно действующий яд, приведет к одному результату — революции и смерти России".

„Душа наша знает, — писал П. С. Лопухин, — что Правда государства — в христианской власти. Святая Русь всегда верна Правде. Сыны Св. Руси или те, кто надеется быть сыном ее, стоят за Царя, Царское служение, потому что, как Св. Русь, они не знают иного способа установления Христианской власти".

„До издыхания будь верен Царю и Отечеству!" — поучает бессмертный Суворов.

„Императорская власть — святыня, палладиум порядка, прогресса, свободы и славы народа" — твердит проф. Катков.

12 апр. 1848 г. великий прозорливец Ф. И. Тютчев писал: „Давно уже в Европе существуют две действительные силы — Революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, может быть завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны, — существование одной из них равносильно смерти другой".

„Социализм — это ложь", — пишет Ф. М. Достоевский, пророчески изобразивший советскую власть в своем романе „Бесы", — „с которой вместе придут зависть, сладострастие и жестокость".

„Социализм — это порабощение личности и могила всякой свободы". В. Белинский.

„В Государственной Думе четырех созывов не было с самого же начала, — пишет знаменитый русский мыслитель В. В. Разонов, — ровно ничего государственного, у нее не было самой заботы о государственном и государевом деле. Сам высокий титул „Думы" к ней не шел и ею вовсе не оправдывался. Ибо в ней было, что угодно другое, кроме „думанья".

Государственная Дума была представлена русской интеллигенцией, той, самой, о которой в своей „Критике русской революции" (1921 г. Белград) бывший марксист проф. П. Б. Струве писал, что она была больна редкой болезнью: „полной атрофией национального чувства".

Н. Д. Тальберг, в своей книге „Отечественная быль", пишет: „На заседании депутатов 4-х Дум, происходившем 27 апр. 1917 г. в Таврическом дворце, председатель последней Думы, М. В. Родзянко, говорил: „Государственная Дума 4-го созыва, возглавившая революцию, считала, что она оберегает честь и достоинство России, которые так долго попирались старым отжившим режимом". „Семена, посеянные первой Думой, дали здоровые всходы, и ни Столыпин, ни закон 3-го июня, не могли помешать этим всходам. Теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, сулящего небывалый урожай", — возглашал председатель второй Думы Головин. „Она (4-ая Дума) еще крепче связала себя в памятный день 27 февраля, когда вся палата, со своим председателем во главе, первая стала на путь революционный, который привел нас к нынешнему положению", — заявлял член 1-ой Думы Винавер. „Даже не желая этого, мы революцию творили" — откровенничал Шульгин. „Поэтому, господа, нам от этой революции не отречься. Мы с нею связались, мы с нею спаялись и за нее несем моральную ответственность". Подробный отчет об этом заседании приведен в газете „Рус. Слово", № 94 от 28 апр. 1917 г.".

Из всего этого видно, как дальновиден был Государь в своем убеждении не давать ответственного министерства.

Благодаря железной воле Царя-Мученика, левая революция — 1905 г. была подавлена, была бы подавлена и совершавшаяся на средства иностранного капитала революция 1917 г., если бы ей не предшествовал заговор, который сразу парализовал все действия Государя, — та чудовищная и подлая глупость, которую предвидеть было невозможно, так как гнездилась она в правых кругах, даже в ближайшем окружении Царя-Мученика, и которую Он охарактеризовал тремя словами своей записи в дневнике: „Глупость, измена и обман".

Революция 1904-1905 г. не дала России возможность докончить войну, революция 1917 г. вырвала у нее из рук победу и уничтожила ее государственный быт. Памятником ей служат 100 миллионов трупов российского народа и уничтожение всего его достояния.

Государь проявил железную волю неоднократно, несмотря ни на какие опозиции, но особенно выпукло выделяется она во время 2-ой мировой воины, которой Он не желал и которая была навязана ему Германией, спровоцированной Англией. Германский Император, в его стремлении к войне, основывал свои расчеты на победу на том основании, что в своих закулисных дипломатических отношениях с Англией, он заручился ее обещаниями в войну не вмешиваться. И действительно, в начале конфликта, Англия вела такую политику, которая могла и должна была укрепить веру германского императора в то, что сохранит нейтралитет. Французский посол в России Морис Палеолог уделяет в своих воспоминаниях много места тому, как Царь-Мученик все время убеждал его влиять на немедленное и решительное выступление английского правительства, которое единственное могло остановить завоевательные стремления Германии. „Если Англия открыто выступит в конфликте на стороне своих союзников, то Император Вильгельм никогда не решится на такой безумный шаг", — твердил Государь. Англия выступила тогда, когда начались уже военные действия. Это предательство англичан было зафиксировано Германией выпуском почтовых марок с надписью: „Боже, покарай Англию".

Так начались те роковые для всего мира события, которые постепенно привели его в состояние перманентного политического, хозяйственного и духовного кризиса и поставили само его бытье под знаком вопроса.

Н. Чухнов

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Надо поражаться и над этим обстоятельством сильно задуматься, что, в наше материалистическое время, в Нью Йорке, вышла эта только что прочитанная книга, посвященная светлой памяти Государя Императора Николая II Александровича.

Большевицкая пропаганда неумолчно твердит, что „эпоха царизма" ушла в небытие, оставив в народном сознании лишь горестные воспоминания. Та же пропаганда убеждает русский народ, что расселившиеся по свету „царисты" растворились в иностранном мире, а немногие оставшиеся в живых свидетели величия Империи Всероссийской влачат жалкое существование в домах для престарелых

Но, как же так случилось, что ни гражданская война, ни мытарства в чужеземных странах, ни концлагеря Сибири, ни длительное рабство в СССР, под дулом чекистского нагана, — не стёрли в памяти истиннорусских людей благородного лика Царя Мученика и его Царственной Семьи; благодарного воспоминания о днях „дофевральских"; о той счастливой поре, когда не было ни колхозов, ни НКВД, ни принудитель-

ных работ, ни трудодней, ни концлагерей, ни расстрелов, ни диктатуры „партии и правительства"?

Мы не ошибёмся, если укажем, что все авторы этого сборника родились не позже 1900 года. Большинство из них, пройдя через огонь противобольшевицкой войны, вот уже пятьдесят лет живёт под чужим небом, а некоторые выбрались из советского ада, в результате 2-ой мировой войны, и тоже уже двадцать пять лет как расселились по всем континентам Земли, полагая, что „бывший подданный Империи Всероссийской" звучит во всём мире иначе, чем — „советский гражданин".

И пусть не думают советские соловьи-разбойники, что благоговейная память об Императоре Николае Втором утвердилась только в Российском Зарубежье. Нет, память о Царской России, её Государях, о Святой Руси, особенно о зверски убиенном Царе неизбывно жива в самом СССР и передается из поколения в поколение, из рода в род, всюду выискивающими памятники прошлого, незабываемого в веках и этим потомкам даже реально неведомого. В этом — всепобеждающая мистика царской власти, в этом незыблемость монархической идеи, в этом безнадежность марксизма, коммунизма, социализма и демократизма.

Мы, политические эмигранты, составляющие Российское Монархическое Движение, знаем, что там, в огромном концлагере, именуемом СССР, русские сердца бьются в унисон с нашими.

Сборник „Государь Император Николай II Александрович" — наглядное доказательство живучести монархической идеи. Вот, как-то получилось, что авторы этой книги, через 50 лет после февральского и октябрьского бунтов, в чужих странах, часто больные и немощные, в постоянных заботах о существовании, сумели столь трогательно передать младшим поколениям свои свидетельства о событиях, умонастроениях, условиях быта той страны, которая была разрушена изменой и коварством.

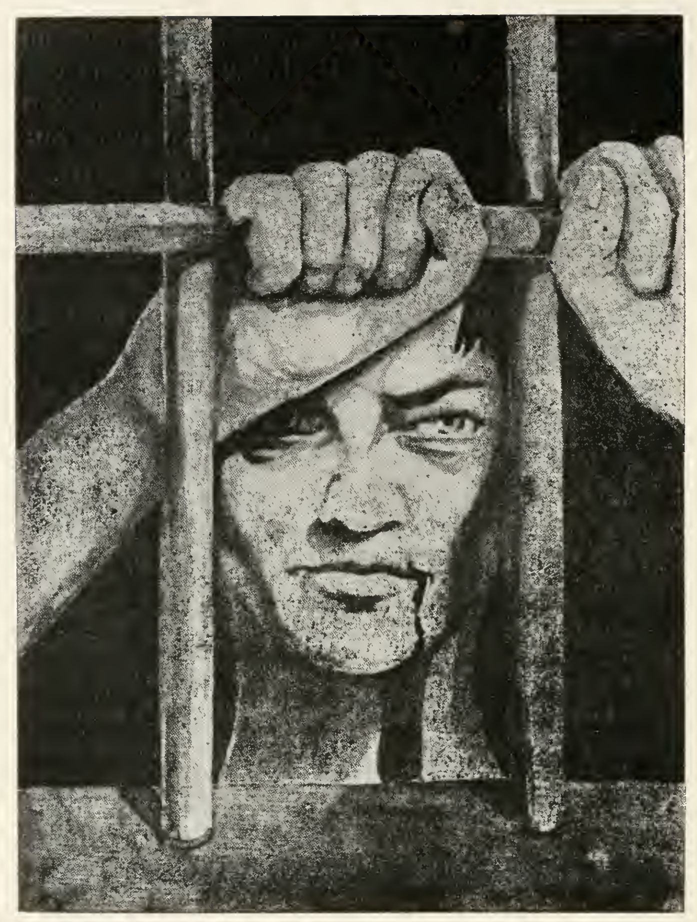
И разве авторов этих прекрасных статей, предварённых вступлением митрополита Филарета, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, можно заподозрить, на склоне их лет, после пятидесятилетнего пребывания вне России, — в при-

страстности, в субъективности, в неверном освещении фактов, в намеренных искажениях. Нет! Как Евангелие от Иоанна, любимого ученика Христова, свидетельствующее о жизни и крестном пути Спасителя, — неопровержимо, так нельзя отрицать опубликованные в этом сборнике факты.

Как здесь, в Зарубежье, так и там, в Подъяремье, для молодежи, среди которой уже воспитались непреклонные борцы за будущую Россию, — эта книга будет ценным подспорьем для оправдания нашего славного прошлого и утверждения восходящего будущего.

И велика заслуга перед Россией „Всеславянского Издательства", издание такой книги осуществившего; редактора её, С. В. Завалишина, столь любовно собравшего весь материал; князя С. С. Белосельского-Белозерского, это издание материально поддержавшего, и всех авторов, кровью сердца своего начертавших правдивые словеса о том, что было и чего забыть нельзя.

И да ведает Русская Земля, что только грядущая монархия, может спасти Россию от конечной погибели и вывести из 50-летней темницы её исстрадавшийся народ.

Великомучениче Царю Николае, моли Бога о насъ!

И ЕЩЕ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Приступая к изданию настоящего Сборника, я никогда не представлял себе, что мне, маленькому и „молодому" человеку, придется командовать столь „большим парадом", где участники не только профессора и господа офицеры, но даже большое количество генералов и при том генерального штаба. Многие из участников-составителей Сборника могут свободно, по возрасту и положению, быть моими отцами.

И вот, все эти сотрудники-составители Сборника легко и с полным и привычным чувством воинской дисциплины старых Русских Офицеров встали в строй по ранжиру и почтили память Царя-Мученика своими воспоминениями, по случаю 100-летия со дня Его рождения.

Насколько каждый считал себя обязанным принять участие в составлении этого Сборника, показывает то, что очень многие из сотрудников писали свои воспоминания лежа на больничных койках, после только что перенесенной тяжелой операции; многие писали не сразу, а по-частям; писали, не имея в большинстве случаев никаких пособий под рукой, а лишь по памяти то, что лично, видели и пережили.

От всех намеченных мною сотрудников я отказа не получил. Некоторые, по состоянию здоровья, „поскрипели" немного, но тень Царя-Мученика заставила их даже лежа на больничной койке, принять положение „смирно!" и взяться за перо.

Наш Сборник несколько запоздал, но принимая во внимание вышеизложенную обстановку, приходится удивляться, что он вообще вышел в свет.

Издательство приносит читателям и подписчикам свое извинение за независящее от нас некоторое опоздание, а Вам, дорогие участники по составлению нашего Сборника, шлю низкий земной поклон и сердечную благодарность.

Можно сказать, в наших условиях, выполнено невыполнимое.

Сергей Завалишин
редактор-издатель

СОДЕРЖАНИЕ: